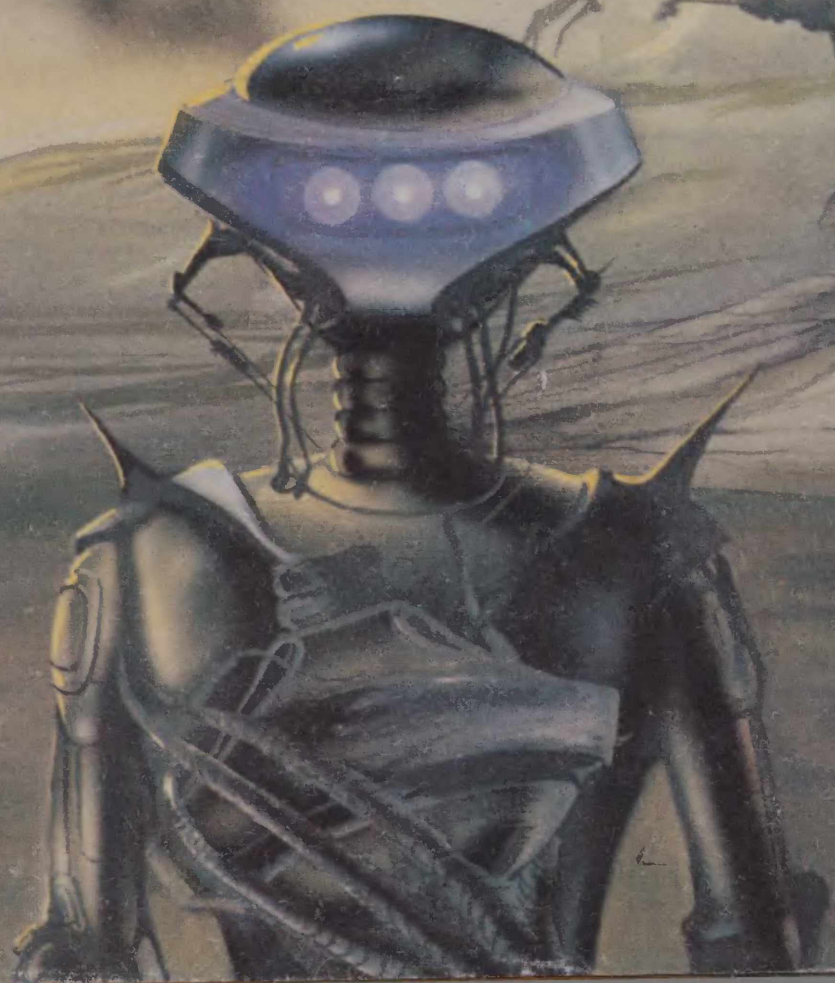

13

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

ЗАСЕЯННЫЕ ЗВЕЗДЫ

**МОСКВА
Объединение
“Всесоюзный молодежный
книжный центр”
1992**

- З 36 Засеянные звезды. Сборник фантастических романов.
Пер. с англ.— М.: Объединение “Всесоюзный молодежный
книжный центр”, 1992.— 384 с.

Произведения, включенные в сборник, принадлежат перу известных американских писателей-фантастов и повествуют об извечной проблеме борьбы Добра и Зла, любви, могуществе человеческого разума.

З $\frac{4703010600-000}{022(01)-93}$ Без объявл.

ISBN 5-7012-0132-5

© Макет. Агентство «СФИНС СПб», 1992
© Оформление. Составление. Объединение «ВМКЦ», 1992
© Оформление суперобложки. ТОО «МИМ», 1992

ДЖЕЙМС БЛИШ

ЗАСЕЯННЫЕ ЗВЕЗДЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОГРАММА «СЕМЯ»

1

Двигатели корабля загудели вновь, но Свени не заметил перемены. Когда из настенного динамика донесся голос Майклджона, Свени все еще лежал, пристегнутый к койке, упиваясь безмятежным спокойствием, какого никогда не испытывал раньше и какое, вероятно, не смог бы описать даже самому себе. Хотя пульс не пропал, во всем остальном он мало отличался от мертвого. Понадобилось несколько минут, чтобы он отозвался на призыв капитана:

— Свени, ты меня слышишь? У тебя... все в порядке?

Эта запинка заставила Свени усмехнуться. С точки зрения Майклджона и прочих непосвященных, Свени совсем не был в порядке. В сущности, он был мертв. Не зря же его поместили в, изолированную кабину с отдельным воздушным шлюзом для выхода из корабля. Да и тон Майклджона — таким тоном не обращаются к человеку, а только к существу, которое нужно держать в особом, надежно запертом помещении, скорее защищающем Вселенную от его содержимого, чем наоборот.

— Конечно, я в норме, — отозвался Свени, отстегивая ремень и садясь на койке. Он проверил показания термометра: все те же 90 градусов выше нуля — средняя температура на поверхности Ганимеда, третьего спутника Юпитера. — Просто задремал. Что случилось?

— Вывожу корабль на орбиту. Сейчас мы примерно в тысяче миль от Ганимеда. Я подумал, не захочешь ли ты взглянуть на него.

— Еще бы. Спасибо, Майки.

— Да... — донеслось из динамика, — потом нам нужно будет поговорить.

Свени ухватился за поручень и ловко подтянулся прямо к крохотному иллюминатору — единственному в каюте. Для существа, чей организм с самого рождения приспособлен лишь к одной шестой гравитации Земли, невесомость была допустимой крайностью, ведь и сам он был допустимой крайностью.

Свени выглянул наружу без особого интереса: он в точности знал, что ему предстоит увидеть, по фотографиям, картам и телезаписям. Сколько раз дома, на Луне, и еще на Марсе он наблюдал в телескоп это огромное овальное пятно — Трезубец Нептуна. Так его называли первые исследователи пространства вокруг Юпитера, потому что на старой карте Хови оно обозначено греческой буквой «пси». Имя выбрали удачно: выяснилось, что это глубокое море, расширяющееся к востоку, где оно занимает пространство от 120 до 165 градуса долготы и от 10 до 36 градуса северной широты. Конечно, если можно назвать морем толщи льда каменной твердости, покрытого трехметровым слоем минеральной пыли.

К востоку от Трезубца до самого полюса тянется Впадина — сотрясаемая обвалами долина, которая переползает через полюс в другое полушарие и становится все шире, по мере того как спускается ниже, к югу. (Ниже — потому, что для пилотов и астрономов «верх» там, где север). Ни на одной другой планете нет ничего подобного. Хотя из космоса, если подходить к Ганимеду по сто восьмидесятому меридиану, она напоминает Большой Сырт на Марсе. Однако это обманчивое сходство. Большой Сырт — самая приятная местность на Марсе, а Впадина — она и есть Впадина.

На восточной границе этого грандиозного каменного шрама вздыбилась безымянная гора высотой в три километра. На карте Хови она отмечена буквой «пи». Ее легко можно различить с Луны в хороший телескоп. Когда через долготу Впадины проходила линия терминатора, вершина горы сверкала в темноте, как маленькая звезда.

От подошвы горы к Впадине отходило полкообразное плоскогорье, почти отвесно обрывавшееся, — удивительное явление в мире, где не встретишь других феноменов тектонической складчатости. На этой полке и обитали адаманты.

Свени довольно долго смотрел вниз на вершину, сверкающую под солнечными лучами. Странно — почему он ничего не испытывает? Ни волнения в предчувствии встречи с себе подобными, ни тревоги, ни даже страха. После двухмесячного затворничества в каюте-барокамере должна казаться благом любая

перемена обстановки, а он по-прежнему был погружен в безмятежное спокойствие. И лишь гора вызвала у него мимолетное любопытство, гора, обозначенная буквой «пи» на карте Хови. Свени перевел взгляд на Юпитер. Дико расцветенный чудовищной величины шар висел в каких-то шестистах тысячах миль от него. Живописно, но что ему до того?

— Майки? — позвал он, заставив себя снова посмотреть на Впадину.

— Я тут, Свени. Как тебе вид?

— Похоже на рельефную карту. Ничего особенного. Где вы меня посадите?

— Думаю, особого выбора у нас нет, — голос Майклдждона зазвучал увереннее. — Только на большое плато, больше некуда. Хови обозначил его «эйч».

Свени с легким отвращением осмотрел темный овал. Ни одного укрытия — как в центре моря Кризисов на Луне. Он поделился опасениями с собеседником.

— Ничего не поделаешь, — спокойно ответил Майклдджон.

Корректирующие двигатели дали несколько импульсов. К Свени на секунду возвратился вес, но исчез прежде, чем его успело швырнуть в сторону. Корабль вышел на орбиту. Свени не мог определить, останется ли корабль висеть над той точкой, где он находится сейчас, или будет перемещаться над Ганимедом. Но спрашивать не стал. Чем меньше он знает, тем лучше.

— Да, падать придется долго, — пробормотал он. — И атмосфера здесь не самая плотная в системе. Нужно, чтобы я упал где-то у горы. Не хочу потом ползти две сотни миль через все плато.

— Если ты опустишься чересчур близко у горы, — возразил Майклдджон, — они смогут запросто засечь парашют. Может быть, лучше выпустить тебя во Впадину? Там столько валунов, трещин и прочегохлама, что радары окажутся совершенно бесполезными. У них не будет ни единого шанса засечь такую мошку, как человек на парашюте.

— Нет уж, спасибо. Остается еще оптическое наблюдение, а фольгу парашюта даже адаптанты не спутают с обломком скалы. Нужно высаживаться на другом склоне. Там я буду одновременно и в радарной, и в оптической тени. Кроме того, как я смогу выбраться из Впадины? Не зря ведь они установили станцию слежения на краю обрыва.

— Это верно, — согласился Майклдджон. — Так, катапульта уже нацелена. Иду одеваться. Встретимся снаружи, на корпuse.

— Ясно. Только скажи, что вы собираетесь делать, пока меня не будет. Чтобы в случае чего не свистел впустую, вызывая вас.

Послышался металлический стук — открывали отсек скафандров Свени. Он уже надел крепежные ремни парашютов. Чтобы натянуть респиратор и ларингофоны, потребовалось всего десять секунд. Больше Свени ничего не требовалось для защиты от среды, в которой человек мгновенно бы погиб, не будь на нем скафандра.

— Я останусь здесь на триста дней. Все системы, кроме самых необходимых, будут отключены, — произнес голос Майклджона откуда-то издалека. — Предполагается, что ты к тому времени уже как следует изучишь обстановку и познакомишься с колонистами. Я буду готов в любую минуту принять сообщение на условленной частоте. Тебе нужно послать лишь оговоренный набор букв. Я введу сообщение в компьютер, тот выдаст инструкции, и я поступлю в соответствии с ними. Если через триста дней от тебя не будет вестей, я помолюсь за душу бедняги Свени и отправлюсь восвояси. Больше, бог — свидетель, мне ничего неизвестно.

— Достаточно и этого, — спокойно ответил Свени. — Пойдем.

Свени вышел наружу через личный шлюз. Как и у всех межпланетных кораблей, у корабля Майклджона не было внешней обшивки. Он состоял из модулей, включавших жилую сферу и соединявшихся паутиной блоков и растяжек. Одна из самых длинных Т-образных балок была сейчас направлена в сторону объекта «эйч». Эта балка и должна была послужить катапультай.

Свени поднял голову, глядя на шар спутника. Знакомое ощущение падения на миг вернулось к нему. Он опустил взгляд и смотрел на корабль, пока это ощущение не угасло. Очень скоро он отправится к Ганимеду.

Из-за выпуклости жилой сферы показалась фигура Майклджона, скользящего по металлу кабины. В мешковатом скафандре именно он казался сейчас нечеловеком.

— Готов? — спросил капитан.

Свени кивнул и лег лицом вниз на направляющую балку, зашелкнув в положенных местах крепления упряжи. Он чувствовал прикосновение перчаток Майклджона к спине — тот закреплял ранцевую реактивную установку. Но он ничего не видел, кроме деревянных салазков, которые будут предохранять тело от огня.

— Порядок, — сказал пилот. — Удачи.

— Спасибо. Давай отсчет, Майки.

— Пять секунд до старта. Четыре, три, две, одна, пошел!

Реактивный ранец завибрировал и довольно ощутимо стукнул Свени между лопатками. Мгновенное ускорение надавило на

ремни парашютной упряжи, салазки помчались вдоль направляющей балки.

Потом, освобожденные, они отделились и по дуге ушли куда-то вниз, быстро исчезнув среди звезд. Отделился и ранец и помчался вниз и вперед, извергая огонь из сопла. Волна жара от двигателя, хотя и мгновенно рассеявшаяся, все же вызвала у Свени головокружение. Потом ранец исчез. Он разовьет такую скорость, что после удара о поверхность образуется небольшая воронка.

Остался лишь сам Свени, падавший вниз головой на поверхность Ганимеда.

2

Свени всегда хотел быть человеком. Он хотел этого с того момента, подернутого дымкой воспоминаний, когда понял, что рамки его персональной Вселенной ограничены куполом в недрах Луны. Смутное, но сильное желание со временем перешло в ледяную тоску по несбыточному, дававшую о себе знать в манере держаться, во взгляде на мир и в снах, которые по мере взросления Свени приходили все реже, но приняли форму кошмаров, на несколько дней оставлявших его полуоглушенным, словно он чудом уцелел после катастрофы.

Приставленный к Свени отряд психологов, психиатров и аналитиков делал что мог. Но они мало что могли. Предмет исследований был слишком далек от того, с чем привыкла иметь дело психиатрия, создаваемая людьми и для людей. Кроме того, члены научной команды расходились в том, что нужно считать основной целью терапии: примирение Свени с его нечеловеческой сущностью или, наоборот, укрепление надежды на человеческое будущее.

Факты были просты и неумолимы. Свени — адаптант, существо, приспособленное к свирепому морозу, слабой гравитации и жиденькой атмосфере Ганимеда. Кровь в его сосудах, клетки тканей на девять десятых состояли из жидкого аммиака. Кости его — лед, дыхание — сложная водородно-метановая цепочка реакций, основанная не на железосодержащем катализирующем пигменте, а на разрыве и восстановлении мостика сульфидной связи. При необходимости, он смог бы продержаться долгие недели на диете из одной каменной пыли.

Таким он был всегда, еще до зачатия. Клетка, из которой развился зародыш Свени, до оплодотворения подверглась целому

комплексу воздействий — избирательной обработке ядами, игловой рентгенотерапии, специальному метаболическому активированию и пятидесяти другим операциям с непроизносимыми названиями. Вкупе все это окрестили «пантропологией», что в вольном переводе означало «трансформация всего», — так оно и было.

Пантропологи не ограничились изменением внешности и цикла жизнедеятельности Свени — они вторглись в его духовный мир, обучение и не делали из этого тайны. Доктор Алфкон как-то, беседуя со Свени через интерком, гордо объяснил, что по мановению руки адаптированные люди не возникают. Даже клетка-зародыш имела позади себя сотню поколений, ступенчато изменявшихся из поколения в поколение, пока не возникла зигота, достаточно далеко ушедшая от теплой белковой жизни ко льду, цианидам и всему прочему, из чего сделаны такие мальчики, как Свени. Доктор Алфкон был снят с должности, когда в конце недели команда психологов прослушала записи всех разговоров Свени.

К счастью, Свени никогда не слышал известного детского стишка о том, «из чего только сделаны мальчики», и не стал жертвой эдипова комплекса. Он заметил, конечно, что доктор Алфкон не появился в урочное время, но в этом не было ничего особенного. Ученые приходили и уходили, перемещаясь внутри большой, тщательно охраняемой пещеры только в сопровождении вежливых, щеголеватых полицейских Порты. Ученых редко хватало надолго, в псих-команде чувствовалось постоянное возбуждение, иногда выливавшееся в яростные словесные баталии, в которых спорящие сильно напрягали голосовые связки. Свени так и не выяснил, в чем тут дело, — связь со внешним миром обрывали сразу, как только поднимался крик. Но он заметил, что некоторые из голосов уже больше никогда не принимали участие в спорах.

— А где доктор Эмори? Ведь это его день.

— Он закончил вахту.

— Но я хочу с ним поговорить. Он обещал мне книгу. Разве он уже не вернется навестить меня?

— Не думаю, Свени. Как это ни печально, но он уволен. Не волнуйся, у него все хорошо. Книгу я тебе принесу.

После третьего подобного случая Свени в первый раз позволили выйти на поверхность Луны — правда, с охраной из пяти человек в скафандрах. Это не помешало Свени насладиться свободой, которая показалась ему огромной. Он почти не ощущал защитного костюма, невесомого по сравнению с неуклюжими вакуумными скафандрами полицейских, так пьянил первый глоток

свободы, которую ему предстояло получить — если верить намекам — после того, как он выполнит свое предназначение. Он даже сможет увидеть Землю, где живут люди.

О своем предназначении он знал едва ли не с того момента, когда начал сознавать себя, и это знание стало его второй натурой. В него вдалбливали это знание, и всякий раз наставления заключала фраза-приказ: «Эти люди нам нужны, и нужны здесь. Мы должны вернуть этих людей».

Пять слов — но в них заключался смысл работы и самого существования Свени. В них его единственная надежда. Адаптанты должны быть пойманы и возвращены на Луну, точнее, под купол Порта — единственное, кроме Ганимеда, место, где они могли существовать. И если всех захватить не удастся, он должен вернуться хотя бы с доктором Якобом Рулманом. Только Рулман знал главный секрет — как превратить адаптанта в нормального человека.

Свени понимал, что доктор Рулман и его товарищи — преступники, но в чем заключается их преступление, он никогда не задумывался. Слишком неполными и схематичными были его знания. Одно было ясно: колония на Ганимеде возникла без разрешения Земли. Колонисты воспользовались методами, которые не одобрялись Землей (не считая особых случаев вроде Свени), и Земля хотела со всем этим покончить. Не силой, потому что вначале надо завладеть знаниями Рулмана, а с помощью такого тонкого произведения науки, каковым являлся Свени.

«Мы должны вернуть этих людей!»

После этого, намекали воспитатели — прямо ничего не обещали, — Свени, возможно, трансформируют в человека и он получит свободу побольше той, что ощущал, прогуливаясь по лунной поверхности в сопровождении пяти охранников.

Обычно после такого намека начинались ссоры среди научной команды. Любой нормальный человек быстро заподозрил бы, что обещания имеют под собой более чем зыбкую почву, а Свени очень рано стал подозрительным. Но это была единственная надежда. Выбирать не приходилось. К тому же обрывки разговоров навели его на мысль, что споры шли не о возможности обратной трансформации адаптантов. Например, Эмори однажды взорвался: «Но, предположим, Рулман был прав и...» — шелк... звук выключили. Прав — в чем? И может ли нарушитель закона быть в чем-то правым? Потом был один техник, который сказал: «Стоимость — вот в чем недостаток терраформирования». Что он имел в виду? Всего через минуту его поспешили выслать из камеры с неожиданным поручением. Таких обмолвок было много, но Свени так и не удалось сложить из них целостную картину.

Он решил, что прямого отношения к его шансам стать нормальным человеком они не имеют, и не стал ломать голову.

Единственной реальностью был приказ. Приказ и ужасные сны. «Мы должны получить их обратно!» Эти слова и заставили Свени, словно в неотвязном кошмаре, падать вниз головой к поверхности Ганимеда.

3

Адаптанты обнаружили Свени, когда он одолел половину большого перевала. Он никого не узнал — этих лиц не было на фотографиях, которые он запомнил. Легенду они приняли доверчиво. И усталость имитировать не пришлось: подъем в гору оказался долгим и изнурительным.

Свени с удивлением обнаружил, что дорога ему по душе. Впервые он остался один, свободный от надзора полицейских и телеобъективов. Он попал в мир без стен, где чувствовал себя как дома. Воздух был густым и вкусным и заметно холоднее, чем в куполе на Луне. Откуда-то налетали ветра. Вместо серого потолка он видел иссиня-черное небо, на котором поблескивали искорки звезд.

Все же нужно быть осторожным. Слишком уж все легко и приятно. Его предупреждали, но кто бы мог подумать, что встреча с этой планетой подействует так... умиротворяюще, что ли?

Молодой адаптант быстро прошел с ним остаток пути. Колонисты — кроме Рулмана — показались ему в такой же степени нелюбопытными, как и безликими. Рулман был другим. Удивление и сильное недоверие отразились на его лице, когда в комнату ввели Свени.

— Невероятно! — воскликнул Рулман, — это совершенно невозможно! — И замолчал, с макушки до пяток осматривая вновь прибывшего. Выражение недоверия стало слабее, но ненамного.

Длительный осмотр позволил Свени приглядеться к Рулману. Тот выглядел старше, чем на фотографиях, но это можно было понять. Впрочем, возраст меньше сказался на его внешности, чем Свени ожидал. Ученый оказался худощавым, уже начинающим лысеть человеком с покатыми плечами. Заметное брюшко, заметное на фотографиях, полностью исчезло. Очевидно, жизнь на Ганимеде закалила его. Фотографии не подготовили Свени к восприятию его взгляда — глаза у Рулмана сидели глубоко,

спрятавшись под тенью лохматых бровей, как у совы, и были такие же пронзительные и немигающие.

— Кто вы такой? — изрек наконец Рулман. — И как вы сюда попали? Вы не из наших. Это очевидно.

— Меня зовут Дональд Леверо Свени, — представился Свени. — Возможно, я не принадлежу к вашему обществу, но моя мама говорила, что я один из вас. И сюда я добрался на ее корабле. Она сказала, что вы меня примете.

• Рулман покачал головой.

— Это невозможно, потому что невероятно. Извините меня, мистер Свени, но вы свалились на нас как снег на голову. Очевидно, вы сын Ширли Леверо. Но как же вы сюда добрались? Как вам удалось выжить? Кто вас укрывал, кормил, воспитывал с тех пор, как мы покинули Луну? И, наконец, как вам удалось улизнуть от полиции? Мы знаем, что Управление обнаружило лунную лабораторию еще до того, как мы ее покинули. Я с трудом верю своим глазам.

Тем не менее удивление угасало на лице Рулмана с каждой минутой. «Ключет», — решил Свени. И немудрено — перед ним стояло живое существо, дышавшее воздухом Ганимеда, легко передвигающееся в его поле тяготения, холодную кожу которого покрывала мельчайшая пыль Ганимеда. Факт среди других неоспоримых фактов.

— Да, ищетки нашли большой купол, — продолжил Свени. — Но им так и не удалось отыскать малый, пилотский. Папа взорвал соединительный тоннель еще до их посадки. Сам он погиб под оползнем. Когда это случилось, я, конечно, был еще клеткой в пробирке.

— М-да-а... — протянул Рулман. — Помню, приборы засекли взрыв перед самым стартом. Но мы решили, что рейдеры начали обстрел, хотя и не ожидали этого. Они ведь не разрушили большую лабораторию?

— Нет, — согласился Свени. Зачем отрицать то, что могло быть известно Рулману — переговоры между Землей и Луной должны были приниматься даже здесь. Пусть случайная и неполная, но все же информация у них имелаась. — Несколько линий внутренней связи уцелело, и мама часто слушала, что там происходит. И я тоже, когда достаточно подрос. Именно таким образом мы и узнали, что колония на Ганимеде еще существует и до сих пор не разбомблена.

— Но где вы брали энергию?

— В основном от собственной стронциевой батареи. Все было надежно экранировано, и полицейские не смогли засечь посторонние поля. Когда батарея начала садиться, мы тайно под-

ключились к основной энергетической линии. Вначале мы брали понемногу, но потом, когда осмелели,— все больше и больше.— Он пожал плечами.— Но они все равно бы нас обнаружили — раньше или позже. Так в конце концов и случилось.

Рулман молчал, и Свени догадался, что собеседник сопоставляет его возраст Свени с периодом полураспада строения и с хронологией адаптантов. Цифры, конечно, отлично совпадали. Легенда, которой его снабдили, учитывала мельчайшие детали вроде этой.

— И все-таки это поразительно,— заговорил Рулман.— При всем моем уважении к вам, мистер Свени, в это трудно поверить. Чтобы Ширли Леверо смогла пережить такие испытания и притом совершенно одна. Чтобы она выходила ребенка, к которому даже не могла прикоснуться без помощи манипулятора,— а обращаться с ним куда менее удобно, чем с атомным реактором. Я помню ее — бледная, всегда немного унылая женщина. Роберт был связан с проектом, и она постоянно попадалась мне на глаза... — Он нахмурился, вспоминая.— Она всегда повторяла: «Это дело Роберта». И все. Проект ее не касался.

— Ее делом был я,— спокойно сказал Свени. Полицейские пытались научить его изображать в голосе горечь и тоску, когда он говорил о матери, но ему так и не удалось воспроизвести нужные интонации. Но он обнаружил, что если протарабанить слоги почти подряд, проглатывая окончания, это произведет нужный эффект.— Вы ее недооцениваете, доктор Рулман. А может, она сильно изменилась после гибели папы. Решимости у нее было на десятерых. И она за это в конце расплатилась. Жизнью...

— Мне очень жаль, извините,— мягко сказал Рулман.— По крайней мере, вам удалось спастись. Я уверен, что большего она не могла желать. А откуда взялся корабль, о котором вы упомянули?

— Он всегда у нас был. Как я понял, это папин корабль. Он был спрятан в природной трубообразной каверне, рядом с нашим куполом. Когда полиция ворвалась в мониторинговую, я выбрался через боковой люк на куполе, пока мама их... задерживала. Я ничего не мог сделать...

— Конечно, конечно,— тихо произнес Рулман.— Вы бы и секунды не выжили в том воздухе. Вы поступили совершенно правильно. Продолжайте.

— В общем, я поднялся на корабль. У меня не было времени спасти что-то, кроме себя. Они все время меня преследовали, но не стреляли. Кажется, один из их кораблей до сих пор обращается вокруг Ганимеда.

— Мы прочедем небо и все выясним. Но мы все равно ничего не сможем с ним поделать, разве что держать под наблюдением. Очевидно, вы выпрыгнули с парашютом?

— Да. Иначе у меня совсем бы не осталось шансов — им явно нужно было перехватить меня во что бы то ни стало. Сейчас они, без сомнения, нашли мой корабль, да и координаты колонии им уже известны.

— О, они им известны с самого начала, с момента основания нашей колонии,— заметил Рулман.— Вы смелы, мистер Свени, и вам сопутствует удача. С вашим появлением вернулось то тревожное чувство, которого я не знал уже много лет, с самого побега. Надо спешить... Но остается еще одна проблема.

-- Какая? Если я могу вам помочь...

— Сделаем один анализ,— сказал Рулман.— Ваш рассказ кажется весьма правдоподобным, во всяком случае все факты сходятся. И я не вижу другого объяснения тому, что вы сущестуете. Но мы должны все же в этом убедиться.

— Конечно,— согласился Свени.— Не будем откладывать.

Рулман, приглашающе взмахнув рукой, вывел его из кабинета через низкую каменную дверку. Они оказались в коридоре, так похожем на многочисленные переходы подземных поселений на Луне, что Свени даже не обратил внимания на то, куда они идут. Естественная гравитация и свежий воздух действовали на него успокаивающе. Не тревожил Свени и предстоящий анализ, так как он твердо знал, что повлиять на результат не может. Или эксперты правильно «слепили» его, или... или у него уже не будет шанса стать человеком.

Кивком головы Рулман направил Свени в проем двери. Они оказались в прямоугольной комнате с низким потолком. На лабораторных столах поблескивало множество разнообразных стеклянных предметов. Как и во всех помещениях на Луне, чувствовалась работа кондиционеров. Из-за пульта дистиллятора, в котором бурлила жидкость, навстречу Свени и Рулману вышла невысокая девушка с блестящими волосами, с очень белыми ладонями и аккуратными маленькими ногами. На ней были белая рабочая куртка и сливового цвета юбка.

— Здравствуйте, доктор Рулман! — обратилась она к ученому.— Я могу вам помочь?

— Можешь, если оставишь ненадолго без присмотра дистиллятор, Майк. У нас новичок. Нужен тест на идентификацию типа. Справишься?

— Думаю, да. Только приготовлю сыворотку.— Она подошла к другому столу, достала ампулы и принялась их встряхивать, рассматривая на просвет в лучах настольной лампы.

Свени наблюдал за ней. Он и раньше видел женщин-техников, но все они были так... далеки, и никто из них не держался с такой свободной грацией. У него немного закружилась голова. Только бы его оставили в покое и ни о чем не спрашивали... Ладони вспотели, а в венах запульсировала кровь. Не хватало еще заплакать.

Он неожиданно оказался во власти пробудившейся зрелости, и ему это совсем не понравилось.

Но его обычная осторожность не уснула окончательно. Он вспомнил, что девушка совсем не удивилась его появлению, как и те двое, что привели его в колонию. Почему? Неужели доктор Рулман единственный, кто знает всех колонистов в лицо? У поселенцев было достаточно времени, чтобы изучить лица друг друга до мельчайшей морщинки, наизусть запомнить жесты, манеру поведения.

Девушка взяла Свени за руку и на миг цепочка мыслей прервалась. Что-то больно укололо средний палец, и Майк стала отбирать капли крови Свени в лужицы голубоватой жидкости, по три в ряд расположенные на стеклянной пластинке. Такие стекла Свени уже доводилось видеть — предметные стекла микроскопов.

И все-таки почему местная молодежь не удивилась его появлению? Может, все дело в возрасте? Основатели поселения должны знать любого товарища в лицо, а вот колонисты второго поколения... Второе поколение?.. Значит, колонисты могли иметь детей! Об этом Свени и не подозревал — на Луне об этом даже не упоминали. Конечно, лично для Свени это ничего не меняло. Ни в малейшей степени.

— Вы дрожите! — обеспокоилась девушка. — Больно? Может, вы лучше присядете?

— Садитесь, садитесь! — тут же воскликнул Рулман. — Вам и так пришлось перенести большое напряжение. Ручаюсь, все пройдет через минуту.

Свени благодарно опустил на табурет и постарался побыстрее освободиться от посторонних мыслей. Девушка и Рулман тоже сели на табуреты возле стола, изучая в микроскоп небольшие пятнышки крови.

— Группа крови нулевая, резус-фактор отрицательный, — сказала девушка. Рулман стал записывать. — Ц — отрицательная, CDE/CDF, Лютерн-А — отрицательная, Колли-Седанс — отрицательная, Льюис-А — минус, Б — плюс.

— Гмм, — буркнул Рулман, слив все звуки в один. — Даффи-А — минус, Джейн-А, У — плюс, иммунопластичность по Бредмери — 4, несерповидная. Очень чисто. Что скажешь, Майк?

— Хотите, чтобы я сравнила данные? — спросила девушка, задумчиво глядя на Свени.

Рулман кивнул, девушка подошла к Свени и уколола другой палец, потом отошла к столу. Щелчок пружинного ланцета — игла коснулась пальца девушки. Наступила тишина.

— Совпадает, доктор Рулман.

Рулман повернулся к Свени и впервые с момента встречи улыбнулся.

— Вы прошли тест,— сказал он с неподдельным удовлетворением.— Добро пожаловать, мистер Свени. Вернемся в мой кабинет и поговорим о том, как вас устроить. Работы у нас очень много. Спасибо, Майк.

— Всегда к вашим услугам, доктор Рулман. До свидания, Свени, очевидно, мы с вами еще не раз встретимся.

Свени неуклюже кивнул в ответ. Только в кабинете Рулмана он мог снова спокойно говорить.

— Для чего был нужен этот анализ, доктор Рулман? Вы определяли параметры моей крови? И что вы скажете?

— Тест подтвердил вашу искренность,— сказал Рулман.— Группа крови и другие факторы передаются по наследству. Они очень строго следуют законам Менделя. И параметры вашей крови показывают, что вы в самом деле тот, за кого себя выдаете,— потомок Боба Свени и Ширли Леверо.

— Понимаю. Но вы сравнивали мою кровь с кровью девушки. Для чего?

— Для уточнения некоторых частных факторов, встречающихся только внутри семьи. Видите ли, мистер Свени, по нашим данным, Микаэла Леверо — ваша племянница.

4

По крайней мере в десятый раз за последние два месяца Майк в изумлении уставилась на Свени. Она была удивлена и встревожена одновременно.

— И кто только,— спросила она,— вбил тебе это в голову?

Вопрос, как и все ее вопросы, таил в себе опасность, и Свени медлил с ответом. Майк уже привыкла, что он отвечает не сразу, а иногда словно и вовсе не слышит. Пока что явная патологическая интроверсия Свени оберегала его от подозрений, что он сознательно избегает трудных или опасных тем.

Но рано или поздно подозрения возникнут — в этом Свени был уверен. Он не имел опыта обращения с женщинами, но успел убедиться, что Майк — незаурядная женщина. Быстрота ее восприятия иногда казалась ему равной телепатическому ясно-видению. Он обдумывал ответ, облокотившись на поручень и глядя вниз, во Впадину. С каждым днем время обдумывания приходилось сокращать, хотя вопросы не становились проще.

— Полиция, — сказал он. — Если я не мог узнать что-то от мамы, тогда источником информации для меня была полиция. Их разговоры я подслушивал по уцелевшим линиям связи.

Майк тоже смотрела вниз, в туман Впадины. Был теплый летний день, очень долгий — в три с половиной земных дня. Спутник сейчас подошел к солнечной стороне Юпитера и вместе с ним приближался к Солнцу. Нежный ветер, обдувавший камни, не шевелил гигантские зеленые побеги ползучих растений, которые заполняли дно долины множеством жестких листьев, похожих на миллионы зелено-голубых лент Мебиуса.

Внизу все казалось погруженным в спокойствие, хотя спокойствия там как раз и не было. Корни ползунов, используя короткое время расцвета, настойчиво вгрызались в стены долины, рождая новые деревья и новые осколки. В теплую погоду лед-4 начинал скачками превращаться в лед-3, с грохотом меняя объем, и кристаллическая вода вызывала обвалы и оползни, раскалывая массив на глыбы. Свени знал физику процесса — такое случалось и на Луне. Но там причиной была перекристаллизация льда-1 в слоях гипса.

Отдаленный грохот, приглушенный расстоянием шум далеких подвижек грунта — обычные летние звуки активности Впадины. И для уха Свени они были такими же мирными, как и жужжание пчелы для уха землянина. И как всюду, где есть растения, воздух наполняла приятная свежесть, специфический аромат битвы органической и неорганической стихий, который умиротворяет живое существо, позволяя забыть о собственных битвах со смертью.

Ганимед был восхитительным миром, хотя и не для землянина.

— Не понимаю, зачем полицейские то и дело ввали друг другу, — сказала Майк. — Они же прекрасно знают, что никакие мы не пираты. Мы даже ни разу не взлетали с Ганимеда. Да и не могли бы взлететь, даже если бы захотели. Что за бред?

— Не знаю, — ответил Свени. — Мне никогда и в голову не приходило, что они говорят неправду. Если бы я заподозрил обман, то стал бы искать намеки, объяснение этой лжи. Но у меня этого и в мыслях не было. А теперь уже поздно — остается только гадать.

— Но ты наверняка что-то слышал. Поройся в памяти, может, это сохранилось, Дон.

— Хорошо, — сказал Свени, — возможно, они не знали правды. Нет закона, где бы говорилось, что полицейский должен получать от начальства только правдивую информацию. Начальство на Земле, а я и полицейские были на Луне. И говорили они вполне убедительно. Тема эта возникала в их разговорах то и дело, как бы невзначай. Словно они обо всем хорошо знали и были во всем уверены. Уверены в том, что колония грабит пассажирские лайнеры везде вплоть до орбиты Марса. Для них это был факт. Вот как я об этом узнал.

— Звучит правдоподобно, — согласилась Майк. Тем не менее на Свени она не смотрела. Вместо этого она еще ниже наклонила голову и всматривалась во Впадину, сцепив перед собой ладони. Ее маленькие груди касались поручней. Свени глубоко вздохнул. Запах ползучих стеблей и жестких листьев вдруг повеял тревогой.

— Скажи, Дон, — произнесла она, — когда ты впервые услышал разговор полицейских на эту тему?

Его внимание было внезапно — словно ударом кнута, оставившим в мозгу красный вздувшийся рубец, — возвращено к главной проблеме существования. Майк опасна, очень опасна, и он ни на миг не должен этого забывать.

— Когда? — переспросил он. — Точно не помню. Все дни были на одно лицо. Где-то ближе к концу. Еще мальчиком я привык, что они говорят о нас, как о преступниках. И я не мог понять почему. Потом решил — просто оттого, что мы такие. Но для меня это не имело смысла. Ни я, ни мама никогда не нападали на космические лайнеры, уж в этом я был уверен.

— Значит, уже в конце. Я так и думала, они начали вести такие разговоры примерно тогда, когда энергия вашей батареи уже подходила к концу. Правильно?.

Свени долго обдумывал вопрос — раза в два дольше, чем обычно. Он уже знал, куда ведут разговоры с Майк. Быстрый ответ таил в себе смертельную опасность. Нужно было создать видимость мучительных воспоминаний, вытаскивания, выжимания из прошлого информации, как бы бессмысленной для Свени.

Некоторое время спустя он сказал:

— Да, примерно тогда. Я стал сокращать длительность подслушивания. Энергии оно брало не очень много, но тем не менее ее надо было сберечь. Она нам была жизненно необходима. Возможно, я пропустил нечто важное, что объясняло бы это несоответствие. Это вполне возможно.

— Нет, — мрачно обронила Майк. — Думаю, ты услышал все, что мог услышать. Все, что ты должен был услышать. Должен!

И думаю, ты истолковал услышанное именно так, как этого хотели они, Дон.

— Может, так оно и было, — медленно отозвался Свени, — но не забывай, что я тогда был мальчишкой. Я все воспринимал буквально. Но это значит, что они прекрасно знали о нашем существовании. Странно. Кажется, мы тогда еще не начали красть у них энергию. Мы все еще планировали установить на поверхности солнечную батарею.

— Нет, нет, они наверняка узнали о вашем существовании еще за несколько лет до полета на купол, до того как вы начали подключаться к их линии. Рудман недавно говорил об этом. Есть очень простые способы засечь утечку или подключение к телефонной сети. Да и вашу стронциевую батарею тоже не удалось бы долго скрывать. Они выжидали до тех пор, пока не убедились, что смогут вас захватить наверняка. А тем временем скормливали вам дешевую информацию.

Итак, легенде, придуманной полицейскими, пришел конец. Только максимум тупости, который она предполагала в Свени, позволил ей продержаться на плаву два месяца. Но маска тугодума отслужила свое.

— Зачем? — спросил Свени. — Они ведь спешили убить нас, только боялись повредить купол и оборудование. Не все ли им было равно, что мы думаем?

— Пытка, — мрачно сказала Майк, выпрямившись и сомкнув пальцы вокруг ограждения, словно птица, севшая на ветку. Она смотрела на далекую горную гряду на другой стороне Впадины. — Они хотели заставить вас думать, что все, к чему стремились адаптанты, все, о чем они мечтали, — рухнуло, а сами они деградировали. Они забавлялись. Наверное, рассчитывали размягчить вашу волю, спровоцировать ошибку, промах. Им это просто нравилось. Приводило в хорошее настроение.

Помедлив, Свени проговорил:

— Не знаю, Майк. Может, так и было, а может, и нет. Точно не скажу.

Она вдруг повернулась к нему и взяла за руку. Голубые глаза были прозрачны, как два кристалла.

— Откуда же тебе знать? — ее пальцы стиснули руку Свени. — Кто мог тебе рассказать? Земля знает о нас только ложь, и ничего кроме лжи. Ты эту ложь должен забыть — все! словно ты родился только сейчас. Ты только сейчас родился, Свени. Только сейчас, поверь мне. Все, чем они напичкали тебя, — ложь. Теперь ты начнешь узнавать правду с самого начала, как ребенок.

Она еще мгновение не отпускала его, словно хотела встряхнуть. Свени не знал, что сказать, какое выражение изобразить

на лице. Он и себе не отдавал отчета в том, что испытывает. Он не осмеливался понять свои чувства, отпустить их на волю. Девушка яростно смотрела ему прямо в глаза, и он не смел даже моргнуть.

Он и в самом деле родился немым, родился мертвым.

Пальцы девушки внезапно разжались. Майк бессильно уронила руки. Теперь она снова смотрела в сторону Впадины, туда, где возвышался горный хребет.

— Все зря, — сказала она глухо. — Извини. Хорошенький же у нас получился разговор племянницы с дядюшкой.

— Ничего, Майк, не расстраивайся. Мне было очень интересно.

— Не сомневаюсь... Пойдем, пройдемся немного, Дон. Меня уже тошнит от этого пейзажа со Впадиной. — Она широкими шагами направилась к каменному склону, под которым жила колония. Свени смотрел ей вслед, и его льдистая кровь бурно пульсировала. Как ужасно, когда теряешь способность думать. Он никогда не испытывал подобного головокружения, пока не встретил Майк Леверо, а теперь оно не оставляло его. Временами оно проходило, слабело, но лишь на время. Он был одновременно и обрадован и опечален тем, что связан родством с этой девушкой — ведь он действительно адаптированный сын Ширли Леверо. Сверни надеялся, что осознание кровной связи уберет его от увлечения. Но оказалось, что земное табу не властно над ним. К тому же здесь, на Ганимеде, от табу отказались.

— Можешь особенно об этом не волноваться, — прямо сказал Рулман еще в первый день пораженному Свени. — У нас нет причин опасаться внутреннего скрещивания. Даже наоборот. В таких маленьких группках, как наша, где нет притока свежих генов извне, генетическое смещение — основной эволюционный фактор. Если мы не предпримем мер для его предотвращения, то с каждым поколением потеря незакрепленных генов будет нарастать. Этого мы, естественно, допустить не можем. Иначе в нашей группе исчезнут индивидуальности. Все станут одинаковыми. Никакое табу не оправдывает такого исхода.

Увлечшись, Рулман прочел целую лекцию. Он объяснил, что позволил скрещиваться родственникам... генетического смещения они не остановят. И в некотором отношении эффект получится обратный — смещение усилится. Колония предприняла меры, которые предотвратят смещение и дадут плоды в восьмом поколении. Увлечшись, Рулман стал сыпать терминами, царапал на полупрозрачном листке слюды генетические формулы. Потом, словно очнулся, заметив, что совершенно замучил слушателя. Это показалось ему весьма забавным.

Свени не обиделся. Он прекрасно осознавал свое невежество. К тому же планы колонии ему были безразличны. Тем более что его прислали положить конец ее существованию. Свени был убежден: во всем, что касалось Майк, управлять его поступками будет только изначальное безысходное одиночество, как оно управляло всем остальным, что он делал и чувствовал. Но он поразился, когда понял, что то же одиночество, пусть и не явное, тяготеет над всей колонией, за исключением разве что Рулмана.

Многое из того, что он узнал в последнее время,— по крайней мере то, что он смог проверить,— полностью перечеркивало сведения полицейских инструкторов. Полицейские, например, утверждали, что колонисты с Ганимеда нападают на пассажирские корабли, чтобы пополнять запасы пищи и оборудования, а самое главное — увеличивать свои ряды путем принудительной адаптации пленников.

Свени же убедился, что этого нет, а если верить Майк, то и никогда не было. Человек, сведущий в баллистике и пространственной навигации, сразу поймет, что пиратство в космосе — вещь невозможная. Игра не стоит свеч, затраты никогда не окупятся бы добычей. Да и вторая цель, которую полицейские приписывали колонистам, была нелепой. Адаптанты вполне могли увеличить свою численность естественным путем, не говоря уже о том, что совершенно невозможно трансформировать взрослого человека в адаптанта. Пантропологи должны работать с яйцеклеткой еще до ее оплодотворения, как это было со Свени. Но то же самое относилось и к обратной операции. Известие об этом потрясло Свени. Ему не удалось найти ни одного колониста, который верил бы в возможность превращения адаптанта в обычного человека. Обещание, которое манило Свени, оказалось ложью.

Если возможность обратной трансформации и существовала, знал об этом лишь один Рулман. Свени же был сверхосторожен и прямых вопросов не задавал. Ученый и без того сделал опасные выводы из тех фактов, которые подготовили для него полицейские. За два месяца Свени оценил смелость и решительность, проявлявшиеся во всем, что делал и говорил Рулман. И больше всех на Ганимеде боялся его проницательности. С равнодушием фаталиста Свени ждал, когда же Рулман угадает пропасть, в которую катилась замерзшая душа Свени.

В чём же заключалось преступление колонистов Ганимеда? «Мы должны вернуть этих людей». Почему? Потому что мы должны знать то, что знают они. Но почему бы не спросить у них? Они не скажут. Почему не скажут? Потому что боятся. Они

совершили преступление и должны понести наказание. Что же они сделали? Молчание.

Какое бы ужасное преступление ни совершили первые адаптанты, их дети не должны отвечать за него. Это ясно. Дети никогда не были на Земле. Они были рождены на Луне и там же воспитаны в строгом секрете от всего мира. Итак, давний грех — такой же обман, как и приписываемое адаптантам пиратство. Если преступление совершилось на Земле, в нем повинны земные люди, а не их ледяные потомки на Ганимеде.

Вот только Рулман... И на Луне, и на Ганимеде считали, что Рулман был когда-то нормальным человеком и жил на Земле. Это было совершенно невероятно, но так почему-то считали. Рулман не отрицал, но и не подтверждал этого — уходил от ответа. Если кто и совершил преступление, так он один, поскольку никого другого он в это дело втянуть не мог.

Но какое преступление? Этого на Ганимеде никто не знал или же не хотел открыть Свени. Большинство колонистов объясняло враждебность землян физическими различиями. Некоторые, правда, считали, что пантропология сама по себе и составляла преступление. В этом случае Рулман, конечно, преступник.

Почему пантропология или ее практическое применение должны рассматриваться как преступление — это для Свени оставалось загадкой. Но много ли он знает о законах, по которым строится жизнь на Земле? Если Земля утверждает, что изобретение и использование пантропологии — преступление, то так оно и есть. Полицейские настойчиво внушали Свени, что им нужен Рулман — пусть даже все остальные пункты задания будут провалены. Но почему? И если пантропология — преступление, то разве не преступники создатели Свени?

Свени прибавил шаг. Майк уже исчезла под нависшим над входом каменным козырьком. И теперь он не знал, в какое из десяти маленьких отверстий она вошла. Сам он знал лишь два из коридоров под горой. Они составляли настоящий лабиринт, и неспроста. Высверливая тоннели, колонисты помнили о возможности появления людей в скафандрах. Попавший в сеть коридоров уже никогда не нашел бы дорогу обратно. И никогда не отыскал бы здесь адаптантов. Никаких карт лабиринта не существовало, и колонисты строго соблюдали закон, запрещавший их составление.

Нырнув в один из тоннелей, наугад, Свени побрел, с любопытством оглядываясь по сторонам. Из коридора, пересекающегося под острым углом с тем, по которому шагал Свени, вышел Рулман. Он не заметил юношу. После секундного

колебания Свени последовал за ним, стараясь не производить ни малейшего шума. Шорох вентиляторов помогал ему в этом.

У Рулмана была привычка куда-то исчезать на полдня, день или даже на неделю. Те, кто знал, куда и зачем пропадает доктор, держали язык за зубами. Теперь у Свени появился шанс самому узнать это. Говорили, что отлучки Рулмана связаны с надвигающимся метеорологическим кризисом. Может, так оно и есть. Но не мешает убедиться самому.

Рулман шагал быстро, опустив голову, словно маршрут был ему хорошо знаком и привычка надежно управляла его перемещением в лабиринте. Один раз Свени едва не потерял его и, осторожности ради, немного сократил разделяющую их дистанцию. Лабиринт был достаточно запутанным, и Свени мог мгновенно затаяться, вздумай Рулман неожиданно обернуться. На ходу ученый что-то бормотал — совершенно бессмысленный, но упорядоченный набор звуков. Впрочем, которые он скорее напевал, чем говорил. Может, это сигнал для охранных механизмов? Вряд ли — ведь Свени до сих пор не встретил препятствий. Наверное, Рулман и сам не осознавал, что издает звуки.

Коридор начал медленно, но верно уходить вниз. Свени обратил внимание, что воздух стал заметно теплее. Температура повышалась с каждой минутой. В воздухе скорее ощущался, чем слышался негромкий пульс работающих машин.

Становилось жарко, но Рулман не замедлил шага. Пульсирующий шум — Свени уже мог определенно сказать, что работает много мощных насосов, — тоже усилился. Теперь доктор и его преследователь шли по длинному прямому коридору, вдоль которого мелькали закрытые двери. Именно двери, а не входы в другие тоннели. Коридор был плохо освещен, но тем не менее Свени позволил Рулману уйти немного вперед. В конце коридора гул машин начал слабеть к облегчению Свени, у которого от шума немного закружилась голова. Рулман, кажется, вообще не замечал шума.

В конце коридора Рулман неожиданно нырнул в боковой проход, ведущий к каменной лестнице. Массы теплого воздуха устремлялись вниз. Направление сквозняка озадачило Свени. Вентиляторов вроде бы не видно. Как бы его не выдал звук шагов.

Когда Свени ступил на последнюю ступеньку, Рулман исчез из виду. Длинный коридор с высокими потолками плавно изгибался вправо. Вдоль внутреннего изгиба стояли приземистые машины, от каждой из которых уходили в стену мощные связки

гофрированных труб. Именно эти машины и производили шум, который он слышал.

Снова стало холодно, слишком холодно, если учесть поток теплого воздуха, дувший вниз по лестнице. «Что-то странное происходит здесь с законами термодинамики», — подумал Свени. Он осторожно шел вперед. Пройдя несколько шагов, он миновал первую машину, трубы которой излучали ощутимый холод, — и обнаружил воздушный шлюз. Именно шлюз — сомнений не было. Более того, кто-то недавно им воспользовался: наружная дверь была задраена, но сигнальная лампочка показывала, что идет шлюзование. Напротив шлюза в нише стены виднелись держатели шкафандров, пустые и раскрытые.

Все объяснила надпись над дверью шлюза:

Лаборатория пантропологии — 1.
Опасно! Не входить!

В порыве паники Свени попятился от люка — так шарахается преступник от надписи «50 киловольт», напоминающей ему об электрическом стуле. С термодинамикой все в порядке, просто Свени оказался внутри громадного холодильника. Здесь действительно работали тепловые насосы. Их гофрированные трубы не покрылись изморозью только потому, что в атмосфере Ганимеда нет водяных паров. Насосы переправляли тепло из воздуха через каменную стену в лабораторию.

Не удивительно, что лаборатория изолирована от остальной части лабиринта воздушным шлюзом и Рулману пришлось надеть шкафандр, чтобы войти.

По ту сторону шлюза было жарко. Слишком жарко для адаптанта. Но для какого адаптанта?

Зачем Рулману здесь лаборатория пантропологии? С этим давно должно быть покончено. Неужели он вопреки всему пытается переадаптировать людей колонии к земным условиям? Где-то здесь должны быть приборы регистрирующие параметры среды в лаборатории.

Приборы оказались в небольшом, прикрытом козырьком углублении, которое Свени поначалу не заметил. Циферблаты показывали: температура по Фаренгейту — 59, давление в миллибарах — 614, точка росы — 47, давление кислорода в миллиметрах ртутного столба — 140.

Некоторые из показателей ничего не говорили Свени, он никогда раньше не сталкивался с обозначением давления в миллибарах и не знал, как рассчитывать влажность воздуха по точке росы. Со шкалой Фаренгейта он был смутно знаком, но

настолько смутно, что уже забыл, как переводить градусы Фаренгейта в градусы Цельсия.

Но давление кислорода! Только для одной планеты, только для нее одной этот показатель имел смысл.

Свени повернулся и бросился прочь.

5

К тому времени, когда он достиг кабинета Рулмана, Свени уже не бежал, хотя по-прежнему тяжело дышал. Чувствуя, что не сможет вернуться тем же путем, он направился в противоположную сторону, мимо гигантских теплообменников. Всего пришлось пробежать мили три, и по пути он совершил еще несколько открытий, потрясших его не меньше, чем первое.

Свени даже не был уверен, в здравом ли он рассудке. Необходимо выяснить все до конца. Это развеет в прах или укрепит мечту которой он так долго жил.

Рулман уже был в кабинете, и его плотным кольцом окружали помощники. Свени протиснулся вперед, крепко сжав зубы.

— На этот раз придется задраить все люки,— говорил Рулман в микрофон.— Фронт давления слишком крут, и мы не можем полагаться на наружные шлюзы. Займись инструктажем, чтобы каждый знал, что ему предстоит делать, как только прозвучит сигнал тревоги. Опасайтесь попасть в ловушку между двумя закрывшимися шлюзами. В этом году непогода может начаться совершенно неожиданно, мы и глазом моргнуть не успеем.

В ответ послышалось неразборчивое бормотание, и динамик отключился.

— Халлам, как дела с уборкой урожая? Осталось меньше недели, ты это знаешь.

— Да, доктор Рулман, думаю, мы успеем.

— И пожалуй, еще... А, привет, Дональд. Что с тобой? Вид у тебя неважный. Как видишь, я немного занят, поэтому постарайся покороче.

— Я постараюсь,— сказал Свени.— Если бы я смог поговорить с вами с глазу на глаз, то смог бы уложиться в один вопрос. Всего несколько секунд.

Рыжие брови Рулмана удивленно поползли вверх, он внимательно посмотрел в лицо Свени и медленно встал.

— Тогда перейдем вот сюда. В эту дверь. Итак, молодой человек, выкладывайте. Надвигается ураган, и времени остается очень и очень мало.

— Хорошо,— выдохнул Свени.— Итак, можно ли трансформировать адаптанта в нормального человека? Нормального земного человека?

— Я понял: ты побывал на нижних этажах,— сказал наконец ученый, постукивая пальцами по подбородку.— Стало быть, Ширли Леверо почему-то оставила тебя в полном неведении относительно некоторых вещей. Твое образование — гм, напращивается затертая фраза — оставляет желать лучшего. Но не будем об этом. В любом случае — НЕТ! Ты никогда не сможешь нормально жить нигде, кроме Ганимеда. И еще кое-что, о чем должна была сказать тебе мама: ты должен быть чертовски этому рад.

— Почему я должен быть этому рад? — почти равнодушно спросил Свени.

— Потому что, как и все обитатели этой колонии, ты имеешь тип крови «джей плюс». Это факт, который не скрывали от тебя с самого первого дня, но на который ты почему-то не обратил на него внимания. Или не понял его особого значения. На Земле люди с кровью этого типа предрасположены к заболеванию раком. Они в такой же опасности, как гемофилитики, которые могут умереть от пустяковой царапины. Заметь, что если бы ты каким-то чудом превратился в обыкновенного, земного человека, Дональд, это было бы равносильно смертному приговору. Поэтому я и говорю: ты должен радоваться, что этого никогда не случится. Чертовски радоваться!

6

Метеорологический кризис на Ганимеде достигает максимума примерно раз в одиннадцать лет и девять месяцев, когда Юпитер в окружении пятнадцати спутников ближе всего подходит к Солнцу.

Эксцентриситет орбиты Юпитера составляет всего 0,0484, что очень мало для эллипса со средним фокальным расстоянием в 483 300 000 миль. И тем не менее в перигелии Юпитер на целых десять миллиардов километров ближе к Солнцу, чем в афелии. Погода на Юпитере, и без того дьявольская, в этот момент

становится просто неопишуемой. То же, хотя и в меньших масштабах, происходит и на Ганимеде.

Температура в этот момент не поднимается настолько высоко, чтобы начала таять шапка льда на Трезубце Нептуна, но достаточно, чтобы в атмосфере чувствовались пары льда-3. На Земле никому и в голову не пришло бы назвать это влажностью, но на Ганимеде даже от таких микроскопических изменений атмосфера, которая обычно вообще не содержит водяных паров, начинает стремительно разогреваться. Цикл затихает через несколько колебаний, но успевает принести зловещие плоды.

Как понял Свени, колония довольно спокойно и без особых трудностей пережила один такой период, просто отступив под гору. Но теперь эта тактика уже не годилась: снаружи оставались погодные станции, обсерватория, радиомаяки, геодезические знаки. Конечно, их можно демонтировать, но на это уйдет много времени, и еще больше потребует восстановление. Более того, некоторые из этих устройств будут необходимы для наблюдения за кризисом и, следовательно, должны оставаться на местах.

— И не рассчитывайте, что нас надежно прикроет гора, — заявил Рулман на собрании колонистов, сошедшихся в самую большую пещеру подземного лабиринта. — Кризис в этом году совпадает с максимумом активности солнечных пятен. Все знают, что делается на самом Юпитере. И мы должны ждать схожего эффекта на Ганимеде. Хотя и в меньшем масштабе. Неприятности будут в любом случае, при самой тщательной подготовке. Будем надеяться, что потери окажутся небольшими.

Последовала хорошо рассчитанная драматическая пауза. Аудитория затаила дыхание. Ветер, завывающий снаружи, был слышен даже здесь. Этот вой напоминал о том, что в разгар бури все выходы будут тщательно перекрыты и всей колонии под горой придется дышать воздухом, прошедшим полный цикл очистки. Секунду спустя по залу пронесся общий вздох — невеселый вздох в предчувствии нелегкого будущего.

Рулман улыбнулся.

— Я не хочу вас пугать, — продолжал он. — Мы продержимся. Но я не потерплю никакой расхлябанности, особенно во время подготовки к кризису. Крайне важно на этот раз сохранить наружные станции. Они нам очень понадобятся еще до конца юпитерианского года — если все пойдет хорошо, конечно.

Улыбка неожиданно погасла.

— Думаю, нет нужды говорить, как важно завершить проект строго по графику, — тихо сказал Рулман. — У нас не останется времени, когда полиция возьмется за нас по-настоящему. Удивительно, что этого еще не случилось — ведь мы скрываем

беглеца, за которым гнались почти до самой атмосферы. Возможно, все будущее человечества зависит от нашего проекта. Мы не можем позволить нанести нам поражение — ни землянам, ни природе. Если мы поддадимся, то потеряет смысл вся наша долгая борьба за выживание. Я рассчитываю на каждого из вас.

О каком это проекте говорит Рулман? Очевидно, это имеет какое-то отношение к пантропологической лаборатории внизу. И к кораблю, который, упрятан в стартовой шахте, почти такой же, как та на Луне, из которой начался путь Свени к новой, свободной и полной неожиданностей жизни. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — корабль готов к дальнему перелету маленькой группы людей или, наоборот, к короткой экспедиции большой группы.

Свени понятия не имел ни о каких проектах, кроме долгосрочной программы закрепления генов. Может, Руман говорит о ней?

Свени не рискнул задавать вопросы. В его душе разразилась буря, прежде чем грянула буря снаружи. И для Свени то, что происходило в нем, было важнее всего. Он не умел жить интересами общества, пусть и небольшого. Его оставляли равнодушными воззвания Рулмана. Он был самым законченным эгоистом в Солнечной системе, эгоистом по замыслу.

Возможно, Рулман это чувствовал. Решил ли он оставить наедине с его переживаниями или же, подозревая в нем шпиона, направил туда, где он мог причинить меньше всего вреда, — так или иначе, Свени оказался на полярной метеостанции, лицом к лицу со страшившим его одиночеством.

Делать было почти нечего. Только смотреть, как ветер наметает у окон метановый снег, и поддерживать станцию в рабочем состоянии. Впрочем, приборы передавали данные в автоматическом режиме и особой заботы не требовали. Возможно, в разгар погодного кризиса и появятся дела поважнее. А может, и нет.

А пока у него появилось много времени, чтобы задавать вопросы, но задавать их было некому, кроме самого себя и свирепеющего ветра.

Свени использовал передышку. Он вернулся пешком к тому месту, где закопал передатчик, и с ним вернулся на метеостанцию. На это ушло одиннадцать дней. Он пережил лишения, затмившие те, что описаны в северных эпопеях Джека Лондона, но едва ли сознавал это. За всю жизнь он не прочел ни одной книги, и все вещи соизмерял по воздействию на него. Он не знал даже, воспользуется ли передатчиком.

Что же делать?

Он по уши влюблен в Майк Леверо,— это уже совершенно ясно. Свени выдержал настоящую войну со своими чувствами, потому что не знал для них названия и оперировал в уме чистыми переживаниями, а не отвлеченными символами. Каждый раз, думая об этом, он заново переживал потрясение. Что касается колонистов, то он уверился совершенно: с любой точки зрения никакие они не преступники. Среди этих храбрых, трудолюбивых и честных людей он впервые в жизни узнал бескорыстную дружбу. И Свени не мог не восхищаться Рулманом.

Все это не давало Свени включить передатчик.

Время, отпущенное на посылку сообщения Майклджону, почти истекло. Безмолвствующий пока передатчик на столе Свени должен послать одно из сочетаний пяти букв: ВАХХУ — «Имею объект, необходим корабль», НАХХУ — «Имею объект, нужна помощь», ХХАНУ — «Ищу объект, есть помощь», ААХУХ — «Ищу объект, необходим корабль», УУАВУ — «Имею объект, имею корабль».

Какова бы ни была реакция компьютера на борту корабля, она нанесет вред колонии. Ни один из пяти сигналов не подходил к сложившейся ситуации.

Если Майклджон не получит сигнала, он будет ждать до истечения трехсот дней. Может, это позволит Рулману довести до конца загадочный проект?

Земле потребуется как минимум два поколения, чтобы создать и воспитать нового агента, используя яйцеклетки давно (и к счастью) умершей Ширли Леверо. Маловероятно, чтобы Земля пошла на это. Там наверняка больше Свени знали о таинственном проекте главы ганимедской колонии — трудно было знать меньше! И если Свени не сможет остановить проект, то следующим шагом Земли станет бомбардировка. Как только там поймут, что вернуть колонистов не удастся даже с помощью тщательно законспирированного агента, они просто уничтожат колонию и тем самым необходимость в ее обитателях.

Вряд ли они воспользуются ядерным оружием. На Ганимеди много дейтерия — часть его связана в ледяных пластах Трезубца Нептуна в виде дейтерида лития. Ядерный взрыв может дать толчок ядерному синтезу, который распылит спутник на атомы. Если активные элементы распада этого взрыва врежутся в Юпитер, до которого всего 655 000 миль, и в нем вспыхнет реакция углеродного или бета-цикла, этот гигант может взорваться. Юпитер имеет малую плотность, но огромную массу. Ударная волна чудовищного взрыва испарит земные моря и океаны и с вероятностью три к пяти вызовет ядерную реакцию на Солнце, превратив его в новую звезду. Впрочем, если этого и не

произойдет, на Земле к тому времени не останется никого, чтобы возблагодарить бога.

Но даже если земляне используют химическую взрывчатку, колония погибнет. А с ней исчезнет все, что обрел Свени: пусть еще не окрепшая, но дружба, немая неосознанная любовь, готовое вот-вот родиться новое «я». Исчезнет и сам Свени, и весь его маленький мир.

Послав сигнал Майклджону, он останется в живых. Но как же Майк, Рулман, колония? Он будет обречен носить старую мертвую оболочку, узнает безнадежное, бесконечное одиночество. Пусть даже каким-то чудом его трансформируют в обычного кислорододышащего землянина, но как быть с кровью типа «джей плюс»?

Свени не подозревал, что его одинокая битва с ветром, миллионами клыков обгрызающим фундамент станции, подобна тем, что вели герои древних саг. Его внимание поглощала борьба с самим собой. Он всего лишь выполнял свое дело, и не более того.

Не было кодового сигнала, который открыл бы Майклджону правду о колонии и ее обитателях. Но любой из пяти сигналов поможет ему убраться с Ганимеда.

Свени еще раз проверил передатчик, передвинул стрелку-указатель на один из медных контактов и нажал клавишу, посылая Майклджону комбинацию ХХАНУ. Полчаса спустя встроенный в рацию осциллятор начал ритмично попискивать, подтверждая, что Майклджон все еще кружится на орбите вокруг Ганимеда и что сигнал принят.

Свени оставил передатчик на столе станции, вернулся в колонию и честно рассказал Рулману все: кто он и что сделал.

7

Если Рулман и пришел в ярость, то не показал этого, но его сдержанность была куда страшнее открытой вспышки бешенства. Он просто сидел и смотрел на Свени через стол. С его лица исчезло добродушие, а из взгляда — тепло. Несколько секунд спустя Свени понял, что Рулман его просто не видит, занятый собственными мыслями. Его гнев обращен вовнутрь.

— Я потрясен,— сказал он бесстрашно.— Я потрясен собственной слепотой. Я должен был предусмотреть нечто подобное. Но я и не подозревал, что они имеют нужное

оборудование и знания и рискнут поставить все на карту такой долговременной программы. Короче, я был идиотом!

На миг его голос приобрел эмоциональную окраску, прозвучавший в нем сарказм заставил Свени поежиться, хотя пока что он не услышал ни слова упрека. Ученый бичевал самого себя.

Свени осторожно сказал:

— Откуда же вы могли знать? Я мог попасться на многих пустяках, но из всех сил старался, чтобы этого не случилось. Это могло бы продолжаться еще долго.

— Ты? — переспросил Рулман с насмешкой, которая была страшнее удара. — Ты виноват настолько, насколько может быть виновата машина, Дональд. Я слишком хорошо разбираюсь в пантропологии, чтобы думать иначе. Твое поведение было жестко запрограммировано.

— Разве? — возмутился Свени. — Я ведь сам пришел и все рассказал.

— Ну и что? Неужели это может теперь кому-нибудь помочь? Я уверен, что земляне предусмотрели и такую вероятность. Ты попытался сыграть за обе стороны против третьей, против себя.

— Вы уверены?

— Вполне, — сказал Рулман. — Они придумали для тебя приманку. Судя по вопросам, которые ты задавал, обещали трансформировать тебя в нормального человека, как только узнают от нас, как это сделать. Но все дело в том, что это принципиально невозможно. Я очень сожалею, Дональд, поверь мне. Не твоя вина, что они превратили тебя в существо вместо личности. Но и в колонии у тебя теперь нет будущего. Ты всего лишь бомба, к тому же взорвавшаяся.

Отца Свени никогда не знал, а его «создатели» смогли вложить в него не слишком много уважения к старшим. Он вдруг обнаружил, что Рулман вызывает у него ярость.

— Что за чушь вы несете, доктор Рулман? — выкрикнул он. — Ничто еще не взорвалось. И я могу дать вам массу полезных сведений. Конечно, если вы заранее решили сдаться...

Рулман поднял на него глаза.

— А что ты можешь знать? — удивился он. — Ты сам сказал, что решение примет компьютер. Неподходящее время для блефа, Дональд.

— Зачем мне блефовать? Я больше, чем кто-либо знаю, как поступит Земля, что она предпримет. Колония слишком долго была в изоляции. У меня самый свежий опыт общения с землянами. Я бы вообще не пришел, если бы считал положение безнадежным. Сообщение, которое я послал, оставляет колонии некоторую надежду. Я не веду двойной игры, понимаете? Я

целиком на вашей стороне! И хуже всего было бы вообще не посылать ничего. А пока что у нас есть передышка.

— И почему ты думаешь,— медленно сказал Рулман,— что я тебе поверю?

— Дело ваше,— резко ответил Свени.— Я и сам не слишком верю вам. Я еще не убедился, каково мое будущее здесь. И не я один. Слишком много тайн.

— Тайн? — изумился Рулман.— В каком смысле? Что нам скрывать?

— Я говорю о проекте. И еще о том преступлении, из-за которого Земля стремится заполучить колонистов обратно. В особенности вас, доктор.

— Но... э-э... это знают все, Дональд. Это же общеизвестный факт.

— Возможно, что и так. Но вот незадача — мне-то он неизвестен! И большинство колонистов, считая этот факт общеизвестным, ограничивается косвенными намеками. Словно это шутка, которую должны знать все. Между тем, половина второго поколения на Ганимеде имеет самое туманное представление о прошлом. А это опасно.

Рулман откинулся на спинку кресла и довольно долго молчал.

— Дети часто не задают вопросов, даже если не знают на них ответов,— пробормотал он. Обвинения Свени ошеломили его больше, чем признание.— Они любят делать вид, что знают ответ, даже если это не так. Это поднимает их в собственных глазах.

— И дети, и шпионы,— сказал Свени,— не могут задавать некоторые вопросы, и почти по одинаковой причине. И чем меньше знают дети, тем больше шансов у шпиона остаться незамеченным среди взрослых.

— Я начинаю понимать,— протянул Рулман.— Мы считали, что защищены от нападения и шпионов, потому что землянину не выжить здесь без специального оборудования, которое легко засечь. Беспечность мы сделали нас легко уязвимыми.

— Именно так. Наверное, если бы мой отец остался жив, он бы позаботился, чтобы такого не случилось. Он разбирался в таких вещах. Хотя какое это теперь имеет значение?

— Нет,— возразил Рулман.— Это очень важно. Хотя твоего отца нет с нами, возможно, он дал нам оружие, чтобы исправить положение.

— Вы имеете в виду меня?

— Да. Кто бы ты ни был — в тебе его гены. Я начинаю надеяться. Что мы должны предпринять?

— Сначала,— попросил Свени,— расскажите, как возникла эта колония. И все остальное!

8

Это был долгий рассказ. Все началось с Управления.

До начала межпланетных полетов было еще далеко, когда большие города Америки потеряли контроль над транспортными проблемами. Городские власти, хотя и трепетали перед разгневанными избирателями — пешеходами и водителями, не располагали нужными средствами.

И тогда появилась наделенная обширными полномочиями полуобщественная организация — Управление транспорта. Оно возвело и поддерживало в рабочем состоянии такие транспортные сооружения, как Голландский и Линкольнский тоннели, мост Джорджа Вашингтона, аэровокзалы Тетесборо, Ла-Гардиа, Айдлин, Ньюарк. Не говоря уже о более мелких транспортных узлах и магистралях. Вскоре оно уже владело дорогами на огромной территории — от Флориды до границы штата Мэн — и взымало пошлину за проезд. Только взбунтовавшиеся землевладельцы еще продолжали сопротивляться засилью могущественного синдиката транспортных королей, обстреливая автострады из охотничьих ружей.

В отличие от других частных фирм, Управление пользовалось защитой закона. Оно самостоятельно устанавливало и собирало пошлины. Этому не препятствовали федеральное правительство и Конгресс, так и не приведший в действие закон, по которому размеры пошлин должны уменьшаться после выплаты амортизации.

Часть сборов шла на строительство новых сооружений — не столько разрешающих транспортные проблемы, сколько увеличивающих поток пошлин, и без того ежегодно возрастающий на двадцать процентов.

Управление с самого начала имело право нанимать работников для поддержания порядка на принадлежащей ему территории. И по мере того, как росло Управление, росли и его полицейские силы.

К тому времени когда появился космический транспорт, Управление уже обладало правами и на него. Транспортные магнаты не пожалели трудов, чтобы гарантировать себе это право. Операции с авиалиниями научили их тому, что только полный

и абсолютный контроль имеет смысл. Прежде всего Управление интересовали те виды космического транспорта, которые не требовали огромных затрат. Иначе не получить прибылей от субподряда, быстрой амортизации займов, скидок на налоги для строительства новых предприятий. И от неограниченного роста новых пошлин, размер которых не уменьшался после того, как затраченные на строительство средства полностью окупались.

Космопорт «Земля» функционировал по собственным законам. Его полицейские силы по количеству превосходили армию государства, на территории которого порт располагался. Очень скоро грань между ними стерлась, и полиция порта превратилась в Вооруженные силы США. Точнее, наоборот. Сделать это было нетрудно, поскольку Управление контролировало все министерства.

И когда через какое-то время после начала космических полетов люди начали задаваться вопросом о путях колонизации планет, Управление уже имело ответ — терраформирование.

Терраформирование — преобразование других планет по образу и подобию Земли — предполагалось начать с малого. Управление бралось передвинуть Марс поближе к Солнцу, переправить туда объем воды, равный Индийскому океану, и почвы примерно столько, сколько в штате Айова, чтобы посадить растения, которые постепенно изменят состав атмосферы. И так далее. Все это, указывало Управление, вполне реально и, в сущности, не так уж дорого. Управление рассчитывало, что вернет затраченное всего за какое-то столетие за счет пошлин и высоких цен на билеты. Само собой, цены не снизятся даже после возмещения затрат. Скорее, наоборот. Надо же поддерживать весь проект на ходу.

Была ли альтернатива терраформированию? Альтернатива была — купола. Управление ненавидело купола. Они были дешевы. И поток пассажиров, устремляющийся под купол и обратно, всегда будет незначителен. Это с горькой ясностью показал опыт Луны. И публика тоже ненавидела купола, и уже обозначилось массовое нежелание жить в них. Что же касается правителей Земли, то они тоже были настроены против куполов. Что толку в колонизации, если она не решает кардинально проблему перенаселенности? Итак, куполам было сказано решительное «нет!», терраформированию — решительное «да!»

И тут появилась пантропология — весьма неприятный сюрприз для Управления. Идея генетической трансформации колонистов была стара и родилась еще во времена Олафа Стэплтона. Позднее к ней обращались многие писатели. Уходила она корнями в

мифологию, к Протею, оборотням и эльфам, легендам о переселении душ.

Управление негодовало. Хотя пантропология требовала высоких первоначальных затрат, постепенно метод грозил стать дешевле. Колонисты должны были чувствовать себя как дома в мире, к которому были адаптированы, и воспроизводились естественным путем, без посторонней помощи. Этот вариант колонизации стоил в два раза меньше, чем использование самых простых и дешевых куполов, а в сравнении с терраформированием (даже такой небольшой и удобной планеты, как Марс) — вообще ничего. С точки зрения Управления.

И не было возможности собрать пошлину даже с первоначальной стоимости проекта. Слишком дешево, чтобы тратить на это время и усилия.

Пришлось подключить прессу.

Неужели ваш ребенок станет МОНСТРОМ?

Если группа влиятельных ученых добьется своего, ваш сын или внук будет влачить жалкое существование на ледяных просторах Плутона, где даже Солнце не более чем искорка в небе. Он никогда не вернется на Землю, пока жив! И едва ли сможет это сделать после смерти!

Да, существуют и развиваются планы превращения еще не родившихся невинных младенцев в жуткие инопланетные существа, которые погибнут в ужасных мучениях, если только осмелятся ступить на зеленую траву мира предков. Не дожидаясь результатов медленного, но неизбежного завоевания человеком Марса, эти выдающиеся мыслители, запершись в своих «башнях из слоновой кости», работают над созданием отвратительных карикатур на человека. Эти уроды будут способны жить в самых адских условиях других планет.

Наука, позволяющая производить подобных монстров с огромными затратами, называется пантропологией. Она уже существует, хотя и опасно несовершенна. Глава этих мудрецов-ревизионистов — доктор Джекоб Рулман...

Рулман отложил вырезку из старого журнала, которую читал Свени. Даже в тефлоновой оболочке бумага за тридцать лет сильно пожелтела... А руки Рулмана еще крепки. И остатки волос

на лысеющей голове такие же огненные, как и тогда. Свени стиснул руками голову.

— Какая гнусная ложь! Как меня обрабатывали!

— Я знаю,— тихо сказал Рулман,— это не трудно. Адаптант-ребенок всегда изолирован от мира, и ему можно внушить все что угодно. Ему не остается ничего, кроме слепого подчинения и безоговорочной веры. Он отчаянно одинок. Даже женщина, давшая ему свои гены, находится по другую сторону стеклянного барьера и одновременно в другом эволюционном рукаве. Он слышит голос матери только по проводам, если слышит вообще. Я знаю это, Дональд, можешь мне поверить. Я испытал это на себе. И мне было очень тяжело.

— Значит, Джекоб Рулман...

— ...мой генетический отец. Мать умерла рано. Так часто бывает — от тоски, от разлуки с ребенком. Но отец рассказал мне всю правду — это было там, в пещерах Луны. И вскоре он был убит.

Свени глубоко вздохнул.

— Теперь я начинаю все понимать. Продолжайте, пожалуйста.

— Ты уверен, что все понимаешь, Дональд?

— Продолжайте. Я должен знать, еще не поздно. Прошу вас.

— Ну, хорошо,— задумчиво сказал Рулман.— Управление провело закон, запрещающий пантропологию. Поначалу он был довольно беззубым. Конгресс еще не вполне понимал, что же он должен запретить. Да и опасался, что его распространят на все опыты с животными. Управление не было расположено к откровенности. И мой отец спешил испытать пантропологию на практике, пока закон оставлял некоторые лазейки. Он отлично понимал, что как только Управление сочтет время подходящим; законы будут мгновенно сцементированы. И еще отец был совершенно убежден, что планеты никогда не удастся колонизировать с помощью куполов или терраформирования. Они могут сработать лишь на некоторых планетах Солнечной системы — на Марсе, Венере. Но не за ее пределами.

— За пределами Солнечной системы? Но как же выйти за них?

— С помощью межзвездного двигателя. Он существует уже пять десятилетий. Совершено несколько исследовательских экспедиций, и некоторые были весьма удачными, хотя об этом знают единицы. Порт и его Управление не нашли выгоды в этих путешествиях. Поэтому купили патенты на двигатель и положили под сукно, отчеты об экспедициях засекретили, в прессу не просочилось ни звука. Но все корабли Управления снабжены генераторами овердрайва. Даже наш корабль имеет его. Так же, как и тот, на орбите.

Свени молчал, потрясенный.

— Даже внутри Солнечной системы большинство планет непригодны для постройки куполов или терраформирования, как, например, Юпитер. И многие другие. А на межзвездных трассах Управлению и вовсе нечего делать — там никогда не будет грузопотока, способного принести прибыль.

Единственный путь — пантропология. Не для Управления, конечно, а для человечества, которое рано или поздно, но шагнет к звездам. Каким-то образом отцу удалось «продать» идею некоторым влиятельным людям — политикам со связями и средствами. Они отыскали участников тех тайных межзвездных экспедиций, которые знали кое-что о планетах вокруг других солнц и о генераторе овердрайва. Все эти люди хотели бы дать пантропологии шанс — начать эксперимент с открытым концом, который в случае удачи привел бы к новым пробам. Этот эксперимент — мы, наша колония на Ганимеде.

Управление объявило эксперимент вне закона еще до его начала. Но мы успели сбежать раньше, чем они смогли отыскать наши лунные лаборатории. Именно тогда закон оскалил клыки, и пантропология была убита. Управление понимало, что должно убить ее.

Вот почему, Дональд, само наше существование — уже преступление. Управлению требуется доказать провал колонии. Вот для чего мы им понадобились. Они хотят выставить нас на всеобщее обозрение, как уродцев в балагане. И сказать народу Земли, что здесь, на Ганимеде, наша попытка провалилась и им пришлось вытаскивать нас из собственного дерьма.

Ну, и... остаются все эти фальшивые обвинения в нападении на пассажирские корабли, о которых ты говорил. Нас будут судить. И казнят — скорее всего, публично разгерметизируют наши камеры, и нас моментально убьет воздух планеты наших предков. Да, это будет последний штрих в картине, отличный урок общественному мнению.

Свени ссутулился, сведенный судорогой непривычного чувства — отвращения к самому себе. Он предал всех! Всех!

А ученый безжалостно продолжал:

— Теперь о нашем проекте. Он очень прост. Мы знаем, что в конечном счете людям не колонизировать звезд без помощи пантропологии. Мы знаем, что Управление не позволит, чтобы до этого дошло. Значит, мы сами должны нести пантропологию к звездам. Пока нас не остановят. Одна планета, две, три и так до бесконечности. Именно это мы и пытаемся совершить. Точнее, пытались! У нас есть старый корабль, переоборудованный для первого перелета. И целое поколение детей-адаптантов. Они не

смогли бы жить на Земле, они не смогут жить и на Ганимеде. Они созданы для одной из шести вновь открытых внесистемных планет. Все шесть находятся на разных расстояниях от Солнца и в разных направлениях. Я знаю названия только двух планет. Дети-адаптанты — единственные, кто знает все. Куда они отправятся, будет решено только после старта. И тогда никто из оставшихся не сможет их выдать. Земля никогда не найдет этот корабль. Это будет началом гигантской программы «Семя». Мы засеём звезды людьми. Если только кораблю удастся стартовать.

Рулман умолк. Дверь в кабинет тихо отворилась, и вошла Майк Леверо, держа в руках блокнот и карандаш. Она остановилась, когда увидела, кто сидит на стуле у окна. Сжатое спазмами сердце Свени расслабилось.

— Извините,— сказала она.— Я думала... Что-то случилось? У вас такой мрачный вид...

— Да, кое-что случилось,— согласился Рулман. Он посмотрел на Свени, и тому вдруг захотелось улыбнуться, вопреки всему.

— Делать нечего,— сказал Свени,— придется поднимать мятеж.

9

Высоко в небе вспыхнула ракета. И хотя она повисла над западным краем Впадины, свет все же выхватил из мрака контуры, урчащего, раскачивающегося на ходу полугусеничного тягача. Но Свени не беспокоился: тягач, упорно ползший на север на скорости двадцать миль в час среди густой растительности Впадины, трудно засечь с воздуха. Не легче, чем мышь, шуршащую между корнями деревьев в дремучем лесу. К тому же вряд ли кому придет в голову наблюдать за Впадиной, когда в предгорьях и на плато идет битва. Свени и сам с напряжением прислушивался к отголоскам далекого сражения.

Тягачом управляла Майк. Свени, скорчившись, сидел в грузовом отсеке, рядом с огромным алюминиевым баллоном, и глядел на экран радара. Параболическая проволочная антенна на крыше тягача была сейчас неподвижна — она была направлена в противоположную движению сторону, откуда они с Майк недавно уехали и где осталась последняя автоматическая релейная станция. Пространство обшаривал большой радиотелескоп на крыше.

Свени не обращал внимания на ближние, низкочастотные сигналы — это ракеты малого калибра, они не решают исход сражения. Впрочем, перелом уже наметился: хотя повстанцы еще удерживали гору и ее тяжелые ракетные установки, но атака сторонников Рулмана набирала силу.

В целом ситуация напоминала пат в шахматной партии. Хотя повстанцам и удалось при помощи фокуса с вентилятором выкурить противников из расположения под горой, они явно уступали им на открытом пространстве. Теперь они теряли позиции в два раза быстрее, чем захватывали их до того. Прикрывающий огонь с горы мало чем помогал. Огонь был массированным, но ужасно неточным. Частые вспышки ракет указывали на плохую видимость и на еще более плохую корректировку огня. А приверженцы Рулмана, хотя и были вытеснены из колонии, удерживали в руках все аэрокары. И нагло летали над передовой с выключенными прожекторами.

Другой вопрос — удастся ли им отобрать у повстанцев гору? Только ядерный заряд способен нанести заметный вред скальной породе. Правда, это крайняя мера, равносильная самоубийству для обеих сторон. Да и к тому же битва еще не достигла такого накала. Но кто знает, что ждет впереди?

И на кораблях с Земли, которые просматривались на экранах радаров, тоже хорошо это понимали. Это было ясно по их расположению, как и то, что они догадались, кто возглавил восстание. Однако земляне не пытались прийти на помощь к Свени, кружа на орбите в 900 000 миль от планеты — на случай, если заметят внизу вспышку ядерного пламени.

Но они находились все же достаточно близко, чтобы вытащить Свени, если обнаружится, что победа на его стороне.

Сквозь рев турбины пробился слабый голос Майк.

— Что случилось? — переспросил Свени, наклонив голову.

— ...опять завал впереди. Наверное, луч будет прерван.

— Останови,— велел Свени.— Надо взять новый азимут.

Тягач послушно остановился, и Свени сверил данные с экрана своего монитора с цифрами, полученными от Рулмана. 900 000 миль — это уже близко. Ударная волна от взрыва Ганимеда покроет это расстояние примерно за пять секунд, неся с собой мгновенное разрушение. Но пяти секунд автоматам земных кораблей хватит, чтобы перейти в режим гиперпространственного полета.

Он дважды хлопнул ее по плечу.

— Пока нормально. Поехали дальше.

Тягач медленно пополз по головокружительному лабиринту валунов — остаткам оползня, что каждый год скатывались во

Впадину в результате расслоения пород. Обернувшись, Майк улыбнулась ему. Траки гусениц слишком громко стучали и скрежетали по камням, и она не надеялась, что Свени расслышит хотя бы слово.

Развитие событий зависело от массы «если» и могло в любой момент измениться, если только одно из звеньев цепочки подведет. Рассчитывать на что-то с уверенностью можно было только в начале. Сигнал, посланный Майклджону, ничего не скажет пилоту — ведь он не знает кода. Однако компьютер поймет, что Свени еще не готов, хотя выполнение задания лишь вопрос времени.

— А как мы узнаем, что наши предположения оправдались? — спросил Рулман.

— Если после окончания предельного срока корабль Майклджона останется на орбите, значит, произошло именно то, на что мы и рассчитывали. Что еще может приказать машина? У него небольшой корабль, к тому без оружия и экипажа. Спуститься на поверхность Ганимеда и присоединиться к горстке повстанцев он тоже не может. Даже если такая идея придет ему в голову. Нет, он будет сидеть смирно.

Тягач перевалил через почти кубический валун, сполз по его наклонной стороне, тяжело шмякнулся на грунт, покрытый более мелкими камнями. Свени оторвался от радарного экрана, чтобы проверить, как там канистра. Она была надежно закреплена, хотя и окружена кирками, кольями и разными инструментами. Канистра таила в себе чудо пиротехники, изготовленное с учетом местных условий. Свени пробрался в кабину, сел рядом с Майк и приготовился насладиться поездкой.

Мысли Свени вернулись к тем дням, когда, не зная, сколько времени отпустила им машина, колонисты работали как одержимые. И когда предельный срок миновал, Рулман и Свени не стали поздравлять друг друга. Майклджон ничем не проявлял своего присутствия, хотя радиотелескоп показывал, что он все еще на орбите. Но означало ли это отсрочку?

И через одиннадцать дней началось «восстание». Активное движение машин, людей, вспышки бутафорских взрывов должны были обмануть Майклджона, вызвать впечатление гражданской войны внутри колонии. Создавая видимость того, что Рулман встал лагерем у северного полюса Ганимеда, Свени и Майк установили в джунглях Впадины массу радарных устройств, которые должны были воспроизвести активное перемещение сражающихся вокруг северного полюса. Теперь они возвращались.

Компьютер явно выжидал. Майклджон, очевидно, поверил в реальность бунта и ввел информацию. Поначалу перевес был на

стороне Свени. У компьютера не было причин экстраполировать, пока не наступил день, когда силам повстанцев не удалось продвинуться вперед. Теперь вопрос заключился в том, как сторонникам Рулмана удастся взять гору, даже если за несколько недель они и очистят поле боя от бунтовщиков.

— Детские игрушки,— сказал Рулману Свени.— Почему компьютер должен усомниться? Не так сложно заставить его экстраполировать дальше первой производной.

— Ты очень уверен в себе, Дональд.

Свени поежился на сидении, вспоминая улыбку Рулмана. Никто из адаптантов не знал настоящего детства, а тем более игрушек.

Тягач снова вышел на относительно ровный участок, и Свени поднялся, чтобы сверить показания радара. Склон оползня, как и предвидела Майк, отрезал луч релейной станции. Свени включил поворотный механизм антенны. Большую часть поля зрения перекрывал близкий склон Впадины, но постепенно видимость должна была улучшиться.

Дно Впадины неуклонно поднималось, по мере того как приближался северный полюс. Теперь Свени видел достаточно, чтобы с удовлетворением убедиться: корабли Земли на прежнем месте.

«Гостей» ожидали с самого начала. Майклдджон, недовольный пассивной тактикой компьютера, мог запросить указаний у командования на Земле. Совершенно очевидно, что восстание части адаптантов на Ганимеде, которое можно было истолковать как решение вернуться домой, идеально соответствовало целям Земли. Земля не только велела бы Майклдджону сидеть смирно, но и поспешила бы с подкреплением для Свени.

Свени, удовлетворенный, насколько это было возможно при подобных обстоятельствах, вышел из тягача. Прежде чем отстегнуть ремень безопасности, он наклонился поцеловать Майк. Взрыв швырнул их обратно на сиденье.

Когда Свени пришел в себя, в голове противно звенело. Казалось, двигатель тягача замолк — кроме звона и отдаленных взрывов Свени ничего не слышал.

— Дон? Ты цел? Что это было?

— Все в порядке,— сказал он, садясь.— Ударился головой о панель. Судя по звуку, крупнокалиберная ракета.

— Одна из наших? Или... — В слабом свете приборной панели ее лицо было встревоженным и осунувшимся.

— Не знаю, Майк. Кажется, она упала в овраг неподалеку от нас. Что с двигателем?

Она коснулась стартера. Тот взвыл, и двигатель мгновенно проснулся.

— Наверное, я его машинально выключила, — виновато предположила Майк. — Что-то не то. Плохо работала гусеница с твоей стороны. — Она переключила передачу.

Свени отодвинул дверку кабины и выпрыгнул наружу, на каменистый грунт. Потом присвистнул.

— Что там?

— Взрыв был ближе, чем я думал. Правую гусеницу почти что разрубило пополам. Скорее всего, осколком скалы. Брось мне фонарик.

Наклонившись, Майк передала ему фонарь, потом дуговой сварочный аппарат и защитные очки. Подойдя к корме тягача, Свени надел очки и включил резак. Дуга вспыхнула голубым огнем горячей серы. Секунду спустя, подобно разворачивающейся змее, гусеница сползла с четырех больших серых снеговых покрышек правого борта. Волоча хвост кабеля, Свени перешел на левую сторону и разрезал вторую гусеницу. Потом, сворачивая кабель, он вернулся к кабине.

— Ладно, давай вперед, но медленно. Пока дойдем до лагеря, покрышки изрежет в куски.

Лицо Майк побледнело, но она ничего не спросила. Тягач медленно пополз вперед, став теперь полностью колесным. Мили через две с небольшим раздался мощный хлопок. Свени и Майк подпрыгнули на сиденьях. Быстрая проверка показала, что лопнула правая покрышка. Еще через две с половиной мили полетела и левая. К счастью, они были на разных осях и в разных положениях. Через пять миль, несмотря на то что с подъемом грунт становился все менее опасным, прокололась левая задняя.

— Дон?

— Что, Майк?

— Думаешь, бомба была с земного корабля?

— Не знаю, Майк. Но очень сомневаюсь. Они слишком далеко, чтобы вести прицельный обстрел Ганимеда, да и зачем им это? Скорее всего, потеряла управление одна из наших торпед. — Он щелкнул пальцами. — погоди! Если мы начали палить друг в друга из больших калибров, с кораблей это заметили. И мы можем проверить, заметили ли они.

Ба-бах!

Тягач накренился. Свени мог не глядя сказать, что лопнула правая ведущая. Оставшуюся милю колесам придется катиться на ободах — основной вес приходился на заднюю часть кузова.

Управляющие колеса постигла не столь печальная участь, поскольку нагрузка на них была минимальная.

Скрипя зубами, Свени расстегнул пряжку ремня и пробрался к радарному экрану в дальнем конце кабины, по пути на всякий случай проверив крепление металлического бидона.

Теперь луч на экране прочесывал гораздо больший сектор неба над Ганимедом. Невозможно было вычислить триангуляционное положение земных кораблей, но пульсирующие искорки на экране заметно поблекли. Свени понял, что эскадра отодвинулась еще на сотню тысяч миль.

Он усмехнулся и наклонился к уху Майк.

— Это была наша торпеда,— сказал он.— Рулман взялся за тяжелую артиллерию, вот и все. Кто-то из пилотов уронил ее над Впадиной. Эскадра заметила усиление огня и из предосторожности отступила. Ведь теперь ситуация выглядит более накаленной. Того и гляди Рулман тыпнет по бунтовщикам ядерной боеголовкой. Полицейские не собираются подставлять борта взрывной волне, когда это случится. Они знают о возможности детонации всей планеты. Сколько нам еще осталось ползти?

— Мы... — начала было Майк.

Ба-бах!

Майк схватила за выключатель зажигания, и мотор заглох.

— ...уже на месте,— заверила она. И вдруг затряслась от неудержимого смеха.

Свени слотнул, стараясь избавиться от комка в горле, и обнаружил, что и сам усмехается.

— С тремя целыми покрывками! — сказал он.— Гип-гип-ура! Теперь за работу.

В небе лопнул еще один осветительный снаряд, но далеко. Свени обошел тягач сзади, Майк осторожно пробралась следом. По пути она с тоской осмотрела разорванные мощные покрывки из силиконовой резины. Пятая, последняя шина была только проколота, но ее еще можно починить.

— Отстегни крепление бочки и опусти борт,— велел Свени.— Осторожно. Теперь давай спустим канистру вниз. Вот сюда.

Вокруг скрытые между камнями, среди массивных узловатых корней и стволов растений маленькие электронные устройства создавали иллюзию энергетической активности, как будто здесь располагался крупный военный лагерь. Его нельзя сфотографировать: видимый свет слаб, инфракрасное излучение еще слабее, ультрафиолет не пропускает атмосфера. Но детекторы фиксируют затраты энергии, а торпеды, направляющиеся в эту сторону, подкрепят впечатление.

С помощью Майк Свени установил алюминиевую канистру вертикально в самом центре этого электронного иллюзиона.

— Я пока сниму пробитую крышку,— сказал он.— До старта пятнадцать минут, а крышка может нам еще пригодиться. Знаешь, как эта штука подключается?

— Я ведь не идиотка. Занимайся крышкой.

Пока Свени работал с колесом, Майк отыскала главный кабель, питавший электронные излучатели, и подключила к нему дистерну. Сюда же она подсоединила пружинное устройство, которое должно было мгновенно активировать всю установку, как только будет пущен ток по обмоткам соленоидов.

Один провод от запала был присоединен к соленоиду, второй — к выкрашенному в ярко-красный цвет пульту на боку алюминиевого резервуара. Она проверила пружинную кнопку на другом конце кабеля. Все готово. Когда будет нажата кнопка, электронные «пискуны», сосредоточенные в этом районе, выключатся, а вся энергия сконцентрируется на бочке.

— Майк, у тебя все готово?

— Полная готовность. Пять минут до старта.

— Отлично,— сказал Свени, забирая у Майк катушку с проводом.— Теперь залезай в кабину и отведи тягач подальше за горизонт.

— Зачем? Ведь никакой опасности нет. А если бы и была, то почему я должна прятаться?

— Послушай, Майк,— сказал Свени. Он уже шагнул, разматывая провод.— Нужно убрать машину в безопасное место. Она нам еще пригодится, а когда рванет, машина может случайно загореться. Кроме того, вдруг полиции захочется повнимательнее взглянуть на это место? Они могут что-то заподозрить. Меня же, без машины, им ни за что не заметить. Вот почему тягач необходимо убрать подальше. Разве это не справедливо?

— Ну, ладно. Только поосторожнее, чтобы тебя не убило.

— Не убьет. Я сразу вернусь к тебе, как только спектакль закончится.

Нахмурившись, она забралась в кабину тягача, который вскоре медленно пополз по склону. Свени еще долго слышал хруст и скрежет голого металла ободов о камни, но в конце концов тягач оказался не только за пределами видимости, но и слышимости.

Свени продолжал идти до тех пор, пока провод не перестал разматываться и фальшивый военный лагерь не остался в миле от него. Он крепко сжал в ладони выключатель. Сверился с часами и присел на вступ скалы.

В небе голубыми солницами взорвалась цепочка осветительных ракет. Где-то просвистел снаряд, потом мелко задрожал грунт.

Свени надеялся, что торпедные операторы повстанцев не станут демонстрировать особую меткость.

Ждать осталось недолго. Всего лишь через несколько минут корабль, несущий детей-адаптантов, стартует из тайника в горе.

Двадцать секунд. Пятнадцать. Десять! Пять!

Свени нажал кнопку.

Глухо кашлянув, алюминиевая канистра включилась. Сработал запал. Ослепительный клубок света, защитит от которого не могли даже очки, поднялся в небо Ганимеда. Жар ударил Свени сильнее, чем выхлоп из дюз ракетного ранца по спине — как давно это было! Ударная волна, долетевшая примерно через десять секунд после взрыва, швырнула его на скальный выступ, так что он расквасил нос.

Не обращая на это внимания, он перевернулся на спину и поднял голову. Свет уже почти угас. Теперь в небо устремился столб желтоватого дыма, пронизанный струями раскаленных газов. Скорость его подъема приближалась к миле в секунду.

Это оказалась впечатляющая имитация ядерного взрыва. Только на высоте пяти миль столб стал распускаться грибовидным облаком, но вряд ли к этому времени в секторе Ганимеда на расстоянии десяти астрономических единиц остался хотя бы один земной корабль. Не осталось никого, чтобы полюбопытствовать, что же произошло.

Возможно, позднее полицейские эксперты и поймут, что их надули и что «атомный» взрыв был всего лишь исполинским фейерверком. Но к тому времени космический ковчег уже удалится на такое расстояние, что обнаружить его не удастся.

Собственно, даже сейчас корабль уже далеко. Он стартовал в тот самый момент, когда Свени нажал на кнопку взрывного устройства.

Свени поднялся на ноги и замурлыкал что-то, не обнаруживая и намека на музыкальный слух, как это бывало с Рулманом. Он продолжил свой путь на север. По другую сторону полюса Впадина становилась все менее глубокой. Здесь располагалась сумеречная зона, которую Солнце освещало лишь периодически, из-за либрации, когда спутник был на солнечной стороне гиганта. Конечно, в часы сумерек температура заметно падала, но это не продолжалось дольше восьми часов подряд.

И по всему Ганимеду колонисты направлялись теперь к тенивым зонам, уничтожив все следы поддельной войны, которая исчерпала себя. Они были разнообразно, но, так же как и Свени, основательно экипированы. А у него был к тому же исправный тягач, который еще хорошо послужит, — надо только перераспределить шесть уцелевших покрывал. И кузов загружен приборами,

инструментами, семенами, лекарствами, запасами еды и топлива. И с ним жена.

Конечно, Земля вскоре направит на Ганимед специальную экспедицию. Но она ничего не обнаружит. Внутри горы «пи», где до того находилась колония, все сгорело дотла в момент старта корабля. А колонисты — что ж, они будут рассредоточены по слишком большой территории.

«Крестьяне», — подумал Свени. Да, теперь они всего лишь крестьяне, не более.

Наконец впереди показался приземистый силуэт тягача, стоявшего у въезда в долину. Сначала он не увидел Майк, стоявшую спиной к нему. Он вскарабкался на холм и остановился рядом.

Долина уходила вдаль, веерообразно расширялась. Над ней слабо мерцала красивая дымка. Землянину пейзаж показался бы жутко тоскливым. Но сейчас его созерцали совсем другие глаза.

— Готов спорить на что угодно, — весело сказал Свени, — что такой земли не найти на всем Ганимеде. Если бы...

Майк обернулась и посмотрела на него. Свени замолк на полуслове. Жаль, что Рулмана уже нет на Ганимеде. Он отправился с детьми, хотя наверняка не доживет до конца перелета. Да и не смог бы он жить на той планете. Вместе с ним исчезли знания...

Да, Свени понимал, что Рулман великий человек. Возможно, даже более великий, чем его отец.

— Веди машину вперед, — тихо проговорил Свени. — Я пойду сзади.

— Зачем? Здесь отличная почва. Машина легко пойдет даже на оставшихся колесах. Лишний вес ей не повредит.

— Да нет, меня не вес волнует. Просто хочется пройти пешком. Ведь... Черт возьми, Майк, ведь я только-только родился. По-настоящему. Понимаешь? А младенцы не появляются на свет в четырнадцатитонных вездеходах!

КНИГА ВТОРАЯ

ЛЮДИ «ЧЕРДАКА»

1

...И сказано в Книге, что Гиганты, прилетев на Теллуру с далеких звезд, сочли Поверхность непригодной для жизни и злой. И потому повелели Гиганты, чтобы люди всегда жили над Поверхностью, всегда в воздухе, в лучах солнца и звезд, дабы помнили, откуда пришли некогда их создатели. И еще некоторое время жили Гиганты среди людей, учили их говорить, писать, плести нити, делать много разных иных вещей, которые нужны людям и о которых сказано в книге. А после отправились они к далеким звездам, сказав: «Владейте этим миром, как своим собственным, и хотя мы еще вернемся, не бойтесь этого, потому что этот мир ваш навсегда!»

...Первым, как архиеретика, из сетей выволокли Хоната-плетельщика. Рассвет еще не успел наступить, когда стражники, передвигаясь большими прыжками, потащили его сквозь бесконечные, пряно пахнущие заросли орхидей. Стражники были такие же, как и Хонат, — маленькие, согорбленные, с узловатыми мышцами, длинными безволосыми хвостами, которые закручивались в спираль по часовой стрелке. Торопливо прыгая за ними, Хонат старался попасть в такт их движениям. Иначе он соскользнет вниз и повиснет в петле, обхватывающей его шею.

Конечно, в любом случае после рассвета его отправят на Поверхность, в ужасную, неизведанную бездну, но даже если это

путешествие страшнее ломающего позвоночник рывка лианы, он не будет торопить смерть — подождет, пока Закон повелит: отправить!

Сеть, петляющих стеблей лиан толщиной с человеческое тело резко уходила вниз на краю леса из древовидных папоротников и хвощей. Стражники остановились, готовые начать спуск. Все взгляды устремились на восток, поверх погруженной в туманную мглу впадины. Звезды стремительно бледнели. Только яркое созвездие Попугая можно было еще разглядеть без труда.

— Хороший будет день, — сказал охранник довольно миролюбиво. — Лучше отправляться вниз в хорошую погоду, чем в дождь, верно, плетельщик?

Хонат вздрогнул, но ничего не ответил. Все знают, что внизу, в Аду, всегда идет дождь — влага собирается на миллиардах вечнозеленых листьев и стекает обратно, в черные болота.

Ад поверхности вечен, как и ветви деревьев.

Хонат огляделся. Из-за горизонта уже выступила треть огромного красного диска. Вот-вот должен появиться и голубой, яростно горячий спутник красного гиганта. До самого горизонта океаном черной нефти колыбался Лес. Только с близкого расстояния глаз начинал выделять мелкие детали, и мир становился таким, каким и был на самом деле, — громадной многослойной сетью, густо поросшей папоротниками, мхами, грибами, впитывающими влагу орхидеями, яркими растениями-паразитами, сосущими живительный сок из лиан, деревьев и даже друг из друга. Плотно прилегая друг к другу, листья умудрялись накапливать целые озера воды. Где-то уже хрипло затянули утреннюю песню древесные жабы и пищалки. Скоро, когда станет светлее, они замолчат, и снизу будут доноситься крики ящеров — этих воплощений проклятых душ, а может, дьяволов, охотящихся за душами.

Слабый порыв ветра, пронесшийся над рощицей хвощей, качнул сеть лиан под ногами, словно челнок ткацкого станка. Пытаясь сохранить равновесие, Хонат потянулся к лиане, но она вдруг злобно зашипела и уползла в темноту — это хлорофилловая змея поднялась из древнего мрака своего уровня поприветствовать солнце и высушить чешуйки на легком ветерке занимающегося утра. Она спугнула обезьяну, которая перепрыгнула на другое дерево и стала изливать возмущение в пронзительных воплях и всячески поносить обидчика, не забывая при этом совершать спасительные прыжки. Стражники одобрительно захихикали:

— Да, не очень-то они вежливы там, внизу. Подходящее место для тебя и прочих еретиков, плетельщик. Ну, пошли.

Лиана, привязанная к шее Хоната, натянулась, охранники зигзагообразными прыжками направились вниз, к Трону Правосудия. Лиана так и норовила зацепиться за руку, хвост или ногу Хоната, делая его движения отвратительно неуклюжими. Наверху звездные крылья Попугая начали таять в голубизне дневного неба.

В центре впадины, на сплетенной из лиан площадке стояли плетенные же хижины, тесно прижавшиеся одна к другой, некоторые из них были привязаны к веткам или свисали с них. Эти жилища были хорошо знакомы Хонату, потому что он сам сделал не одну такую хижину. Самые лучшие, похожие на вывернутые цветки, которые раскрывались от утренней росы и плотно смыкались вокруг хозяина с наступлением вечера, были его выдумкой. Они многим пришлось по вкусу.

Уважение, которое испытывали к его мастерству соплеменники, обернулось против Хоната, захлестнув на его шее конец лианы-удавки: его слова имели больший вес, чем слова остальных. Вот почему он объявлен архиеретиком, главным врагом человека, сбивающим молодых с пути истинного, сеющим сомнения в верности Книги Законов.

И, судя по всему, его вольномыслие и авторитет дали ему право на односторонний проезд в Адском лифте.

Хижины-мешки уже начали открываться. Выглядывая из-за крестообразных переплетений, набухших от росы, обитатели воздушной деревни сонно помаргивали. Кое-кто наверняка узнал Хоната, но никто не вышел наружу, чтобы последовать за стражниками. Хотя в обычный день обитатели деревни уже давно высыпали бы, словно спелые плоды, из сердцевин мешков.

Скоро должен начаться Суд. И даже те, кто провел эту ночь в лучших мешках Хоната, не решатся сказать слово в его защиту. Все знали, что Хонат не верит в Гигантов!

Наконец они приблизились к Трону Правосудия. Трон был сплетен из тонких лиан, от времени высохших до толщины тростника, подголовник обвивали орхидеи. Никто не помнил, когда его сделали. Этот мир не знал времен года, и народ верил, что орхидеи цвели там вечно. Трон был подвешен с краю над ареной. В свете наступающего дня Хонат видел восседавшего на нем Вершителя Судеб. Его окаймленное белым мехом лицо серебристо-черным пятном выделялось на фоне огромных цветов.

В центре арены располагался Лифт.

Хонат присутствовал на одном из актов правосудия и видел Лифт в действии, но до сих пор с трудом верил, что следующим пассажиром будет он сам. Лифт был всего лишь глубокой белой корзиной. Вделанные в боковые стенки острые шипы не позволяли

из нее выбраться. К краям были привязаны три плетеных каната, концы которых намотали на деревянный барабан.

Обреченного в этой корзине опускали на Поверхность. Если жертва не хотела покидать корзину, ее оставляли внизу до тех пор, пока осужденный не умирал с голоду или Ад не расправлялся с ним каким-нибудь другим способом. После этого барабан вращали в обратную сторону.

Срок наказания зависел от тяжести преступления. Но это была чистейшая формальность. Хотя по истечении срока корзину опускали на Поверхность, в нее до сих пор никто и никогда не возвращался. В мире, где нет смены времен года и луны, трудно вести счет времени. Корзину могли опустить с ошибкой в тридцать-сорок дней в любую сторону от назначенного срока. Но если трудно было отмерять время в мире Вершин, то каково в Аду?

Между тем стражники привязали Хоната к ветке и расположились рядом с пленником. Один из них рассеянно передал Хонату шишку, и тот попытался отвлечься от невеселых дум, извлекая из нее сочные съедобные семена. Но они почему-то казались безвкусными.

На арену начали доставлять других обвиняемых. Вершитель, переводя взгляд черных глаз с одного на другого, наблюдал за процедурой с возвышения. Привели Матилд-разведчицу (она отыскивала еду). Преступница вздрагивала, шерсть на левом боку потемнела и слиплась, словно она опрокинула на себя бромелед, растение-резервуар. За ней был введен Аласкон-навигатор, мужчина средних лет, лишь ненамного моложе Хоната. Его привязали неподалеку, и он, усевшись, принялся меланхолично жевать стебель съедобного тростника.

Ничто не нарушало тишины, пока стража не приволокла Сета-иглодела. Еще издалека все услышали его мольбы и вопли ярости. Из коконов жилищ вынырнули головы любопытных. Секунду спустя над краем арены показались стражники. Они и сами кричали, но громче всего звучал голос Сета. Упираясь всеми пятью конечностями, хватаясь за ветки и лианы, он боролся изо всех сил. Тем не менее группа неумолимо приближалась к арене.

Охранники Хоната снова занялись вкусными семенами. За суматохой Хонат не заметил, как привели Чарла-чтеца. Теперь он сидел напротив Аласкона, равнодушно глядя вниз на сеть лиан и расслабив плечи. От него веяло отчаянием. Один взгляд на Чарла заставил Хоната поежиться.

Со своего высокого трона заговорил Вершитель:

— Хонат-плетельщик, Аласкон-навигатор, Чарл-чтец, Сет-иглодел, Матилд-разведчица, вы вызваны сюда, чтобы ответить правосудию!

— Правосудия! — завопил Сет. Он пружиной вырвался из рук стражников, но тут же был опрокинут рывком лианы. — Нет правосудия! Почему меня, который совершенно не имеет отношения...

Стражники схватили Сета и мускулистыми коричневыми ладонями зажали ему рот. Вершитель, явно довольный, наблюдал за действиями стражи.

— Вам предъявлено три обвинения, — продолжил Вершитель. — Первое — вы рассказывали детям заведомую ложь. Второе — вы бросили тень сомнения на божественность Порядка. Третье — вы отрицали истинность Книги Законов. Каждый из вас может говорить по очереди в порядке старшинства. Хонат, ты можешь обратиться к суду первым.

Хонат, слегка дрожа, поднялся. Но тут он почувствовал прилив былой независимости.

— Ваши обвинения, — начал он, — основаны на одном — отрицании Книги Законов. Я не учил ничему, что противоречит Книге, и не бросал сомнений ни на одно из законоположений. И поэтому я отвергаю ваше обвинение.

Вершитель недоверчиво смерил его взглядом.

— Очень многие люди говорили, что ты не веришь в Гигантов, Хонат, — сказал он. — Новой ложью ты не добьешься от суда снисхождения и милосердия.

— Я отрицаю обвинение, — настаивал Хонат. — Я верю в Книгу Законов в целом и верю в Гигантов. Я учил лишь, что Гиганты не существовали в том смысле, в каком существуем мы. Это символы высшего бытия.

— Что же это за высшее бытие? — настороженно спросил Вершитель. — Опиши.

— Ты требуешь от меня того, чего не смогли сделать создатели Книги, — горячо сказал Хонат. — Если это бытие они облекли в символы, а не описали прямо, то как это могу сделать я — обыкновенный плетельщик?

— Твои слова — бред, — рассердился Вершитель. — Но они подрывают порядок, установленный Книгой. Если люди перестанут бояться Гигантов, то разве будут они подчиняться законам?

— Да, потому что они люди и выполнять законы в их интересах. Они не дети, которым нужно пугало. Более того, Вершитель, вера в Гигантов, которые вернутся и снова начнут нас наставлять, вредна. Половину того, что знаем, мы взяли из

Книги. И ожидаем, что остальное свалится на нас с неба, а тем временем ведем дикую жизнь растений.

— Отвергая часть Книги, мы ставим под сомнение всю ее, — мрачно произнес Вершитель. — И тогда мы теряем то, что ты назвал половиной знаний. И что на самом деле знание для тех, кто смотрит на мир ясным взором?

Хонат вдруг потерял выдержку.

— Тогда отбросим все! — вскричал он. — Отбросим и начнем учиться сначала и пойдем дальше, уже опираясь на собственный опыт. Вершитель, ты старый человек, но еще не все забыли, что такое любопытство!

— Молчать! — прошипел Вершитель. — Мы слушали тебя достаточно. Теперь пусть говорит Аласкон-навигатор.

— Большая часть Книги неправильна, — начал Аласкон, поднявшись. — Как источник сведений о различных ремеслах она верно послужила нам. Но сказанное в ней о строении Вселенной явно бессмысленно. Таково мое мнение. Хонат сказал о ней слишком мягко. Я не делал секрета из того, что думаю, и говорил об этом открыто.

— И ты дорого за это заплатишь, — подвел итог Вершитель, тяжело вздохнув. — Чарл-чтец!

— Мне нечего сказать, — поднялся и тут же сел Чарл-чтец.

— Ты отрицаешь обвинения?

— Я умею читать, Вершитель. — Голова Чарла неожиданно поднялась рывком, и он с отчаянием взглянул на Вершителя. — И ясно видел в Книге слова, противоречащие друг другу. Я указывал на эти противоречия. Это неоспоримый факт. Я никого не обманывал, не сказал и слова неправды, не призывал к отказу от Книги. Я только указывал на противоречия, вот и все.

— Сет-иглодел, можешь говорить.

Охранники с облегчением освободили рот Сета: тот умудрился несколько раз укусить зажимавшую его рот ладонь. Сет немедленно принялся кричать:

— Я не имею ни малейшего отношения к этим проходимцам! Я — жертва слухов и зависти. Соседи завидуют моему искусству. Я продавал иглы плетельщику, верно! Ну и что? Все обвинения против меня — ложь! Ложь!

Хонат в ярости вскочил, потом опустился на место, подавив рвущиеся наружу слова. Какое это теперь имеет значение? Почему он должен свидетельствовать против этого юноши? Остальным это не поможет, и если Сет надеется, что ложь ему позволит избежать Ада, что ж, пусть попробует...

Вершитель посмотрел на Сета с тем же выражением гневного недоверия, с каким он недавно смотрел на Хоната.

— А кто вырезал еретические слова на дереве возле дома Хоси-законодателя? — поинтересовался он.— Там поработали острые иглы, и есть свидетели, говорящие, что твои руки помогали этим иглам.

— Новая ложь!

— Мы, нашли иглы, которыми сделаны надписи, в твоём доме, Сет.

— Это не мои... мне их подбросили. Освободите меня!

— Тебя освободят,— холодно пообещал Вершитель, и не было сомнений в том, что он имел в виду. Сет забился в истерику. Жесткая рука охранника немедленно закрыла его рот.

— Матилд-разведчица, мы слушаем твоё обращение к суду.

Молодая женщина медленно поднялась. Мех на её боку уже почти высох, но она ещё заметно дрожала.

— Вершитель,— начала она.— Я видела то, что показывал мне Чарл-чтец. Я сомневалась, но Хонат укрепил меня в том, что я видела. Я не вижу вреда в том, чему он учит. Его слова не сеют сомнения, а наоборот, снимают их. Я не вижу здесь ничего дурного и не могу понять, почему это считается преступлением.

Хонат с изумлением и восхищением посмотрел на неё. Вершитель ронял слова, как камни:

— Мне жаль тебя, но невежество не умоляет вины. И все же мы будем милосердны: если вы отречётесь от ереси, поклянетесь, что Книга истинна от первой и до последней страницы, мы всего лишь изгоним вас из племени.

— Отрекаюсь! — завопил Сет.— Я эту ересь никогда не разделял. Это ложь! Я верю в Книгу! Только в Книгу, в каждое её слово!

— А ты, Иглодел,— с отвращением сказал Вершитель,— лгал до сих пор, следовательно, лжешь и теперь. На тебя наша милость не простирается.

— Проклятая гнилая гусеница! Чтоб тебя... умг...

— Плетельщик, твой ответ?

— Нет! — с каменной твердостью ответил Хонат.— Я говорю правду. И не отрекусь от неё.

Вершитель посмотрел на остальных троих.

— Подумайте как следует. Разделяющий ересь разделит и наказание. Оно не будет смягчено только потому, что это не вы её придумали.

Последовало долгое молчание.

Хонат с трудом слотнул. Он понял, что эти трое не проронят ни слова и что они сохраняли бы молчание, даже не имея перед глазами примера Сета. Теперь, когда храбрость и

вера оставили его, Хонат сомневался, смог бы он на их месте поступить так же.

— Тогда, — после недолгого раздумья сказал Вершитель, — вы все приговариваетесь к тысяче дней в Аду.

Из-за пределов арены, где незаметно для Хоната собралась большая толпа, донесся вопль изумления: такого долгого срока история племени еще не знала.

• Хотя какая разница? Хватило бы и сотни дней в Аду. Оттуда никто и никогда не возвращался.

— Подготовьте Лифт, — распорядился Вершитель. — Они отправятся туда все вместе. А с ними — их ересь.

2

Корзина закачалась. Последнее, что видел Хонат, — это кольцо лиц, склонившихся над отверстием. Еще один оборот барабана — и лица исчезли.

На дне корзины, свернувшись в плотный клубок и закрыв концом хвоста глаза и нос, рыдал Сет. Остальные хранили молчание.

Над ними сомкнулся полумрак. Царило необыкновенное безмолвие. Иногда хрипло и резко вскрикивал птицеящер, и этот крик только подчеркивал тишину. Свет, просачивающийся в длинные коридоры между стволами деревьев, рассеивался в зелено-голубую дымку, сквозь которую лианы тянули свои длинные изогнутые тела. Колонны древесных стволов окружали корзину со всех сторон, но стояли слишком далеко, чтобы помешать спуску. Время от времени корзина покачивалась, описывая восьмерки, — громадный маятник Фуко с грузом из пяти живых существ.

Корзина в последний раз нырнула, дернулась и накренилась. Пленников швырнуло на твердые прутья плетеных стенок. Матилд громко и пронзительно вскрикнула. Сет почти тут же развернулся, пытаясь нащупать опору. Еще один рывок, и Лифт замер, корзина легла на бок.

Они прибыли в Ад.

Хонат начал осторожно выбираться из корзины, стараясь не зацепиться за длинные шипы, торчащие отовсюду. Секунду спустя за ним последовали Чарл и Аласкон. Последний крепко держал за руку Матилд. Поверхность оказалась влажной, мшистой и

холодной. Пальцы на ногах Хоната тут же непроизвольно поджались.

— Пошли, Сет,— негромко сказал Чарл.— Они ведь все равно не поднимут ее, пока мы не вылезем. Ты ведь знаешь.

Аласкон всматривался в холодный туман Поверхности.

— Да,— подтвердил он.— И нам нужен хороший мастер. Если у нас будут иглы, то, может, не пропадем...

Сет лихорадочно переводил взгляд с одного на другого. Потом, вскрикнув, одним прыжком покинул корзину, пронесся над их головами, ударился о толстый ствол, упруго оттолкнулся и ракетой устремился в туманный воздух наверху.

Изумленно раскрыв рот, Хонат смотрел вслед Сету. Ловко уцепившись за трос корзины, Сет начал проворно карабкаться вверх. Он даже не удостоил спутников прощальным взглядом.

Некоторое время спустя корзина закачалась и пошла вверх. Сотрясения троса, очевидно, заставили вращавших барабан предположить, что последний обреченный покинул корзину. Корзина, покачиваясь и танцуя, начала подниматься. И скоро фигура беглеца исчезла из виду в прозрачной мгле, а за ней и корзина.

— Он не доберется до вершины,— прошептала Матилд.— Слишком далеко, и он слишком торопится. Он скоро выбьется из сил.

— Не думаю,— возразил Аласкон.— Он упорен и силен. Если кто и способен выдержать подъем, так это Сет.

— Но они его убьют, даже если он и доберется.

— Естественно,— пожал плечами Аласкон.

— И я не буду слишком о нем жалеть,— добавил Хонат.

— Тем более я. Но острые иглы могли бы нам пригодиться здесь, внизу. Ну да ладно. Нам бы только выбраться отсюда. Только как отличить один лес от другого? Листва-то не видна.

Хонат удивленно воззрился на навигатора:

— Ты надеешься выжить в Аду, Аласкон?

— Конечно,— спокойно ответил тот.— Это такой же ад, как то, что наверху,— рай. Это всего лишь поверхность планеты, не более и не менее. И мы выживем, если не одуреем от страха. Или ты собираешься сидеть на месте, ожидая чудовищ, которые явятся за тобой?

— Я об этом еще не думал,— признался Хонат.— Но если Сет сорвется с каната раньше, чем доберется до платформы, где его прирежут... Может, нам удастся его поймать? Он не тяжелый. Если бы мы соорудили что-нибудь похожее на сеть...

— Он просто переломает себе кости, да и нам тоже,— сказал Чарл.— Я за то, чтобы мы поскорее отсюда убрались.

— Зачем? Ты знаешь место получше?

— Нет. Но только ад это или не ад, а демоны здесь водятся. Мы сами видели их сверху — змееголовые великаны. Они знают наверняка, что Лифт выгружается именно в этом месте и доставляет им даровое угощение. У них могло войти в привычку приходить сюда на кормежку...

Не успел он закончить свою мысль, как вверху зашелестели ветки. Сквозь голубой воздух зашуршал поток ледяных капель, пророкотал гром. Матилд захныкала.

— Это всего лишь гроза,— попробовал успокоить ее Хонат, но голос подвел его, и вместо слов изо рта вылетели негромкие каркающие звуки. Слыша шуршание ветра в ветвях, Хонат автоматически согнул ноги в коленях и начал искать руками опору, ожидая, что поверхность под ногами долго и волнообразно закачается. Но она осталась неподвижной. Опоры для рук поблизости не было.

Он покачнулся, пытаясь движением избавиться от гнетущей неподвижности. Между стволами деревьев пронесся новый порыв ветра, и тело Хоната еще больше напряглось в ожидании движения. И снова влажная губчатая поверхность под его ногами осталась неподвижной. Исчезла важная составляющая жизни — необходимость постоянно сохранять равновесие, такая естественная для обитателя Вершин, где ветви и лианы все время качают порывы ветра.

Чувствуя головокружение, Хонат опустился на землю. Прикосновение не защищенных мехом ягодиц к холодной сырой почве не доставило ему удовольствия, но стоять не было сил, иначе скудный завтрак осужденного покинул бы его желудок. Одной рукой он обхватил твердый ребристый корень дерева, но и это привычное движение не прогнало дурноты.

Другие чувствовали себя не лучше. Матилд бездумно раскачивалась, сжав губы и закрыв ладонями маленькие изящные ушки.

Головокружение. Они и понятия не имели о нем там, наверху. Головокружением страдали только те, кто серьезно повредил голову или заболел. Но здесь, на неподвижной Поверхности, головокружение, видимо, грозило остаться с ними навсегда.

Чарл сидел на корточках, судорожно сглатывая слюну.

— Я... я не выдержу! — простонал он.— Это колдовство. Аласкон... змееголовые демоны...

— Чепуха,— сказал Аласкон, хотя и сам оставался в вертикальном положении только благодаря тому, что приник к огромному вздутию на стволе.— Просто нарушено чувство

равновесия. Это... от неподвижности. Мы скоро привыкнем, и оно пройдет.

— Лучше бы нам... — начал Хонат, заставив себя отпустить корень пальмы, который он сжимал с отчаянием обреченного. — Кажется, Чарл правильно говорил насчет даровой пищи для местных хищников. Мне почудилось какое-то движение в папоротниках, Аласкон. И если дождь будет долгим, вода скоро поднимется. После сильных ливней я замечал внизу серебристый блеск.

— Правильно, — тихо сказала Матилд. — Рошу папоротников всегда заливают. Вот почему Вершины здесь гораздо ниже...

Ветер немного утих, хотя дождь продолжал лить. Аласкон попробовал отпустить опору и выпрямился.

— Двинемся, — предложил он. — Будем держаться под прикрытием, пока не взберемся повыше...

Откуда-то сверху донесся слабый треск, который становился все громче. Похолодев от ужаса, Хонат поднял голову.

Сначала из-за далекой завесы лиан и веток ничего не было видно. Потом с ошеломляющей внезапностью что-то маленькое и черное пробило зеленые своды, пронизало сине-голубой воздух и врезалось в почву неподалеку от пораженных страхом людей. Это было тело, и летело оно безвольно кувyrкаясь. Все бросились в разные стороны. Тело ударилось о грунт с влажным чавкающим звуком. Что-то лопнуло, как туго набитый мешок. Несколько секунд все стояли неподвижно, потом Хонат осторожно приблизился.

Это был Сет — в этом Хонат не сомневался с первой минуты. Но убило его не падение — еще наверху в него вонзились дюжины игл. Часть из них, наверное, он сам отточил, сделав почти невидимыми, древокожными лентами, которые предварительно вымочил в теплых бромеледовых ваннах.

Да, милосердия с Вершин не дождешься. Приговор ясен — тысяча дней а Аду или падение и куча переломанных костей вперемешку с грязным мехом.

Так начался их первый день на Поверхности.

Остаток дня ушел на то, чтобы ценой невероятных усилий добраться до возвышенности. Большую часть пути пришлось почти ползти, потому что деревья, за исключением редко разбросанных

гингко и кизила, начинали ветвиться только метрах в шести над землей. Когда они с великими трудностями преодолели часть пути к Великому Хребту и грунт стал тверже, путники попытались взбираться на низкие ветки и совершать короткие прыжки. Но очень скоро их с жуткими криками атаковали десятки птицеядщеров, сражаясь за право первыми сожрать пухлые, невероятно медлительные существа. К счастью, мерзкие твари были не очень крупны, и люди отделались несколькими сильными укусами.

Когда это случилось в первый раз, они посыпались на землю, как шишки с сосны, и остались лежать неподвижно, парализованные ужасом, под прикрытием ближайшего куста выжидая, пока желтокрылые веерохвостые бестии не устанут кружить над убежищем и не отправятся на воздушный простор. И даже когда те улетели, они еще долго прижимались к земле, опасаясь появления демонов более крупного размера, привлеченных шумом рассерженных птицеядщеров.

Но пока что змееголовые великаны не показывались, хотя Хонату несколько раз и слышался подозрительный шум, напоминавший тяжелые шаги.

К счастью, когда они забрались повыше, в зеленой завесе над их головами обозначились просветы, — обтекая подножия больших розовых утесов, джунгли открывали кусочки чистого неба, лишь кое-где перечеркнутые живыми мостами лиан и лоз. А в дымных голубовато-зеленых столбах света роилась иерархия летающих созданий. В самом низу носились жуки, пчелы и двукрылые насекомые. За ними охотились гигантские стрекозы с размахом крыльев не меньше полуметра. Выше метались птицеядщеры, пожиравшие стрекоз и все, что можно было сожрать, не ожидая отпора. И наконец, выше всех планировали гигантские рептилии, плывшие у кромок скалистых утесов в потоках теплого восходящего воздуха. Их длинные безобразные зубастые пасти подстерегали все, что попадалось им в воздухе, — птиц, населяющих Вершины, и даже летающих рыб на просторах далекого моря.

Компания задержалась, продираясь сквозь особенно густую заросль осоки. Хотя дождь продолжал лить, такой же сильный, как и несколько часов назад, нестерпимо хотелось пить. До сих пор не попало ни одного бромеледа — очевидно, эти живые резервуары в Аду не произрастали. Они складывали ладони чашечками и возносили их к небу, но так удавалось набрать на удивление мало воды. А лужи, были слишком мелкими, чтобы из них напиться. Но зато здесь в воздухе шла отчаянная борьба за выживание, и птицеядщеры уже не угрожали.

Белое солнце закатилось, а сегмент красного зловеще маячил на западе, но лишь потому, что свет его искривлялся в атмосфере

Теллуры сильной гравитацией белого карлика. В этом мрачном свете капли дождя были похожи на кровь, а испещренные шрамами лики розовых скал практически исчезли. Хонат с сомнением рассматривал их из-за осоки.

— Не понимаю, как мы смогли вскарабкаться на такую высоту,— тихо сказал он.— Этот известняк ломается, стоит только к нему прикоснуться. Иначе нам больше повезло бы в войне с Племенем Утесов.

— Мы могли бы обойти скалы,— посоветовал Чарл.— Подножия Великого хребта не очень крутые. Если мы доберемся до них, то уж на сам хребет наверняка заберемся.

— К вулканам? — запротестовала Матилд.— Но там никто не живет, только белое пламя. И там иногда видны потоки лавы, удушающий дым.

— Да, Хонат совершенно прав, на эти утесы нам никогда не вскарабкаться,— сказал Аласкон.— И на каменные поля тоже не с руки лезть. Там нет ни еды, ни воды, ни убежищ. Разве попробовать пробраться к подножию хребта?

— А мы не можем остаться здесь? — жалобно спросила Матилд.

— Нет,— сказал Хонат, даже мягче, чем хотел. То, место, куда они добрались, самым опасное в Аду. Он сказал «нет» хотя голос внутри него кричал «да».— Нужно поскорее уходить из страны демонов, и может быть, если мы перевалим через хребет, то встретим племя, которое не знает о нашем изгнании, о приговоре. По ту сторону хребта обязательно должны быть племена, только Люди Утесов не давали нам до сих пор встретиться с ними. Теперь это играет нам на руку.

— Верно,— согласился Аласкон, немного приободрившись.— И с вершины хребта мы сможем спуститься вниз, к новому племени, вместо того чтобы карабкаться к Вершинам из Ада. Хонат, кажется, у нас появился шанс.

— Тогда нам лучше немного поспать,— сказал Чарл.— Место, похоже, достаточно безопасное. Если мы решили обойти утесы и подняться на хребет, то нам потребуются все наши силы.

Хонат хотел запротестовать, но внезапно навалились усталость, и безразличие. Что ж, если среди ночи их настигнет чудовище, это, по крайней мере, быстро положит конец мучительной борьбе.

Источающая влагу земля не лучшая постель, но другой не было. Они свернулись клубками, стараясь устроиться поудобнее. Хонат уже почти заснул, как вдруг услышал жалобное постыкивание Матилд, подполз к ней, начал языком разглаживать мех. К его изумлению, каждый шелковистый волосок накапливал влагу. И задолго до того как девушка успокоилась и, свернувшись

калачиком, уснула, Хонат утолил жажду. Утром он обязательно поделится с остальными своим открытием.

Но когда утром взошло белое солнце, на утоление жажды времени уже не осталось. Чарл-чтец исчез. Нечто аккуратно и совершенно бесшумно выдернуло его из груды теплых тел, и только валявшийся неподалеку на склоне тщательно обглоданный череп напоминал о ночной трагедии.

4

В тот день трое оставшихся в живых обнаружили бурный голубой поток, изливающийся с подножия хребта. Даже Аласкон не знал, как истолковать это чудо. На вид это была вода, но она текла, словно лава. Никто из них никогда не видел текущей воды. Конечно, призвав на помощь воображение, они могли представить такую массу воды, собранную из множества древесных резервуаров... Но чтоб она двигалась? Наверное, здесь водятся питоны. Или влага ядовита. Никому из путешественников и в голову не пришло напиться. Они боялись даже подойти и прикоснуться к этому странному веществу, не говоря уже о том, чтобы перейти поток вброд. Ведь он, наверное, горячий, как лава. Они осторожно двигались к подножию хребта. Губы их пересохли, а языки были шершавы, словно пустые стебли хвощей.

Если бы не жажда, которая, впрочем, заглушала голод, подъем был бы не очень трудным. Нужно было только постоянно выбирать прикрытие, ощупывать глазами пространство впереди, предпочитая безопасный путь короткому. По молчаливому согласию никто из троих не упоминал о Чарле. Но глаза их непрерывно искали чудовище, которое так безжалостно расправилось с их товарищем.

Однако до сих пор им не встретилось ни одного животного крупнее человека. Огромный отпечаток лапы с тремя громадными когтями был единственным свидетельством того, что какое-то жуткое чудовище стояло ночью, склонившись над четверкой спящих и выбирая себе жертву, того, что и сейчас они в мире Демонов — тех самых змеёголовых великанов, которых видели с Вершин, из безопасного далека.

Отпечаток лапы... и череп.

К приходу ночи им удалось подняться не меньше чем на сто пятьдесят футов. В сумерках было трудно определить расстояние. Переплетенные массы лиан, родной мир Вершин, исчезли из виду,

заслоненные пиками и утесами из розового известняка. Но было ясно, что в этот день им уже не подняться выше. Матилд на удивление легко переносила тяготы пути, и Хонат почти не ощущал усталости, но Аласкон окончательно выбился из сил. Причиной тому был глубокий порез на бедре — Аласкон неосторожно напоролся на острую грань большого металлического осколка, торчащего из утеса. Рана, покрытая повязкой из листьев, — чтобы остановить кровь и не оставить следов, по которым их найдет смерть, — болела все сильнее и сильнее.

Хонат наконец предложил сделать привал. Они достигли небольшого гребня, на обратной стороне которого была пещера. Помогая Аласкону преодолеть последние мили, Хонат удивился: какими горячими стали руки навигатора. Он отвел его в пещеру, потом вышел наружу, на каменный выступ-полку, где стояла Матилд.

— Ему плохо, — тихо сказал он. — Нужна вода и листья для повязки. И то и другое мы должны добыть любой ценой. Если мы преодолеем хребет и выйдем в джунгли, без навигатора нам не обойтись. Он нам нужнее иглодела.

— Но где взять воду в этой пустыне? Нам через нее никогда не перебраться.

— Все равно, нужно попробовать. Я, кажется, знаю, где вода. На склоне, по которому мы поднимались, росла большая пиклоделя. Мы обошли ее как раз перед тем, когда Аласкон поранил бедро. Если я смогу вскрыть ее с помощью куска обсидиана...

Маленькая ладонь крепко сжала его локоть.

— Хонат, назад идти нельзя. А вдруг Демон, который убил Чарла, следит за нами? Он выходит на охоту как раз ночью... и эта местность нам совсем незнакома.

— Я найду дорогу. Пойду на шум этого странного потока. А ты собери свежих листьев и попытайся устроить его поудобнее. Немного ослабь жгуты на повязке. Я скоро вернусь.

Он ласково разжал пальцы Матилд, освободил свою руку. Потом, не колеблясь ни секунды, перебрался через валуны на вершине маленькой гряды и направился в сторону потока. Он передвигался на четвереньках.

Но очень скоро он заблудился. Ночь была темная — хоть глаз выколи, беспросветная, и вскоре он обнаружил, что шум потока доносится словно бы со всех сторон, не давая ему определить направление. Память тоже подвела его. Каменная полка гряды, которая вела к пещере, вдруг резко повернула вправо, хотя он твердо помнил, что она вела прямо, минуя первую боковую ветвь, а потом поворачивала влево. Неужели он пропустил в темноте

поворот и вошел в боковую, правую ветвь? Он осторожно протянул вперед руку, нащупывая путь.

И в этот момент резкий порыв холодного ветра пронесся среди скал, и Хонат бессознательно переместил вес тела, ожидая движения опоры под ногами...

Он тут же осознал ошибку и попытался остановиться, но рефлекс не так легко подавить в одно мгновение. Испытывая ужасное головокружение, Хонат напрасно ловил руками пустой воздух, ища опоры, и в следующий миг полетел вниз.

Ледяной холод сковал тело, и лишь через секунду он понял, что оказался в воде. Очень холодной, бурно текущей, но все равно воде!

Он едва подавил вопль. Ничего страшного. Просто он упал в поток воды и намок. Хонат почувствовал легкие прикосновения к бедрам и лодыжкам. Да это просто рыбы! Он не боится рыб — небольшие их стайки иногда водились в резервуарах бромеледов. Наклонив голову к воде и вволю напившись, он выбрался на каменистый берег, стараясь не стряхивать с шерсти драгоценную влагу.

Назад он не шел, а летел.

— Матилд,— хриплым голосом позвал он.— У нас теперь есть вода.

— Скорее сюда. Аласкону стало хуже. Я так боюсь, Хонат...

Роняя капли воды, Хонат ошупью пробрался в пещеру.

— У нас нет никакой посуды... Аласкону придется лизать твой мех, если он захочет напиться.

— Не знаю, сможет ли он подняться...

Подняться Аласкон смог, хотя и с большим трудом. Даже то, что вода была холодная — совершенно новое ощущение для человека, привыкшего к теплой, как суп, воде древесных резервуаров — казалось, придавало ему сил. Он снова лег, сказав слабым, но вполне нормальным голосом:

— Значит, это была все-таки вода.

— Да,— подтвердил Хонат,— и в ней даже есть рыба.

— Не трать силы, Аласкон,— упрекнула Матилд.— Тебе нужно отдыхать, а не разговаривать.

— Я отдыхаю. Хонат, если мы будем держаться русла потока... о чем это я? Ага. Так как мы теперь знаем, что это вода, то сможем пересечь хребет, держась берега потока. Как ты обнаружил, что это вода?

— Потерял равновесие и свалился в нее.

Аласкон тихо рассмеялся.

— В Аду не так уж плохо, верно? — прошептал он. Потом вздохнул, и ветки, на которых он лежал, заскрипели.

— Матилд... Что с ним? Он умер?

— Нет... Просто он еще слабее, чем сам думает, вот и все... Хонат, если бы они, там, наверху, знали, какой ты бесстрашный...

— Я перепугался до смерти,— мрачно ответил Хонат.— До сих пор трясусь.

Но рука девушки нашла его руку в непроницаемой темноте, и это теплое прикосновение странным образом переменило настроение Хоната. Аласкон тяжело и прерывисто дышал. И Хонат, и Матилд сознавали, что в эту ночь им не уснуть. Они присели рядом на плоский камень. Зыбкий покой снизошел на них, и когда вход в пещеру начал проступать на фоне светлеющего неба — приближался восход красного солнца,— они посмотрели друг на друга, соединенные общей тайной.

«Ад,— подумал Хонат,— и в самом деле не так уж ужасен, если разобраться».

С первыми лучами белого солнца у входа в пещеру показался молодой саблезубый тигр. Животное показало отличные клыки, несколько мгновений глядело на людей, потом повернулся и грациозными прыжками скрылось из виду. Им эти мгновения, когда хищник стоял у входа в пещеру, прислушиваясь к их дыханию, показались вечностью. Счастье, что они заняли логово почти что котенка. Взрослое животное расправилось бы с ними за несколько секунд, как только его фосфоресцирующие глаза рассмотрели бы ночных пришельцев. Тигренок же был озадачен, обнаружив свое жилище занятым, но не захотел затевать ссору с незнакомыми существами.

Появление и исчезновение громадной кошки не столько испугало, сколько изумило Хоната — так неожиданно завершилось их ночное бдение.

Как только послышался первый стон Аласкона, Матилд вскочила и подошла к больному товарищу, что-то тихо приговаривая.

Хонат, очнувшись от столбняка, последовал за ней.

На полпути к тому месту, где лежал Аласкон, он вдруг обо что-то споткнулся, и посмотрел себе под ноги. Это была кость животного, еще не полностью обглоданная. Очевидно, тигренок намеревался спасти от непрощенных гостей остатки своего обеда. Внутренняя поверхность кости поросла серой плесенью. Хонат, присев, соскоблил немного плесени.

— Матилд, нужно приложить к ране плесень. Иногда это помогает от воспаления... Как у него дела?

— Кажется, лучше,— пробормотала Матилд.— Но жар еще держится. Не думаю, что мы сегодня сможем выйти.

Хонат не знал, радоваться этому или нет. Он, конечно, спешил покинуть опасную пещеру, хотя в ней они расположились с относительным удобством. Возможно, что здесь они в безопасности, потому что низкая пещера все еще сохраняла сильный запах тигра. Местные обитатели, почуяв запах, будут держаться подальше. Конечно, очень скоро запах станет слабее, а потом и совсем выветрится.

Но им надо двигаться дальше и, если повезет, пересечь Великий хребет, чтобы найти свое место в мире, похожем на утраченный, чего бы это ни стоило. Даже если существование в Аду окажется относительно легким — пока особых надежд на это не было, — они вернуться в мир Вершин. Но мир этот им придется завоевывать. Иначе не имело смысла все затевать. Проще было не раздражать соплеменников, оставив свой образ мыслей при себе. Но Хонат не стал молчать, как и все остальные, каждый по-своему.

Извечное внутреннее противоречие между тем, что хочется делать, и тем, что надо делать. Оно было хорошо знакомо Хонату. Он понятия не имел о Канте и категорическом императиве, не знал, какая сторона его характера победит. Насмешливая природа наделила сильным чувством долга ленивую натуру созерцателя. И каждое решение давалось ему тяжело.

Но пока от него ничего не зависит. Аласкон все еще слишком слаб, чтобы отправиться в путь. Вдобавок небо затянуло тучами. Донесся первый раскат грома. Надвигалась гроза.

— Останемся здесь, — сказал он, — сейчас снова начнется дождь. И на этот раз он будет сильным. Тогда можно будет выйти и набрать фруктов. Дождь меня скроет, если поблизости бродит какой-нибудь хищник. И пока идет дождь, не нужно ходить за водой к реке.

Дождь продолжался весь день и даже время от времени усиливался, сплошной пеленой затягивая вход в пещеру. Шум потока превратился в рев.

К вечеру жар у Аласкона спал, к нему постепенно возвращались силы. Рана, накрытая куском плесени, выглядела устрашающе, но болела меньше, и только когда больной шевелился. Матилд считала, что рана начинает заживать. Вынужденную неподвижность Аласкон компенсировал необычной разговорчивостью.

— Приходило ли вам в голову, — начал он, когда стали сгущаться сумерки, — что с Великого хребта этот поток течь не может? Все его вершины извергают лаву или пепел. Где же тогда источник такой холодной воды? Вряд ли столько воды собирается после дождей.

— Но вода не может возникнуть прямо из земли,— резонно заметил Хонат.— Дождь — вот ее единственный источник. Слышите, как шумит поток, словно вот-вот начнется наводнение?

— Возможно, это и дождевая вода,— весело сказал Аласкон.— Но только не с хребта, это исключено. Скорее всего, она собирается в обрывах.

— Надеюсь, что ты ошибаешься,— возразил Хонат.— Возможно, с этой стороны взобраться на утес намного легче, но нужно помнить и о племени, которое там обитает.

— Не спорю, но ведь утесы и обрывы простираются далеко. Может быть, живущие здесь люди не слышали о войне между нашим народом и их соплеменниками. Нет, Хонат. У нас нет иного пути.

— Если так,— проговорил Хонат мрачно,— то мы еще сильно пожелаем, что у нас нет с собой острых, твердых игл.

5

Предположения Аласкона вскоре подтвердились. На следующее утро, на рассвете, они покинули пещеру. Аласкон двигался немного скованно, но достаточно легко. Путники карабкались вверх вдоль русла потока, вздувшегося после вчерашнего дождя. Примерно милю спустя поток резко повернул к базальтовым утесам, низвергаясь грохочущим каскадом.

Потом русло снова повернуло под прямым углом, и трое путешественников оказались у входа в мрачную теснину; не слишком глубокую, но очень узкую и темную. Здесь поток замирал, его поверхность почти разгладилась. По обе стороны от него узкие полоски земли поросли невысоким кустарником. Путники остановились, с сомнением рассматривая невеселый пейзаж.

— Тут-то есть где укрыться,— понизив голос, сказал Хонат.— Но и столкнуться можно с кем угодно.

— Крупному животному здесь негде прятаться,— возразил Аласкон.— И потому серьезная опасность нам не грозит. Все равно это единственный путь вперед.

Как только они вошли в густой кустарник, Хонат тут же потерял товарищей из виду. Но он хорошо слышал рядом их осторожные шаги. Только они нарушали полную неподвижность и темноту. Даже поток, бесшумно кативший воды в каменном русле, казался неподвижным. Не было и ветра, что несказанно

радовало Хоната, хотя он уже и начал привыкать к головокружительной неподвижности. —

Несколько секунд спустя Хонат услышал тихий свист. Он пополз на звук и едва не столкнулся с Аласконом, который приник к земле за густой магнолией. Через секунду из темной зелени выглянуло встревоженное лицо Матилд.

— Посмотри, — прошептал Аласкон. — Что это такое?

Он указывал на выемку в песчаном грунте, обрамленную низким земляным валиком, в которой лежали три серых предмета, совершенно гладких.

— Яйца! — удивилась Матилд.

— Да. Но какие большие! Отложившее их животное наверняка огромных размеров. Похоже, мы вторглись в чьи-то владения.

Матилд тревожно вздохнула. Хонат лихорадочно старался придумать, как подавить поднимающийся страх. На глаза ему попался камень. Он схватил его и ударил по яйцу.

Оболочка, которая больше напоминала кожу, чем скорлупу, прорвалась и повисла неровными клочьями. Хонат нагнулся и попробовал содержимое на вкус.

Оно оказалось превосходным. Конечно, птичьи яйца вкуснее, но Хонат слишком проголодался, чтобы привередничать. После секундного замешательства Матилд и Аласкон атаковали два оставшихся яйца.

Это была первая сытная трапеза в Аду. Когда они наконец покинули разоренное гнездо, Хонат чувствовал себя как никогда превосходно.

Двигаясь вдоль каньона, путники вскоре снова услышали рев воды, хотя вода оставалась безмятежной, как и раньше. Однако над ней носилась стая гигантских стрекоз. Насекомые бросились прочь, едва завидев Хоната, но вскоре вернулись — их рудиментарные мозги быстро успокоились.

Рев нарастал. Когда они обогнули выступ, заставивший реку сделать плавный поворот, их глазам открылся источник шума: сплошное полотно воды летело вниз с двух базальтовых уступов, таких же высоких, как стены ущелья.

— Вот и конец пути, — сказал Аласкон. Ему пришлось кричать: слова тонули в грохоте водопада. — На эти стены нам никогда не подняться.

Потрясенный Хонат переводил взгляд из стороны в сторону. Аласкон прав. Ущелье явно образовалось вследствие того, что более мягкий камень вывернули и вымыли потоки воды. Стены утеса были из твердой породы, гладкие и отвесные, словно их полировала чья-то рука. Кое-где по ним начала карабкаться сеть

жилистых ползучих растений, но они нигде не подбирались близко к вершине.

Хонат повернулся и еще раз посмотрел на гигантский каскад воды и пены. Неужели придется возвращаться?

Внезапно сквозь рев водопада донесся яростный свист-шипение. Эхо подхватило жуткие звуки и разнесло их по ущелью, многократно повторяя. Хонат подпрыгнул и опустился на землю, весь дрожа, а потом повернулся спиной к водопаду.

Поначалу он ничего не увидел. Потом вода забурила.

Мгновение спустя двуногая зелено-голубая рептилия показалась из-за поворота и одним громадным прыжком покрыла расстояние, отделявшее ее от водопада. Она замерла, словно в удивлении, потом ее глаза — колодные, злобные и тупые — уставились прямо на людей.

Воздух снова огласило шипение. Балансируя на массивном хвосте, существо присело и опустило голову.

Перед ними, пылая красными глазами, стоял владелец разоренного гнезда. Путники, наконец, увидели Демона.

6

В это раскаленное мгновение сознание Хоната озарил свет, серебристый, словно обратная сторона тополиного листа. Он действовал, не размышляя.

Несколько раньше, осматриваясь вокруг, путники обнаружили между стеной воды и утесом, с которого она падала, сухое пространство, достаточно большое. И когда гигантская рептилия яростно зашипела, сдерживаемая мощью стремительного потока, Хонат схватил девушку за руку и бросился бежать к водопаду, перепрыгивая от дерева к кусту, от куста к папоротнику. Так быстро он никогда в жизни не бегал. Он не останавливался, чтобы посмотреть, успевает ли за ним Матилд и не отстал ли Аласкон. Он просто несея. Возможно, даже кричал что-то.

Теперь все трое стояли за водяной завесой, мокрые и дрожащие, наблюдая за размытым силуэтом дракона, пока мечущимся за спасительным серебряным экраном. Хонат издал крик торжества. Он почувствовал руку на своем плече и медленно обернулся.

Говорить здесь было невозможно, но жест Аласкона открыл ему все без слов. За долгие века вода так и не вымыла до конца мягкий известняк, она лишь пробила в нем нечто вроде трубы,

по которой можно было вскарабкаться наверх, не входя снова в поток.

А что потом?

Хонат вдруг усмехнулся. Он чувствовал слабость во всем теле, отвратительная зубастая морда еще долго будет являться ему в кошмарах... В то же время он не мог подавить в себе иррациональной уверенности и прыгнул вперед, в отверстие каменной трубы.

Всего какой-то час спустя они стояли на каменном выступе над ущельем. Совсем рядом с грохотом рушился вниз водопад. Отсюда было видно, что ущелье лишь продолжение разреза в розово-серой скальной массе, напоминающего след удара молнии. За базальтовыми уступами уходила в небо целая серия каменных полок. Вода здесь бежала веками, прежде чем накапывалась на слои более мягкого камня, вытачивая в нем ущелье, в котором совсем недавно они едва не нашли смерть. Местами каменная платформа была покрыта беспорядочными нагромождениями валунов с отшлифованными, скругленными водой краями. Очевидно, это были остатки вымытого водой слоя конгломерата или такого же осадочного слоя.

Хонат некоторое время осматривал здоровенные окатыши — некоторые были больше его роста, потом перевел взгляд вниз, в теснину. Демон, уменьшенный расстоянием, продолжал бродить возле водопада — сторожил добычу, укрывшуюся за стеной падающей воды. У Хоната появилась идея.

— Аласкон, не сбросить ли нам на Демона один из этих камней?

Навигатор осторожно заглянул за край обрыва.

— Почему бы и нет,— сказал он наконец.— Демон ходит взад-вперед по одной и той же короткой дуге. И все камни падают с одинаковой скоростью. Если мы угадаем точку, где будет находиться чудовище... Гм, думаю, может получиться. Выберем камень побольше, чтобы поразить его наверняка.

Но претензии Аласкона превзошли его возможности. Выбранный камень не удалось сдвинуть с места — навигатор был все еще слишком слаб, и от него было мало толку.

— Не беда,— успокоил он.— Даже небольшой камень к концу падения приобретет приличную скорость. Выбираем такой, который можно легко подкатить к краю.

После нескольких проб Хонат выбрал подходящую глыбу. Камень был очень тяжел, но вместе с Матилд они подкатали его к краю каменной полки.

— Погоди,— забеспокоился Аласкон.— Наклоните камень, чтобы вы могли столкнуть его в любой миг. Будьте готовы... Так. Хорошо. Он уже идет обратно. Приготовились! Бросай!

Валун с шумом полетел вниз. Все трое присели у края обрыва. Валун все уменьшался, стал меньше плода, меньше ногтя, меньше песчинки. Карликовая фигурка Демона достигла края дуги, по которой он слонялся в ожидании добычи, развернулась и...

На мгновение Демон застыл, потом бесконечно медленно стал заваливаться набок, в воду. Пару раз судорожно дернувшись и взбив пену, чудовище скрылось под водой. Волны от падения воды, скрыли круги в том месте, где оно кануло в бездну.

— Словно рыбу в бромеледе,— гордо сказал Аласкон. Но голос его немного дрожал. В конце концов, они только что победили Демона.

— Мы смогли бы повторить это,— прошептал Хонат.

— И не раз,— согласился Аласкон, все еще жадно вглядываясь в озеро внизу.— Похоже, что ума у них маловато. А здесь полно ловушек, куда можно заманить чудовище, чтобы спокойно забросать его камнями. Эх, как я сразу до этого не додумался!

— А куда мы теперь? — спросила Матилд, глядя на каменную «лестницу» позади них.— Туда?

— Да. И как можно скорее,— сказал Аласкон, поднявшись на ноги и всматриваясь в небо из-под руки.— Уже довольно поздно. Вот-вот начнет темнеть.

— Нужно идти цепочкой,— сказал Хонат.— И все время крепко держаться за руки. Один неверный шаг на этих скользких мокрых камнях, и кому-то придется долго-долго падать.

Матилд поежилась, представив себе возможность такого конца, и судорожно сжала руку Хоната. Но, к его изумлению, уже в следующий миг она потянула его вверх.

Рваный лоскут фиолетового небосклона над их головами постепенно увеличивался, по мере того как они карабкались все выше. Им приходилось часто делать передышки и отдыхать, прижавшись к излому камня и зачерпывая пригоршни ледяной воды из потока, падавшего вниз по каменным ступеням. В сумерках было трудно понять, как высоко они взобрались. Аласкон предположил, что они поднялись выше Вершин. Воздух был необычайно свежим, острым, каким никогда не бывает в джунглях.

Под конец им пришлось карабкаться по каменной трубе с более гладкими стенами, чем у первой. К счастью, она была достаточно узкой, и они смогли упираться в стенки спиной и коленями. Воздух внутри трубы был наполнен водяной взвесью, но после всего пережитого в Аду это была такая мелочь.

Последним рывком Хонат перевалился через край трубы и, совершенно обессиленный, упал на плоский каменный выступ. Но даже крайнее утомление не могло подавить радостного возбуждения. Они поднялись выше джунглей! Они выбрались из Ада! Он оглянулся назад, все ли в порядке у Матилд, потом протянул руку, чтобы помочь выбраться из трубы навигатору, которому очень мешала рана. Аласкон тяжело перекатился через край, распростершись на густом мягком мху.

Некоторое время путешественники просто сидели неподвижно, потом один за другим повернулись, чтобы обозреть мир, в котором они оказались.

Разглядели они не так уж много. Купол неба над плоскогорьем был усеян звездами. В центре каменной плоскости возвышалась сверкающая спица, устремленная одним концом в звездное небо, а вокруг нее... вокруг нее суетились, сновали из стороны в сторону, переносили какие-то непонятные предметы Гиганты!!!

7

Это конец! Конец битвы, в которую они вступили ради истины, битвы с суеверием, с самим Адом. И вот — конец!

Гиганты существуют на самом деле!

Не осталось и тени сомнений в их реальности. Хотя они не менее чем в два раза выше людей, ходят и стоят более прямо, шире в плечах и вроде бы не имеют хвостов, их родство с людьми, даже на самый неискушенный взгляд, очевидно. Взять хотя бы их голоса — конечно, они настолько же далеки от голосов обычных людей, насколько те разнятся с голосами обезьян, но, без сомнения, они принадлежат существам одного с ними рода. Это Гиганты, о которых твердила Книга Законов. Они не только существуют, но и вернулись на Теллуру, как и было обещано.

И они сурово поступят с неверными, с беглецами из Ада. Значит, все было напрасно — их борьба, предельное напряжение сил, стремление отстоять право думать самостоятельно. Боги существовали на самом деле. От этой веры Хонат стремился избавиться всю свою сознательную жизнь — но теперь это была уже не просто вера. Он видел их собственными глазами.

Гиганты вернулись взглянуть на дело своих рук. И первыми, с кем им предстояло встретиться, были трое отщепенцев, преступников, беглецов — самые худшие из народа Вершин.

Мысль об этом, словно кипящая смола, обожгла мозг Хоната. Но разум Аласкона — самого последовательного в неверии из всей троицы — испытал удар потяжелее. С глубоким вздохом он повернулся и пошел прочь.

Матилд что-то простонала, но было поздно. Возглас ее оборвался на половине. Круглый светящийся глаз на верхушке спицы вдруг ожил, уставился на путешественников, залил все вокруг ослепительным светом.

Хонат бросился вслед навигатору. Не оглядываясь, Аласкон побежал. Темный силуэт мелькнул и пропал, словно его никогда и не было.

Аласкон выдержал все ужасы Ада с твердостью и даже вызовом, но не устоял перед лицом того, что привык считать выдумкой.

Чувствуя тупую боль в сердце и непонятную тоску, Хонат повернулся лицом к яркому свету, прикрывая ладонью глаза. Он слышал звук шагов.

Близился миг страшного Суда.

После долгой паузы мощный голос из темноты прогремел:

— Не бойтесь, мы не причиним вам вреда. Мы такие же люди, как и вы.

Незнакомец изъяснялся на архаичном языке Книги Законов, но смысл его слов был понятен. Другой голос произнес:

— Как вас зовут?

Язык Хоната, казалось, намертво прилип к гортани. Пока он боролся с неожиданной немотой, послышался ясный голос Матилд:

— Это Хонат-плетельщик, а я Матилд-разведчица.

— Далеко же вы забрались от того места, где мы поселили ваш народ, — сказал первый Гигант. — Разве вы уже не живете в сетях лиан над джунглями?

— Господин...

— Мое имя Джарл Элевен. А это — Герхард Адлер.

Теперь онемела Матилд: сама мысль о том, чтобы обращаться к Гигантам по имени, парализовала ее. Однако тем, кого ожидает изгнание в Ад, нечего терять.

— Джарл Элевен, — сказал Хонат, — люди все еще живут среди лиан, на Вершинах. Поверхность закрыта для нас. Это проклятое место. Туда посылают только преступников. Мы как раз и есть преступники.

— Вот как? — удивился Джарл. — И вы прошли весь путь от поверхности планеты до этого плоскогорья? Герхард, это какое-то чудо. Вы не имели понятия, что ждет вас на поверхности. Это такое место, где эволюция не сдвинулась дальше клыков и зубов. Динозавры из всех периодов мезозоя, примитивные млекопита-

ющие — не сложнее больших кошек. Вот почему первая команда Сеятелей поселила людей на Вершинах.

— Хонат, в чем заключается твое преступление? — спросил Герхард.

Хонат был почти рад тому, что они так быстро подошли к сути. Джарл со всеми его словами, многие из которых Хонат едва понимал, очень его пугал.

— Нас было пятеро, — тихо сказал Хонат. — И мы говорили, что мы... что мы не верим в Гигантов.

Последовала пауза, но недолгая, потом, к удивлению и потрясению Хоната и Матилд, Гиганты расхохотались.

Матилд содрогнулась, прижимая уши к ладоням. Даже Хонат вздрогнул и сделал шаг назад. Смех тут же прекратился, и тот, кто называл себя Джарл, тут же вступил в круг света и присел перед людьми. Теперь было хорошо видно, что его лицо и руки совершенно безволосые. Остальная часть тела была покрыта чем-то. Сидя на корточках, он был не выше Хоната и не казался таким уж ужасным.

— Извините, что мы вас мейвольно испугали, — сказал он. — Мы совершенно напрасно смеялись. Но то, что вы сказали, оказалось слишком неожиданным. Герхард, присаживайся к нам, а то ты напоминаешь статую Командора. Расскажи-ка мне, Хонат, как ты усомнился в Гигантах.

Хонат едва верил своим ушам. Гигант просил у него прощения. Может быть, это злая шутка? Но что бы там ни было, ему задали вопрос.

— Каждый из нас пятерых не верил по-своему, — начал он. — Я считал, что вы придуманные символы какой-то давней веры. Один из нас, самый мудрый, считал, что вас вообще никогда не было, ни в каком смысле. Но все мы сходились в одном — что вы не боги.

— Это правда, мы вовсе не боги, — согласился Джарл. — Мы люди. Мы из того же самого семени, что и ваш народ. Мы не правители, а братья. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Нет, — покачал головой Хонат.

— Тогда я поясню. Люди живут во многих мирах. Они отличаются друг от друга, потому что отличаются их планеты. И на каждой планете должен жить подходящий для этих условий тип людей. Герхард и я — люди того мира, который называется Земля. И мы можем жить во многих мирах, похожих на Землю. Мы — участники огромной программы, называемой «Семя». Она продолжается уже тысячи лет. Наша задача — искать новые миры для посева, а потом готовить к этим мирам людей.

— Готовить людей? Только боги...

— Нет-нет, будь внимателен и терпелив,— перебил Джарл.— Мы не делаем новых людей. Мы просто их изменяем, чтобы они могли жить на планете. Это совсем не то, что создавать людей из ничего. Мы берем живую плазму, сперму и яйцеклетку, изменяем их. Получаются зародыши нового человека, и мы помогаем ему освоиться в уготовленном для него мире. Так сделали и на Телдуре, уже давно, еще до того, как родились мы с Герхардом. И теперь мы вернулись посмотреть, как поживает наш народ и помочь ему, если нужно.

Он перевел взгляд на Матилд, потом снова на Хоната.

— Вы понимаете, о чем я говорю? — снова спросил он.

— Пытаюсь,— ответил Хонат.— Но тогда вам нужно спуститься к Вершинам джунглей. Мы не такие, как все, вам нужно наше племя.

— Утром мы так и сделаем. Ведь мы недавно приземлились. Но вы нас особенно интересуете, именно потому, что вы не такие, как остальные. Скажите, удавалось ли раньше приговоренным выбраться с поверхности планеты?

— Нет, никогда. Там обитают чудовища...

Джарл бросил взгляд вбок, на второго Гиганта. Кажется, он улыбался.

— Когда вы посмотрите наш фильм, Хонат, то поймете, что это была ошибка столетия. А как вам троим удалось бежать?

Сначала Хонат запинаясь, но по мере того как память разворачивала перед ним яркие картины пережитых приключений, голос его звучал все увереннее, рассказывая об их пути. Когда он упомянул о гнезде Демона и их пиршестве, Джарл многозначительно посмотрел на Герхарда, но не перебил Хоната.

— И наконец мы добрались до верхушки трубы и оказались на каменном плоскогорье,— закончил Хонат.— Аласкон был все еще с вами, но когда он увидел сверкающий заостренный столб, светящийся глаз и вас, то бросился вниз с обрыва. Он тоже был преступником, как и мы, но он не должен был погибнуть таким образом. Он был храбр и умен.

— Но недостаточно умен, чтоб подождать, пока все выяснится.— загадочно произнес Джарл.— И все же, Адлер, это поразительно, иначе и не назовешь. Это самый успешный посев в этом витке Галактики, насколько я знаю. И какая удача оказаться на этом месте в тот момент, когда здесь обнаружилась вот эта замечательная парочка!

— Что это значит? — спросил Хонат.

— Все очень просто, Хонат. Когда команда Сеятелей поселила здесь ваш народ, то с самого начала предполагалось, что вы не будете вечно жить на Вершинах. Рано или поздно вам пришлось

бы спуститься вниз и научиться выживать на поверхности. Схватиться с планетой на равных. Иначе развитие зашло бы в тупик и вы бы вымерли.

— Все время жить на Поверхности? — слабым голосом переспросила Матилд.

— Да, Матилд. Жизнь на Вершинах — только переходный период. Вы накапливали знания и учились применять их на практике. Но чтобы стать настоящими хозяевами Теллуры, вам придется завоевать Поверхность.

То, что ваш народ придумал изгонять преступников — большая удача. Требуется особо сильная воля и незаурядная храбрость, чтобы восстать против обычаев. И оба этих качества необходимы для завоевания Теллуры. И самых крепких и закаленных ваш народ год за годом изгонял на Поверхность. Рано или поздно, но кто-то из изгнанников должен был обнаружить, что жить на Поверхности можно, и открыть это остальным. И они постепенно покинули бы деревья. Ты и Хонат поступили именно так.

— Заметь, Джарл, — добавил Герхард, — что их преступление носило идеологический характер. Это был критический пункт. Одного бунтарского духа недостаточно. Но прибавь сюда немного ума... Да что я говорю! Он — человек!

Голова у Хоната шла кругом.

— Но что все это означает? — воскликнул он. — Значит ли, что мы... больше не обречены жить в Аду?

— Нет, обречены, если ты и дальше намерен так называть Поверхность, — сурово сказал Джарл. — Вы научились жить здесь, на Поверхности, и кое-что поняли. Кое-что очень важное: как остаться в живых, побеждая врагов! Знаете ли вы, что голыми руками убили троих Демонов! Ты, Матилд и Аласкон.

— Убили?..

— Конечно, — сказал Джарл. — Вы съели три яйца. Это единственный и классический способ уничтожения таких чудовищ, как динозавры. Взрослого ничем, кроме ракетного ружья, не прошибешь. А в яйце они беспомощны. И у взрослых не хватает ума охранять свои гнезда...

Хонат слышал его, словно издалека. Даже тепло тела Матилд, находившейся рядом с ним, не помогало сохранять чувство реальности.

— Значит, нам придется вернуться туда вниз, — тусклым голосом сказал он. — И навсегда.

— Да, — мягко сказал Джарл. — Но ты будешь не один, Хонат. Начиная с завтрашнего утра с тобой будет весь твой народ.

Весь народ!

— Так вы... собираетесь изгнать их из мира Вершин?

— Нет, мы не станем запрещать им жить среди Вершин, но с этого момента твоему племени придется завоевывать Поверхность. И вы с Матилд доказали, что это вполне возможно. Давно пора, чтобы и все остальные это усвоили.

— Джарл, ты совсем запугал этих маленьких людей,— сказал Адлер.— Скажи им, что ждет их самих.

— Конечно, конечно. Хонат и ты, Матилд,— единственные представители вашего народа, которые умеют выживать на Поверхности. И мы не собираемся учить этому ваше племя. Этим займетесь вы.

У Хоната отвисла челюсть.

— Займетесь вы,— твердо повторил Джарл.— Завтра мы вернем вас в племя и скажем всем, что только вы знаете законы Поверхности. И что всем остальным придется спуститься и жить там же. Больше мы ничего не скажем. Как по-твоему, что они делают?

— Не знаю,— пробормотал ошеломленный Хонат.— Может случиться что угодно. Они даже могут сделать нас Вершителями... Но ведь мы... Мы же преступники!

— Вы — открыватели нового, Хонат, вот вы кто. Мужчина и женщина, которые поведут человечество Теллуры вперед, заставят его спуститься с чердака на первый этаж, в широкий и загадочный мир.

Джарл поднялся на ноги, купаясь в лучах яркого белого света. Хонат поднял голову и увидел, что еще около десятка Гигантов толпятся на самом краю яркого пятна света и вслушиваются в каждое их слово.

— Но должно пройти некоторое время, прежде чем мы начнем,— сказал Джарл.— Наверное, вы хотите осмотреть корабль?

В каком-то оцепенении Хонат взял Матилд за руку, и, оставляя за спиной Ад, они зашагали за Гигантами.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПОВЕРХНОСТНОЕ НАТЯЖЕНИЕ

ПРОЛОГ

Доктор Шавье надолго замер над микроскопом, передоставив Вентуре созерцать безжизненные виды планеты Гидрот. «Точнее было бы сказать не виды, а воды...» — подумал пилот. Еще из космоса они заметили, что новый мир — это, по существу, малюсенький треугольный материк посреди бесконечного океана, да и материк, как выяснилось, представляет собой почти сплошное болото.

Остов разбитого корабля лежал поперек единственного на планете скального выступа. Его вершина вознеслась над уровнем моря на умопомрачительную высоту — двадцать один фут. С такой высоты Вентура мог окинуть взглядом плоскую чашу грязи, простирающуюся до самого горизонта на добрые сорок миль. Красноватый свет звезды Тау Кита, дробясь в тысячах озер, запруд, луж и лужиц, заставлял мокрую равнину искриться, словно ее сложили из драгоценных камней.

— Будь я религиозен, — заметил вдруг пилот, — я бы решил, что это божественное возмездие.

— Гм? — отозвался Шавье.

— Так и чудится, что нас покарала за... Как это называется? Гордыня? За нашу спесь, амбицию, самонадеянность...

— Гордыня? — переспросил Шавье, наконец подняв голову. — Да ну? Что-то меня не распирает от гордости. А вас?

— Н-да, после такой посадки хвастаться своим искусством я, пожалуй, не стану, — признал Вентура. — Но я, собственно, не то имел в виду. Зачем мы вообще полезли сюда? Разве не

самонадеянность воображать, что можно расселить людей или существа, похожие на людей, по всей Галактике? Еще больше спеси надо, чтобы и впрямь взяться за подобное предприятие — двигаться от планеты к планете и создавать людей, создавать применительно к любому окружению, какое встретится...

— Может, это и спесь,— произнес Шавье.— Но ведь наш корабль — один из многих сотен в одном только секторе Галактики, так что сомнительно, чтобы именно за нами боги числили особые грехи.— Он улыбнулся.— А уж если и числят, то могли хоть бы оставить нам ультрафон, чтобы Совет по освоению услышал о нашей судьбе. Кроме того, Пол, мы вовсе не создаем людей. Мы приспособливаем их, притом исключительно к планетам земного типа. У нас хватает здравого смысла — смирения, если хотите,— понимать, что мы не в силах приспособить человека к планетам типа Юпитера или к жизни на поверхности звезд, например на самой Тау Кита...

— И тем не менее мы здесь,— перебил Вентура мрачно.— И никуда отсюда не денемся. Фил сказал мне, что в термокамерах не уделело ни одного эмбриона, значит, создать здесь жизнь по обычной схеме мы и то не можем. Нас закинуло в мертвый мир, а мы еще тщимся к нему приспособиться. Интересно, что намерены пантропологи сотворить с нашими телами — приспособить к ним плавники?

— Нет,— спокойно ответил Шавье.— Вам, Пол, и мне, и всем остальным придется умереть. Пантропология не в состоянии воздействовать на взрослый организм, он останется таким, какой есть от рождения. Попытка переустроить его лишь искалечила бы вас. Пантропология имеет дело с генами, с механизмом передачи наследственности. Мы не можем приделать вам плавники, как не можем снабдить еще одним мозгом. Вероятно, мы сумеем заселить этот мир людьми, только сами не доживем до того, чтобы убедиться в этом.

Пилот задумался, чувствуя, как под ложечкой медленно заворочалось что-то скользкое и холодное.

— И сколько вы нам еще отмерили? — осведомился он в конце концов.

— Как знать? Быть может, месяц...

Переборка, что отделяла их от других отсеков корабля, разомкнулась, впуслав сырой соленый воздух, густой от углекислого газа. Пятная пол грязью, вошел Филип Штрасфогель, офицер связи. Как и Вентура, он остался не у дел, и это тяготило его. Природа не наградила Штрасфогеля склонностью к самоанализу, и теперь, когда драгоценный ультрафон вышел из строя и не отвечал более на прикосновения его чутких рук, он оказался

во власти собственных мыслей, а они не отличались разнообразием. Только поручения Шавье не давали связисту растечься студнем и окончательно власть в уныние.

Он расстегнул и снял с себя матерчатый пояс, в кармашках которого, как патроны, торчали пластмассовые бутылочки.

— Вот вам новые пробы, док,— сказал он.— Все то же самое, вода да слякоть. В ботинках у меня настоящий плывун. Выяснили что-нибудь?

— Многое, Фил. Спасибо. Остальные далеко?

Штрасфогель высунул голову наружу и крикнул. Над морями грязи зазвенели голоса. Через несколько минут в пантропологическом отсеке собрались все уцелевшие после крушения: Солтон-стол, старший помощник Шавье, румяный и моложавый, заведомо согласный на любой эксперимент, пусть даже со смертельным исходом; Юнис Вагнер, эколог,— за ее невыразительной внешностью скрывался острый интеллект; Элефтериос Венесуэлос, немногословный представитель Совета по освоению, и Джоан Хит, гардемарин — это звание теперь потеряло смысл, как корабельные должности Вентуры и Штрасфогеля, но светлые волосы Джоан и ее стройная, обманчиво инфантильная фигурка в глазах пилота затмевали Тау Кита, а после катастрофы, пожалуй, и само Солнце.

Пятеро мужчин и две женщины — на всю планету, где и шагу не сделать иначе, чем по колено, если не по пояс, в воде.

Они тихо вошли друг за другом и застыли, кто прислонившись к стенке в углу, кто присев на краю стола. Джоан Хит подошла к Вентуре и встала с ним рядом. Они не взглянули друг на друга, но их плечи соприкоснулись и все сразу сделалось не таким скверным, как только что казалось.

Молчание нарушил Венесуэлос:

— Каков же ваш приговор, доктор Шавье?

— Планета отнюдь не мертва,— ответил тот.— Жизнь есть и в морской, и в пресной воде. Что касается животного царства, эволюция здесь, видимо, остановилась на ракообразных. Самый развитый вид, обнаруженный в одном из ручейков, напоминает крошечных лангустов, но этот вид как будто не слишком распространен. Зато в озерцах и лужах полным-полно других многоклеточных низших отрядов, вплоть до коловраток, включая один панцирный вид наподобие земных *Floscularidae*. Кроме того, здесь удивительное многообразие простейших — господствующий реснитчатый тип напоминает *Paramecium* — плюс различные корненожки, вполне естественные в такой обстановке жгутиковые и даже фосфоресцирующие виды, чего я никак не ожидал увидеть в несоленой воде. Что касается растений, то здесь распространены

как простые сине-зеленые водоросли, так и намного более сложные таллофиты, но, конечно, ни один из местных видов не способен жить вне воды.

— В море почти то же самое,— добавила Юнис.— Я обнаружила там довольно крупных низших многоклеточных — медуз и так далее — и ракообразных величиной почти с омара. Вполне нормальное явление: виды, обитающие в соленой воде, достигают больших размеров, чем те, что водятся в пресной. Ну, и еще обычные колонии планктона и микропланктона...

— Короче говоря,— подвел итог Шавье,— если не бояться трудностей, то выжить здесь можно...

— Позвольте,— вмешался Вентура.— Вы же сами только что заявили мне, что мы не выживем ни при каких обстоятельствах. И вы имели в виду именно нас семерых, а не генетических потомков человечества — ведь термокамер и банка зародышевых клеток более не существует. Как прика...

— Да, разумеется, банка больше нет. Но, Пол, мы можем использовать свои собственные клетки. Сейчас я перейду к этому.— Шавье обернулся к помощнику.— Мартин, как вы думаете, не избрать ли нам море? Когда-то, давным-давно, мы вышли из моря на сушу. Быть может, здесь, на планете Гидрот, мы со временем дерзнем на это опять?..

— Не выйдет,— тотчас откликнулся Солтонстол.— Идея мне нравится, но если посмотреть на проблему объективно, словно бы мы лично тут вовсе не замешаны, то на возрождение из пены я не поставил бы и гроша. В море борьба за существование будет слишком остра, конкуренция со стороны других видов — слишком упорна. Сеять жизнь в море — самое последнее, за что стоило бы здесь браться. Колонисты и оглянуться не успеют, как их попросту сожрут...

— Как же так? — не унимался Вентура. Предчувствие смерти вновь шевельнулось где-то внутри, и с ним стало еще труднее справиться.

— Юнис, среди морских кишечнорастворимых есть хищники, вроде португальских корабликов?

Эколог молча кивнула.

— Вот вам и ответ, Пол,— сказал Солтонстол.— Море отпадает. Придется довольствоваться пресной водой, где нет столь грозных врагов, зато много больше всевозможных убежищ.

— Мы что, не в силах справиться с медузами? — спросил Вентура, судорожно сглотнув.

— Не в силах, Пол,— ответил Шавье.— Во всяком случае, не с такими опасными. Пантропологи — еще не боги. Они берут зародышевые клетки — в данном случае ваши собственные, коль

скоро банк не пережил катастрофы, — и видоизменяют генетически с таким расчетом, чтобы существа, которые разовьются из них, приспособились к данному окружению. Существа эти будут человекоподобными и разумными. Как правило, они сохраняют и некоторые черты личности донора: ведь изменения касаются в основном строения тела, а не мозга — мозг у дочернего индивидуума развивается почти по исходной программе.

Но мы не можем передать колонистам свою память. Человек, возрожденный в новой среде, поначалу беспомощнее ребенка. Он не знает своей истории, не ведает техники, у него нет ни опыта, ни даже языка. В нормальных условиях, как, например, было при освоении Теллуры, группа сеятелей, прежде чем покинуть планету, дает своим питомцам хотя бы начальные знания, но мы, увы, не доживем до поры, когда у наших питомцев возникнет потребность в знаниях. Мы должны создать их максимально защищенными, поместить в наиболее благоприятное окружение и надеяться, что по крайней мере некоторые из них выживут, учась на собственных ошибках.

Пилот задумался, но так и не нашел ничего в противовес мысли, что смерть надвигается все ближе и неотвратимее с каждой пролетевшей секундой. Джоан Хит придвинулась к нему чуть ближе.

— Стало быть, одно из созданных нами существ сохранит определенное сходство со мной, но обо мне помнить не будет, так?

— Именно так. В данной ситуации мы, вероятно, сделаем колонистов гаплоидными, так что некоторые из них, а быть может и многие, получают наследственность, восходящую лично к вам. Может статься, сохранятся даже остатки индивидуальности — пантропология дала нам кое-какие доводы в поддержку взглядов старика Юнга относительно наследственной памяти. Но как сознающие себя личности мы умрем, Пол. Этого не избежать. После нас останутся люди, которые будут вести себя, как мы, думать и чувствовать, как мы, но которые и понятия не будут иметь ни о Вентуре, ни о докторе Шавье, ни о Джоан Хит, ни о Земле...

Больше пилот ничего не сказал. Во рту держался какой-то отвратительный привкус.

— Что вы порекомендуете нам, Мартин, в качестве модели?

Солтонстал в задумчивости потер переносицу.

— Конечности, я думаю, перепончатые. Большие пальцы на руках и ногах удлиненные, с когтями, чтобы успешнее обороняться от врагов на первых порах. Ушные раковины меньше, а барабанные перепонки толще, чем у нас, и ближе к отверстию наружного слухового прохода. Придется, видимо, изменить всю

систему водно-солевого обмена: клубочковые почки смогут функционировать в пресной воде, однако при жизни под водой осмотическое давление внутри окажется выше, чем снаружи, и почкам придется постоянно выполнять роль насоса. Значит, антидиуретическую функцию гипофиза надо практически свести к нулю.

— А что с дыханием?

— Предлагаю легкие в виде книжки, как у пауков; можно снабдить их межреберными дыхальцами. Такие легкие способны перейти к атмосферному дыханию, если колонисты решат когда-нибудь выйти из воды. На этот случай, думаю, следует сохранить полость носа, отделив ее от гортани мембраной из клеток, которые снабжались бы кислородом преимущественно за счет прямого орошения, а не по сосудам. Достаточно будет нашим потомкам выйти из воды хотя бы на время — и мембрана начнет атрофироваться. Два-три поколения колонисты проживут как земноводные, а потом в один прекрасный день обнаружат, что могут дышать через гортань, как мы.

— Остроумно,— заметил Шавье.

— Не лишним было бы наделить их способностью к спорообразованию. Как все водные животные, наши наследники смогут жить очень долго, а новые поколения должны появляться не реже чем через шесть недель, чтобы их не успевали истреблять неопытными и неумелыми. Возникает противоречие, и чтобы преодолеть его, нужны ежегодные и довольно продолжительные разрывы жизненного цикла. Иначе колонисты столкнутся с проблемой перенаселения задолго до того, как накопят знания, достаточные, чтобы с ней справиться.

— И вообще лучше, чтобы они зимовали внутри добротной, крепкой оболочки,— поддержала пантрополога Юнис Вагнер.— Спорообразование — решение вполне очевидное. Недаром этим свойством наделены многие другие микроскопические существа.

— Микроскопические? — переспросил Штрасфогель, не веря своим ушам.

— Конечно,— усмехнувшись, ответил Шавье.— Уж не прикажете ли уместить человека шести футов ростом в луже двух футов в поперечнике? Но тут встает вопрос. Наши потомки неизбежно вступят в упорную борьбу с коловратками, а иные представители этого племени не так уж и микроскопичны. Коль на то пошло, даже отдельные типы простейших видны невооруженным глазом, пусть смутно и только на темном фоне, но видны. Думаю, что колонист должен в среднем иметь рост не менее 250 микрон. Не лишайте их, Мартин, шансов выкарабкаться...

— Я полагал сделать их вдвое большими.

— Тогда они будут самыми крупными в окружающем животном мире,— указала Юнис Вагнер,— и никогда ничему не научатся. Кроме того, если они по росту окажутся близкими к коловраткам, у них появится стимул сразиться с панцирными видами за домики-панцири и приспособить эти домики под жилье.

— Ну что ж, приступим,— кивнул Шавье.— Пока мы колдуем над генами, остальные могут коллективно поразмыслить над посланием, которое мы оставим будущим людям. Можно прибегнуть к микрозаписи на нержавеющей металлических листочках такого размера, чтобы колонисты поднимали их без труда. Мы расскажем им в самых простых выражениях, что случилось, и напомним, что Вселенная отнюдь не исчерпывается одной-двумя лужами. Придет день, и они разгадают наш намек.

— Еще вопрос,— вмешалась Юнис.— Надо ли сообщить им, что они по сравнению с нами микроскопичны? Я бы этого делать не стала. Это навяжет им, по крайней мере в ранней стадии развития, легенды о богах и демонах, легенды, без которых можно и обойтись...

— Нет, Юнис, мы ничего не скроем,— сказал Шавье, и по его тону Вентура понял, что доктор взял на себя обязанности начальника экспедиции.— Созданные нами существа по крови останутся людьми и рано или поздно завоюют право вернуться в общество человеческих цивилизаций. Они не игрушечные созданыца, которых надо, оградив от правды, навеки приковать к пресноводной колыбельке.

— К тому же,— заметил Солтонстол,— они просто не сумеют расшифровать наши записи на заре своей истории. Сначала они должны будут разработать собственную письменность, и мы при всем желании не в силах оставить им никакого розеттского камня, никакого ключа к расшифровке. К тому времени, когда они прочитают правду, они окажутся подготовлены к ней.

— Одобряю ваше решение официально,— неожиданно вставил Венесуэлос. И дискуссия окончилась.

Да по существу, говорить было больше не о чем. Все они с готовностью отдали клетки, нужные пантропологам. С глазу на глаз Вентура и Джоан Хит просили Шавье разрешить им внести свой вклад сообща, но ученый ответил, что микроскопические люди непременно должны быть гаплоидными, иначе нельзя построить миниатюрную клеточную структуру с ядрами столь же мелкими, как у земных риккетсий, и потому каждый донор должен отдать свои клетки индивидуально — зиготам на планете Гидроф. места нет. Так что судьба лишила их даже последнего зыбкого утешения: детей у них не будет и после смерти.

Они помогли, как сумели, составить текст послания, которое предстояло перенести на металлические листки. Мало-помалу подступил голод: морские ракообразные, единственные на планете существа, достаточно крупные для того, чтобы служить людям пищей, водились в слишком глубоких и холодных водах и у берега попадались редко.

Ла Вентура навел порядок в рубке — занятие совершенно бессмысленное, однако многолетняя привычка требовала к себе уважения. Кроме того, уборка, неясно почему, слегка смягчала остроту раздумий о неизбежном. Но когда с ней было покончено, осталось лишь сидеть на краю скального выступа, наблюдая за красноватым диском Тау Кита, спускающимся к горизонту, и швыряя камушки в ближайшее озеро.

Подошла Джоан Хит, молча села рядом. Он взял ее за руку. Блеск красного солнца уже почти угас, и они вместе следили за тем, как оно исчезает из виду. И Вентура все-таки задал себе скорбный вопрос: какая же из безымянных луж станет его Летой?

Он, конечно, так и не узнал ответа на свой вопрос. Никто из них не узнал...

В дальнем углу Галактики горит пурпурная звездочка Тау Кита, и вокруг нее бесконечно вращается сырой мирок по имени Гидрот. Многие месяцы его единственный крошечный материк был укутан снегом, а усеявшие скудную сушу пруды и озера скованы ледовой броней. Но постепенно багровое солнце поднималось в небе планеты все выше и выше; снега сбежали потоками в океан, а лед на прудах и озерах отступил к берегам...

Этап первый

1

Первым в сознание спящего Лавона проник тихий прерывистый скребущий звук. Затем по телу начало расползаться беспокойное ощущение, словно мир — и Лавон вместе с ним — закачался. Он пошевелился, не раскрывая глаз. За время сна обмен веществ

замедлился настолько, что тревога не могла победить апатию и оцепенение. Но стоило ему шевельнуться, как звук и покачивание стали еще настойчивее.

Прошли, казалось, многие дни, прежде чем туман, застилавший его мозг, рассеялся, но какая бы причина ни вызвала волнение, оно не прекращалось. Лавон со стоном приоткрыл веки и взмахнул перепончатой рукой. По фосфоресцирующему следу, который оставили пальцы при движении, он мог судить, что гладкая янтарного цвета сферическая оболочка его убежища пока не повреждена. Он попытался разглядеть хоть что-нибудь сквозь нее, но снаружи царила тьма, и только тьма. Этого и следовало ожидать: обыкновенная вода не то что жидкость внутри споры, — в воде не вызовешь свечения, как ни тряси.

Что-то извне покачнуло спору опять с тем же, что и прежде, шелестящим скрежетом. «Наверное, какая-нибудь упрямая диатомея, — лениво подумал Лавон, — старается, глупая, пролезть сквозь препятствие вместо того, чтобы обойти его». Или ранний хищник, который жаждет отведать плоти, прячущейся внутри споры. Ну и пусть — Лавон не испытывал никакого желания расставаться с укрытием в такую пору. Жидкость, в которой он спал долгие месяцы, поддерживала потребности тела, замедляя умственные процессы. Вскроешь спору — и придется сразу же возобновить дыхание и поиски пищи, а судя по непроглядной тьме снаружи, там еще такая ранняя весна, что об этом страшно и подумать.

Он бездумно сжал и разжал пальцы и залюбовался зеленоватыми полукольцами, побежавшими к изогнутым стенкам споры и обратно. До чего же уютно здесь, в янтарном шарике, где можно выждать, пока глубины не прогреются, пронизанные светом! Сейчас на небе еще, наверное, держится лед, и нигде не найдешь еды. Не то чтобы ее когда-нибудь бывало вдоволь — с первыми же струйками теплой воды прожорливые всееды проснутся тоже...

Всееды! Вот оно что! Был разработан план, как выселить их из жилищ. Память проснулась. Словно пытаюсь помочь ей, спора качнулась снова. Вероятно, кто-то из союзников старается до него добудиться; хищники никогда не спускаются на дно в такую рань. Он сам поручил побудку семейству Пара, и вот, видно, время пришло: вокруг именно так темно и так холодно, как и намечалось по плану...

Поборов себя, Лавон распрямился и изо всех сил уперся ногами и спиной в стенки янтарной тюрьмы. С негромким, но отчетливым треском по прозрачной оболочке побежала сетка узких трещин.

Затем спора распалась на множество хрупких осколков, и он содрогнулся, окунувшись в ледяную воду. Более теплая жидкость, наполнявшая его зимнюю келью, рассеялась в легкое переливчатое облачком. На миг оно высветило во мгле знакомый контур — прозрачный бесцветный цилиндр, напоминающий туфельку, с множеством пузырьков и спиральных канавок внутри, размером почти с Лавона. Поверхность цилиндра была опущена изящными, мягко вибрирующими волосками, утолщенными у основания.

Свет померк. Цилиндр оставался безмолвным: он выжидал, чтобы Лавон прокашлялся, очистил легкие от остатков споровой жидкости и заполнил их игристой студеной водой.

— Пара! — позвал Лавон наконец. — Что, уже время?

— Уже, — задрожали в ответ невидимые реснички ровным, лишенным выражения тоном. Каждый отдельно взятый волосок вибрировал независимо, с переменной скоростью; возникающие звуковые волны расходились в воде, накладываясь друг на друга и то усиливая звук, то гася его. Сложившиеся из колебаний слова к тому моменту, как достигали человеческого уха, звучали довольно странно, и все-таки их можно было распознать. — Время, Лавон...

— Время, давно уже время, — добавил из темноты другой голос. — Если мы в самом деле хотим выгнать флосков из их крепостей...

— Кто это? — произнес Лавон, оборачиваясь на голос.

— Я тоже Пара, Лавон. С минуты пробуждения нас стало уже шестнадцать. Если бы вы могли размножаться с такой же скоростью...

— Воюют не числом, а умением, — отрезал Лавон. — И вседам придется вскоре убедиться в этом.

— Что мы должны делать, Лавон?

Человек подтянул колени к груди и опустился на холодное илистое дно — размышлять. Что-то шевельнулось под самой его рукой, и крошечная, различимая только на ощупь бактерия-спирилла, крутясь в иле, заторопилась прочь. Лавон не тронул ее — он пока не ощущал голода, и думать сейчас следовало о другом: о вседах, то бишь коловратках. Еще день, и они ринутся в верхние, поднебесные слои, пожирая все на своем пути — даже людей, если те не сумеют вовремя увернуться, а подчас и своих естественных врагов, сородичей семейства Пара. Удастся ли поднять всех этих сородичей на организованную борьбу с хищниками?

Воюют не числом, а умением; но это предстояло еще доказать. Сородичи Пара были разумными на свой манер, и они изучили окружающий мир так, как человеку и не снилось. Лавон не

забыл, сколь тяжело дались ему знания обо всех разновидностях существ, населяющих этот мир, сколь мудро оказалось вникнуть в смысл их запутанных имен; наставник Шар нещадно мучил его зубрежкой, пока знания накрепко не засели в памяти.

Когда вы произносите слово «люди», то подразумеваете существа, которые в общем и целом все похожи друг на друга. Бактерии распадаются на три вида — палочки, шарики и спиральки, — все они малы и съедобны, но различать их не составляет труда. Иное дело — сородичи Пара. Сам Пара и его потомки внешне резко отличаются от Стента с семейством, а семья Дидина ничем не напоминает ни тех, ни других. Любое создание, если оно не зеленого цвета и у него есть видимое ядро, может на поверку оказаться в родстве с Пара, какую бы странную форму оно ни приобрело. Всееды тоже встречаются самые разные, иные из них красивы, как кроны плодоносящих растений, но и красивые смертельно опасны: вращающиеся венчики ресничек мгновенно перетрут ваше тело в порошок. Ну а тех, кто зелен и обитает в прозрачных резных скорлупках, Шар учил называть диатомеями — диковинное это словечко наставник выудил откуда-то из потаенных глубин мозга, откуда черпал и все остальные слова; он и сам порой не мог объяснить, почему они звучали так, а не иначе.

Лавон стремительно поднялся.

— Нам нужен Шар, — сказал он. — Где его спора?

— На высоком кусте под самым небом.

Вот идиот! Старик никогда не подумает о безопасности. Спать под самым небом, где человека, едва очнувшегося, вялого после долгого зимнего забытья, может сдаться и сожрать любой всеед, случайно проплывший мимо! Лишь мыслители способны на подобную глупость.

— Нам надо спешить. Покажи мне, где он.

— Сейчас покажу, подожди, — ответил один из Пара. — Ты сам его все равно не разглядишь. Где-то тут неподалеку рыскал Нок...

Темнота слегка шевельнулась — цилиндр унесся прочь.

— Зачем он нам нужен, этот Шар? — спросил другой Пара.

— Понимаешь, Пара, он очень умен. Он мудрец.

— Мысли у него пополам с водой. Научил нас языку человека, а о всеедах и думать забыл. Размышляет вечно об одном — откуда здесь взялись люди. Это, действительно, тайна — никто не похож на людей, даже всееды. Но разве разгадка поможет нам выжить?

Лавон повернулся к невидимому собеседнику:

— Пара, скажи мне, почему вы с нами? Почему вы приняли сторону людей? Зачем мы вам? Ведь всееды и так боятся вас...

Последовала пауза. Когда Пара заговорил снова, колебания, заменяющие ему голос, звучали еще невнятнее и глуше, чем прежде, были начисто лишены сколько-нибудь понятного чувства.

— Мы здесь живем,— отвечал Пара.— Мы часть этого мира. Мы повелеваем им. Мы заслужили это право задолго до прихода людей, после многих лет борьбы со вседами. Но думаем мы почти так же, как вседы,— не загадываем вперед, а делимся тем, что знаем, и существуем. А люди планируют, люди руководят. Люди отличаются друг от друга. Люди хотят переделать мир. И в то же время они ненавидят вседов, как ненавидим их мы. Мы поможем людям.

— И передадите нам власть?

— И передадим, если человек докажет, что правит лучше. Разум диктует это. Но можно двигаться — Нок несет нам свет...

Лавон поднял глаза. И правда, высоко над головой мелькнула вспышка холодного света, следом еще одна. Мгновение спустя к ним присоединилось сферическое существо, по телу которого то и дело пробегали сине-зеленые сполохи. Рядом носился вихрем Пара-второй.

— У Нока новости,— сообщил этот второй Пара.— Теперь нас, носящих имя Пара, стало двадцать четыре.

— Спроси его, согласен ли он отвести нас к Шару,— нетерпеливо бросил Лавон.

Нок взмахнул своим единственным, коротким и толстым, щупальцем. Кто-то из Пара пояснил:

— Он для того сюда и явился.

— Тогда в путь!

— Нет,— отрезал Лавон.— Вставай, Шар! Ни секунды дольше.

— Ну, сейчас, сейчас,— раздраженно ответил старик, почесываясь и зевая.— Всегда тебе, Лавон, не терпится. Где Фил? Помнится, он закладывал спору рядом с моей... Тут он заметил ненарушенную янтарную капсулу, приклеенную к листу той же водоросли, но на ярус ниже.— Столкните его, он будет в большей безопасности на дне.

— Он не достигнет дна,— вмешался Пара.— Помешает термораздел.

Шар прикинулся удивленным:

— Как, уже? Весна уже зашла так далеко? Тогда минутку, я только отыщу свои записи...

Он принялся разгребать осколки споры, усыпавшие поверхность листа. Лавон досадливо осмотрелся, нашел жесткую щепку — скол харовой водоросли и швырнул ее тупым концом вперед,

угодив точно в центр споры Фила. Шарик раскололся, и из него выпал рослый молодой человек, посиневший от внезапного купания в холодной воде.

— Ух! — выдохнул он. — Ты что, Лавон, не можешь аккуратнее? — Он осмотрелся. — Старик уже проснулся. Это хорошо. Уперся, понимаешь: буду зимовать здесь, и точка! Пришлось и мне оставаться...

— Ага, — воскликнул Шар, приподнимая толстую металлическую пластину длиной почти с его предплечье. — Одна здесь. Куда же я дел вторую?

Фил отпихнул клубок бактерий.

— Да вот она. Лучше бы ты отдал их кому-то из Пара, чтобы не обременять себя такой ношей...

Внезапно, даже не приподняв головы, Лавон оттолкнулся от листа и кинулся вниз, обернувшись лишь тогда, когда уже набрал всю скорость, на какую только был способен. Шар и Фил, по-видимому, прыгнули одновременно с ним. Всего на ярус выше того листа, где Шар провел зиму, сидела, изготоясь к прыжку, панцирная конусообразная тварь, коловратка-дикран.

Неведь откуда в поле зрения возникли двое из племени Пара. В тот же миг склоненное тело дикрана согнулось в броне, распрямилось и бросилось вслед за ними. Раздался тихий всплеск, и Лавон ощутил, что со всех сторон опутан тончайшей сетью, бесчувственной и неумолимой, точно космы лишайника. Еще один всплеск, и Лавон расслышал сдавленные проклятья Фила. Сам он боролся что было сил, но гибкие прозрачные тенета сжимали грудь, не давая шевельнуться.

— Не двигайся, — послышалось за спиной, и Лавон узнал пульсирующий «голос» Пара. Он ухитрился повернуть голову — и тотчас мысленно упрекнул себя: как же он сразу не догадался! Пара разрядили трихосты, лежащие у них на брюшке под пленкой, точно патроны; каждый патрон выстреливал жидкостью, которая при соприкосновении с водой застывала длинными тонкими прядями. Для Пара это был обычный метод самозащиты.

Немного ниже, следом за вторым Пара, дрейфовали Шар с Филом; они плыли в середине белого облака, не то пены, не то плесени. Всеуду удалось избежать сетей, но он был, наверное, просто не в силах отказатьься от нападения и крутился вокруг, резко гудя венчиком. Сквозь сеть Лавон различал его исполнинские челюсти, тупо перетирающие любые частички, какие заносило в ненасытную пасть.

В вышине нерешительно кружился Нок, освещая всю сцену быстрыми, беспокойными голубоватыми вспышками. Против коловраток живой факел был, в сущности, беззащитен, и Лавон

сначала не мог взять в толк, зачем понадобилось Ноку привлекать к себе внимание. Но ответ не заставил себя ждать: из темноты выросло существо, смахивающее на бочонок, с двумя рядами ресничек и тараном спереди.

— Дидин! — позвал Лавон без особой надобности. — Сюда, сюда!

Пришелец грациозно подплыл ближе и замер, казалось изучая происходящее; как это ему удавалось, понять никто не мог — глаз у Дидина не было. Всеед тоже заметил Дидина и попятился, гул венчика превратился в болезненное рычание. Лавону даже почудилось, что дикран вот-вот отступит, — но нет, судя по всему, для отступления тот был слишком глуп. Гибкое тело, припав к стеблю водоросли, вдруг снова устремилось в бой, на сей раз прямехонько на Дидина.

Лавон невнятно выкрикнул какое-то предостережение, но в этом не было нужды. Лениво движущийся бочонок чуть наклонился на бок и тут же бросился вперед — с ошеломляющей скоростью. Если Дидин сумеет нащупать своим ядовитым хватательным органом слабое место в броне всееда...

Нок поднялся еще выше, чтобы нечаянно не пострадать в драке, и свет настолько ослаб, что Лавон перестал видеть кого бы то ни было; но вода яростно бурлила и дикран жужжал по-прежнему.

Постепенно звуки смолкли. Лавон скорчился во тьме, покачиваясь в сети Пара и напряженно вслушиваясь в тишину.

— Что стряслось? Нок, куда они подевались?

Нок осторожно спустился и помахал щупальцем, обращаясь к Пара.

— Он говорит, — пояснил тот, — что тоже потерял их из виду. Подожди-ка, я слышу Дидина. — Лавон ничего не различал; то, что «слышал» Пара, были какие-то полутелепатические импульсы — исконное средство общения аборигенов. — Дидин говорит нам, что дикран мертв.

— Это хорошо! — произнес Лавон. — Теперь выпусти меня из сети, Пара.

Пара резко дернулся, поворачиваясь на несколько градусов вокруг продольной оси и обрывая пряди у самого основания; движение требовало величайшей точности, чтобы вместе с нитями не оборвалась и защитная пленка. Но все обошлось. Спутанную массу нитей приподняло течением и понесло над бездной.

Отряд численностью более двухсот бойцов, с Лавоном, Шаром и Пара во главе, быстро двигался в теплых, светлых водах поднебесья. Каждый сжимал в руке деревянную щепку или палицу — осколок известковой водоросли, и каждый то и дело внимательно осматривался по сторонам. Сверху их прикрывала эскадра из двадцати Дидинов, и встречные всееды лишь тарасили на людей красные глазные пятна, не отваживаясь атаковать. Еще выше, у самого небесного свода, располагался пышный слой всевозможной живности, которая бесконечно боролась за существование, питалась и плодилась; ниже этого слоя все было окрашено в сочный зеленый цвет. Водоросли в этом насыщенном жизнью слое родились без счета, да и всееды беспрепятственно паслись здесь.

Весна уже полностью вступила в свои права. Лавон не пытался себя обмануть: двести человек — вот, видимо, и все, остальные не пережили зиму. По крайней мере, обнаружить больше никого не удалось. То ли они проснулись слишком поздно, то ли укрепили свои споры на слишком приметных местах, и коло-вратки не заставили себя ждать — этого теперь никогда не узнать. Не менее трети отряда составляли женщины. Значит, дней через сорок, если им ничто не помешает, армия удвоится.

Если им ничто не помешает... Лавон усмехнулся и оттолкнул с дороги kloкочущую колонию здорин. Эта мысль поневоле напомнила ему о вычислениях, которые Шар проделал в прошлом году: если бы Пара и его сородичи не встречали помех, мир превратился бы в течение одного сезона в сплошную массу тел. Никто, разумеется, не застрахован от гибели в этом мире; и тем не менее Лавон твердо решил, что люди впредь должны гибнуть гораздо реже, чем до сих пор считалось неизбежным и естественным.

Он взмахнул рукой вверх-вниз. Стремительные ряды пловцов нырнули за ним следом в глубину. Свет, льющийся с неба, быстро угасал, и вскоре Лавон стал ощущать прохладу. Он подал новый сигнал. Двести человек, словно танцоры, выполняющие изящный прыжок, разом перевернулись и продолжали погружение ногами вперед. Преодолевать термораздел в таком положении было легче и выгоднее всего; каждый понимал: необходимо покинуть верхние слои, где опасность нарастала так бурно, что с ней не справился бы никакой конвой.

Подолы Лавона коснулись упругой поверхности; всплеск — и он с головой окунулся в ледяную воду. Вновь подпрыгнул —

ледяная разделительная черта шла теперь поперек груди. Всплески слышались со всех сторон — армия преодолевала термораздел, хотя, казалось бы, сталкиваться было просто не с чем: сверху вода, снизу тоже вода...

Теперь оставалось выждать, пока не замедлится ток крови. На этой разделительной линии, где кончалась теплая вода поднебесья и температура резко падала, жидкость внизу была много плотнее и без усилий поддерживала тела на плаву. Нижний, холодный слой простирался до самого дна — сюда коловратки, не отличающиеся особым умом, если и заглядывали, то редко.

Наконец вода, окружающая нижнюю половину тела, стала казаться не ледяной, а, напротив, приятно прохладной в сравнении с той, удушливо теплой, которой приходилось дышать. Он еще подождал, пока не убедился, что армия пересекала термораздел без потерь и что долгие поиски переживших зиму в верхних слоях и вправду подошли к концу. Тогда он вновь перевернулся и устремился вглубь, в направлении дна, Фил и Пара рядом, задыхающийся от натуги Шар позади.

Внизу замаячил камень, и Лавон тщательно обследовал его в полумраке. И почти сразу же увидел то, на что втайне надеялся: прилипший к крутому боку скалы песчаный личиночий домик. Тогда он подозвал лучших своих бойцов и указал им цель.

Люди осторожно обложили камень вытянутым полукольцом с тем расчетом, чтобы разрыв полукольца был направлен в ту же сторону, что и выходное отверстие. Какой-то Нок повис сверху, словно осветительная ракета, а один из Пара приблизился к отверстию с вызывающим жужжанием. Те, кто был в тыльной части полукольца, опустили на камень и поползли вперед. Дом вблизи оказался втрое выше самых высоких воинов, скользкие черные песчаные зерна, составлявшие его стены, были каждое в полобхвата.

Внутри что-то шевельнулось, и спустя секунду из отверстия высунулась безобразная голова личинки. Выснулась, неуверенно качнулась в сторону нахального существа, осмелившегося ее потревожить. Пара отпрянул — личинка, повинувшись слепому охотничьему инстинкту, потянулась за ним, в одно движение вывалившись из домика почти наполовину.

Лавон издал боевой клич. И тут же личинку окружили улюлюкающие орды двуногих демонов, которые безжалостно колотили ее и тыкали кулаками и палицами. Она внезапно исторгла какой-то бляющий звук — столь же невероятный, как если бы рыба защебетала по-птичьи, — и принялась пятиться назад, но бойцы арьергарда уже проломили стену и ворвались в дом с тыла. Личинка рванулась вперед, словно ее подхлестнули

кнутом. И вывалилась совсем, и стала опускаться на дно, трясая своей безмозглой головой и блея.

Лавон послал вдогонку пятерых потомков Дидина. Убить личинку они, конечно, не могли — та была слишком велика, чтобы погибнуть от яда, — но жалили ее достаточно больно и заставляли двигаться дальше. Не то она — как пить дать — вернулась бы к тому же камню и принялась бы строить новый дом.

Лавон спустился на опорную площадку и с удовлетворением обследовал добычу. В доме с избытком хватало места для всего человеческого племени: большой сводчатый зал, который легко обращался в неприступный бастион — достаточно заделать пролом в задней стенке. Чуть почистить внутри, выставить охранение, прорубить отверстия для циркуляции воды (в глубинах она бедна кислородом), — и живи в свое удовольствие.

Он произвел смотр войскам. Они стояли вокруг в благоговейном молчании, еще не веря в успех своего выступления против самого крупного зверя во всем известном им мире. Вряд ли они теперь когда-нибудь оробеют перед всеедами, как бывало. Лавон вскочил на ноги.

— Ну, что уставились? — крикнул он. — Все это теперь ваше. За работу!

Старый Шар удобно устроился на голыше, специально выщербленном под сиденье и устланном мягкими водорослями-спирогирями. Лавон встал неподалеку в дверях, наблюдая за маневрами своих легионов. Их ряды, умножившиеся за месяц относительно спокойной жизни в большом зале, насчитывали сегодня более трех сотен бойцов, и они проводили день за днем в строевых учениях, программу которых разработал он сам. Они стремглав пикировали в глубину, поворачивались на полном ходу, выполняли перестроения, ведя воображаемую борьбу с противником, которого, впрочем, представляли себе достаточно хорошо.

— Нок утверждает, что всееды теперь непрерывно ссорятся друг с другом, — сказал Шар. — Никак не могут взять в толк, что мы действительно объединились с семейством Пара и его родней и совместными усилиями завоевали новый дом. Взаимопомощь — явление, которого не знал доселе этот мир, Лавон. Ты, что называется, делаешь историю.

— Историю? — переспросил Лавон, провожая марширующих солдат прищуренным взглядом. — Что такое история?

— А вот она...

Старик перегнулся через спинку своего «кресла» и коснулся металлических пластин, с которыми никогда не расставался.

Лавон следил за ним без особого любопытства. Он видел эти пластины не раз и не два — блестящие, не тронутые ржавчиной, покрытые с обеих сторон письменами, которые никто, даже Шар, не в силах прочесть. Пара как-то раз назвал таинственные пластины «ни то ни се» — ни живая материя, ни древесина, ни камень.

— Ну и что? Я же не могу их прочесть. И ты не можешь.

— Я пытаюсь, Лавон. Я уверен, что пластины написаны на понятном нам языке. Посмотри хотя бы на первое слово. По-моему, его надо читать — «история». Число букв в точности совпадает. А ниже строкой два слова подряд, мне кажется, читаются «нашим потомкам».

— Но что все это значит?

— Это начало, Лавон. Только начало. Дай срок, узнаем больше.

Лавон пожал плечами.

— Может быть. Когда добьемся большей безопасности, чем сейчас. Сегодня мы не вправе размениваться на мелочи. У нас на них просто нет времени. И никогда не было — с самого Первого пробуждения...

Старик нахмурился. Водя палочкой по песку, он пытался срисовывать буквы с пластины.

— Первое пробуждение. Почему оно было первым, а до него не было ничего? Я помню в подробностях все, что случилось со мной с той поры. Но что было со мной в детстве, Лавон? Словно ни у кого, кто пережил Первое пробуждение, вообще не было детства. Кто наши родители? Почему мы все очнулись взрослыми мужчинами и женщинами, но не ведали ничего об окружающем мире?

— И ответ, по-твоему, записан на этих пластинах?

— Надеюсь. Точнее, верю. Хотя ручаться не могу. Пластины лежали внутри споры рядом со мной при Первом пробуждении. Вот, собственно, и все, что мне известно о них, и еще одно — подобных пластин больше нет нигде в мире. Остальное — домыслы, и, по правде сказать, я пока продвинулся в этих домыслах не слишком далеко. Но придет день... придет день...

— Я тоже надеюсь, что придет, — перебил Лавон. — Я вовсе не хочу передразнивать тебя, Шар, или проявлять излишнее нетерпение. И у меня есть сомнения, да и у многих других. Но на время придется их отложить. Ты не допускаешь, что мы при нашей жизни не сумеем найти на них ответа?

— Если мы не найдем, найдут наши дети.

— В том-то и соль, Шар: мы должны выжить сами и вырастить детей. И оставить им мир, в котором у них будет время на отвлеченные размышления. В противном случае...

Лавон запнулся — между часовыми у входа мелькнула стремительная тень, приблизилась, затормозила.

— Какие новости, Фил?

— Все то же, — отозвался Фил, выгибаясь всем телом, чтобы коснуться подошвами пола. — Крепости флосков поднимаются по всей отмели. Еще немного — и строительство будет завершено, и мы тогда не посмеем и близко подойти к ним. Вы по-прежнему уверены, что мы сумеем вышвырнуть флосков вон?

Лавон кивнул.

— Но зачем?

— Во-первых, чтобы произвести впечатление. До сих пор мы только защищались, хотя в последнее время и не без успеха. Но если мы собираемся внушить всеядам страх, то должны теперь сами напасть на них. Во-вторых, замки флосков с множеством галерей, входов и выходов будут нам служить много надежнее, чем нынешний дом. Кровь стынет от одной мысли: что если бы всеяды додумались взять нас в осаду? И кроме того, Фил, нам нужен аванпост на вражеской территории, откуда можно постоянно нападать на них.

— Мы и сейчас на вражеской территории, — возразил Фил. — Стефаносты, как известно, обитатели дна.

— Стефаносты не настоящие охотники. Любого из них ты встретишь там же, где видел в последний раз, сколько бы воды ни утекло. Нет, сначала надо победить прыгунов, таких как дикраны и нотолки, пловунов, таких как ротары, и фортификаторов-флосков.

— Тогда лучше бы начать не откладывая, Лавон. Если крепости будут завершены...

— Ты прав, Фил. Поднимай свои войска. Шар, собирайся — мы покидаем этот дом.

— Чтобы завоевать крепость?

— Вот именно.

Шар подобрал свои пластины.

— А вот их как раз лучше оставить здесь — в сражении они будут только мешать...

— Ну уж нет, — заявил Шар решительно. — Ни за что не выпущу их из виду. Куда я, туда и они.

Смутные предчувствия, тем более тревожные, что ему никогда ранее не доводилось испытывать ничего похожего, поднимались в сознании, словно легкие облачка, ила. Насколько Лавон мог судить, все шло по плану: армия отчалила от придонного зала и всплывала к терморазделу. По мере движения она разрасталась за счет союзников, которые вливались в ее ряды со всех сторон. Порядок был образцовый; каждый солдат вооружился длинной заостренной щепой, и с каждого пояса свисал ручной топорик, иначе говоря, скол харовой водоросли с дыркой — Шар научил их, как ее высверлить. Многие из них сегодня наверняка погибнут еще до прихода ночи, но в подводном мире смерть была не в диковинку в любой день, а сегодня она, может статься, послужит посрамлению всеедов...

Однако из глубин уже тянуло холодком, что отнюдь не нравилось Лавону, и в воде ощущался какой-то намек на течение, совершенно неуместное ниже термораздела. Слишком много дней ушло на формирование армии, пополнение ее за счет оставших одиночек и укрепление стен жилища. Затем начало появляться молодое поколение, его надо было учить, и это требовало новых и новых затрат времени — естественных, но необратимых. Если холодок и течение означают приближение осенних перемен...

Если да, то ничего не поделаешь. Перемены нельзя отсрочить, как нельзя отложить наступление дня или ночи. Лавон подал знак ближайшему из семьи Пара. Блестящая торпеда изменила курс и приблизилась. Он показал вверх.

— Впереди термораздел, Пара. Правильно ли мы идем?

— Да, Лавон. В этом месте дно поднимается к небу. Замки флосков на той стороне, и они нас не видят.

— Песчаная отмель, что берет начало на севере. Все точно. Вода теплеет. Ну что ж, плывем дальше...

Лавон почувствовал, что все движения вдруг ускорились, будто тело выстрелили из незримой пращи. Он оглянулся через плечо — посмотреть, как преодолевают температурный барьер остальные, — и то, что он увидел, взволновало его сильнее иного весеннего пробуждения. До сих пор у него как-то не складывалось цельного представления о масштабе собственных сил, объемной картины их решительного, прекрасного в своей неукротимости строя. Даже союзники и те вписались в этот строй, фаланга за фалангой всплывали вслед за Лавоном из глубин: сначала осветитель-Нок, словно факел, зовущий за собой других; затем передовой конус, составленный из Дидинов, в задачу которых

входит устранять отдельных встречающих всеедов, — иначе те, чего доброго, поднимут переполох; и, наконец, люди и потомки Пара — ядро армии, в тесных шеренгах, безупречных, точно геометрические теоремы в изложении Шара.

Отмель высилась впереди, огромная, как гора. Лавон круто взмыл вверх, и потревоженные песчаные зерна потекли под ним в обратном направлении широким ручьем. За гребнем оттели, поднимаясь к самому небу, сквозь мерцающую зеленую полутьму проглядывали переплетенные стебли водорослевых джунглей. Это и была их цель — расстояние еще не позволяло различить прилепившиеся к стеблям крепости флосков, однако большая часть пути осталась теперь позади. Свет в поднебесье казался слишком ярким; Лавон прищурился, но продолжал рассекать воду быстрыми сильными взмахами перепончатых рук и ног. Армия, не отставая, перевалила гребень все в том же четком строю.

Лавон описал рукой полукруг. Отряды бесшумно перестроились гигантским параболоидом, ось которого нацелилась в самое сердце джунглей. Стали видны и крепости — до создания армии Лавона они были, пожалуй, единственным примером сотрудничества, с каким когда-либо сталкивался этот мир. Крепости состояли из множества бурых трубок, суженных к основанию и примыкающих одна к другой под самыми причудливыми углами; получалась постройка, изящная, как ветвящийся коралл. И в устье каждой трубки сидела коловратка, флоск, отличающаяся от других всеедов четырехлепестковым, как листок клевера, венчиком, а также гибким отростком, который поднимается над серединой туловища и служит для скатывания шариков из слюны и аккуратного прилаживания их, едва они затвердеют, на место.

Как обычно, при виде крепостных построек в душу Лавона стали закрадываться сомнения. Постройки были само совершенство; и этот каменный цветок распускался здесь каждое лето задолго до Первого пробуждения, задолго до человека. Но что-то неладное происходило сегодня с водой поднебесья — она была слишком теплой, навевала сон. Флоски беспрестанно гудели, выскочившись из своих трубок. Все выглядело, как всегда, как повелось от века; их предприятие — бред, нашествие заведомо обречено на провал...

И тут их выследили.

Флоски мгновенно втянулись в устья трубок и исчезли. Ровное гудение, означавшее, что они без усталости засасывают все проплывающее мимо, разом оборвалось; лишь пылинки танцевали над крепостью в лучах света.

Лавон против воли улыбнулся. Еще недавно флоски просто выждали бы, пока люди не подплывут достаточно близко, и засосали бы их, почти не встречая сопротивления и прерывая гул лишь затем, чтобы измельчить слишком крупную добычу. Теперь же они попрытались. Они испугались.

— На штурм! — крикнул он во весь голос. — Бейте их! Бейте, раз они затаились!

Армия позади Лавона развернулась в атаку, отдельные возгласы слились в единый оглушительный клич.

Миг — и все тактические замыслы спутались. Прямо перед Лавоном внезапно раскрылся клеверный венчик, и гулкий водоворот потянул его в черную утробу флоска. Он яростно замахнулся и ударил отточенным деревянным копьем. Острое лезвие глубоко вонзилось меж отороченных ресничками долей. Коловратка взвизгнула и вжалась поглубже в трубку, прикрывая рану. Лавон с мрачной решимостью рванулся за ней.

Крепостной ход оказался внутри темным, как могила; раненый флоск бешено мутил воду, и Лавона швыряло от одной неровной стенки к другой. Он стиснул зубы и снова ткнул копьем. Оно сразу же впилося во что-то упругое, и новый вскрик отозвался в ушах звоном. Лавон бил копьем до тех пор, пока крики не смолкли, и бил еще, пока не заглушил собственный страх.

Наконец, дрожа, он вернулся к устью трубки и, не раздумывая, оттолкнулся и выбросился на свободу, чтобы тут же наскочить на проплывающего мимо всееда. Это оказался дикран; при виде Лавона он злобно сжался, готовясь к прыжку. Даже всееды научились кое-чему за последнее время: дикраны, хорошо воюющие в открытой воде, были для флосков наилучшими естественными союзниками.

Броня дикрана легко отразила первый удар. Лавон лихорадочно тыкал копьем, пытаясь нащупать уязвимое место, но юркий враг не дал ему времени толком прицелиться. Всеед сам бросился в атаку, гудящий венчик обернулся вокруг головы, прижал руки к бокам...

И вдруг дикран содрогнулся и обессилел. Лавон кое-как выбрался наружу, не то разрубив лепестки, не то разорвав их, и увидел отплывающего Дидина. Мертвая коловратка тихо погружалась на дно.

— Благодарю, — выдохнул Лавон. Спаситель устремился прочь, не удостоив его ответом: у Дидина реснички были не такие длинные, как у Пара, и имитировать человеческую речь он не мог. Да по всей вероятности, и не хотел: это семейство не отличалось общительностью.

Не успел Лавон опомниться, как его вновь закрутило в бешеном омуте, и он вновь пустил в ход оружие. Следующие пять минут растянулись, как дурной сон, но в конце концов он понял, как лучше всего расправляться с неповоротливыми, жадными флосками. Вместо того чтобы напрягать все силы, замахиваясь против течения, можно было отдаться на волю потока, зажав копы меж ступней острием вниз. Результаты достигались лучшие, чем он смел надеяться. Копье, которое сам же флоск засасывал что было сил, пронзало прячущуюся в трубке червеобразную тварь, возжаждавшую человеческой плоти, почти навывлет.

Выбравшись из очередной схватки, он обнаружил, что сражение переместилось куда-то в сторону. Он присел на край трубки и перевел дыхание, цепляясь за округлые, просвечивающие «кирпичики» стенок и наблюдая за полем боя. Разобраться в хаосе отдельных стычек было нелегко, но, насколько он мог судить, коловраткам приходилось туго. Они не сумели противостоять организованному нападению — ведь, по существу, они вообще не обладали разумом.

Дидин с собратьями рыскали по полю битвы, захватывая и уничтожая свободно плавающих всеядов целыми стаями. На глазах Лавона полдесятка коловраток попало в сети племени Пара, и их, запутавшихся в нитях трихоист, безжалостно волокли на дно, где они неизбежно задохнутся. Не менее удивительно было видеть, что Нок — один из немногих сопровождавших армию — решил отхлестать извивающегося ротара своим в сущности безобидным щупальцем; всеяд был настолько ошарашен, что и не подумал сопротивляться.

Какая-то фигура медленно и устало поднималась из глубин. Лавон узнал Шара, протянул руку и втащил запыхавшегося старика на край отвоеванной трубки. На лицо Шара было страшно взглянуть — такое на нем отражалось потрясение, такое горе.

— Погибло, Лавон. Все погибло. Все пропало.

— Что? Что погибло? В чем дело?

— Пластины. Ты был прав. Я зря тебя не послушал...

Шар судорожно вскрикнул.

— Пластины? Да успокойся ты! Что стряслось? Ты потерял одну из исторических пластин — или даже обе?

Мало-помалу наставник как будто восстанавливал контроль над своим дыханием.

— Одну,— ответил он с жалким видом.— Обронил в бою. Вторую я спрятал в опустевшей крепостной трубке. А первую обронил — ту самую, что едва начал расшифровывать. Она пошла

на дно, а я не мог кинуться за ней вдогонку. Все, что я мог, — следить, как она, крутясь, падает во тьму. Цеди теперь ил, хоть до скончания веков — все равно ее не найдешь.

Он спрятал лицо в ладонях. Балансируя на краю бурой трубки в зеленом отсвете вод, Шар выглядел одновременно трогательно и нелепо. Лавон не знал, что и сказать; даже он понимал, что потеря была большой, а может, и невозполнимой, что зияющий провал вместо воспоминаний о днях, предшествовавших Первому пробуждению, теперь, вероятно, никогда не будет заполнен. А уж какие чувства обуревали Шара — о том можно было только догадываться.

Снизу стремительно всплыла, направляясь к ним, еще одна фигура.

— Лавон! — раздался голос Фила. — Все идет как по маслу! Плывуны и прыгуны удирают — те, что остались в живых. Правда, в замке еще есть флоски, прячутся где-то во тьме. Вот если бы выманить их оттуда...

Возвращенный к действительности, Лавон прикинул шансы на выигрыш. Вся затея может еще провалиться, если флоски благополучно попрячутся в дальних норах. В конце концов, грандиозная бойня была сегодня отнюдь не главной задачей — люди задумали овладеть крепостью в целом.

— Шар, скажи, эти трубки сообщаются между собой?

— Да, — ответил старик без тени интереса. — Это единая система.

Лавон так и подпрыгнул, повиснув в чистой воде.

— Будем действовать, Фил. Нападем на них с тыла!

Резко повернувшись, он нырнул в устье трубки, Фил за ним. Давила темнота, в воде стоял зловонный запах флосков, но после секундного замешательства Лавон на ощупь отыскал проход в соседнюю трубку. Не составляло труда догадаться, куда двигаться дальше: стенки шли наклонно, все постройки флосков неизменно сходились на конус и отличались одна от другой только диаметром.

Лавон решительно держал путь к главному стволу — вниз и внутрь. Однако, заметив, что вода у очередного прохода бурлит, и услышав приглушенные возгласы и назойливый гул, он остановился и ударил в отверстие копьём. Коловратка издала пронзительный испуганный крик и дернулась всем телом, поневоле потеряв сцепление с трубкой — ведь захватный орган у флосков находится в нижней части тела. Лавон усмехнулся и поплыл дальше. Люди у устья трубки довершат остальное.

Достигнув наконец главного ствола, Фил с Лавоном методически обследовали ветвь за ветвью, нападая на пораженных

всеедов сзади, принуждая их отпускать захват — чтобы войны наверху легко справились с ними, когда собственная тяга венчиков вытянет флосков наверх. Конусообразная форма трубок не давала вседам развернуться для ответной атаки, тем более не позволяла им последовать за нападающими по лабиринтам крепости: каждый флоск от рождения до смерти занимал одну и ту же камеру и никогда не покидал ее.

Завоевание всей крепости заняло каких-то пятнадцать минут. День едва начал клониться к закату, когда Лавон и Фил всплыли над самыми высокими башнями, чтобы окинуть гордым взглядом первый в истории Город Человека.

Он лежал во тьме, прижав лоб к коленям, недвижимый как мертвец. Вода была затхлой и холодной, темнота абсолютной. По сторонам смыкались стены бывшей крепости флосков, над головой один из Пара клал песчаные зерна в заново наведенную сводчатую крышу. Каждый из солдат армии нашел себе приют в других трубках, под новенькими их перекрытиями, — но где же шорох движений, где голоса? Кругом стояла нерушимая тишина, точно на кладбище.

Мысли Лавона текли медленно и вяло. Он тогда оказался прав — наступала осень. У него едва хватило времени на то, чтобы поднять всех людей со дна в крепость до прихода осенних перемен. Осенью воды Вселенной меняются местами — придонные поднимаются к небу, поднебесные уходят на дно — и перемешиваются. Термораздел разрушается до следующего года, пока весенние течения не образуют его снова.

И, неизбежно резкая смена температуры воды и кислородное голодание повлияли на деятельность спорообразующих желез. Вокруг Лавона уже смыкается янтарная сфера, и он не в силах этому помешать. Это произвольный процесс, не зависящий от его воли, как биение сердца. Скоро, скоро стылую грязную воду вытеснит и заменит фосфоресцирующая жидкость, и тогда придет сон...

Тишина и холод. Темнота и покой.

В дальнем углу Галактики горит пурпурная звездочка Тау Кита, а вокруг нее бесконечно вращается сырой мирок по имени Гидрот. Многие месяцы его озера и пруды кишели жизнью, но вот солнце ушло из зенита, выпал снег, и лед напoлз на материк со стороны океана. И жизнь опять погрузилась в дрему,

сравнимую только со смертью; битвы и вожделения, победы и поражения миллиардов микроскопических существ сменились забвением, когда все это не имеет ровно никакого значения.

Воистину всем страстям приходит конец, когда на планете Гидрот правит зима; но зима — властитель не вечный.

Этап второй

1

Старый Шар отложил наконец толстую, иззубренную по краям металлическую пластину и выглянул из окна крепости, очевидно, ища успокоения в сияющей зелено-золотой полутьме летних вод. В мягких отсветах, упавших на лицо мыслителя сверху — там, под сводчатым потолком, безмятежно дремал Нок, — Лавон увидел, что перед ним, по существу, совсем еще молодой человек. Черты лица Шара поражали хрупкостью, не оставляя сомнений: с тех пор как он впервые вышел из споры, минуло не слишком много лет.

В сущности, у Лавона и не было оснований думать, что Шар в самом деле окажется стариком. Любого Шара по традиции величали «старый Шар». Смысл такого обращения, как смысл многого вокруг, затерялся, привычка уцелела. По крайней мере, она придавала вес и достоинство должности мыслителя — средоточия мудрости племени, — подобно тому как должность каждого из Лавонов подразумевала средоточие власти.

Нынешний Шар принадлежал к поколению XVI и, следовательно, должен был быть по крайней мере на два года моложе, чем сам Лавон. Если он и мог считаться старым, то исключительно в смысле разума.

— Ответу тебе честно, Лавон, — произнес Шар, по-прежнему глядя куда-то вдаль сквозь высокое неправильной формы окно. — Достигнув зрелости, ты пришел ко мне за секретами металлической пластины точно так же, как твои предшественники приходили к моим. Я могу сообщить тебе кое-что из этих секретов, но по большей части я и сам не ведаю, что они означают.

— После стольких-то поколений? — воскликнул изумленный Лавон. — Ведь еще Шар III сделал первый полный перевод, разве не так? Это случилось давным-давно...

Молодой человек обернулся и устремил взгляд на гостя. Его глаза, большие и темные, словно впитали в себя глубины, которые только что мерили.

— Я могу прочесть то, что написано на пластине, однако в большинстве своем фразы кажутся лишенными смысла. Хуже всего, что записи неполны. Ты этого не знал? Но это так. Одна из пластин была утеряна на поле боя во время первой войны со вседаами, когда замки еще находились в их руках.

— Тогда зачем же я здесь? — спросил Лавон. — А на той пластине, что сохранилась, есть там что-нибудь достойное внимания? Действительно ли она донесла до нас «мудрость создателей» или это просто-напросто миф?

— Нет, это правда, — медленно ответил Шар. — Пожалуй, правда...

Он осекся; собеседники разом повернулись и уставились на призрачное создание, внезапно возникшее за окном. Затем Шар многозначительно провозгласил:

— Входи, Пара.

Существо в форме туфельки, почти прозрачное, за исключением серебристых с чернью зернышек и искристых пузырьков, которые во множестве наполняли его нутро, проскользнуло в комнату и остановилось, тихо шевеля ресничками. Секунду-другую оно висело безмолвно, обмениваясь телепатическими приветствиями с Нокон, плавающим под сводом, в принятой между ними церемонной манере. Никто из людей никогда не слышал этих бесед, но сомневаться в их реальности не приходилось: для дальней связи человек использовал сородичей Пара уже на протяжении многих поколений. Потом реснички всколыхнулись сильнее:

— Мы явились к вам, Шар и Лавон, в согласии с обычаем...

— Добро пожаловать, — отозвался Шар. — Если не возражаешь, Лавон, давай отложим вопрос о пластинках и выслушаем, что нам скажет Пара. Это тоже часть знаний, которые каждый из Лавонов должен усвоить при вступлении в должность, и по своему характеру эти знания важнее, чем записи на пластинках. Пара начнет с рассказа о том, как мы появились здесь.

Лавон с готовностью кивнул и стал заинтересованно следить за Парой, который плавно опустился на поверхность стола. Движения этого существа были столь грациозны и уверенны, столь экономны и точны, что поневоле заставляли Лавона усомниться в собственной едва-едва обретенной зрелости. В

сравнении с Пара, как и с его разнообразными родственниками, Лавон ощущал себя не то чтобы убогим, но каким-то незавершенным.

— Нам известно, что по логике вещей человеку в этом мире места нет, — прожужжал поблескивающий цилиндр, замерший над столом. — В нашей общей памяти сохранилось представление о временах, когда здесь не было людей, не было никого хоть отдаленно на них похожего. Помним мы и день, когда люди вдруг явились к нам, и сразу в довольно большом числе. Их споры вдруг очутились на дне, и мы обнаружили эти споры вскоре после весеннего пробуждения, а внутри спор разглядели людей, погруженных в дремоту.

Потом люди разбили оболочки спор и вылупились. Поначалу они казались беспомощными, и всееды пожирали их десятками — в те времена всееды пожирали все, что движется. Но вскоре этому пришел конец. Люди были разумны и предприимчивы. А главное, наделены качествами, чертами, каких не было ни у кого в этом мире, в том числе и у свирепых всеедов. Люди подняли нас на истребление всеедов, они овладели инициативой. Теперь, когда вы дали нам это слово, мы помним и даже применяем его, но так и не поняли, что же это за штука...

— Вы сражались бок о бок с нами, — заметил Лавон.

— С радостью. Сами мы никогда не додумались бы начать такую войну, но все равно она была справедливой и закончилась справедливо. И тем не менее мы недоумевали. Мы видели, что люди плохо плавают, плохо ходят, плохо ползают, плохо лазают. Зато они способны изготавливать и использовать орудия — идея, которой мы так и не поняли, поскольку она совершенно чужда нашей жизни, а другой мы не знаем. Но нам сдается, что столь чудесная способность должна бы вести к гораздо более полному владычеству над миром, чем человек может осуществить здесь.

У Лавона голова пошла кругом.

— Слушай, Пара, я и в мыслях не держал, что вы такие завязтые философы.

— Пара — представитель древнего рода, — заявил Шар. Он опять отвернулся к окну, сцепив руки за спиной. — Однако они не философы, а беспощадные логики. Учти это, Лавон.

— Из наших рассуждений может быть только один вывод, — продолжал Пара. — Наши странные союзники, люди, не похожи ни на кого другого в этой Вселенной. Они плохо приспособлены к ней. И все потому, что они не принадлежат к нашему миру, а лишь кое-как приноровились к нему. Из сказанного следует, что существуют иные вселенные помимо нашей, но где они

расположены и какими свойствами обладают, невозможно даже вообразить. Мы ведь, как известно, лишены воображения...

Неужели цилиндр иронизирует? Лавон не знал, что и подумать. Он тихо переспросил:

— Иные вселенные? Как же это?

— Сами не представляем, — монотонно прожужжал Пара.

Лавон еще подождал, но, очевидно, гостю больше нечего было сказать.

Шар снова уселся на подоконнике, обхватив колени и наблюдая за смутными образами, наплывающими из бездны и уходящими обратно.

— Все верно, — произнес он. — Записи на пластине не оставляют в том сомнений. Разреши, теперь я перескажу тебе их смысл. Нас изготовили, Лавон. Нас изготовили люди, непохожие на нас, хотя они и стали нашими предками. С ними приключилась какая-то беда, и они изготовили нас и поместили в эту вселенную, чтобы, хотя им и суждено было умереть, раса людей все-таки уцелела...

Лавон так и подскочил с плетеного водорослевого коврика, на котором сидел.

— Не считай меня глупее, чем я есть, — сказал он резко.

— Я и не считаю. Ты наш, Лавон, ты имеешь право знать истину. И поступай с ней как тебе заблагорассудится. Наша непригодность к этому миру самоочевидна. Вот лишь несколько примеров.

Четыре моих предшественника пришли к выводу, что наша наука не стронется с места, пока не научится контролировать теплоту. Нам известно, что с повышением — или понижением — температуры изменяется все, даже окружающая нас вода. Но как повысить температуру? Если делать это в открытой воде, тепло тут же уносит течением. Однажды мы попробовали добиться этого в замкнутом пространстве — и взорвали целое крыло замка, убив всех, кто очутился поблизости. Взрыв был страшен, мы измерили возникшие давления и установили, что ни одно известное вещество не способно противостоять им. Теория допускает существование более прочных веществ, но, чтобы получить их, нужна высокая температура!

А как быть с химией? Мы живем в воде. Вода в большей или меньшей степени растворяет все остальное. Как ограничить химический опыт одним тиглем, одной пробиркой? Понятия не имею. Любой путь заводит в один и тот же тупик. Мы мыслящие существа, но мыслить мы решительно не так — не так, как того требует вселенная, куда мы попали. Наше мышление не дает здесь должных результатов...

Лавон попытался поправить сбитые течением волосы — тщетно.

— А может, ты и стремишься не к тем результатам? Мы уже давно не испытываем затруднений с оружием, с продовольствием, да и в практических делах преуспеваем. Если мы не можем контролировать теплоту, то, право, большинство из нас от этого ничуть не страдает: нам довольно и того тепла, какое есть. А на что похожа та иная вселенная, где жили наши предки? Она лучше нашей или хуже?

— Откуда мне знать,— вымолвил Шар.— Она настолько отлична от нашей, что их трудно сравнивать. Металлическая пластина повествует о людях, которые путешествуют с места на место в самодвижущемся сосуде. Единственная аналогия, какую я могу предложить,— это лодки из ракушек, те, что наши юнцы делают для катания с термораздела. Однако сосуды предков были во много раз больше.

Я представляю себе огромную лодку, закрытую со всех сторон, такую огромную, что в ней помещается человек двадцать или даже тридцать. В течение жизни многих поколений она движется в среде, где нет воды для дыхания, и потому люди вынуждены везти воду с собой и постоянно ее обновлять. Там нет времен года, и на небе не образуется лед, потому что в закрытой лодке не может быть неба, и там нет спорообразования.

Но однажды лодка потерпела крушение. Люди в лодке понимали, что должны погибнуть. И они изготовили нас и поместили сюда, словно детей. И поскольку они должны были погибнуть, то записали свою историю на пластинах, чтобы мы узнали, что с ними произошло. Вероятно, мы разобрались бы во всем этом лучше, если бы сохранилась та пластина, которую Шар I потерял во время войны, но ее нет...

— Твой рассказ похож на притчу,— заявил Лавон, пожав плечами.— Или балладу. Совершенно ясно, почему ты сам не понимаешь того, что рассказываешь. Неясно другое — зачем ты силишься понять?

— Из-за пластины,— ответил Шар.— Ты теперь сам держал ее в руках и видишь, что в нашем мире нет ничего подобного ей. Мы умеем ковать металлы — грубые, с примесями, подверженные быстрому износу. А пластина сохраняет свой блеск вот уже многие поколения. Она не меняется, наши молоты и резцы крошатся, едва коснувшись ее, и температурные перепады — те, какие мы в силах создать,— не причиняют ей вреда. Пластина изготовлена вне нашей Вселенной — и уже один этот факт делает значимой каждую начертанную на ней букву. Кто-то приложил большие старания, чтобы пластины стали нераз-

рушимыми и дошли до нас. Кто-то, кому слово «звезда» представлялось настолько важным, что он повторил его четырнадцать раз, а ведь это слово вроде бы ничего не значит. Совершенно уверен, что если наши создатели в записи, сделанной на века, повторили одно и тоже слово хотя бы дважды, для нас жизненно важно понять, что оно означает...

Лавон снова встал.

— Запредельные миры, исполинские лодки, слова, лишенные смысла, — может, они и существуют, но нам-то что за печаль? Прошлые поколения Шаров посвящали свою жизнь тому, чтобы вывести культурные сорта водорослей и научить нас ухаживать за ними, избавив народ от превратностей охоты за бактериями. Еще раньше Шары строили военные машины, разрабатывали военные планы, и это тоже окупалось. Лавоны в те дни и думать не думали о металлических пластинах со всеми их загадками — и Шарам своим заказывали. Ты, конечно, можешь продолжать возиться с этой штукой, если это занятие прельщает тебя больше, чем выращивание водорослей, но мое личное мнение таково, что ее надо выбросить...

— Ну что ж, — Шар в свою очередь пожал плечами, — раз ты не хочешь вести беседу, тогда закончим ее. Пойдем каждый своей...

Со стола послышался нарастающий гул. Пара приподнялся, его реснички колыхались волнообразно, как колышутся созревающие грибки на придонных полях. В течение всей беседы цилиндр хранил такое глубокое молчание, что Лавон начисто забыл о нем, и Шар, судя по его испугу, тоже.

— Это великое решение, — затрепетали реснички. — Мы издавна опасались таинственной пластины, опасались, что люди разберутся в ее письменах и переселятся в иные миры, а нас покинут. Теперь мы больше ее не боимся.

— Вам и раньше нечего было бояться, — снисходительно бросил Лавон.

— Ни один Лавон до тебя не говорил нам так, — промолвил Пара. — Мы счастливы. Мы выбросим пластину, как повелел Лавон...

С этими словами искрящееся существо устремилось к выходу, унося с собой последнюю пластину. До того она покоилась на столе, теперь была бережно стиснута в гибких брюшных волосках. Внутри прозрачного тела вакуоли раздулись, увеличивая плавучесть и позволяя цилиндру нести значительный вес.

Шар с криком кинулся вплавь к окну.

— Пара, остановись!

Но тот уже исчез — исчез так стремительно, что и не слышал зова. Шар вернулся и застыл, опершись плечом о стену. Он молчал. Ему и не нужно было ничего говорить: лицо его выражало столько чувств, что Лавон не выдержал и отвел глаза.

Тени обоих людей вдруг снялись с мест и медленно тронулись по неровному полу. Шевеля щупальцем, из-под свода спускался Нок; выпускаемый свет то вспыхивал, то гас. Он в свою очередь проплыл сквозь окно вслед за двоюродным братом и неспеша растворился в пучине.

2

В течение многих дней Лавон старался не вспоминать об утрате. Работы всегда хватало — только поддержание крепостных построек стоило бесконечных хлопот. Тысячи последовательно ветвящихся ходов со временем неизбежно осыпались, обламывались там, где примыкали друг к другу, и ни один Шар не придумал еще раствора, который заменил бы слюну коловраток, некогда связывавшую замки воедино. К тому же реконструкция помещений и разметка окон в прежние времена проводились наспех, а подчас и с грубыми ошибками. В конце концов, стихийная архитектура всеедов ни в коей мере не была рассчитана на удовлетворение потребностей человека.

Затем его захватили заботы об урожае. Пропитание племени более не зависело от охоты на бактерий; теперь к услугам людей были дрейфующие плантации грибков и водорослей и посевы мицелия на дие — пища вкусная и сытная, бережно взращенная Шарами пяти поколений. Однако за посевами надо было следить, поддерживая чистоту штаммов и отваживая глупых и жадных лакомок. Пара и его родичи по мере сил помогали нести охрану, но без надзора со стороны людей обойтись не могли.

И тем не менее, несмотря на всю свою занятость, Лавон не в силах был забыть момент, когда по собственной его оплошности последняя надежда разобратся в происхождении и предназначении человека оказалась утраченной навсегда.

Конечно, можно бы попросить Пара вернуть пластину, объяснить, что произошла ошибка. Неумолимая логика цилиндров не мешала им уважать людей и даже свыкнуться с человеческой непоследовательностью; под нажимом они могли бы пересмотреть свое решение...

«Очень сожалеем, но мы отнесли пластину на ту сторону отмели и сбросили в омут. Мы прикажем обыскать дно, однако...»

Лавон не мог совладать со шемющим чувством уверенности, что ответ будет именно таким или очень похожим. Если цилиндры пришли к выводу, что вещь больше не нужна, они не станут приберегать ее со старушечьей скарედностью где-нибудь в чулане. Они ее действительно выбросят — решительно и бесповоротно.

Да, наверное, это и к лучшему. Какую пользу принесла пластина человечеству — давала Шару повод для размышлений на склоне лет? Все, что сделали Шары для людей, здесь, в воде, в этой жизни, в этом мире, достигнуто путем прямого эксперимента. Пластины пока что не дали людям ни крупицы полезных знаний. По крайней мере, вторая пластина толковала исключительно о проблемах, о которых резоннее вообще не задумываться. Пара абсолютно правы.

Лавон слегка передвинулся по поверхности листа, с которого надзирал за экспериментальным сбором сочных сине-зеленых водорослей, плавающих спутанной массой под самым небом, и осторожно почесался спиной о жесткий ствол. Пара, пожалуй, почти никогда не ошибались. Их неспособность к творчеству, к оригинальному мышлению на поверку оказывалась не только дефектом, но и ценным даром. Она позволяла им всегда видеть и воспринимать все именно таким, каким оно было на самом деле, а не таким, каким хотелось бы его воспринять, — в этом смысле они были словно лишены желаний.

— Лавон! Ла-а-во-он!..

Призывной клич поднялся из сонных глубин. Придерживаясь рукой за край листа, Лавон перегнулся и глянул вниз. Снизу вверх на него смотрел один из сборщиков — в пальцах у человека было тесло, с помощью которого клейкие пряди водорослей отделяли одну от другой.

— Я здесь. В чем дело?

— Мы обособили созревший сектор. Можно приступить к буксировке?

— Приступайте, — ответил Лавон, лениво поведя рукой, и вновь откинулся к стволу. В тот же миг у него над головой вспыхнуло ослепительное красноватое сияние, вспыхнуло и потекло в глубину, будто сеть из чистого золота.

Значит, там, высоко над небом, вновь ожил великий свет; он горит весь день, то усиливаясь, то тускнея, повинуюсь законам, которых ни один Шар еще не сумел вывести. Немногие из тех людей, кого обласкал этот теплый свет, сумели совладать с искушением и не взглянуть в его сторону — особенно когда, как сейчас, небо морщится и смеется в каких-нибудь двух-трех

гребках. Но, как всегда, подняв глаза к небу, Лавон не разглядел ничего, кроме своего искаженного отражения да еще контуров водоросли, на которой сидел. Перед ним была верхняя грань, одна из трех основных поверхностей вселенной.

Первая поверхность — дно, где кончается вода.

Вторая поверхность — термораздел, легко различимый летом; с него хорошо кататься, но можно и пронзить его насквозь, если знаешь как.

Третья поверхность — небо. Попасть на ту сторону неба столь же нелегко, как проникнуть сквозь дно, да в общем и нет нужды пытаться. Там конец вселенной. Свет, ежедневно вспыхивающий над небом, то прибывая, то убывая, видимо, прямое тому доказательство.

К концу лета вода постепенно стынет, дышать становится все труднее — и одновременно тускнеет свет, длиннее становятся темные промежутки. Оживают неспешные течения. Вода в поднебесье охлаждается и опускается вниз. Донная грязь шевелится и дымками поднимается вверх, подхватывая споры с грибковых полей. Термораздел приходит в волнение, словно рябит, — и вдруг растворяется. На небе оседает туман из частичек ила, вынесенного со дна, со склонов, из дальних уголков вселенной. День, другой — и весь мир превращается в суровую негостеприимную пустыню, устланную желтеющими, умирающими водорослями. Еще день — и он замирает до той поры, пока первые неуверенные теплые ручейки не прорвут тишину зимы...

Вот что происходит, когда исчезает вторая поверхность. Что же случится, если растает небо?..

— Лаво-он!..

Будто специально дождавшись этого протяжного зова, из глубины всплыл блестящий пузырь. Лавон протянул руку и стукнул по нему когтем большого пальца, но пузырь отскочил в сторону. Газовые пузыри, поднимающиеся со дна в конце лета, были почти неуязвимы, а если даже особенно ловкий удар или острый предмет протыкал их поверхность, они просто дробились на более мелкие пузыри, оставляя в воде поразительный смрад.

Газ. Внутри пузырей нет воды. Человеку, проникшему в такой пузырь, стало бы нечем дышать.

Но, разумеется, проникнуть внутрь пузыря невозможно. Не позволит сила поверхностного натяжения. Сила таинственная, как металлическая пластина Шара. Неодолимая, как пелена неба.

Как пелена неба?! А что, если над этой пеленой мир, наполненный газом, а не водой? Быть может вселенная — лишь пузырь с водой, плавающий в океане газа?

Если так, то путешествие в иную вселенную попросту немыслимо, прежде всего потому, что не удастся пронзить небо. А уж про дно и говорить нечего. Но ведь есть существа, которые закапываются в донный ил, притом очень глубоко, и ищут там что-то недоступное человеку. В разгар лета тина кишмя кишит крошечными созданиями, для которых грязь — естественная среда обитания...

Однако если другие вселенные не полный вздор и не выдумка Пара, искать их надо там, откуда исходит свет. В конце концов, кто сказал, что небо нельзя преодолеть? Раз удается иногда проткнуть пузыри, значит, поверхностная пленка все-таки проницаема. Пытался ли кто-нибудь одолеть небо?

Лавон был далек от мысли, что человеку по силам проломить небесный свод — с равным успехом можно пытаться прорыть себе нору сквозь дно, — но должны же обнаружиться какие-то окольные пути к цели. У него за спиной, например, высится куст, который, по всей видимости, продолжается и по ту сторону неба: верхние его листья словно переламываются, отражение срезает их, точно ножом.

Всегда считалось, что растения, коснувшись неба, погибают. По большей части так оно и есть: удается, и нередко, различить полупогруженный в воду мертвый, изуродованный и пожухлый стебель. Однако встречаются и другие растения, будто перерубленные небом пополам, как то, которое прикутило Лавона сейчас. Что если это только иллюзия, а в действительности ствол уходит в какой-то иной мир — в мир, где люди были некогда рождены, а кто-то, возможно, живет там и поныне?..

Обе пластины утрачены. Остается единственный способ выяснить истину.

Решившись, Лавон начал взбираться вверх, к волнистому зеркалу неба. Ворта, дальние тюльпаноподобные родственники Пара, испуганно отползали прочь с дороги.

— Лавон! Куда ты? Лавон!..

Он свесился со ствола и посмотрел вниз. Человек с теслом, совершенно кукольная фигурка, подавал ему знаки, оседлав пучок сине-зеленых водорослей далеко-далеко в фиолетовой бездне. У Лавона закружилась голова, он прижался к стволу: никогда еще он не взбирался так высоко. Бояться падения ему, конечно, не приходилось; вероятно, сказался какой-то наследственный страх. Пересилив себя, он продолжил подъем.

Еще немного — и он, дотронувшись до неба рукой, остановился передохнуть. Любопытные бактерии собрались у основания его большого пальца — там обнаружился порез, из которого слегка сочилась кровь; он взмахнул рукой — они рассыпались, но тут

же снова стали подкрадываться к расплывающемуся красному пятнышку...

Он перевел дух и полез еще выше. Небо навалилось ему на затылок, шею, плечи. Казалось, оно чуть-чуть подается, хотя и с трудом. Вода здесь была ослепительно прозрачной и совершенно бесцветной. Он поднялся еще на шаг, подставив под исполинский вес всю спину.

Бесполезно. С тем же успехом он мог бы пытаться пробить головой утес.

Пришлось снова остановиться. И тут-то, борясь с одышкой, он совершил удивительное открытие. Непосредственно вокруг водоросли стальная поверхность неба выгибалась, образуя своего рода колокол. Лавон нашел, что места там почти хватало на то, чтобы всунуть голову. Прикинув к стволу вплотную, он заглянул внутрь колокола, ощупывая его пальцами. Блеск воды был здесь совершенно невыносимым.

Грянул внезапный беззвучный взрыв. Что-то сжало запястье резкой мучительной хваткой, будто его перепиливали пополам. Не владея собой от изумления, Лавон рванулся вверх. Кольцо боли плавно спустилось по руке к предплечью и вдруг охватило шею и грудь. Еще рывок — в круговых тисках очутились колени. Еще...

Случилось нечто чудовищное. Он прижался к стволу и отчаянно пытался вздохнуть, но — дышать было нечем.

Вода лилась потоками изо рта и ноздрей, была струями из дыхальцев по бокам. Кожу жег огнем свирепый, безудержный зуд. Во внутренности впивались длинные ножи, и он словно издали слышал, как хрипят легкие, извергая безобразную пузыристую пену. В глубине черепа, на дне носовой полости, словно пылал костер.

Лавон тонул — в безводье.

Последним судорожным усилием он оттолкнулся от колкого ствола и упал. Тело содрогнулось от удара; и тут вода, так не хотевшая отпускать его, когда он впервые попытался ее покинуть, с холодной жестокостью приняла беглеца в свои объятия.

То безвольно распрямляясь, то неуклюже кувыркаясь, Лавон опускался вниз, вниз, вниз, на дно.

Много-много дней Лавон провел, свернувшись в беспамятстве, будто впал в зимнюю спячку. Шок от холода, испытанный при возвращении в родную стихию, тело приняло за свидетельство прихода зимы, равно как кислородный голод в секунды пребывания за пределами неба. И спорообразующие железы тут же включились в работу.

Не случись этого, Лавон наверняка бы умер. Опасность утонуть, разумеется, исчезла, как только воздух из легких вытеснила животворная вода. Но медицина подводного мира не знала, как лечить ожоги третьей степени и острое иссушение тканей. Целебная жидкость, образующаяся внутри прозрачного янтарного шарика споры, — вот единственное лекарство, которое даровала Лавону природа.

На третьи сутки спора, замершая среди вечной придонной зимы, была обнаружена забравшейся сюда в поисках пропитания дальней родней Пара. Температура на дне в любое время года держалась одинаковая — плюс четыре градуса, но слуханное ли дело встретить здесь спору, когда поднебесье еще богато кислородом и напоено теплом!

Не прошло и часа, как на место происшествия опустилась сверху, из крепости, группа обеспокоенных людей. Откликнувшись на их просьбу, четверка Пара собралась вокруг янтарного шарика и дружно выстрелила трихоцистами. Как только нити сомкнулись, четверка разом пошла вверх. Спора чуть покачнулась в иле и стала тихо приподниматься, укутанная тонкой паутиной. Подоспевший Нок осветил всю сцену холодным пульсирующим светом, к вящему изумлению сбитых с толку людей. Внутри споры ясно виднелась фигура спящего Лавона. — голова склонена, колени прижаты к груди; как только скорлупку сдвинули с места, фигура начала с нелепой торжественностью возвращаться.

— Доставьте его к мыслителю, — прозвучал приказ.

Шар XVI, хоть и был молод, хорошо усвоил первое традиционное правило своего наследственного ремесла: если не знаешь, что делать, не делай ничего. Он сразу понял, что любое вмешательство лишь повредит Лавону, замкнувшемуся в янтарной оболочке, и поместил спору в одну из самых верхних комнат замка, где света было достаточно и вода хорошо прогрета, что для оцепеневшего организма могло бы знаменовать приближение весны. Шар просто сидел рядом и смотрел — и держал свои умозаключения про себя.

Тело Лавона, замкнутое в спору, быстро меняло кожу, сбрасывая ее крупными лоскутками и полосами. Вначале тело казалось сморщенным, но это вскоре прошло. Скрюченные ручки и ножки, впалый живот приобрели обычный, здоровый вид.

Дни шли за днями. В конце концов Шар при всем желании не мог обнаружить больше никаких перемен и по наитию переместил спору еще выше, выставив ее под прямой свет с неба.

И Лавон шевельнулся в своей янтарной тюрьме. Он повернул невидящие глаза к свету, попытался распрямиться и потянуться. Выражение лица у него при этом было такое, словно он еще не вполне освободился от какого-то жуткого кошмара. Тело Лавона сияло странной розовой новизной.

Шар тихо стукнул по поверхности споры. Лавон повернулся к источнику звука, глаза его приобрели осмысленное выражение. Он неуверенно улыбнулся, потом уперся руками и ногами в стенки своего убежища. С гулким треском шар распался на осколки. Целительная жидкость растворилась в толще воды, унося с собой последние воспоминания об отчаянной борьбе со смертью.

Лавон поднялся среди осколков и смерил Шара долгим взглядом. Наконец произнес:

— Шар, я был по ту сторону неба.

— Знаю,— ответил Шар негромко. Лавон еще помолчал. Шар предложил: — Не скромничай, Лавон. Ты совершил эпохальный подвиг, который едва не стоил тебе жизни. Теперь расскажи мне остальное — все, что сможешь.

— Остальное?..

— Ты многое открыл мне, когда спал. Или ты по-прежнему настроен против отвлеченных знаний?

Лавон не нашел ответа. Он уже не мог провести границу между тем, что знал, и тем, что хотел знать. Невыясненным остался, правда, только один вопрос, но такой, что его было страшно выговорить. Вождь сумел лишь поднять глаза — и снова молча — на тонкое лицо мыслителя.

— Ты ответил мне,— сказал Шар еще мягче, чем прежде.— Пойдем со мной, друг, приглашаю тебя участвовать в наших ученых беседах. Будем думать, как добраться до звезд.

За большим столом в комнате Шара их собралось пятеро: сам Шар, Лавон и три помощника, которых по обычаю присылали Шарам семьи Фан, Танол и Стравол. Обязанности этих помощников — мужчин, а подчас и женщин — при многих прошлых Шарах были не столько сложны, сколько обременительны: добиваться в жизни, на полях, тех же изменений в свойствах пищевых культур, какие Шар получал в малых масштабах, в лабораторных пробирках и чашках. Если Шар интересовался не

агротехникой, а металлургией или химией, они опять-таки выполняли всю грязную работу — были землекопами и каменотесами, литейщиками и мойщиками посуды.

Однако при Шаре XVI три помощника стали объектом всеобщей зависти: людям казалось, что они почти ничем не заняты. Ежедневно они проводили долгие часы, беседуя с Шаром в его покоях, колдуя над документами, царапая закорючки на грифельных досках, а то и разглядывая сосредоточенно самые обыкновенные вещи, не содержащие в себе ровным счетом ничего таинственного. Иногда, правда, они работали вместе с Шаром в лаборатории, но по большей части просто бездельничали.

По существу, Шар XVI открыл некоторые зачаточные правила научного исследования, и эти правила, по собственным его словам, представлялись ему орудием исключительной силы. Поэтому главной его заботой стало точно сформулировать их и передать грядущим поколениям, и он избегал соблазна любых конкретных экспериментов, за единственным исключением — соблазна путешествия к звездам.

Фан, Танол и Стравол оказались первыми, перед кем Шар выдвинул задачу сконструировать корабль для движения в безводном пространстве. Плоды их раздумий лежали на столе: три модели, собранные из панцирных чешуек диатомей, водорослевых волокон, гибких кусочков клетчатки, осколков хары, древесных щепочек, — и все это на органических клеях, полученных из выделений десятка различных растений и животных.

Лавон взял в руки ближайшую модель — хрупкую сферическую конструкцию, внутри которой темно-коричневые бусинки из слюны коловраток, с великим трудом отколотые в заброшенной крепости, перекатывались вереницей, словно в своеобразном подшипнике.

— Это чья? — спросил Лавон, с любопытством поворачивая сферу то одной, то другой стороной.

— Моя, — ответил Танол. — Признаться, я и сам понимаю, что она не удовлетворяет всем требованиям. Просто это единственная конструкция из пришедших мне на ум, которую можно построить из имеющихся у нас материалов при нашем уровне знаний.

— Но как она действует?

— Подержи-ка ее минутку, Лавон. Вот этот пузырь, который виден в центре, с полыми волоконцами спирогиры, выведенными из корпуса наружу, называется резервуаром плавучести. Идея в том, чтобы поймать большой газовый пузырь, поднимающийся со дна, и поместить в такой резервуар. Возможно, сделать это

удастся не сразу, а постепенно. Так или иначе, корабль всплывет к небу благодаря подъемной силе резервуара. Далее, вот эти лопасти, расположенные в два ряда, придут в движение, когда экипаж — видишь бусины, что перекатываются друг за другом, — начнет переступать по педалям, установленным внутри корпуса. Так можно будет добраться до края неба. Этот прием я позаимствовал из наблюдений за нашим приятелем Дидином. Затем мы укоротим лопасти — они втягиваются в прорези, вот так, — и, по-прежнему нажимая на педали, выкатимся по склону в пространство. А когда мы достигнем другого мира и вновь попадем в воду, то постепенно выпустим газ из резервуара через трубы, роль которых здесь на модели исполняют эти волоконца, и опустимся к месту посадки, не утратив контроля за скоростью.

— Очень изобретательно, — задумчиво сказал Шар. — Однако я предвижу определенные трудности. Во-первых, конструкция лишена устойчивости.

— К сожалению, да, — согласился Танол. — И чтобы привести ее в движение, требуется масса мускульных усилий. Но если к центру тяжести корабля подвесить на шарнире какой-то значительный груз, судно можно будет стабилизировать, хотя бы частично. А потом, самые серьезные затраты энергии за все путешествие связаны с первоначальным подъемом корабля к небу, в данном же случае проблема, считайте, решена, — более того, как только газ заполнит резервуар, корабль придется привязать к причалу и держать на привязи вплоть до старта.

— Меня смущает другое, — сказал Лавон. — Будет ли газ выходить через эти трубочки, когда возникнет необходимость? Не получится ли так, что пузырь просто прилипнет к стенкам? Пленку, разделяющую воду и газ, деформировать очень нелегко — могу засвидетельствовать по опыту...

Танол нахмурился.

— Чего не знаю, того не знаю. Но не надо забывать, что на настоящем корабле трубки будут куда толще, чем соломинки на модели.

— Сечением шире человеческих плеч? — осведомился Фан.

— Ну нет, едва ли. Голова, быть может, пройдет, но не больше.

— Ничего не выйдет, — сухо бросил Фан. — Я уже пробовал. Газовый пузырь сквозь такую трубку не пропихнешь. Лавон прав: он прилипнет к стенкам и не шелохнется, пока на него не надавят изнутри — и сильно. Если мы построим подобный корабль, нам придется бросить его, едва мы дотщимся до границ нового мира...

— Что категорически исключается, — перебил его Лавон. — Не говоря уж о непозволительном расточительстве, а вдруг придется

спешно поворачивать обратно? Кому из нас известно, на что похож этот новый мир? Нужно, чтобы мы сохранили возможность выбраться оттуда, если окажется, что там жить нельзя.

— Какая из моделей твоя, Фан? — спросил Шар.

— Вот эта. Я предлагаю, правда, идти к цели тяжким путем — ползти по дну, пока оно не встретится с небом, потом ползти, пока мы не найдем иную вселенную, потом — пока не встретим в ней то, что ищем. Никаких поблажек. Корабль приводится в движение мускульной силой, как и корабль Танола, но не обязательно силой мускулов человека. Я, признаться, подумывал, не использовать ли подвижные виды диатомей. Управлять кораблем можно, тормозя его движение то с одного борта, то с другого. Можно также прикрепить ремешки к противоположным концам задней оси и натягивать тот ремешок, какой потребуется...

Шар пристально осмотрел веретенообразную модель вблизи и опята ради слегка подтолкнул ее вдоль стола.

— Мне нравится, — наконец произнес он. — Держится на курсе надежно. В сферическом корабле Танола мы зависели бы от любого шального течения, как дома, так и в новой вселенной — да и в пространстве между ними. Насколько я понимаю, там тоже могут быть течения — газовые, например. Ну, а твое мнение, Лавон?

— Как построить такой корабль? — спросил тот. — Корпус имеет о круглую форму. На модели это выглядит хорошо, но как добиться, чтобы кольца нужного нам диаметра тут же не развалились?

— Загляни внутрь через переднее окно, — ответил Фан. — Ты увидишь балки, установленные под прямым углом к продольной оси и пересекающиеся в центре. Балки служат подпорками для стен...

— ...и съедают уйму места, — возразил Стравол. Самый уравновешенный и вдумчивый из трех помощников, он с начала совещания не проронил ни слова. — Внутри корабля необходимо сохранить свободу передвижения. Как совладать с управлением, если придется то и дело протискиваться между балок?

— Предложи что-нибудь получше, — сказал Фан, пожимая плечами.

— Это несложно. Балки надо согнуть по дуге.

— По дуге? — воскликнул Танола. — При таких-то масштабах? Древесину надо год вымачивать, прежде чем она станет достаточно гибкой, но тогда она утратит прочность.

— Не утратит, — усмехнулся Стравол. — Я не успел подготовить модель корабля, просто нарисовал, и мой проект немного

уступает проекту Танола. Однако, поскольку я тоже выбрал трубчатую конструкцию, я построил модель машины для выгибания балок. Она перед вами на столе. Надо зажать один конец балки в тисках, а к другому привязать крепкий канат, пропущенный через этот желоб. Затем канат наматывается на лебедку, которую вращают пять-шесть человек, вот так. И свободный конец балки опускается вниз по дуге, пока желоб не сблизится с зарубкой, заранее сделанной на другом конце. Остается набросить на эту зарубку петлю, разжать тиски, и готово — для верности можно закрепить петлю костылем, чтобы дуга не вздумала вдруг распрямиться...

— А разве балка, согнувшись до определенного предела, не переломится? — поинтересовался Лавон.

— Строевой лес, конечно, переломится. Чтобы хитрость удалась, нужна не выдержанная, а живая древесина. Иначе и вправду, как говорит Танол, балку пришлось бы предварительно размягчать и от нее уже не было бы никакого проку. А из живого дерева, не утратившего гибкости, получатся отличные, крепкие, цельные ребра для корабля — или те операции с числами, которым ты учил нас, Шар, не имеют истинной ценности...

Шар улыбнулся.

— Опирируя с числами, так легко ошибиться...

— Я все проверил.

— Не сомневаюсь. И в любом случае попытка не пытка. Есть еще какие-нибудь предложения?

— Кажется, — сказал Стравол, — нам пригодится также придуманная мной вентиляционная система. Во всех других отношениях корабль Фана сразу показался мне почти совершенным. Мой собственный по сравнению с ним безнадежно неуклюж.

— Я вынужден согласиться, — произнес опечаленный Танол. — Но все равно надеюсь когда-нибудь построить свой корабль легче воды, хотя бы для местных сообщений. Если новый мир окажется больше нашего, то добираться от места до места вплавь станет затруднительно...

— А ведь правда! — воскликнул Лавон. — Мне это, признаться, и в голову не приходило. Что, если новый мир вдвое, втрое, вдесятеро больше нашего? Скажи, Шар, существуют ли какие-то причины, по которым это невозможно?

— Если и существуют, то мне они неизвестны. Металлическая пластина упоминает самые невероятные расстояния как само собой разумеющиеся. Ну что ж, давайте разрабатывать модель, объединяющую достоинства всех предложенных. Танол, ты среди нас лучший чертежник — прошу подготовить схему. А как с рабочей силой, Лавон?

— Думаю, справимся,— отозвался Лавон.— Как я себе представляю, тех, кто занят на постройке корабля, придется освободить от других работ. За один-два дня и даже за одно лето такую задачу не решишь, так что на сезонников рассчитывать нельзя. Да и бессмысленно: кто же станет посылать человека, едва освоившего какую-то техническую операцию, обратно на грибковые плантации лишь потому, что где-то еще обнаружилась пара свободных рук?

Устанавливаю следующий порядок: у нас будет постоянная бригада, в которую войдут по два-три сметливых мастера от каждого ремесленного цеха. Они будут исполнять работу, требующую высокой квалификации, в течение всего строительства, а впоследствии, вероятно, войдут в состав экипажа. Для тяжелого, неквалифицированного труда мы сможем по временам привлекать отряды чернорабочих, не ущемляя наших повседневных запросов.

— Договорились,— сказал Шар, положив руки на край стола.— У кого есть еще предложения или вопросы?

— У меня,— спокойно ответил Стравол.

— Хорошо, слушаем.

— Куда мы намерены держать путь?

Возарилась долгая тишина. Наконец Шар собрался с мыслями:

— Не могу дать тебе точного ответа, Стравол. Сказал бы, что мы направляемся к звездам, но ни ты, ни я понятия не имеем, что такое звезды, стало быть, такой ответ ничего тебе не даст. Мы выходим в путь потому, что выяснили: фантастические утверждения исторической пластины по меньшей мере частично правильны. Мы знаем теперь, что небо можно преодолеть, что по ту сторону неба лежат края, где нет воды и нечем дышать, края, которые наши предки называли «пространство». Оба эти утверждения, казалось бы, противоречат здравому смыслу, и тем не менее они полностью подтвердились.

Историческая пластина утверждает также, что помимо нашего существуют и другие миры, и, признаться, приняв предыдущие две гипотезы, в эту поверить гораздо легче. Ну, а звезды... Звезды — там, в пространстве, и когда мы попадем туда, то, надо думать, увидим их и поймем значение загадочного слова. Во всяком случае, можно рассчитывать на какой-то ключ к разгадке — вспомните, сколько ценной информации дали нам считанные секунды, проведенные Лавоном по ту сторону неба!

Нет резона гадать на кофейной гуще. Мы пришли к выводу, что существуют иные миры, мы разрабатываем средства для путешествия в пространстве. Другие вопросы можно на время и отложить. Настанет день — мы найдем ответ на все вопросы без

исключения, в этом я не сомневаюсь. Хотя, быть может, настанет он еще не так скоро...

Стравол понимающе кивнул головой.

— Иного ответа я и не ожидал. Честно говоря, все ваше предприятие — совершенный бред. Но я все равно останусь с вами до конца.

Прошло два года, две долгие зимние спячки с того дня, как Лавон осмелился выбраться за пределы неба, — а готов был один только остов. Он лежал на платформе, на гребне отмели, что полого поднималась к границе вселенной. Исполинский корпус из тщательно пригнанных досок прорезали на равных расстояниях отверстия, сквозь которые виднелись необработанные балки каркаса.

Поначалу дело двигалось почти без задержек: представить себе машину, которая могла бы перемещаться в безводном пространстве, не теряя воды, оказалось не слишком сложно; Фан и его коллеги справились со своей задачей хорошо. Все понимали, что на создание машины таких размеров потребуется довольно много времени, пожалуй несколько полных лет, — но ни Шар с помощниками, ни Лавон не предвидели серьезных препятствий.

В конце концов, незавершенность корабля была отчасти кажущейся. Примерно треть общей схемы состояла из живых организмов, а их, естественно, можно было «установить» на место лишь непосредственно перед стартом.

И все же раз за разом работы на корабле стали замедляться на долгий срок. Случалось, целые секции приходилось вырезать и переделывать заново, и мало-помалу выяснилось, что традиционные, удобопонятные решения к проблеме путешествия в пространстве, как правило, неприложимы.

Мешало и отсутствие исторической пластины, которую Пара упорно отказывались возвратить. Буквально в день утраты, по свежим следам, Шар вознамерился восстановить текст по памяти; но не в пример своим более религиозным предшественникам он никогда не относился к нему как к священному писанию и не вызубривал слово в слово. Правда, он собирал варианты перевода тех отрывков, где говорилось об исследованиях и экспериментах, — эти варианты он вырезал на дереве и копил в личной библиотеке. Однако отрывки сплошь и рядом противоречили один другому и к тому же ни строкой не относились к конструированию звездных кораблей; на сей счет, как ему помнилось, пластина вообще не сообщала ничего определенного.

Никто никогда не копировал таинственные письма по очень простой причине: в подводном мире никто не мог и представить себе, что существуют средства, способные уничтожить сверхпрочный оригинал, и что надо принимать меры к его увековечению. Шар сообразил — увы, слишком поздно, — что обыкновенной осторожности ради следовало делать копии, пусть недолговечные, на подручных материалах. Но многие, многие годы мирной жизни в зелени и золоте вод почти отучили людей от обыкновенной осторожности. А в результате несовершенство памяти Шара, не сохранившей дословного текста пластины, и постоянные его сомнения в точности перевода уцелевших отрывков стали серьезнейшей из помех на пути к успешному завершению проекта.

— Не научились грести, а вышли в плавание, — заметил запоздало Лавон, и Шар был вынужден с ним согласиться.

Круглолицый молодой человек, ворвавшийся в апартаменты Шара, назвался Филом XX, следовательно, он был на два поколения моложе Шара и на четыре моложе Лавона. Но в уголках глаз у него прятались «гусиные лапки», и это делало его похожим на сварливого старика и на капризного младенца одновременно.

— Мы призываем прикрыть этот нелепый проект, — резко бросил он. — Мы, как рабы, отдали ему свою юность, но теперь мы сами себе хозяева, и довольно. Слышите? Довольно!

— Никто вас не принуждал, — ответил Лавон сердито.

— Как никто? А общество? А наши собственные родители? — поддержал Фила явившийся следом за ним долговязый приятель. — Но отныне мы придерживаемся реальной действительности. Каждому в наши дни известно, что нет никакого другого мира, кроме того, в котором мы живем. Вы, старики, можете цепляться за свои суеверия, если хотите. Мы подражать вам не станем.

Лавон, озадаченный, бросил взгляд на Шара. Ученый улыбнулся:

— Отпусти их, Лавон. Малодушные нам ни к чему.

Круглолицый вспыхнул.

— Ваши оскорбления не заставят нас вновь выйти на работу. С нас довольно. Сами стройте свой корабль!

— Ладно, — сказал Лавон. — И можете убираться. Хватит разглагольствовать. Вы приняли решение, а выслушивать ваши грубости нам не интересно. Прощайте.

Круглолицый, очевидно, был не прочь еще покрасоваться собственной решимостью, однако это «прощайте» пресекло его намерения в корне. Твердокаменное лицо Лавона не сулило

других возможностей, и пришлось Филу вместе с приятелем бесславно убраться восвояси.

— Ну, что теперь? — спросил Лавон, как только они удалились. — Должен признаться, Шар, что я попытался бы уговорить их. В конце концов, нам очень нужны рабочие.

— А мы им нужны еще больше, — весело отозвался Шар. — Знаю я этих молодых задир. Ведь сами же удивятся, увидев, что за чахлая зелень вырастет у них на полях в первый же год, когда они попытаются обойтись без моих советов. А потом скажи мне — сколько человек записалось добровольцами в состав экипажа?

— Несколько сотен. В том поколении, которое идет следом за этим Филом, желание отправиться с нами высказывает чуть не каждый. Обманывается наш оратор, — по крайней мере, в отношении части молодежи. Проект завладел воображением самых юных.

— Ты обещал им что-нибудь?

— Конечно. Я говорил каждому, что если мы остановимся на его кандидатуре, то ему сообщат. Но не принимай этого всерьез. Кто же станет менять признанных специалистов на юнцов, в багаже у которых голый энтузиазм и ничего больше?

— Я не то имел в виду, Лавон. Мне померещилось, или я на самом деле видел здесь Нока? А, вот он где, дрыхнет себе под потолком. Нок!

Существо лениво повело щупальцем.

— У меня поручение, Нок, — продолжал Шар. — Передай своим братьям, а те пусть сообщат всем людям, что желающие отправиться в новые миры должны немедленно явиться на строительную площадку. Передай, что мы не обещаем взять всех до единого, но тех, кто не помогал в постройке корабля, мы вообще не будем принимать в расчет.

Нок опять пошевелил щупальцем и, казалось, тут же заснул.

4

Лавон на мгновение оторвался от шеренги переговорных мегафонов, заменившей ему пульт управления, и взглянул на Пару.

— Последний раз спрашиваю, — сказал он. — Отдадите вы нам историческую пластину или нет?

— Нет, Лавон. Мы никогда ни в чем тебе не отказывали. Но сейчас вынуждены.

— Ведь ты идешь с нами, Пара. Если ты не вернешь нам знания и мы погибнем, то погибнешь и ты...

— Много ли значит один Пара? Мы все одинаковы. Данная клетка погибнет — зато всем ее собратьям будет известно, преуспеете ли вы в своем предприятии. Мы верим, что вы преуспеете и без пластины, у нас нет иного способа установить ее истинную ценность...

— Следовательно, ты признаешь, что она у вас. А что, если твоя связь с сородичами прекратится, едва мы выйдем в пространство? Что, если эта связь невозможна вне воды?

Пара промолчал. Лавон секунду-другую ел его глазами, потом подчеркнуто отвернулся к переговорным трубкам.

— Все по местам! — скомандовал он и ощутил озноб. — Мы отправляемся. Стравол, герметизирован ли корабль?

— Насколько могу судить, да, Лавон.

Лавон нагнулся к другому мегафону. Сделал глубокий вдох. Ему почудилось, что вода уже утратила свежесть, — а ведь корабль еще не трогался с места.

— Движение в четверть мощности. Раз, два, три, старт!..

Корабль качнулся вперед, затем назад. Диатомеи опустились в заготовленные для них под корпусом ниши и коснулись своими студенистыми телами широкой бесконечной ленты из грубой личиночьеi кожи. Скрипнули деревянные шестерни, умножая крохотные силенки диатомей и передавая их на шестнадцать колесных осей.

Корабль дрогнул и медленно покатился по песку. Лавон напряженно всматривался в слюдяной иллюминатор. Мир проплывал мимо с мучительной неторопливостью. Корабль накренился и стал карабкаться вверх. Лавон спиной ощущал напряженное молчание Шара и двух сменных водителей, Фана и Стравола, — их взгляды жгли ему спину. Сейчас, когда они покидали привычный мир, все вокруг выглядело по-иному. Как же они раньше не замечали такой красоты?

Похлопыванье бесконечных лент, скрип и стон шестеренок и осей стали громче — крутизна склона нарастала. Корабль продолжал подниматься, слегка рыская по курсу. А кругом ныряли и кружились отряды людей и их союзников, провожая экспедицию навстречу небу.

Небо постепенно снижалось и наваливалось на корабль.

— А ну, Танол, — распорядился Лавон, — пусть-ка твои диатомеи немного поднажмут. Впереди камень... — Корабль неуклюже качнуло вверх. — Так, теперь тише ход. Чуть порезвее

с твоей стороны, Тиол. Да нет, это уже слишком. Вот так. Тише, говорю тебе, нос разворачивает... Танол, подтолкни чуть-чуть, чтобы выровнять. Хорошо. Средний ход на всех постах. Осталось уже недолго...

— Как ты ухитряешься думать такими обрывками? — удивился Пара позади Лавона.

— Думаю как умею. Все люди думают так же. Наблюдатели, прибавьте тягу — подъем становится круче...

Шестерни взвыли. Корабль задрал нос. Небо заискрилось Лавону прямо в лицо. Вопреки собственной воле он ощутил испуг. Легкие будто вновь обожгло, и в глубине души он опять пережил долгий полет сквозь пустоту навстречу холодному прикосновению воды, пережил остро, словно впервые. Кожа зудела, пылала огнем. Сможет ли он опять подняться туда? В опаляющий вакуум, в царство великой боли, где нет места жизни?

Отмель начала выравниваться, двигаться стало легче. Небо приблизилось настолько, что тяжеловесная громада корабля поневоле всколыхнула его. По песку побежали тени от мелких волн. Под длинной слюдяной панелью, протянувшейся по верху судна, в безмолвном танце извивались толстые жгуты сине-зеленых водорослей, поглощая свет и превращая его в кислород. А в каютах и коридорах, отделенные от людей вделанными в пол решетками, жужжали Ворта, пропуская через себя и перемешивая корабельную воду.

И вот фигуры, которые вились вокруг корабля одна за другой, отстали, помахав на прощанье руками или ресничками, соскользнули с отмели, уменьшились и исчезли. От неба осталась тоненькая, но поразительно прочная пленка воды, еле-еле покрывающая верхнюю палубу. Судно замедлило ход, когда Лавон приказал увеличить мощность, начало зарываться в песок и гальку.

— Так ничего не выйдет, — проговорил Шар. — Думаю, лучше снизить передаточное число, Лавон, чтобы усилие поступало к осям замедленным.

— Попробуем, — согласился Лавон. — Все посты, стоп. Шар, прошу тебя лично проследить за заменой шестерен...

Безумный блеск пустоты пылал — рукой подать — прямо за большим командирским иллюминатором. Сводила с ума необходимость мешкать здесь, на самом пороге бесконечности; мешкать было просто опасно. Лавон физически ощущал, как в душе воскресают прежние страхи перед внешним миром. Сердце сжало тисками, и он понимал: еще две-три минуты бездействия — и он окажется неспособным справиться с собой.

Должен же, наверное, существовать какой-то иной способ смены шестерен, не требующий почти полной разборки коробки передач! Разве нельзя расположить несколько шестерен на одной оси, вводя их в действие не одновременно, а поочередно — путем продольного перемещения самой оси? Допустим, такое решение тоже не верх изящества, зато операцией можно будет управлять из рубки, не останавливая намертво всю машину и не подвергая пилотов длительному тяжкому испугу.

Из люка вынырнул Шар и подплыл к командиру.

— Все в порядке, — доложил он. — Хотя большие понижающие шестерни переносят нагрузку не лучшим образом.

— Расцепляются?

— Увы, да. Попробуй их сначала на малом ходу...

Лавон молча кивнул. И, не дав себе опомниться и взвесить последствия своих слов, скомандовал:

— Вперед! Половина мощности...

Корабль опять клонул носом и начал двигаться, действительно очень медленно, но гораздо ровнее, чем раньше. Небо над головой истончилось до полной прозрачности. В рубку ворвался резкий свет.

За спиной у Лавона беспокойно зашевелились помощники. Носовые иллюминаторы залила ослепительная белизна.

Корабль еще замедлил ход, будто уперся в этот слепящий барьер. Лавон распорядился прибавить мощности. Корабль застонал, как в предсмертной агонии. Он теперь почти не шевелился.

— Полный вперед! — прохрипел Лавон.

И опять, с бесконечной медлительностью, судно пришло в движение. Нос приподнялся. Потом оно вдруг рванулось вперед, взвизгнув каждой своей балкой, каждой планкой.

— Лавон! Лавон!..

Лавон резко повернулся на крик. Голос шел из мегафона, связывающего трубку с наблюдателем у кормового иллюминатора.

— Лавон!

— В чем дело? Да прекрати орать, черт возьми!

— Я вижу небо! С другой стороны, с верхней! Оно похоже на огромный плоский металлический лист. Мы отдаляемся от него. Мы прорвали небо, Лавон, мы прорвали небо!..

Но тут новое потрясение заставило Лавона самого броситься к иллюминатору. С внешней поверхности слюды испарялась вода, испарялась с чудовищной быстротой, унося с собой странные в радужных оболочках размывы.

Лавон увидел пространство.

Сперва оно показалось ему пустынной и безжалостно сухой копией дна. Тут были огромные валуны, исполинские утесы,

упавшие, растрескавшиеся, расколотые, иззубренные скалы,— и они уходили ввысь и вдаль во всех направлениях, словно некий великан расшвырял их здесь как попало.

А над ними высилось еще одно небо — темно-голубой купол, такой далекий, что расстояние до него представлялось невообразимым и тем более неизмеримым. И на этом куполе висел шар красновато-белого огня, испепеляющего зрение.

Скальная пустыня, впрочем, лежала тоже недалеко — между нею и кораблем простиралась гладкая, поблескивающая равнина. Под поверхностным глянцем равнина, казалось, была сложена из песка, самого обычного песка, такого же, как на отмели, по которой корабль взобрался сюда из знакомой вселенной. Но стеклянистая, многоцветная пленка поверх песка...

Закончить мысль ему помешали новые крики, грянувшие из мегафонов. Он сердито потряс головой и спросил:

— Ну, что еще?

— Говорит Тиол. Куда ты завел нас, Лавон? Ленты заклинило. Диатомеи не в силах стронуть нас с места. И они не притворяются — мы так стучали, будто решили прикончить их, но они все равно не могут тянуть сильнее...

— Оставьте их в покое,— разозлился Лавон.— Они не умеют притворяться — у них на это не хватит соображения. Раз они не могут тянуть сильнее, значит, не могут...

— Тогда выводите нас отсюда сам.

Подошел Шар и встал рядом с Лавоном.

— Мы сейчас на стыке пространства с водой, в области, где силы поверхностного натяжения очень велики,— тихо произнес он.— Если ты прикажешь поднять колеса, то, думаю, нам будет легче двигаться прямо на лентах-гусеницах...

— Попробуем,— у Лавона отлегло от сердца.— Эй, внизу, приподнять колеса!

— Признаться, я долго не мог понять,— сказал Шар,— одной фразы на пластине, где упоминается о «выдвижном посадочном шасси», но в конечном счете догадался, что натяжение на границе пространства способно удерживать почти любой крупный предмет. Вот почему я настаивал, чтобы колеса нашего корабля были подъемными.

— Что ни говори, а древние, видимо, свое дело знали.

Через несколько минут — поскольку для движения на гусеницах потребовалась новая смена шестерен — судно уже карабкалось от береговой черты к нагромождению скал. Лавон тревожно всматривался в нависшую впереди зубчатую стену: есть ли там какой-нибудь проход? Слева, немного в стороне, виднелось что-то вроде ручейка,— возможно, там и лежит путь в иную

вселенную. Не без колебаний Лавон отдал приказ повернуть налево.

— Может статься, эта штука на небе — «звезда»? — осведомился он у Шара.— Но предполагалось вроде бы, что «звезд» много. А тут только одна, хотя, на мой вкус, одной за глаза довольно...

— Чего не знаю, того не знаю,— отозвался мыслитель.— Однако, кажется, я начинаю постигать общую картину устройства вселенной. Совершенно ясно, что наш мир врезан наподобие чаши в дно этого, многократно большего. Над этим миром свое небо, и я не исключаю, что оно, в свою очередь, лишь чаша на дне следующего, еще большего мира, и так без конца. Не спору, такую концепцию нелегко принять. Целесообразнее, видимо, предположить что все миры — чаши в единой плоскости и что этот великий светильник — один для всех.

— Тогда какой же смысл ему гаснуть каждую ночь и тускнеть зимой? — спросил Лавон.

— А может, он ходит кругами, сперва над одним миром, потом над другими? Откуда мне знать?

— Если ты прав, нам только и надо, что ползти до тех пор, пока не наткнемся на небесный купол другого мира, и поднырнуть под него. Не слишком ли просто, после стольких-то приготовлений?..

Шар хмыкнул; впрочем, это отнюдь не означало, что он веселится.

— Просто? А ты не обратил внимания на температуру?

Подсознательно Лавон давно уже замечал что-то неладное, а с подсказки Шара понял, что задыхается. Содержание кислорода в воде, к счастью, не снизилось, но вокруг стало тепло, словно на отмелях поздней осенью: с равным успехом можно бы попробовать дышать супом.

— Фан, пусть Ворта пошевеливаются живее,— распорядился Лавон.— Или циркуляция воды улучшится, или положение станет невыносимым...

Фан что-то ответил, но до Лавона дошло лишь невнятное бормотание. Командир вновь сосредоточился на управлении кораблем.

Проход сквозь лабиринт скал, зачастую острых, как бритва, немного приблизился, и все равно казалось, что до него еще мили и мили. Двигался корабль теперь равномерно, но медленно до боли; он не зарывался и не дергался, но и не спешил. А из-под днища доносился оглушительный наждачный скрежет, словно жернова перемалывали глыбы размером с голову.

В конце концов Шар объявил:

— Придется останавливаться опять. На той высоте, куда мы поднялись, песок совершенно сухой, и гусеницы только переводят энергию.

— А ты уверен, что мы выдержим? — проговорил Лавон, лоя воду ртом. — Так мы по крайней мере движемся. А остановимся опускать колеса и менять шестерни, того и гляди, сваримся заживо.

— Вот если не остановимся, то сваримся наверняка, — хладнокровно ответил Шар. — Часть водорослей на судне уже погибла, да и остальные вот-вот завянут. Верный признак, что и нас ненадолго хватит. Не думаю, что мы вообще доберемся до тени, если не повысим передачу и не прибавим скорости...

— Поворачивать надо, вот что, — шумно сглотнув, заявил один из корабельных механиков. — А еще бы правильнее и вовсе сюда не соваться. Мы созданы для жизни в воде, а не для такого ада...

— Хорошо, мы остановимся, — решил Лавон, — но назад не повернем. Это мое последнее слово. — Он постарался придать своему тону мужественную окраску, но слова механика смутили его сильнее, чем он смел признаться даже самому себе. — Шар, только прошу тебя, поторопись...

Ученый кивнул и поспешил в машинное отделение.

Минуты тянулись, как часы. Исполинский пурпурно-золотой диск пылал и пылал в небе. Впрочем, он успел спуститься к горизонту, и теперь лучи, проникающие в иллюминатор, узкими полосами падали Лавону прямо в лицо, высвечивая каждую плавающую в рубке пылинку. Вода внутри корабля почти обжигала щеки.

Как дерзнули они по доброй воле влезть в это пекло? А ведь местность прямо по курсу — точно под «звездой», — вероятно, накалена еще сильнее.

— Лавон! Погляди на Пара!

Лавон заставил себя повернуться к союзнику. Тот принял к палубе и лежал, едва подрагивая ресничками. В глубине его тела вакуоли заметно набухли, превращаясь в крупные грушевидные пузыри, переполняя зернистую протоплазму и сдавливая темное ядро.

— Он что, умирает?

— Данная клетка гибнет, — вымолвил Пара безучастно, как всегда. — Но не смущайтесь, следуйте дальше. Многие еще предстоит узнать, и вы, возможно, выживете там, где мы выжить не в состоянии. Следуйте дальше.

— Вы... вы теперь за нас? — прошептал Лавон.

— Мы всегда были за нас. Доводите свое безрассудное предприятие до конца. В конечном счете мы выиграем, и человек тоже.

Шепот замер. Лавон вновь окликнул Пара, но тот не подавал признаков жизни.

Снизу донеслось постукивание дерева о дерево, потом в перегovorной трубке прозвучал искаженный голос Шара:

— Можно трогаться. Но учти, Лавон, диатомеи тоже смертны, и вскоре мы останемся без мотора. Как можно скорее в тень, и самым коротким путем!

Лавон, помрачнев, нагнулся к мегафонам:

— Но ведь там, прямо над скалами, горит «звезда»...

— Ну и что? Она, быть может, спустится еще ниже, и тени удлинятся. Это, пожалуй, единственная наша надежда.

Такая мысль Лавону в голову не приходила. Трубки, задребезжав, подхватили его команду. Корабль снова пришел в движение; он громыхал на своих тридцати двух колесах чуть быстрее, чем раньше, и все-таки медленно, по-прежнему слишком медленно.

Жара нарастала.

«Звезда» неуклонно опускалась на глазах. Внезапно Лавоном овладели новые страхи. А если она опустится настолько, что скроется совсем? Сейчас она невыносимо горяча, и в то же время это единственный источник тепла. Предположим, он погаснет — не воцарится ли тогда в пространстве жестокий холод? И что станет с кораблем — неужели вода, превратившись в лед, расширится и взорвет его?

Тени угрожающе удлинялись, тянулись через пустыню к кораблю. Никто в рубке не произносил ни слова, тишину нарушало лишь хриплое дыхание людей да скрип механизмов.

И вдруг Лавону почудилось, что изломанный горизонт сам бросился им навстречу. Каменная пасть впилась в нижнюю кромку огненного диска и молниеносно поглотила его. Свет померк.

Они укрылись у подножья утесов. Лавон приказал развернуть судно параллельно скальной гряде; оно подчинилось тяжело и неохотно. Краски на небе постепенно сгущались, голубизна превращалась в темную синеву.

Шар выплыл из люка и встал рядом с Лавоном, наблюдая, как густеет небо, а тени бегут по песку в сторону покинутого ими мира. Ученый молчал, но Лавон и без слов догадывался, что Шара терзает та же леденящая мысль.

— Лавон!

Лавон так и подпрыгнул — в голосе мыслителя звучала сталь.

— Да?

— Надо продолжать движение. Нового мира, где бы он ни был, надо достичь не откладывая.

— Как же можно двигаться, когда в двух шагах ничего не видно? Почему бы не отдохнуть — если, конечно, позволит холод?

— Холод-то позволит, — отвечал Шар. — Холодов, опасных для нас, здесь сейчас быть не может. Иначе небо — то небо, которое мы привыкли называть так в нашем мире, — замерзло бы каждую ночь, даже летом. Меня беспокоит другое — вода. Растения вот-вот улягутся спать. В нашем мире это не играло бы роли; растворенного в воде кислорода там достаточно, чтобы пережить ночь. А в таком замкнутом пространстве да с таким большим экипажем мы без притока свежей воды тут же задохнемся.

Шар говорил бесстрастно, будто читал лекцию о неумолимых законах природы, которые лично его никак не касаются.

— Более того, — добавил он, неотрывно взирая на суровый пейзаж, — диатомей, как известно, тоже растения. Другими словами, надо идти вперед, пока не иссякнут кислород и энергия, — и молиться, чтобы их хватило до цели.

— Слушай, Шар, мы ведь брали на борт нескольких сородичей Пара. Да и сам он еще не совсем умер. Если бы умер, мы просто не смогли бы здесь находиться. Правда, на судне почти нет бактерий — тот же Пара и ему подобные походя их сожрали, а новым взяться неоткуда. Но все равно мы почувствовали бы разложение.

Наклонившись, Шар осторожно потрогал неподвижное тело.

— Ты прав, он еще жив. Ну и что из того?

— Ворта живы тоже — я ощущаю циркуляцию воды. И это доказывает, что Пара пострадал вовсе не от жары, а от света. Вспомни, каково пришлось моей собственной коже, едва я на мгновение выкарабкался в пространство. Прямой звездный свет смертелен. Можешь дописать эту истину к тем, что вычитал на пластине...

— Я по-прежнему не понимаю, к чему ты клонишь.

— А вот к чему. В составе трюмной команды у нас есть три или четыре Нока. Они были защищены от света, так что, по всей вероятности, живы и здоровы. Предлагаю переместить их поближе к диатомеям, тогда эти умницы вообразят, что еще день, и будут продолжать работать. Или можно собрать Ноков в верхней галерее, чтобы водоросли продолжали выделять кислород. Вопрос стоит, следовательно, так: что для нас важнее — кислород или энергия? Или мы поделим Ноков между двумя палубами поровну?

Шар усмехнулся.

— Превосходный образчик логического мышления. Дай срок, Лавон, и мы выдвинем тебя в Шары. Нет, поделить Ноков поровну, к сожалению, нельзя. Свет, который они дают, недостаточен для того, чтобы растения продолжали выделять кислород. Я это уже проверял когда-то — результат получился настолько мизерным, что и упоминать не стоит. Очевидно, для растений свет — источник энергии. Так что придется ограничиться подстегиванием диатомей.

— Хорошо. Отдай необходимые распоряжения.

Лавон отвел судно от ощерившихся скал на более гладкий песок. Последние отблески прямого света растворились в небе, оставив за собой мягкое рассеянное сияние.

— Что же теперь? — произнес Шар задумчиво. — По-моему, вон там, в ущелье, есть вода, хотя до нее, конечно, надо еще добраться. Спустишь-ка я снова вниз и примусь... — Его прервал сдавленный вскрик. — Что с тобой, Лавон?

Лавон безмолвно ткнул пальцем вверх. Сердце его готово было выскочить из груди.

На густо-синем куполе над ними высыпали крошечные, невыразимо яркие огоньки. Их были многие сотни, и, по мере того, как сгущалась тьма, появлялись все новые и новые. А далеко-далеко над краем утеса восходил тускло-красный шар, окантованный призрачным серебром. И вблизи зенита повисло второе такое же тело, много меньшее, но посеребренное от края до края...

Под двумя лунами планеты Гидрот, под вечными звездами двухдюймовый деревянный кораблик с микроскопическим грузом тяжело катился под уклон к узенькому, почти пересохшему ручейку.

5

На дне ущелья корабль провел остаток ночи. Сквозь большие квадратные двери, разгерметизированные и распахнутые настежь, по каютам и переходам растекалась прохладная, лучистая, животворная забортная вода — и с нею непоседы-бактерии, свежая пища.

У дверей Лавон на всякий случай поставил часовых, но за всю ночь никакие враги не приблизились к ним — ни

любопытства ради, ни в надежде поохотиться. Очевидно, и здесь, на пороге пространства, высокоорганизованные существа в темное время суток предпочитали покой.

Однако с первыми лучами утренней зари, пронизавшими воду, начались неприятности.

Откуда ни возьмись, явилось пучеглазое чудище. Зеленое, с двумя клешнями, каждая из которых без труда перекусила бы судно пополам, как волоконец спирогиры. Его черные сферические глаза сидели на коротких стебельках, а длинные щупальца были толще, чем стволы самых старых растений. Чудище пробежало мимо, свирепо брыкаясь, и вовсе не удостоило корабль вниманием.

— Это что, образец местной фауны? — боязливым шепотом осведомился Лавон. — Они здесь все такие огромные?

Никто не ответил ему по той простой причине, что никто не знал ответа.

Спустя какое-то время Лавон рискнул повести корабль против течения, небыстрого, но упорного. И тут им встретились исполинские извивающиеся черви. Один из них ненароком нанес по корпусу тяжелый удар, а сам поплыл дальше как ни в чем не бывало.

— Они даже не замечают нас, — посетовал Шар. — Мы для них слишком малы, Лавон. Древние предупреждали нас, что пространство необъятно, но, даже увидев его воочию, этого не постигнешь. И все эти звезды — могут ли они означать то, что, по-моему, означают? Немыслимо, невероятно!..

— Дно поднимается, — перебил Лавон, пристально глядя вперед. — Склоны ущелья раздвигаются, вода становится солоноватой. Придется звездам подождать, Шар. Мы подходим к вратам нашего нового мира...

Шар недовольно умолк. Представления о структуре пространства беспокоили его, и, кажется, серьезно. Он почти перестал обращать внимание на великие события, свершающиеся у него на глазах, и мучительно увяз в каких-то потаенных раздумьях. Лавон почти физически ощутил, как ширится между ними былая пропасть.

Поток заметно мелел. Лавону не доводилось слышать о законах дельтообразования — его родную вселенную не покидал ни один ручеек, — и непонятное явление вызывало у него тревогу. Но все тревоги отступили перед чувством радостного изумления, как только корабль перевалил за мель.

Впереди, насколько хватал глаз, дно понижалось и понижалось, скрываясь в блистающей глубине. Над головами вновь нависло настоящее небо, а сразу под ним Лавон различил мирно

дрейфующие плотки планктона. Почти сразу же он опознал и некоторые мелкие виды простейших — иные из них уже набрались дерзости подплыть к кораблю вплотную...

И тут из полумрака глубин показалась женщина. Лицо ее было искажено расстоянием и страхом, и поначалу она словно и не замечала корабля. Она стремительно рассекала воду, то и дело оборачиваясь, и думала, видимо, только об одном: как можно скорее перебросить тело через наносы в дельте и отдаться на волю дикого потока.

Лавон был озадачен. Нет, не тем, что здесь жили люди — на это он искренне надеялся, даже, по правде сказать, был внутренне уверен в том, что люди живут повсюду во вселенной, — а тем, что женщина столь целеустремленно ищет гибели.

— Что за черт!..

Потом до его слуха донеслось смутное жужжание, и он все понял.

— Шар! Фан! Стравол! — закричал он. — Берите луки и копьа! Вышибайте окна!

С силой занеся ногу, он пиул в иллюминатор перед собой. Кто-то сунул ему в руку самострел.

— Что такое? — опомнился Шар. — В чем дело? Что случилось?

— Всееды!

Боевой клич пронесся по всему кораблю подобно раскату грома. В родном мире Лавона коловратки были практически истреблены, но каждый знал на память трудную историю долгой борьбы, которую вели с ними люди и их союзники.

Внезапно женщина увидела корабль и замерла, обьятая отчаянием при виде нового чудовища. По инерции ее занесло и перевернуло, а она то не сводила глаз с корабля, то оборачивалась через плечо во тьму. Жужжание, доносившееся оттуда, становилось громче и громче.

— Не мешкай! — звал Лавон. — Сюда, сюда! Мы друзья! Мы поможем тебе!..

Три полупрозрачных раструба хищной плоти приподнялись над склоном, густая поросль ресничек на их венцах издавала жадный гул. Дикраны — забрались в свои гибкие кольчуги и уверены в собственной неуязвимости... Лавон старательно извел самострел, поднял его к плечу и выстрелил. Стрела, пропев, вонзилась в воду, но быстро потеряла силу, и случайное течение отнесло ее гораздо ближе к женщине, чем к всееду, в которого целился Лавон.

Незадачливый стрелок прикусил губу, опустил оружие, снова взвел его. Он явно недооценил расстояние, придется повременить. Еще одна стрела рассекла воду, по-видимому, из бортового иллюминатора; тогда Лавон отдал приказ прекратить пальбу, пока не станут различимы глазные пятна.

Появление коловраток вблизи заставило женщину решиться. Неподвижное деревянное чудовище, пусть невиданное, по крайней мере, ничем ей не угрожало, а что такое три дикрана, следующие по пятам и только стерегущие момент, чтобы вырвать друг у друга самый крупный кусок добычи, она знала слишком хорошо. Мгновение — и она устремилась к иллюминатору. Три всегда взревели от бешенства и алчности и бросились вдогонку.

Вероятно, она все же не сумела бы оторваться от них, если бы в последний момент подслеповатые глаза плывущего впереди дикрана не уловили контуров деревянного судна. Дикран затормозил, жужжа, два остальных кинулись в стороны, чтобы избежать столкновения. И Лавон, воспользовавшись замешательством, проткнул ближайшего вседа стрелой навывлет. Уцелевшие тут же схватились не на жизнь, а на смерть за право пожрать своего сородича.

— Фан, возьми отряд и заколи обоих, покуда они поглощены дракой, — распорядился Лавон. — Похоже, что этот мир нуждается в небольшом переустройстве...

Женщина проскользнула в иллюминатор и распласталась у дальней стены, трясаясь от страха. Лавон попытался подойти к ней, но она молниеносно выхватила откуда-то осколок хары, заостренный, как игла. Одежды на ней не было никакой, и оставалось неясным, где же она прятала оружие, однако вид у нее был решительный и действовать кинжалом она, без сомнения, умела. Лавон отступил и сел на табурет возле пульта, дав ей время свыкнуться с рубкой, Шаром, другими пилотами, бесчувственным Парой и с собой.

Наконец она выговорила:

— Вы... боги... пришедшие из-за неба?..

— Мы пришли из-за неба, это верно, — ответил Лавон. — Но мы не боги. Мы люди, такие же, как и ты. Много ли вас здесь?

Женщина, хоть и дикарка, освоилась на удивление быстро. У Лавона возникло странное, немыслимое подозрение, что он уже когда-то встречался с ней — не то чтобы с ней именно, но с такой же высокой, обманчиво беспечной рыжеватой блондинкой; разумеется, то была женщина из другого мира, и все же...

Она засунула нож обратно в глубь своих светлых спутанных волос — ага, отметил Лавон не без смущения, вот трюк, про который не стоит забывать,— и покачала головой:

— Нас мало. Всееды повсюду. Скоро они прикончат последних из нас...

Ее фатализм был столь непоколебимым, что казалось — подобная судьба ее вовсе не заботит.

— И вы не пробовали объединиться против них? Не искали союзников?

— Союзников? — Она пожала плечами.— Все вокруг беззащитны против всеедов. У нас нет оружия, убивающего на расстоянии, как ваше. И даже оно уже не спасет нас. Нас слишком мало, всеедов слишком много.

Лавон выразительно покачал головой.

— У вас есть оружие. Единственно ценное оружие. И всегда было. Против этого оружия бессильны легионы всеедов. Мы покажем вам, как им пользоваться, и, может статься, у вас это получится еще лучше, чем у нас. Только попробуйте...

Женщина опять пожала плечами.

— Мы всегда мечтали о подобном оружии, но так и не нашли его. А вы не обманываете? Что это за оружие?

— Разум, конечно,— ответил Лавон.— Не один отдельно взятый ум, а коллективный разум. Много умов вместе. Умы во взаимодействии.

— Лавон говорит правду,— вдруг донесся голос с палубы.

Пара чуть-чуть шевельнулся. Женщина уставилась на него широко раскрытыми глазами. Тот факт, что Пара заговорил человеческим языком, произвел на нее впечатление куда больше, чем корабль со всем экипажем.

— Всеедов можно победить,— продолжал слабенький, слегка картавый голос.— Наши сородичи в этом мире помогут вам, как мы помогли людям там, откуда прибыл наш корабль. Мы выступали против путешествия в пространство, мы отобрали у людей важные записи, но люди совершили это путешествие и без записей. Больше мы никогда не станем возражать людям. Мы уже побеседовали со своими близкими в этом мире и сообщили им главное: что бы ни задумали люди, они добьются своего независимо от нашей воли.

Шар, твои металлические записи здесь. Они спрятаны в самом корабле. Мои братья покажут тебе где.

Данный организм умирает. Он умирает во всеоружии знаний, как и подобает разумному существу. Этому тоже научили нас

люди. Нет ничего... неподвластного знаниям. С их помощью... люди пересекли... пересекли пространство...

Голос угас. Поблескивающая туфелька внешне не изменилась, однако что-то внутри нее потухло безвозвратно. Лавон посмотрел на женщину, их взгляды встретились. Он ощутил непривычную, необъяснимую теплоту.

— Мы пересекли пространство,— тихо повторил он.

Шар произнес шепотом — слова пришли к Лавону будто издалека:

— Неужели правда?

Лавон все глядел на женщину. Шару он не ответил. Вопрос мудреца, казалось, утратил всякий смысл.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОДОРАЗДЕЛ

1

Ропот недовольства среди команды РКК «Неоспоримый» — капитан Горбал, будучи человеком военным, называл это «нелюдьностью» — достиг такого уровня, что игнорировать его стало невозможно. Это произошло гораздо раньше, чем расстояние до цели полета стало меньше пятидесяти световых лет.

Раньше или позже, проклятый морж об этом пронюхает. Капитан не знал, будет ли он рад или, либо наоборот, рассердится, когда это произойдет. В чем-то станет проще. Но момент будет очень неприятный и щекотливый и для Хоккеа, и для всей команды. Да и для самого Горбала. И команда, кажется, не даст капитану долее оттягивать этот момент. Может, лучше сидеть на клапане безопасности, пока альтаирцев не высадят на... как эта планета называется?... опять забыл... Да, на Землю.

Что касается Хоккеа, то ему, похоже, недостает наблюдательности. Разумеется, скрытое недружелюбие причиняло ему некоторые неудобства, как и слишком разреженная атмосфера на борту ригелианского линкора, но каждый день, облачившись для безопасности в мягкую и тонкую оболочку, он появлялся в оранжеее, чтобы наблюдать, как впереди по курсу вырастает звезда, называемая Сол.

И он разговаривал. Боги всех звезд! Какой это был болтун! Капитан Горбал успел узнать об истории самого древнего этапа программы звездного посева больше, чем он вообще хотел знать. Но своей очереди ждали новые массивы информации. К тому же программа «Семя» не была единственной любимой темой Хоккеа. Делегат Колонизационного совета получил образование вертикаль-

ной ориентации, тогда как знания капитана не выходили за рамки курса космических полетов, даже мимолетно не касались других предметов.

И похоже, Хоккеа занялся расширением познаний Горбала, не интересуясь желанием последнего.

— Например, сельское хозяйство,— говорил он в этот момент.— Планета, которую мы собираемся засеять,— отличный пример того, как необходима дальновидная сельскохозяйственная политика. Раньше там произрастали джунгли, и планета была плодородна. При обработке почвы люди широко использовали огонь, он-то их и погубил.

— Каким образом? — из вежливости спросил Горбал. Что толку молчать? Хоккеа этим не остановишь. А быть нелюбезным с членом Колонизационного совета — дело невыгодное.

— За пятнадцать тысяч лет от момента «ноль» участки под посевы расчищались с помощью огня. Потом сажали какие-то однолетние растения, типа кукурузы или зерна, снимали урожай и позволяли джунглям вернуться на прежнее место. Потом снова выжигали джунгли, и цикл повторялся. Хозяйничая таким способом, они уничтожили большую часть дичи на Земле. Но учли ли они свои ошибки? Нет. Даже после начала космических полетов этот тип хозяйствования остался обычным для районов джунглей. Хотя кое-где уже проглядывала голая скала.— Хоккеа печально вздохнул.— Теперь там, конечно, нет больше джунглей, нет морей. Ничего нет! Ничего, кроме пустыни, голого камня, ледяной и разреженной атмосферы. Конечно, дело не только в использовании метода «выжженной земли»...

Горбал украдкой бросил взгляд на ссутулившуюся спину лейтенанта Авердора, его адъютанта и навигатора. Авердор ухитрился за все время полета не обмолвиться ни единым словом ни с Хоккеа, ни с одним другим пантропологом. Само собой, дипломатия не по его части, это тяжкий крест капитана. Тем не менее искусное уклонение от любых контактов со знатоком сельского хозяйства Земли начало на сказываться нервах лейтенанта.

Рано или поздно Авердор непременно взорвется. И виноват в этом будет он сам, только пострадают, ясное дело, все находящиеся на борту, как это ни печально. Включая Горбала, который потеряет первоклассного навигатора и помощника.

Но власть капитана не простиралась так далеко, чтобы приказать Авердору разговаривать с Хоккеа. Он смог только намекнуть Авердору, что для блага экипажа не стоит пренебрегать хотя бы некоторыми формулами вежливости. А в ответ удостоился

только упрямого, прямо-таки каменного молчания. И от кого — от человека, с которым летал уже тридцать галактических лет.

И самое худшее, что в душе он полностью на стороне Авердора.

— Через определенное количество лет, — захлебываясь от самодовольства, вещал Хоккеа, — условия на любой планете меняются, на любой планете. — Он помахал ластообразными руками, закрывая в дугу все светлые точки далеких миров, сиявших за стенами оранжерей. Он опять садился на любимого конька — идею звездного сева. — И совершенно логично предположить, что вместе с планетами должен изменяться и человек. Или, если он не в состоянии измениться сам, он должен переселиться в другую среду обитания. Допустим, были колонизированы планеты с условиями, похожими на земные. Но даже эти планеты не вечно будут оставаться землеподобными. В биологическом смысле.

— Но почему мы должны ограничивать себя только землеподобными мирами? — спросил Горбал. — Я лично мало что знаю об этой планете, но, судя по описанию, место далеко от оптимального.

— Конечно, — кивнул Хоккеа, и как всегда Горбал не понял, с чем именно соглашается пантрополог. — С точки зрения выживания нет никакого смысла пригвождать расу навечно к одному месту. Разумнее продолжать эволюционировать вместе со Вселенной, чтобы сохранить независимость от таких неприятных и неудобных процессов, как дряхление и умирание миров, взрывы новых и сверхновых звезд... И взгляните на результаты! Человек теперь существует в таком разнообразии обликов, что в случае необходимости всегда найдется убежище для несчастных, потерпевших катастрофу. Это великолепное достижение, и что в сравнении с ним давний спор о целостности и первичности формы!

— Да, в самом деле, — поддакнул Горбал, но в глубине сознания второе «я» капитана усмехалось: «А он в конце концов почувал враждебность! Чертов адаптант, ты все борешься за равноправие с первоначальной формой человека. Напрасно, моржовый ты бюрократишка. Можешь спорить до скончания веков или своей жизни, только когда ты рассуждаешь вслух, усищи твои всегда будут болтаться! А рассуждать ты, увы, никогда не перестанешь».

— И будучи военным, вы первым оцените стратегические преимущества, капитан, — добавил честный Хоккеа. — Используя технологию пантрогенетики, человек захватил в сферу своего влияния массу планет, до тех пор недоступных. Это чрезвычайно увеличило наши шансы стать повелителями Галактики, занять

большую ее часть, причем не применяя силы. Оккупация без насилия, без ущемления собственности — и к тому же безо всякого кровопролития. Но если какая-то раса вдруг обнаружит имперские амбиции и попытается отобрать у нас одну из планет, то окажется, что мы имеем огромный численный перевес.

— Это верно, — согласился Горбал, помимо воли заинтересовавшись рассуждениями адаптанта. — И нам повезло, что мы первыми придумали пантропологию. Как же это получилось? Мне кажется, что раса, придумавшая пантропологию, должна была изначально обладать способностью к перевоплощению. Вы понимаете, о чем я?

— Не совсем, капитан. Если вы приведете мне пример...

— Мне довелось столкнуться с расой, которая обитала сразу на двух планетах, но не одновременно, — сказал Горбал. — Их жизненный цикл состоял из двух фаз. В первой фазе они зимовали на более теплой планете. Потом их тела трансформировались, и они, в чем мать родила, пересекали космическое пространство. Без кораблей. И остальную часть года проводили на другой планете. В новой форме. Потом снова трансформация в первую фазу, переселение и зимовка. Но самое интересное в том, что эту способность они не вырабатывали, она была у них с самого начала. Они так эволюционировали. — Он посмотрел на Авердора. — Навигатору в том секторе приходилось жарко, особенно когда они начинали собираться в рой.

Но Авердор на приманку не клюнул.

— Я понимаю — это хороший пример, — сказал Хоккеа, кивая с преувеличенной, гротескной задумчивостью. — Но позвольте вам заметить, капитан, что если раса обладает какой-то способностью, она может и не задумываться над необходимостью эту способность совершенствовать. Да, я знаком с расами вроде той, что вы описали: полиморфные расы с сексуальными альтерациями поколений, метаморфозами наподобие жизненных циклов насекомых. Есть одна планета под названием Лития, примерно в сорока световых годах отсюда. Населяющая ее разумная раса подвергается полному повторению эволюционных форм после рождения особи, а не до, как у людей. Но почему эти расы должны считать трансформацию форм чем-то насущно необходимым и стремиться к ее совершенствованию? Ведь это всего лишь рядовой факт из их жизни, не более.

В оранжерее послышался тихий звон. Хоккеа тут же поднялся — он двигался грациозно, несмотря на то, что его тело, наводящее на мысль о морже или морском котике, было довольно грузным.

— День истек,— жизнерадостно заключил он.— Благодарю за честь, капитан.

Переваливаясь, он направился прочь. А завтра явится снова. И на следующий день. И через день. Если только экипаж не вывалит их всех в смоле и перьях.

«Если бы только эти чертовы адаптанты не злоупотребляли так своими правами»,— расстроено размышлял капитан. Делегат Колонизационного совета — важная персона, ему нельзя запретить посещение оранжереи, если не считать аварии или чрезвычайного положения. Но неужели он не понимает, что нельзя ежедневно пользоваться привилегиями, когда экипаж, кстати состоящий из людей, не может переступить порога оранжереи без приказа капитана.

И остальные пантропологи не лучше. Злоупотребляя своим статусом, они разгуливали по кораблю, держась на короткой ноге с командой, как будто понятия не имели о такой вещи, как предассудки.

Послышалось слабое гудение — энергокресло Авердора развернулось, и теперь навигатор сидел лицом к Горбалу. Как у большинства ригелианцев, у него было продолговатое аскетичное лицо, суровое, словно у религиозного фанатика древности, с резкими, угловатыми чертами. Звездный свет, льющийся в оранжерею, несколько не смягчал эту угловатость. Но теперь капитану в чертах Авердора виделось что-то отталкивающее.

— Итак? — спросил он.

— Думаю, вы сыты этим уродом по горло,— без предисловий начал Авердор.— Что-то надо делать, капитан, пока не пришлось сажать людей в карцер.

— Я не выношу всезнаек так же, как и вы, лейтенант,— мрачно сказал Горбал.— Особенно, когда они несут чепуху. А половина его рассуждений о космических полетах — сущая чепуха. В этом-то я уверен. Но он делегат Совета и волен приходить сюда, когда захочет.

— Когда объявлена тревога, в оранжерею не пускают даже офицеров.

— Я не понимаю, о какой тревоге вы толкуете,— отрезал капитан.

— Мы в опасном секторе Галактики. Во всяком случае, потенциально опасном. Сюда не заглядывали уже тысячи лет. У звезды, к которой мы направляемся, девять планет и еще масса спутников всевозможных размеров. Неровен час пальнут в нас ракетой.

Горбал нахмурился.

— Это натяжка. К тому же сектор недавно прочесывали. Иначе нас бы здесь не было.

— Поверхностная работа, эти прочесывания. К тому же осторожность никогда не помешает. И очень рискованно, чтобы адаптант, существо второго сорта, находился в оранжерее, когда вдруг начнется атака.

— Все это чепуха.

— Черт побери, капитан, неужели вы разучились читать между строк? — хрипло произнес Авердор. — Я не хуже вас понимаю, что никакие опасности нам здесь не грозят. И случись что, мы всегда с этим справимся. Я просто пытаюсь подсказать вам предлог, как приструнить этих моржей.

— Я слушаю.

— Отлично. «Неоспоримый» — образцовый корабль ригелианского флота. Наша команда — почти легенда, наш послужной список кристально чист. Мы не можем позволить парням испортить биографию из-за того, что их головы забиты глупыми предрассудками. А до этого дойдет, если моржи вынудят парней забыть дисциплину. К тому же они имеют право требовать, чтобы усаые рыла не заглядывали им через плечо каждую минуту.

— Попробую объяснить Хоккеа.

— Не стоит, — усмехнулся Авердор. — Достаточно ввести до посадки чрезвычайное положение. Пантропологи и носу не высунут из кают. Все очень просто.

Да, довольно просто и весьма соблазнительно.

— Не нравится мне это, — сказал Горбал. — Хоккеа не полный идиот. Он быстро нас раскусит.

Авердор пожал плечами.

— Команда в наших руках. Что за беда, если он и поймет, как его провели. Сделаем все чин чинном, отметим в бортовом журнале. И Совету он сможет предъявить только свои подозрения. А их, скорее всего, не примут во внимание. Все знают, что эти существа второго сорта склонны повсюду подозревать расовое преследование. Сдается мне, их и в самом деле преследуют, потому что они на это напрашиваются.

— Не понимаю вас.

— Человек, под командой которого я служил до того, как попал на «Неоспоримый», — процедил Авердор, — был один из тех, что не доверяют даже себе. Они от каждого ждут ножа в спину. И всегда находятся люди, которые считают чуть ли не делом чести оправдать их ожидания. Потому что они сами напрашиваются. Тот капитан, он долго не продержался.

— Понимаю, — вздохнул Горбал. — Что ж, я все обдумую.

На следующий день Хоккеа вновь водворился в оранжерею, но Горбал все еще не принял определенного решения. То, что все его чувства были на стороне Авердора и команды, не облегчало дела, а только вызывало подозрения к предложению лейтенанта. План был достаточно соблазнительным, чтобы усыпить подавляющегося искушению, сделать его невнимательным к ошибкам.

Адаптант устроился поудобнее и принялся сквозь прозрачный металл стены рассматривать окружающее корабль пространство.

— О, — воскликнул он наконец, — наша цель заметно увеличилась в размерах. Не правда ли, капитан? Подумать только, всего несколько дней — и мы окажемся дома. В историческом смысле, конечно!

Опять загадки!

— Что вы подразумеваете под словом «дома»? — поинтересовался Горбал.

— Простите, я думал, вы знаете. Земля — родина человечества, его, так сказать, колыбель. Отсюда началась волна звездного посева. Здесь эволюционировала базовая форма, к которой принадлежите вы, капитан.

Горбал молча обдумывал эту неожиданную новость. Даже если и допустить, что морж не врет, а вероятно, так оно и есть: Хоккеа должен знать все о планете, на которую направлен, — это ничего не меняет. Но Хоккеа не без причины заговорил об этом именно сейчас. Но ничего, скоро и причина объявится. Неразговорчивым альтаирца не назовешь.

Тем не менее он решил включить экран и рассмотреть планету, к которой до сих пор не испытывал никакого интереса.

— Да, именно здесь все и началось, — разливался соловьем Хоккеа. — Конечно, они не сразу осознали, что вместо изменения окружающей среды можно производить адаптированных детей. Но поняли-таки, что перенос собственной среды обитания вместе с собой — в виде скафандров или куполов — не поможет им эффективно колонизировать планеты. Нельзя всю жизнь провести в скафандре или под куполом. Правда, они всегда были слишком косными в том, что касалось внешнего облика.

Очень щепетильно относились к малейшим различиям в цвете кожи, форме некоторых черт лица. Унифицировали даже образ мышления. Режим сменялся режимом, и каждый пытался навязать стандартному гражданину свои собственные концепции и поработить тех, кто не вмещается в прокрустово ложе пошлости.

Внезапно Горбал почувствовал себя не в своей тарелке. Он все больше понимал Авердора, полностью игнорировавшего адаптантов.

— Только после того, как они ценой ошибок и страданий пришли к расовой терпимости, им удалось заняться пантропологией, — сказал Хоккеа. — Это было логично. Конечно, некоторая последовательность форм поддерживалась и поддерживается до сегодняшнего дня. Нельзя полностью изменить тело, не затрагивая сознания.

Если придать человеку форму таракана, то он, как предсказывал один древний писатель, и думать начнет, как таракан. Мы приняли это во внимание. И даже не подступались к планетам, требующим коренной трансформации, например к газовым гигантам. Совет считает, что эти планеты — потенциальная вотчина негуманоидных рас.

Капитан начал смутно понимать, куда клонит Хоккеа. И то, что он понял, ему не понравилось. Человек-морж своими безумно раздражающими, неприятными намеками заявлял право на равенство с людьми формы-прототипа, не только по закону, но и фактически. Но он ссыался на факты, весомость которых мог оценить он один. Короче, наливал свинцом игральные кости. И остатки терпимости капитана Горбала превращались в пар.

— Конечно, пантрология встретила немалое сопротивление, — продолжал Хоккеа. — Те, кто лишь недавно научились думать, что цветные люди — негры, индейцы — такие же, как и все остальные, быстро прониклись презрением ко всем адаптантам, как к существам второго сорта. Первым сортом считался тип, первоначально живший на Земле. Но на Земле же в древности возникла идея о том, что истинно человеческое заключается в сознании, а не в формах тела. Понимаете, капитан, настало время изменить отношение к пантропологии, отказаться от убеждения, что преобразование формы уменьшает или ухудшает саму сущность человека. Это величайший из всех водоразделов в истории человечества. Мы с вами счастливики, что вышли на сцену в этот миг.

— Очень интересно, — холодно уронил Горбал. — Но все это произошло очень давно, а в наше время этот сектор Галактики, малоисследованный и пустынный, требует особых мер предосторожности. Данное обстоятельство, которое я указал в бортовом журнале, — можете удостовериться — вынуждает меня начиная с завтрашнего дня ввести на корабле чрезвычайное положение. Оно будет продолжаться до посадки. Боюсь, что теперь вы, пассажиры, не сможете покидать своих кают.

Повернувшись, Хоккеа поднялся, его теплые улыбчивые глаза потеряли всю веселость.

— Я прекрасно понимаю, что все это означает,— сказал он.— И в какой-то мере понимаю необходимость — хотя я надеялся увидеть из космоса планету наших предков. Но я не ожидаю, что ВЫ полностью поймете МЕНЯ, капитан. Моральный водораздел, о котором я говорил, еще не принадлежит прошлому. Он существует и сейчас. Он возник в то время, когда Земля перестала быть пригодной для обитания типа-первоосновы, для так называемого первочеловеческого типа. И поток ручейков, стремящихся к общему морю, будет становиться все сильнее и сильнее с каждым днем — когда по всей Галактике разнесется весть, что сама Земля заново заселена адаптантами. И с этой новостью прокатится ударная волна — волна осознания, что «прототип» уже давно превратился в горстку, меньшинство среди массы других, более многочисленных, более значительных типов людей, несмотря на все свое высокомерие.

«Неужели он настолько глуп, что угрожает... Этот безоружный комичный моржечеловек угрожает мне, капитану «Неоспоримого»? Или...»

— Прежде чем я уйду, хочу задать вам один вопрос, капитан. Там, внизу, ваша прародина, и вскоре туда отправимся мы, моя бригада. Осмелитесь ли вы последовать за нами, покинуть корабль?

— Но зачем мне это? — спросил Горбал.

— Как же? Чтобы доказать превосходство формы-прототипа, капитан,— промолвил Хоккеа.— Вы ведь не можете согласиться с тем, что кучка каких-то моржей возьмет над вами верх на вашей собственной планете? Вашей прародине?!

Он вежливо поклонился и направился к двери. На пороге он повернулся и смерил внимательным взглядом Горбала и лейтенанта Авердора, глаза которого метали молнии.

— Или же... вы согласны? — спросил Хоккеа.— Интересно будет посмотреть, как вы приспособитесь к роли меньшинства, какое найдете себе утешение. Боюсь, что у вас пока маловато практики.

Он вышел. Оба — Горбал и Авердор — рывком повернулись к экрану. Горбал включил электронный усилитель изображения. Он подрегулировал четкость и яркость красок.

Когда сменный офицер пришел в каюту, капитан и лейтенант все еще смотрели на экран — на просторы пустынь, покрывавших Землю.

АНДРЕ ГРИЛЕЙ

ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАНЕТА

*Трем друзьям, старым и новым:
Роджеру, Рите, Мэрилин — со всей
искренностью.*

Космический корабль класса «Иона». Техническое описание.

Галактическое судно «Иона» с планеты Тара — корабль с гиперпространственным приводом, предназначенный для паломнических и миграционных целей. Применяется для межзвездных перелетов и посадок на планеты.

Базовую основу системы движения составляет гиперпространственный накопитель на ионах, запускаемый генераторами перехода типа вещество—антивещество. Энергия, вырабатываемая в цикле перехода, используется для перемещения в пространстве и для работы систем жизнеобеспечения и обороны.

Масса, создаваемая в цикле, используется гравитаторами, расположенными на каждой палубе. Избыток массы возвращается в реактор-накопитель, где сохраняется на случай аварии в системе преобразования энергии.

Система жизнеобеспечения включает в себя все вспомогательное оборудование, используемое для внутренних целей, а также протеиновую ферму.

Коммуникационная система представляет собой множество нейтронных передатчиков телепатической энергии, усиливающих и модулирующих суммарную телепатическую мощность членов экипажа.

Система вооружения включает Конденсаторы Лазерного Излучения различной мощности, расположенные в стратегических точках корабля. Указанные КИЛы снабжаются энергией от основных генераторов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОРОД

1

Симус О'Нейл потянулся к кнопке тормозного устройства, взглянув назад, в чернильную темноту, где «Иона» продолжала следовать по орбите. Это зрелище отозвалось острым приступом боли в его склонной к сентиментальности душе.

Достаточно беглого взгляда, чтобы понять, что «Иона» — это старая разбитая титановая посуда, и все же, около четверти века она была его домом. Здесь он родился и вырос. «Иона» стала символом духа Освоения и Исследования космоса. Духа, за сохранение которого борется Священный Орден святых Бригиды и Брендона.

Как и все второе поколение Диких Гусей*, он часто подшучивал над ее «тюремными» стенами.

И все же, он вздохнул с грустью, так свойственной всем таранцам. В конце концов, на «Ионе» он был дома, среди соплеменников. *А сейчас ты один, и тебе предстоит высадиться на незнакомой, поросшей вереском, планете... Уверен, что они называют ее пустынной, — уныло подумал он. — И ты веришь? Ты веришь в это, комендант Симус О'Нейл?*

Да, сдаётся мне, предприятие будет рискованным. Очень рискованным. Очень.

Ирония была свойственна таранцам, так же, как и грусть.

* Дикие Гуси — ирландские солдаты, покинувшие Ирландию, чтобы избежать английской тирании и продолжать борьбу за свободу родины.

Он отсчитал пять секунд до полного торможения и вспомнил светлые волосы Тэсси.

Что-то приобретешь, что-то потеряешь. Так было всегда. Не потерять бы все...

Симус хорошо держался во время прежних стоянок, потом дела пошли хуже. Он снова тяжело вздохнул. С какими еще потомками землян ему предстоит встретиться? Эту мысль можно было сравнить с острым приступом астмы.

Он нажал на кнопку, челнок «Имон де Валери» содрогнулся в безмолвном протесте и начал снижаться в направлении небольшого просвета в зарослях.

Трудно было заподозрить О'Нейла в излишней набожности, но ведь и на убежденного агностика он мало походил.

Господи, если ты не возражаешь, пусть посадка пройдет удачно. Сделай так, Господи, чтобы я смог выйти из любого положения. И пока ты благоволишь мне, я не стану отказываться от любой твоей помощи и защиты, которую ты согласишься оказать мне в этой «увеселительной» прогулке. Господи, прости меня за то, что я посмел загадывать.

Симус допускал, конечно, что Всевышний осознает ситуацию, но полной уверенности в том, что Он болеет за его дело, не было.

Старый челнок опустился на твердую красноватую почву с максимальным достоинством, на которое был способен его уставший корпус.

Как и предсказывал компьютер Потрадж, этот старый сквернослов, — было немного пыльно.

— Есть посадка, — проинформировал Симус звезды на случай, если они слушали. Потом вздохнул в третий раз. Этот вздох предназначался Господу, звездам, Леди Дейдре и любому живому существу в этом пространстве, которое, возможно, слушало его. Это был вечный протест Кельта против превратностей Судьбы.

Момент был торжественный — посадка на неизвестную планету. Вот только, похоже, решительно никому не было до этого дела.

Даже спустя сотни лет, после Второго Великого Освоения, посадка на новую планету — грандиозное событие, не так ли?

Симус вопрошал Создателя.

Создатель не снизошел.

Можно предположить, что доминирующий здесь род появился, примерно, в то же время, что и поселения прокельтов на Таре. Мы стали скитальцами потому, что хотели сохранить свою культуру. Они — потому, что хотели создать совершенное общество.

Выходит, мой запоздалый визит сюда — что-то вроде последнего акта.

И всё же...

И все же что?

С трудом сдерживая рвущиеся из груди вздохи и стягивая жесткий шлем, Симус устоял в смотровой иллюминатор в форме трилистника*.

Это было мрачное, неприветливое и дикое место, и в то же время — последний шанс для скитальцев «Ионы».

Тем не менее, Зилонг был наиболее красивой планетой, которую он когда-либо видел, возможно даже, как сказала Фитцджеральд, одна из красивейших планет Галактики.

Во время десятилетий беспорядочного и неуверенного поиска «Ионой» миров, нуждающихся в ее помощи и знаниях, О'Нейл часто высаживался на обитаемые планеты. Иногда посадка проходила мирно. Иногда — в компании вооруженных парней из команды Диких Гусей. Это вооружение было лишь в целях самообороны — таранцы отличались миролюбием и не были воинственны. Стоит ли вступать в бой с другими, если можно бороться созидательно, без кровопролития?

В любом случае, Закон Святого Ордена непреклонен: их миссия заключалась в сохранении Духа Освоения и основании постоянно действующего монастыря только там, где нуждались в их помощи.

Одному Всевышнему известно, решат ли они, что нуждаются в нашей помощи. И если решат, что да, то захотят ли принять ее от нас?

Спорный вопрос, ребята, не так ли?

В отличие от орденов Св. Колумбия в Швейцарии или Св. Доната в Италии и Св. Киллиана в Баварии, существовавших до Эпохи Первого Великого Освоения, их Орден никогда не сворачивал с пути истинного христианства. Другое дело, если обитатели планеты будут настолько поражены знаниями монахов и оказанной ими помощью, что захотят принять их Веру...

Захотят ли обитатели дикой и огромной планеты принять их Религию? Симус сомневался. Более того, он сомневался, что «Иона» вызовет хоть какой-то интерес с их стороны. Правда, для установления контактов существует масса способов.

Место было суровое, но в то же время, наполненное пышной роскошью. Удивительно подходящее для того, чтобы разделить постель с «настоящей» женщиной. Конечно, если допустить, что

* Трилистник — национальная эмблема Ирландии.

такая здесь найдется... Ни одна планета, которую он посетил, не могла сравниться с Родиной «Ионы» — Тарой, не говоря уже о планете-прародительнице Земле. Ведь его далекие предки вышли оттуда.

Однако, Зилонг с его буйной растительностью по красоте приближался к этим далеким планетам больше, чем какая-нибудь другая. Художник, создававший этот пейзаж, необузданной и щедрой рукой рассыпал здесь все существующие в мире краски. Это напоминало гляцевую картину из старинных монастырских книг — слишком роскошную, чтобы быть реальностью. Зеленые тона были слишком густыми, синие — слишком глубокими, красные и пурпурные — слишком сочными.

И, самое главное, эта планета не мчалась через пространство с бешеной скоростью, превосходящей в несколько раз скорость света.

— Эх,— бормотал Симус,— для нашего поселения не самое плохое место, если не брать в расчет то, что аборигены, возможно, не будут от этого в восторге, пропади они пропадом. Нам бы хоть маленький намек на гостеприимство — будем тут как тут со всеми пожитками. Даже в их дела вмешиваться не придется. Дайте нам год-другой, и они станут почти совсем как мы.

О'Нейлу не нравилась его миссия. Вот если бы он прибыл на «Дремлющем Экипаже», предводительствуя взводом Диких Гусей... Тогда бы не пришлось ждать инициативы от местных.

О самом себе Симус думал только как о солдате. Просто это была работа, и ее нужно было кому-то делать. Но офицер он был знающий и опытный. Правда, шутники с «Ионы» считали, что в военном деле он понимает больше, чем в рифмах, но, что бы там ни говорили эти болтуны, шпионить — не его призвание.

Совсем не мое, совсем...

Он готов был пожертвовать своей жизнью. Но если бы Господь не настаивал, он отложил бы это мероприятие на год-другой. Даже на несколько десятков лет.

И пока не призвали на Высший Суд, можно было бы закончить ряд неотложных дел.

Ну, например... уговорить настоящую женщину разделить с ним постель до конца дней.

Эти мысли заставили его снова вздохнуть и предаться отвлеченным фантазиям о том, каким развлечениям можно было бы предаться с такой настоящей женщиной.

Сначала... вы целуете ее очень, очень нежно, а потом... Если вы в порядке... — он на мгновение прервался, не поступит ли от Всевышнего других предложений.— ...Я бы провел несколько лет в таком режиме.

Как бы там ни было, смертность была высокой и среди монахов, и среди Диких Гусей. Если ему суждено прожить так же мало, как и его родителям, стоит ли терзать себя сомнениями по этому поводу?

Разведка бывает разной. Но какие бы необыкновенные названия не придумывал коммодор для его миссии, все-таки он был шпионом. Прибыв на крошечном челноке, он не был вооружен лазерным пистолетом. В его распоряжении была миниатюрная арфа. Одет он был не в щегольскую форму коменданта, а в скромную серую накидку менестреля. И... никакой связи с «Ионой»; зилонгцы не должны ничего знать о ее существовании до тех пор, пока не закончится исследование планеты.

Лишь его собственные телепатические способности будут служить ему связью — слабой и ненадежной.

Я очарую их остроумием и песнями. Всевышнему известно, что я прекрасный бард, и плевать я хотел на болтунов с «Ионы». И пока я внушаю им благоговейный трепет песнями и рассказами, прояснится, чем можно расшевелить этот муравейник.

Подернутое дымкой солнце, пройдя толщу атмосферы, клонилось к закату. Его свет смягчил все оттенки окружающего, заливая пространство золотистым свечением. *Замечательное место,—* думал О'Нейл. — *Я бы не испытывал сомнений, если бы мы решили здесь обосноваться.*

Совершенно очевидно, что «настоящая» женщина в постели, умело раздетая и желанная — это как раз то, что необходимо, чтобы укрепиться в принятии важного решения.

Пока же Симус ничего такого не осуществил, несмотря на безудержные фантазии.

Возможно, я кончу тем, что останусь сварливым холостяком, одиноким и старым. Ну, если, конечно, я проживу достаточно долго, чтобы сделаться сварливым.

Насладившись жалостью к себе почти в той же мере, что и мечтами о единственной в мире женщине, он с глубоким отворачиванием поднялся с кресла пилота. Настало время работать.

Его проинструктировали, что атмосфера будет раскалена и сыра, но поток влаги, в который он опустился, ошеломлял. Ароматы цветов были так же щедрь, как и их краски. Они упоительно растекались повсюду, очень напоминая монастырскую оранжерею в Паску. Это действовало возбуждающе. Мантия поэта начала прилипать к телу. Он расстегнул ее сверху и вновь погрузился в грезы о «настоящей» женщине и о том, как это

должно быть восхитительно — застегивать и расстегивать ее одежды.

Теперь О'Нейл, главнокомандующий Диких Гусей, у тебя есть более важный повод для раздумий, чем разоблачение особы женского пола.

Поконяйся в голове! Попытайся сосредоточиться. Итак, начнем с того, что Леди Дейдра воспринимает все твои мысли. Правда, это женщина большого вкуса и такта, и вряд ли ее интересуют твои маленькие слабости.

И, все-таки, не будем искушать судьбу. Ведь это твои личные проблемы, Симус О'Нейл.

Он виртуозно расстегнул застежку на плаще.

— Мир этой планете,— мельком оглянувшись вокруг, произнес он традиционное приветствие таранцев и преклонил колено.— Кругом никого. Ни своих, ни чужих,— добавил он молитвенно,— Кроме Всевышнего, охраняющего и нас, и их от несчастий. Было бы отлично, если бы на этой планете нашлось что-нибудь стоящее. Хуже, если придется заниматься оздоровлением их культуры.

Он прервался, чтобы оценить изящество своей молитвы — простой, искренней, подходящей случаю.

Даже неплохо, если придется под влиянием обстоятельств прикладывать усилия для достижения цели.

Довольный своей изобретательностью молящегося человека и решив, что это обращение займет достойное место в его исторических мемуарах, Симус оглядел небольшую посадочную площадку.

Джунгли казались непроходимыми. Но даже в этом случае хорошо проинструктированный офицер предпочел бы их равнине, скорее всего освоенной аборигенами. Какой бы интерес ни вызывали у него местные обитатели, все-таки они не были объектом первейшего исследования.

Потрадж, эта развалина с обложенным языком, изрыгнул из себя советы по поводу посадки:

«Посадка на равнине, неподалеку от их столицы, могла быть расценена, как вторжение. Челнок может быть уничтожен».

Симус запросил компьютер: «Есть ли у них оружие, способное уничтожить челнок?»

«Точных данных нет»,— огрызнулся тот.

«С другой стороны, в случае высадки в пустыне или в джунглях, на значительном расстоянии от города, можно остаться незамеченным. И даже если они его все-таки обнаружат, то вряд ли будут затрачивать усилия на уничтожение пришельца».

«Ну а если они — раса мистиков, способных спасти каждого?»

Пока компьютер выплевывал предположения и советы, Симус принял решение оставить челнок в джунглях.

Все-таки лучше оказаться мароном* в джунглях с запасом воды и пищи, чем быть уничтоженным или умереть в пустыне от жажды.

«Почему бы мне не высадиться на одной из горных вершин? — иронически поинтересовался Симус. — Говорят, что смерть от холода — самая легкая, если вы решили свести счеты с жизнью».

Смеяться было некому.

Итак, он в центре джунглей. Знают ли местные о том, что он здесь? Вызвало ли это у них беспокойство? Возникло ли у них желание выволить его из этого благоухающего раскаленного ада? Ведь у него не было ничего для отражения нападения диких животных, которые уже, вероятно, притаились неподалеку.

Единственное, что сказал ему Крейтон Тим, биолог, при инструктаже: «Полной информации о негуманоидной фауне нет. На планете есть стада крупных рогатых животных, которых местные жители, будучи преимущественно вегетарианцами, разводят ради молока и шерсти».

— Шерсть... Стада покрытых шерстью? — засомневался Симус.

— Да, одомашненные стада. Подчиненные расы с более низким уровнем развития, несомненно, всеядны и истребляют мелких животных. Возможно, существуют так называемые «пищевые цепочки». Нельзя полностью исключать вероятность встречи с крупными хищниками. Было бы очень любопытно, — Крейтон заискивающе улыбнулся, — выяснить, не проявит ли у них кто-нибудь интерес к человеку?

— Ты подразумеваешь людоедство?

— Да, верно.

— Крейтон, дорогой ты мой, я непременно постараюсь сообщить тебе, если такая встреча произойдет.

— Да уж, постарайся, Симус.

Симус уселся прямо на землю в тени челнока и, откинув капюшон, начал брэнчать на арфе. Это была старинная и печальная кельтская мелодия, вполне соответствующая моменту. О женщине, которая тоскует по милому возлюбленному, покинувшему ее, о том, как ему тяжело в его странствиях, какие лишения он переносит. Песня была бесконечной.

Если у зилонгцев есть звукоуловители, и они в данную минуту сфокусированы на нем, им станет ясно, что Симус — одинокий

* Марон — беглый раб-негр в Вест-Индии и Гвиане.

странствующий космический менестрель. Менестрель? Есть ли у них такое понятие? Достанет ли у них вкуса насладиться его игрой?

А если у них вообще нет музыки?

Всем развитым формам разумной жизни сопутствует музыка. На этом настаивал учитель монастырской школы, когда они проходили историю цивилизаций. Разве можно утверждать это так безапелляционно? Симус сомневался.

Справедливости ради надо признать, что Симус не был приспособлен к восприятию школьной программы.

— Ты далеко не так бестолков, Симус Финбар О'Нейл,— добродушно говорила ему Леди Дейдра.— Просто твоя одаренность не совсем укладывается в школьный курс обучения.

— Похоже на то,— соглашался Симус.— Мне трудно концентрировать внимание в классе.

— Особенно в присутствии молодых женщин?

— Ну,— соглашался он, обаятельно улыбаясь,— во всяком случае, их присутствие усложняет этот процесс.

— Уверена, что ты продолжаешь думать об этом и в их отсутствие.

— Пожалуй, еще больше,— соглашался он.

— Ты сведешь меня в могилу,— вздыхала она.— Ты, Симус, слишком тяжкий крест для пожилой женщины.

Симус воздержался отрицать ее возраст. Инстинкт подсказывал ему, что ее огорчение по поводу его наклонностей комплиментом не развеять. Он не отвергал деликатной лести, но не считал, что следует ограничивать себя соображениями такта, особенно в споре с женщиной.

Реплика Святой Настоятельницы по поводу его успехов была вызвана ошибкой, которую он допустил однажды на занятиях.

Она читала традиционную лекцию о начале освоения космоса. В середине двадцать первого века, сказала она, избыток дешевой энергии и относительно стабильное положение на Земле привели ко Второму Великому Освоению, во время которого многие отправились на поиски либо богатств и приключений, либо веры и идеологии. Многие отправились на поиски лучших миров.

Симус грезил о восхитительно вздымающейся груди своей «настоящей» женщины. Он почувствовал, что необходимо как-то выразить свое внимание к лекции и сказал: «Колумб, Лиф и Брендон со своими феллахами, все они тоже были ирландцами...»

Ее Святейшество вышла из себя.

— Нет, это было во время Первого Освоения, за многие сотни лет до заселения Тары. Наш Святейший Орден,— заметила она холодно,— создан для того, чтобы сохранить Дух Освоения,

который привел наших предков на Тару в те незапамятные времена.

— Абсолютно точно, — согласился Симус, пытаясь выразить, как высоко он ценит исторические познания Леди Дейдры.

Таранцы хотят сохранить дух путешествий, зилонгцы же, напротив, не желают ничего помнить об этом. Пока продолжалась песня о страданиях воображаемой несчастной возлюбленной, О'Нейл взвешивал свои шансы.

Гармоди, бригадир, исполняющий обязанности главного офицера на «Ионе», уверял его, что последние данные свидетельствуют, что никакой серьезной опасности в ходе этой разведывательной миссии возникнуть не должно.

— По шкале агрессивности, зилонгцы находятся гораздо ниже нормального уровня. Скорее всего, они подвергнут тебя проверке, сочтут безопасным для себя и отпустят на волю.

— А сочтут ли они меня безопасным теперь?

О'Нейл тронул струны арфы, что должно было означать тест на иронию.

— Сможете ли вы оценить вероятность счастливого исхода в этом случае?

Гармоди, пожимая могучими плечами, нахмурил скуластое лицо, потом пробормотал:

— Между шестьюдесятью и семьюдесятью процентами.

О'Нейл расхохотался. Фитцджеральд, Гармоди и даже святейший Потрадж просто гадали на кофейной гуще.

Надвигались сумерки, и вместе с ними усиливались нежные ароматы и свежесть. Прерванные фантазии вновь одолели Симуса.

Это замечательное место для настоящего медового месяца с настоящей женщиной. Уверен, что это благоухание не вызовет у нее отвращения.

Воображение упорно возвращало его к ее восхитительной груди, к предмету, навстречу которому его сердце было всегда открыто. И как много всяких приготовлений и ухищрений создано для того, чтобы продлить удовольствие.

Ты овладеваешь женщиной здесь, среди этого благоухания. Потом мы вместе возвращаемся на Тару, на которой никогда не были. Возможно, она забеременеет на Зеленых холмах...

А потом мы отправимся на Землю, и твой ребенок появится на свет на планете-прародительнице на берегу Зеленого озера. Это будет замечательный медовый месяц. Все путешествия сольются в одно.

Он бегло оглянулся вокруг.

После того, как мы поженимся, ничего предосудительного не будет в том, чтобы чередовать молитвы с занятиями любовью.

Благодаря созданию около полутысячелетия назад транзитных станций, Тара находилась на расстоянии двухнедельного путешествия от Земли.

Даже если смонтировать станцию из элементов, хранящихся в трюмах «Ионы», здесь, на Зилонге, это путешествие от Зилонга до Земли займет не более двух месяцев.

И, несмотря на то, что в эпоху между двумя Великими Освоениями транзитные путешествия не пользовались популярностью, на таранцев, неисправимых кочевников, это не распространялось.

Главный закон Ордена гласил, что ни один паломник не имеет права вернуться на Тару или Землю до тех пор, пока его монастырь не найдет пристанища на другой планете. После того, как монастырь будет основан, посещения разрешались, но только с религиозной или образовательной целью.

Ей-Богу, ничего. другого меня в голове нет — только религия и только образование.

Кораблям паломников мудро запрещалось поддерживать контакты с планетами, которые они покинули. Это делалось с целью сохранения канонических обязательств перед Орденом (как, например, участие в Римских выборах Святой Настоятельницы).

Зилонг, без сомнения, был еще более изолирован. Кроме странствующих космических бродяг они не видели никого. Они не поддерживали контактов с миром, который основатели Зилонга покинули около тысячелетия назад. Это был их выбор.

Святая Настоятельница брезгливо кривила аристократический рот, говоря о коррупции на Земле. У нее не было заблуждений относительно человеческой природы.

— Симус, — разложение заложено в генах и не связано с местом обитания. Ты согласен?

Конечно, он согласился, хотя и не знал ни Тары, ни Земли. Рожденный во время скитаний, он изучал эти планеты по картинкам. Посещение Старых Миров казалось ему таким же замечательным делом, как любовь стоящей женщины.

Он был поглощен своими мечтами и чуть не пропустил зилонгский патруль. Они бесшумно крались по джунглям. О'Нейл узнал о их приближении до того, как услышал.

Его довольно притупленное физическое чутье — притупленное по сравнению с выдающимися способностями Настоятельницы — позволило ему установить приближение пяти «существ», встревоженных и обеспокоенных, но не враждебных. Старый болтун Потрадж настаивал на том, что они будут гуманоидными.

— В чем-то они будут, конечно, биологически отличаться от нас, после сотен лет самостоятельного развития, — говорила на

инструктаже Фитцджеральд, — но, возможно, не настолько сильно, чтобы была исключена возможность скрещивания. — И добавила с легкой иронией: — Так что не чувствуй себя обязанным экспериментировать в этом направлении.

«Существа», возможно, были гуманоидами. А что касается продолжения рода, этого вечного и достойного похвалы занятия — все это начисто вылетело из головы Симуса О'Нейла, пока он напряженно ждал встречи с ними.

Я не астролог, не исследователь. Я — солдат и поэт, черт возьми! Какого дьявола я здесь делаю? Неужели мне так важно, прикончат ли меня гуманоиды «просто встревоженные» или «враждебно настроенные»?

Зилонгцы бесшумно выскользнули из джунглей. Беспокойство Симуса немного улеглось. Они не производили жуткого впечатления, и скорее были так же напуганы, как и он.

— Нормальное явление. Все друг друга боятся, — громко произнес он.

Зилонгцы, словно оцепенев от его голоса, остановились, как вкопанные.

Это были трое мужчин и две женщины. Ростом немного ниже таранцев, со смуглой кожей, темными волосами и европейскими чертами лиц. Зилонгцы напоминали своих земных предков. Четверо держали массивные копья. У одного мужчины в руках было оружие, напоминающее древний карабин. Дуло ружья было направлено прямо в голову О'Нейла.

Женщины были очаровательные — миниатюрные и пышные, словно маленькие Венеры. Их смуглые плечи и руки — удивительно хороши и соблазнительны, если не принимать во внимание копий, которые они сжимали. Судя по легкой седине в волосах, одна была немного старше другой.

Ага, они не знают, как реагировать на мой голос. Интересно, как они воспримут музыку?

Он потянулся к арфе. Мужчина угрожающе поднял дуло. Симус тронул струну, и парень немного опустил ружье.

Чтобы подразнить Леди Дейдру, наверняка слушающую сейчас, он завел бесконечную песню, восхвалявшую женщин; их прелести, нюансы телосложения, делающие их особенно соблазнительными партнершами в любви.

Зилонгцы слушали с прежним бессмысленным выражением и озабоченностью, однако, тела их слегка раскачивались в такт музыке.

Несомненно, они отзываются на чувственную музыку. Слава Богу, им не дано понять, какие штуки я советую проделывать с этими прелестными малышками.

Он прекратил петь и стал ждать. Мужчина, выглядевший старшим в отряде, заговорил. Очень спокойно, но решительно. Молодая женщина робко приблизилась к Симусу и дотронулась до арфы. Когда она убедилась, что прищелец не возражает, то деликатно забрала ее и стала перебирать струны. О'Нейл был выше ее на голову.

Ну что же, музыка им, несомненно, известна,— подумал О'Нейл.

Судя по изящному телосложению, мужчины бойцами не были. Безусловно, они были привлекательны, но эта привлекательность скорее напоминала обаяние таранских юношей.

Я могу легко справиться с целой оравой таких, как они. В считанные секунды разоружить всю компанию. Отключить мужчин и похитить девушек.

Возможно даже, что девушки охотно пошли бы со мной. По-моему, их очаровал шестифутовый рост и рыжая борода.

Симус О'Нейл, ты просто кретин, если тебе в голову лезут такие мысли. Думать-то об этом ты можешь, пока не устанешь, но не более.

Закон запрещает использовать в своих целях аборигенов, касается ли это сексуального аспекта, или любого другого. Бог мой, Симус, ведь ты всегда свято чтил Закон.

Зилонгцы были одеты в бирюзового цвета накидки, обернутые вокруг тела, с жетонами. Эта одежда напоминала юбку шотландского горца. Судя по жетонам, скорее всего это была униформа. У мужчин она держалась на талии, у женщин — под мышками. Несмотря на жару и высокую влажность, легкая ткань выглядела свежей и неизмятой.

Должно быть, у них не возникает никаких проблем с разведением.

Послушай-ка, Симус О'Нейл, а как же Закон?

Да ведь я думаю об этом только потому, что решительно не представляю, как шпионить. Должен же мужчина владеть собой!

Местный с ружьем подошел к нему и начал говорить на очень мелодичном языке. О'Нейл пытался дотянуться до ручки настройки универсального транслятора, находившейся в дюйме от его груди. Он поднял руки и широко, с видом победителя, улыбнулся.

Молодая девушка дотронулась до его бороды.

Что они, никогда не видели такого?

Вооруженный мужчина что-то отрывисто произнес. Она залилась краской, отдернула руку и опустила глаза, невнятно бормоча. Симусу показалось, что она извиняется.

— Все нормально, все нормально,— утешил Симус.— Даже таранским женщинам нравятся рыжебородые мужчины.

Девушка залилась краской еще сильнее.

Ну, не удивительно ли, что одной интонацией можно выразить так много?

Напряжение Симуса постепенно спадало. Возможно, в задачу полицейского патруля и не входило лишать его жизни, если он и проявит агрессивность.

Прогноз Гармоди сбывался. Они были в нерешительности. Мужчина отдал распоряжение, и женщина с проседью опустила копьё. Верх ее униформы был причудливо украшен множеством золотых полосок, и это совсем не портило ее полной груди, совсем не портило.

Скорее всего, это были знаки отличия или принадлежности к медицинской службе. Выглядела она солидно, внушительно. Чувствовалось, что она привыкла отдавать распоряжения и привыкла, что они тотчас же выполняются. Из кармана туники она вынула что-то, похожее на шприц.

Полицейский доктор,— неторопливо подумал О'Нейл для того, чтобы на «Ионе» было легче воспринимать.— Очевидно, они хотят парализовать или усыпить меня.

Женщина приближалась к О'Нейлу медленно и боязливо, с марлевым тампоном в одной руке и с иглой в другой. Остальные подступили на шаг ближе, с копьями наготове.

Ее голова приходилась ему на уровне груди. Подняв выразительные карие глаза навстречу взгляду его голубых, казалось, она умоляла его не причинять ей вреда. Их взгляды встретились. Она быстро отвела глаза. Потом снова решительно взглянула на него. На этот раз ее темно-карие зовущие глаза были еще более испуганными.

Для этой исполненной ужасом женщины О'Нейл был просто сосунком.

Она годится мне в матери.

У нее были круги под глазами, едва заметная сеточка морщин, тронувшая кожу у подбородка. Но это не портило ее. Она была прекрасно сложена и удивительно привлекательна.

— Не бойтесь меня,— О'Нейл дотронулся до ее щеки. — Я не собираюсь причинять вам боль. Но видеть ваш испуг для меня мучительно.

Она опустила иглу и ждала, словно давая ему время для ритуального приветствия.

— В отличие от вас я — не язычник,— засмеялся Симус.

Она легко засмеялась в ответ, возможно сочтя, что это входит в порядок ритуала.

Прикосновение к ее лицу, теплому и нежному доставило удовольствие. Не отдавая себе отчета в том, что он делает, он слегка погладил ее, сначала кончиками пальцев, потом всей ладонью. Женщина едва заметно подалась к нему, словно полнотью доверяя.

Симус оглядел всех. Остальные не выглядели возмущенными. Они наблюдали, как замороженные.

Он был уверен, что не нанесет никакой обиды, и поцеловал ее в лоб. Женщина от неожиданности напряглась, но не отшатнулась от него. Ее друзья затаили дыхание.

Похоже, что они не оскорблены, а скорее ошеломлены,— подумал он.

«Оставь женщину в покое,— сказала Святая Настоятельница,— и отойди от нее, слишком уж играет в тебе молодая кровь».

Прекрасно, но ведь она не протестовала против приветственного поцелуя вначале. Кроме того, какой же я буду бард с Тары, если не прикоснусь губами к ее губам.

Его поцелуй был мимолетным. Ее дрогнувшие губы были упруги и теплы. Глаза ее расширились, лицо вытянулось. Она склонила голову. Симус с интересом заметил, как под тканью униформы напряглись твердые соски.

О, а ведь это был не лучший поцелуй. И все же, тебя еще никогда не целовал рыжебородый гигант.

Сдавленное дыхание остальной шайки свидетельствовало скорее о зависти, чем о чем-либо другом.

Полюбуйтесь, Ваше Святейшество, я довольно ловко справляюсь со шпионскими обязанностями. Правда, поцелуй не избавил меня от опасений, однако, я совершенно не боюсь, совершенно.

Ну, во всяком случае, гораздо меньше, чем это бедное создание.

С некоторой нерешительностью женщина подняла шприц и покосилась на него, словно заручилась согласием.

— Все в порядке. Никаких проблем.

Симус взял ее руку и приблизил к своей. Он почувствовал ее дрожь и учащенный пульс и представил себе, как бьется ее сердце.

— Не стоит опасаться,— он засучил до плеча рукав одежды и показал на свой бицепс.— Вы здесь хотите уколоть?

Она с сомнением покосилась на него. Видимо, полной уверенности в том, что он не отшвырнет ее не было.

Он уже стал подумывать о том, не поцеловать ли ее еще раз, но вместо этого взял ее руку в свою и заставил ее сделать то,

что она собиралась. Он почти не почувствовал иглы, когда она входила в руку.

Когда ноги уже подкашивались, Симуса стало одолевать смутное беспокойство по поводу того, выдержит ли гениальная программа, заложенная в него на «Ионе», проверку страстью.

Зилонгцы не должны догадываться о том, как он реагирует на великолепных представительниц медицинской комиссии.

Возможно, они и не будут возражать против таких обменов. Ведь до сих пор возражений с их стороны не последовало. Возможно даже, что они не будут возражать и против мимолетных связей с таинственными гигантами из внешнего мира ни теперь, ни потом.

Даже если я первый, кого они когда-либо видели.

О'Нейл чувствовал себя умиротворенным. Его одолевала сонливость, и он стал клониться к земле. Врач обхватила его руками и криком подозвала остальных. Очень осторожно они опустили его на дерн, на котором он еще так недавно располагался.

Пока все идет по плану. Разве это не великолепно?

Предпоследняя его мысль была не о зилонгских женщинах, и не о его миссии. Эта мысль была о капитане корабля, Святой Настоятельнице монастыря Дейдре Кардине Фитцджеральд.

Последняя — о том, что внезапно стало очень темно.

Как бы там ни было с ритуальным поцелуем, докторша пытается меня убить.

2

— Комендант О'Нейл прибыл для получения последних инструкций, Вапа милость,— доложил Симус, небрежно салютуя. Его тон содержал достаточно подобострастия, чтобы скрыть дерзость.

На этот раз мадам скажет всю правду, а не полуправду, как она часто делает по политическим соображениям, даже когда ее уклончивость нецелесообразна.

Настоятельница сняла руку с кварцевого кристалла, передающего физические импульсы на огромный экран, расположенный в ее тронном зале.

Изображение Зилонга поблекло, толстые красные шторы опустились. В открытых бортовых иллюминаторах все еще были

видны холодные звезды, безучастно мерцающие в абсолютной темноте. О'Нейл, не любивший темноты, вздрогнул и отвернулся от иллюминатора.

— О да, Симус,— сказала она рассеянно.— Входи.

При его появлении в ее глазах всегда появлялся легкий блеск. Симус знал, что был для нее почти сыном, вместо ее трагически погибших детей. Это затрудняло взаимоотношения, но ни один из них не решался признаться в этом.

С другой стороны, приятно сознавать, что в ее сердце есть уголок для тебя.

Перебирая бумаги, она начала читать заключительный отчет.

— Этот отчет, Симус, составлен на основании четырех источников:

а) рапортов путешественников, случайно высадившихся на Зилонге, обычно по ошибке;

б) научных оценок, благодаря которым нам известно об общинных утопических обществах со схожей природой;

в) нашего собственного физического сканирования, которое, между прочим, осталось незамеченным ими; и, наконец,

г) наше психическое считывание, которое, как и физическое сканирование, более чем неудовлетворительно с такого расстояния. Ясно?

— Да,— коротко ответил он.

Она порылась в бумагах.

— А теперь на основании обобщения материала я попробую прокомментировать эти данные, хорошо?

— Уверен, что Вам не часто приходится выступать в роли социального ученого.

— Я прибегаю к жаргону, когда считаю, что он уместен,— она слегка порозовела. Это свидетельствовало о том, что в последней перебранке, а это была излюбленная манера таранцев вести разговор, последнее слово оказалось за ним, но и только.

— По всей вероятности, это утопическая культура, достигшая завершающей фазы и перед полным разложением. Общинная направленность, возродившая ее однажды, длилась очень долго.

Можно предположить, что прежде, чем притворное единодушие стало пустым обрядом, прошло довольно много времени. Эта культура может быть высоко цивилизованной, умелой и изящной до тех пор, пока никто не оспаривает основополагающих принципов реальной власти...

И не следует заблуждаться, Симус Финбар О'Нейл, эти общинники-утописты располагали очень сильной властью с самого начала.

— И мы, конечно, точно не знаем, к чему они пришли спустя тысячу лет. Да?

— На редкость тонкое умозаключение,— она подняла тонкие брови.— В любом случае, они должны быть очень сплочены, но эта сплоченность вызвана скорее социальным контролем. У них недостаточная свобода личности в нашем понимании, недостаточная творческая активность.

— Не похожи на нас,— ухмыльнулся Симус.

Настоятельница не удостоила вниманием его замечание.

— Вряд ли они сильно отличаются от банды полусумасшедших анархистов-индивидуалистов, за которых я призвана нести ответственность.

В глубокой задумчивости она перебирала изящными пальцами по крышке стола.

— Мы вздорны, беспокойны, свободолюбивы, принимаем решение меньшинством голосов...

— Кроме ежегодных перевыборов вашей милости.

— Это к делу не относится,— пальцы двигались все быстрее,— ...не отличаемся воспитанностью и вежливостью, не очень образованы, и все же мы не только не ограничиваем индивидуальную творческую активность, доходящую до эксцентричности, как, например, в твоем случае,— она родительски улыбнулась ему, словно избалованному ребенку, — мы активно усиливаем ее. Мы, на самом деле, очень гордимся своей неординарностью и эксцентричностью.

— Да уж, мы, наверное, последние представители такого племени.

— Да, мы последние, Симус Финбар О'Нейл. Наши манеры и мораль мало изменились со времени прокельтов на Таре. Мы слишком много пьем и слишком много спорим, слишком много говорим, слишком часто сражаемся...

— К слову, прошу прощения у вашей милости, слишком часто занимаемся проституцией.

Ее Преосвященство нахмурилась.

— Не совсем так. Зачастую наши мужчины довольно робки в этих вопросах, больше говорят, чем делают. Я попала в точку, Симус?

О'Нейл не нашелся, что ответить. Мадам, довольная тем, что последнее слово осталось за ней, продолжала:

— Наши сексуальные отношения обычно сопровождаются бесконечным словесным поединком.

— Ну, может быть не совсем так, не совсем,— Симус дружелюбно ухмыльнулся.— Гораздо более миролюбиво.

— Мы слишком часто предаемся бесплодным мечтам и оправдываем это мистицизмом. Мы часто молимся, но лишь потому, что считаем Бога Гэлом*, вроде нас. Мы постоянно принимаем души и ванны, все время в воде. Мы создали фетиш из личной гигиены, и в то же время неисправимо неряшливы в доме. Во всей Галактике не найдется более запущенного корабля. И все это — несмотря на мои бесконечные усилия содержать его в чистоте и порядке.

— Все-таки он выполняет свои функции,— Симус поднял руки, словно прося пощады.

— Будем надеяться, что уже не долго осталось. Итак, на чем я остановилась? Ах, да, мы научились ненавидеть, но и научились любить. Мы поем, когда нам плохо, и плачем, когда счастливы. Мы смеемся и пьем, мы занимаемся любовью после пробуждения, и плачем, и снова пьем; часто не выполняем супружеских обязанностей...

— Все это просто ужасно...

— Итак,— сказала она более натянуто,— взвешивай все «за» и «против». В любом случае, культурные контакты с распадающейся утопической общинностью... — она порылась в бумагах,— кажется, наши учителя именно этот термин применяли, да. Сильно сказано, не правда ли?.. Между, как я сказала, разлагающейся общинностью, и неисправимыми — дай-ка я взгляну, да — анархистами-индивидуалистами, контакты чреваты трудностями.

— Анархисты-индивидуалисты? Это мы и есть? Прекрасно, вполне убедительно. Мы мне нравимся больше.

— Превосходно. Вот только наших друзей там, внизу, придется простить, если они встретят нас так же, как наши предки — викингов. При любом сценарии могут быть серьезные трудности.

— Мы же не собираемся причинять им зла,— Симус нетерпеливо заерзал на стуле.— Не оставлять же их одних?

— Не собираемся причинять зла? — она нервно дотронулась до нагрудного креста из слоновой кости.— Это именно то, что провозглашали первые миссионеры на Таре, когда нечаянно занесли заразные болезни, погубившие почти поголовно всех аборигенов. Теперь мы успешно справляемся с медицинскими проблемами. Но наш образ жизни может оказаться для них столь же губительным. Ты можешь себе представить, цитируя францисканских монахов, зилонгских женщин, пытающихся противо-

* Гэл — житель горной Шотландии.

стоять бесконечному потоку лести, текущему из уст таранских самцов?

— Или зилонгских самцов, пытающихся подсчитать, сколько раз из тысячи ответов «нет» женских особей фактически будет означать «да»?

— Не совсем так, — как обычно, когда последнее слово в споре оставалось не за ней, упрямый изгиб ее губ становился жестоким.

Такое изменение настроения Кардины Фитцджеральд не сулило ничего хорошего. Мерка, применимая к одному, должна применяться и к другому, и, вместе с тем, по ее тону чувствовалось, что в словах Симуса была правда.

— Вернемся к серьезному тону. Что могло произойти с культурой, не знавшей политической демократии в том виде, в котором она известна нам везде веками; оказавшаяся лицом к лицу с обществом, для которого занятие политикой — любимое времяпрепровождение.

— В любое время дня и ночи.

Она решительно не замечала его реплик.

— ...С культурой, не допускающей проявления личной неудовлетворенности при неожиданном столкновении с другой, для которой прославление этого свойства личности стало нормой жизни, обычным делом, как пение псалмов в церкви?

— Кажется, я начинаю понимать, — Симус подался вперед. — Если наша оценка верна, то трудности с их точки зрения состоят в том, что их культура утратила движущую силу. У них же, как мы убеждены, она достигла наивысшей точки.

— В анархии есть отрицательные моменты, насколько я могу судить по нашим людям. Это и беспорядок, и распущенность, но анархия редко приходит в упадок.

С другой стороны, их культура в опасности. Она будет либо медленно угасать, словно часы, которые нельзя завести, либо накопит колоссальный запас разрушительной энергии, готовой взорваться в любую минуту.

Потрадж предполагает шанс распада в течение года — пятьдесят на пятьдесят. Бесспорно, что оба эти процесса произойдут.

— Кто-нибудь из них будет знать об этом?

— Большая часть не примет этого, — она мельком взглянула на зашторенный экран, — но часть наиболее интеллектуально развитых, более безумных, конечно, будет знать. От этого ситуация станет еще более неустойчивой и при кажущемся внешнем спокойствии и благополучии.

Неожиданно, глядя ей прямо в глаза, он спросил:

— Таким образом, на краю пропасти, у вас возникла необходимость послать туда человека, жизнь которого вы оценили дешевле старого компьютера?

Леди Дейдра Фитцджеральд вздохнула.

— Ты же знаешь, Симус О'Нейл, что не обязан этого делать,— она показала на карту Зилонга, изображение которой, благодаря ее ментальным усилиям, показалось на небольшом дисплее.— Симус, возможно, это конечная точка нашего паломничества. Богу известно, что время уже пришло. Мы оба знаем, какую цену пришлось заплатить за это право. Мы не можем допустить еще одну неудачу.

В плотно задрапированной комнате повисла тишина.

Настоятельница была облачена в траурную темную одежду вместо традиционного голубого кельтского платья для торжественных церемоний с тонкой красной каймой и голубым крестом. О'Нейл знал, что сейчас она думает о муже и детях.

Он тоже вспомнил своих родителей, убитых десять лет назад во время трагической высадки на Ригоне. Говорить об этом он не хотел.

— Кроме того, я хочу, чтобы ты знал все. В монастыре существует фракция, которая считает, что пришло время изменить Святой Закон.

— Кретины! — Симус вскочил с кресла, готовый сразаться с любым, кто посмеет бросить вызов мудрости Ее Милости.

— И ты не лучше,— она указала на кресло.— Умерь свой пыл и сядь. Это слишком сложный вопрос, чтобы пытаться решить его с помощью кулаков,— она поправила крест из слоновой кости, убрала под вуаль несколько выбившихся прядей.— Их недовольство понятно. Повод для серьезного беспокойства у нас есть. Однако, если мы превратимся из миссионеров в колонистов, вместо того, чтобы оставаться вежливыми гостями, ждущими приглашения, станем насаждать нашу веру, это приведет к насилию и смерти. Может быть, вначале это принесет нам успех, но в дальнейшем наши потери будут значительно более ужасными, чем если бы монастырь превратился в безжизненную пустыню.

— И вы не будете принимать участия во вторжении?

— Не буду,— она вытянула вперед руку, твердо и уверенно.

— Как и большинство из нас. Если до этого дойдет, они сами будут захвачены.

— Тише, тише, Симус,— энергично зашикала она.— Слава Богу, до этого еще не дошло. Пока об этом только говорят. Однако, я понимаю отцов и матерей, которые не хотят видеть

медленную и мучительную смерть своих детей без пищи, воздуха и воды. Но разговоры о мятеже — это еще далеко не мятеж.

— Итак, я должен немедленно отправиться и выяснить, согласятся ли зилонгцы выделить землю на острове самой большой реки под монастырь, — он надеялся, что такой бодрый и энергичный тон развеет ее грусть и озабоченность.

Настоятельница, поигрывая рубином на пальце, сказала:

— Как тебе известно, Симус, наш Орден не миссионерский. Странствование скорее просто девиз, не требующий подтверждения. Мы никого не обращаем в нашу Веру силой. Со времени Великого Колумсайла на «Ионе», наши монастыри предназначались для обучения и молитв. И если наш пример вдохновляет кого-то на изучение и принятие нашей Веры — это прекрасно. Никаких других условий мы не ставим.

Это было официальное мнение. Дейдра повторяла его скорее как хорошо заученный урок. Симус знал, что она верит в это, но он и сам более или менее верил, и его родители тоже верили. Иначе зачем молодым отправляться в такое безумное путешествие?

Издываясь над официальной версией, с известной долей сарказма Симус продолжил:

— Поскольку с тех пор все мы стали немного ростовщиками, закончить наше странствие мы согласимся только когда будем достаточно уверены в том, что местных обитателей заинтересует не только наш ирландский самогон. Если Потрадж прав, зилонгцы рассчитывают на кого-то, кто снабдит их оружием в ближайшем будущем.

Он пытался зажать ее в угол и вынудить сказать все до конца.

Дейдра не обращала внимания на его сарказм. Роясь в бумагах, она говорила:

— Не забывай, мои святейшие предки тоже полагали, что их примут с распростертыми объятиями на Ригоне. И только благодаря Гармоди и парням из Диких Гусей нам удалось избежать полного истребления.

О'Нейл помнил все. Он помнил себя четырнадцатилетним мальчишкой, стоящим с окровавленным копьем над телами изуродованных близких. Никогда он не мог забыть Ригон и тех святых дураков, которые послали их на смерть.

— Значит, мне необходимо выяснить, сколько времени в запасе у зилонгцев?

— Да, примерно, Симус О'Нейл.

Она снова вздохнула. Что-то в материалах, лежащих на столе, приковало ее внимание.

Проклятье, даже не взглянет на меня. Если и выдвигать возражения, то именно сейчас.

— Почему бы не предоставить их самим себе? Если у зилонгцев с культурой все нормально, зачем же подвергать ее риску разрушения? Разве они испытывают неудобство от того, что не свободны?

Поднявшись с кресла, Настоятельница подошла к иллюминатору.

— Симус О'Нейл, ты знаешь только свободу. Ты даже не можешь вообразить жизнь без нее.

Она старалась избегать его взгляда.

— Мы не собираемся причинять зилонгцам вреда. Ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы не подозревать в том, что я могу посягнуть на чье-либо счастье или благополучие. Я доверила тебе эту миссию; ты тоже должен мне доверять, что бы я не предприняла.

Она выглядела уставшей и измученной от своих мыслей. Вся команда «Ионы» преклонялась перед этой женщиной. Каждый год на выборах ее победа была ошеломляющей. Все, даже те, кто собирался менять Священный Закон, были за нее. Симусу интуитивно казалось, что она допускает такие изменения.

И уж если кто и мог привести их скитания к счастливому концу, то только она. Она умела предвидеть проблемы и разрешать их.

Он видел своими глазами, как ей удалось увернуться от столкновения с огромным астероидом, когда защитные поля вышли из строя. И, как говорил Лайм Гармоди: «Это сотая доля того, что она может».

Ничего необычного в том, что женщина избиралась капитаном, не было. Много лет назад Святая Бригада возглавляла женщин и мужчин монастыря.

Конечно, она была не девственница; до тех страшных событий на Ригоне у нее был муж и трое детей.

Если верить сплетникам, в молодые годы на Таре, еще до скитаний, особенным благочестием она не отличалась. После трагедии она приняла решение оставить Диких Гусей и вступила в монастырскую общину, чтобы хоть как-то приглушить сердечную боль.

Очень преуспела в политике, отличалась мудростью и набожностью, не утратив юношеской энергии. Средних лет, но выглядела моложе благодаря черным, как смоль, волосам, изящным чертам лица, по-юношески широко распахнутым светлым глазам.

Была ли у нее абсолютная власть? Учитывая характер таранцев — вряд ли. Но на их преданность и верность она могла рассчитывать всегда.

Никто не мог ее представить иначе как в монашеском одеянии. Но она, как и все члены команды, плавала в бассейне, в темно-красном купальнике с бахромой, и каждый мог убедиться, что она была в прекрасной форме.

Обсуждать эту тему, однако, было не принято, а уж в ее тронном зале об этом все и подавно забывали.

Однако, продолжим.

Печальный тон насторожил О'Нейла. Он выпрямился во весь рост.

— Женщина, есть что-то, о чем ты умолчала?

Она задумчиво разглядывала карту.

— Конечно, есть. Все дело в аборигенах. Существа, жившие на Зилонге, прежде, мигрировали. О них упоминается в нескольких докладах. Путешественники отмечают, что есть что-то необычное, связанное с ними или их отношением к зилонгцам.

— И это тоже входит в мою задачу — присматривать за дикарями. Леди Дейдра, неужели же слухи о космических бродягах — это серьезный повод для такой озабоченности? Женщина, прекрати ходить вокруг да около. Ты доведешь меня до бешенства.

— Ты очень наблюдателен и чуток, — она устало вздохнула, грациозно поднялась с кресла, взглянула в боковой иллюминатор. — До нас дошли наброски с изображением аборигенов, сделанные путешественниками до нас. Они хранятся в банке данных Потраджа. Вот, взгляни, Симус.

Он склонился над бумагами. Существа очень напоминали человека.

— Это похоже на давно вымершее маленькое существо из учебника биологии. Догуманоиды? Что они делают здесь?

— Превосходно, Симус Финбар О'Нейл. Я не знаю. И, может быть, никогда не узнаю. Занесенные с Земли целую вечность тому назад, во время Великого Освоения или из какого-нибудь другого места, о котором мы ничего не знаем. Очень медленно эволюционировавшие из-за неблагоприятных условий на этой планете. Возможно...

— Бригада, Патрик и Колумсайд?

— Замечательно! — она нажала на кнопку в стене, и к великому облегчению Симуса, иллюминаторы задернулись шторами.

— И другими Великими Святыми. Таким образом, вполне вероятно, что так называемая доминирующая раса вмешалась в

процесс эволюции этого вида, который, по всей вероятности, является совидом нам и им.

— Ох.

— Я высказала то, что подсказывает моя интуиция, Симус,— Она порывисто прикрыла ладонями огромный живот изображенного существа.— Там, где ты усматриваешь преобладание совиды, ты сталкиваешься с сексуальной эксплуатацией. При нехватке женщин обладающие властью мужчины выставляют свою силу напоказ, в гаремах, насаждая проституцию.

Расы смешиваются. Потом, когда превосходящая раса ужасается сделанному, она отрицает прошлое. Это означает, что она отрицает совидовость подчиненной расы. В результате — еще более жестокое насилие, эксплуатация, деградация, миллионов существ. Ты понимаешь?

— Как Вы сами сказали, даже таранцы — фанатики.

— Даже они,— она криво улыбнулась.— Наконец-то мы выяснили это,— Она вернулась к креслу, опустилась в него так же изящно, как и поднялась.

— Вы даже сказали, что фанатик извращается сам гораздо в большей степени, чем предмет своего фанатизма.

Она снисходительно улыбнулась.

— Хорошо соображаешь, Симус Финбар О'Нейл. Оставим в стороне предвидения социальной науки,— она нетерпеливо откинула отчет.— Держу пари, если только Настоятельница святого монастыря это разрешается, на оставшиеся на корабле драгоценности, что доминирующая раса под именем своего мнимого превосходства совершила ужасные преступления по отношению к себе самой и другим.

— Так на чьей же мы стороне? Надеюсь, на стороне несчастных маленьких существ?

— Каждой расы,— она буквально набросилась на него.— Мы пытаемся восстановить мир, а не принимать ту или иную сторону в конфликте. Пойми.

Напустив важный вид, он парировал:

— Мне потребуется некоторое время, чтобы вспомнить хорошенько Святой Закон.

Капитан откинулась в кресле и сказала очень примирительно:

— Мы не имеем права быть пристрастными, Симус. Мы не можем на этом замкнуться.

У зилонгцев есть некоторые странности, которые не укладываются в нашем представлении. Культура слишком отличная от нашей, и мы не можем влиять на нее. Поэтому нам и нужен «ретранслятор»... — у нее сорвался голос.

— Вы имеете в виду внедрение в психику? Но я не из таких! — его прорвало.

— А почему ты так в этом уверен? — ее пронизательные голубые глаза видели его насквозь.

Несомненно, в извилинах Потраджа хранятся данные о нем с самого детства. Он не отличался высокими способностями по восприятию психического воздействия, но мог оказывать его на других.

Его послали на Зилонг, чтобы он впитывал в себя колебания энергии и пересылал их на корабль для расшифровки. Черт бы побрал эту женщину! — ее глаза не отпускали его. Он покорно скользнул в кресло.

— Высказывайте уж сразу все, до конца.

— Зилонг, возможно, последняя планета, — она положила руку ему на плечо. — Те, кто поговаривает об изменении Закона, плохо себе представляют наше истинное положение. Иначе бы они требовали более энергично. Мы не можем допустить мятежа.

— Последняя планета? Женщина, что это значит? В космосе столько планет... Разве Господь не создал их в количестве большем, чем достаточно?

— Симус, я имею в виду, последняя — для нас. «Иона» устала и стара. Она уже не может функционировать так же хорошо, как раньше.

Наше странствие было самым длительным в истории Тары, и мы не знаем, сколько еще может протянуть этот корабль. По моим прикидкам — еще год-два.

О'Нейл сурово молчал.

— Прекрасная моральная поддержка, — невесело резюмировал он. — Положение безнадежно.

— Неужели, Симус. В нас, кельтах, фанатизм перемешан с надеждой. Именно поэтому мы отправляемся странствовать. Когда надежда исчезает, остается парализующая существо меланхолия. Таких неисправимых оптимистов, как ты, остается совсем мало, — она немного улыбнулась. — А вот меланхолии на нашем корабле хоть отбавляй. Это невозможно исправить. Сколько свадеб среди молодых Диких Гусей было в последнее время? Я думаю, что с твоей помощью это положение можно исправить.

— Вы полагаете, что с нами происходит то же, что и на Земле во время Великого Голода? У людей просто не осталось надежды на будущее, чтобы заводить семью?

И снова тяжелый вздох.

— Слишком много несчастий, слишком часты крушения, слишком много поражений, Симус, даже для такого маленького экипажа с Тары.

Она говорила медленно, тяжело, словно на ее плечи взвалили печали сразу всех паломников.

— А если мы не высадимся?.. — спросил О'Нейл.

Черт побери, конечно я смогу. Но почему она все время что-то недоговаривает?

Дейдра улыбнулась.

— Тогда этого не произойдет, и странствие будет продолжаться.

Она отпустила его взмахом руки.

— Все, Симус О'Нейл. С тобой все. Пока я не получу от тебя хороших известий, я больше ничего не смогу добавить.

Подготовка началась. Монах-психолог приготовил микстуру из лекарств и легенду О'Нейла на Зилонге, как безобидного странствующего космического менестреля. Эта роль хорошо подходила Симусу, и вероятность того, что зилонгцы разрушат защиту, специалисты оценили шестью процентами. Защита внесла коррективы и в его внешность. Теперь он выглядел, как в бытность студентом-антропологом Тарского Университета до исключения за чрезмерные возлияния («А кто из нас не пил?» — возразил тогда О'Нейл).

Аббат спел прощальную мессу. Это было удивительно трогательно. Если бы у них не было надежды на его возвращение, сама Настоятельница приняла бы участие в «прощальном ритуале». Если бы его шансы были высоки, то чествование проводил бы помощник Аббата.

Поскольку пел Аббат, шансы были средние.

После Мессы он подошел к Ее Милости.

— Я не теряю надежды получить ваше последнее благословение до отправления. Уверен, что это не повредит.

Он преклонил колено, чтобы поцеловать Кельтский крест у нее в руке.

Она обняла его голову.

— Иди с Богом, О'Нейл. Возвращайся назад целым и невредимым.

Это было торжественным благословением. Благостное прикосновение этих рук пронзило все его существо. Он был преисполнен светом, теплом, избытком любви.

Удивительно, что Настоятельница чувствовала такую любовь к нему.

А что, собственно, удивительного? Она была женщиной, а он был для нее ребенком.

Ведь он тоже любил ее. Как мать. Почти...

В ее глазах застыли слезы. Это было потрясюще. Ведь сентиментальностью их Капитан не отличалась.

На мгновение показалось, что это оплакивание. Комок подступил к горлу.

Хеннеси, его второй помощник, ждал вместе с женой у компрессионной камеры, ведущей к миниатюрному космическому кораблю.

Прекрасно, парень. Твой лучший друг женился на твоей девушке, и теперь они вместе провожают тебя.

Он пожал руку Фергусу, крепко обнял Тэсси. «Я уверен, детка, ты сделала правильный выбор. Никогда не жалею об этом». Пройдя по длинным коридорам камеры, О'Нейл подумал, что Тэсси, должно быть, действительно права.

Ну кто бы послал сентиментального Хеннеси на такое дикое задание?

Он прошел мимо большой группы транспортных судов — «Кевин Барри», «Томас Патрик» и «Даниэль Р. Монихан», миновал тренировочное судно «Неппа Тенди», шаттл Аббата «Майкл Коллинз», крейсерские суда «Бернард Дельвин», «Имон Кази» и «Джон Г. Кеннеди».

В самом центре камеры швартовался его потрепанный «Имон де Валери». Уверяли, что это корабль для межзвездных перелетов. В действительности же это было распатанное непредсказуемое корыто, растратившее себя, как и его пилот.

В переговорном устройстве слышался звон колоколов, зовущих на вечернюю молитву. Он задрал люк корабля. Перед тем, как он нажал на кнопку старта, Потрадж пожелал ему бесстрастным механическим голосом:

— Да пребудет с тобой Бог, Симус О'Нейл.

В ответ на это Симус задал несколько конкретных непристойных вопросов о его предках.

И чтобы лишить старого болтуна возможности ответить, отключил коммуникационный ввод.

3

О'Нейл с трудом карабкался из глубокой пропасти. Сознание возвращалось к нему. Зилонгцы, трясая и подбрасывая, несли его по джунглям. Они явно недооценивали его способности перемещаться самостоятельно. Он почти пожалел, что сознание вернулось, так как был в жару, в испарине, с пересохшей глоткой.

Неровная дорога причиняла страдание. Все же, он решил не открывать глаза и начал «считывать» окружающую обстановку — посылал в душе проклятия всем им, столпившимся в Ее тронной комнате.

С заметными усилиями и множеством отрывистых команд, подаваемых докторшей, они внесли его в небольшое транспортное судно.

Оно, со свистом рассекая воздух, перемещалось над джунглями, потом над каким-то широким водоемом — озером или рекой — он не успел «рассмотреть». По-видимому, его голова покоилась у нее на коленях, что само по себе было бы вполне утешительно, но не в такой ситуации.

Джунгли кишели жизнью: крейтоновскими «пищевыми цепочками». Было множество существ, совершенно неизвестных Симусу. Но встречались среди них и огромные медведи, подозрительного вида средних размеров динозавры, стада мастодонтов, какие-то удивительные кошки, очень напоминающие саблезубых тигров с картинок.

Словно кто-то, забрав их с Земли, разместил всех вместе и совершенно забыл об их существовании. У Симуса было впечатление, что это самое сердце джунглей. Наиболее дикие животные держались на расстоянии. А, кроме того, его захватчики совершенно оцепенели от страха и явно торопились покинуть это место.

Затем они пересекли интенсивно возделанную равнину, часть которой занимали огромные стада крупного рогатого скота с густой шерстью.

Будучи продуктом цивилизации, в старинных сагах которой воспевались захватнические набеги на стада, Симус смело смотрел в глаза этого рода «опасности». Но он был слишком разбит и утомлен, чтобы получать удовольствие от подобных встреч.

Представлены были два или три типа сельскохозяйственных культур, которые обрабатывали роботы и человеческие существа (или похожие на людей), управляющие техникой.

Ближе к Городу он «увидел» караван повозок, длинную процессию из больших телег, запряженных животными, напоминавшими приземистых неуклюжих лошадей. Караваны повозок сновали взад-вперед по равнине, развозя материалы, напоминавшие металлическую руду и лесоматериалы, и возвращались пустыми за новым грузом.

По мере приближения к Городу стали попадаться механические средства передвижения — тяжелые, медленно перемещающиеся и гремящие, и удивительно стремительные скутера, подобные их летающему судну.

Вдали неясно прорисовывались очертания Города. Гигантский промышленный и торговый центр, сердце Зилонга. Однако, психокинетическое чувство Симуса подсказывало ему, что это на удивление безжизненное место. Казалось, оно располагало намного меньшей людской энергией, чем крошечная «Иона».

В натуре планета выглядела гораздо более привлекательной, чем на картах Леди Дейдры; с единственным континентом в северном полушарии — на полюсе тундра, переходящая по мере продвижения к экватору в степи, далее равнина, центром которой был Город.

Ниже располагался покрытый снегом массивный горный хребет, окруженный слева тропическим лесом (на окраине которого приземлился Симус), а справа — пустыней. Осадки на планете преимущественно приходили с запада.

Сам Город располагался на берегу окаймленной дугами реки, берущей начало в горах. Далее она проходила через джунгли, образуя широкий водопад, и, минуя Город, заканчивалась, широкой дельтой вливаясь в море.

Бог мой, я, прошедший всю жизнь в титановой посудине, должен был бы наслаждаться этими восхитительными пейзажами и видами. А вместо этого беспомощно валяюсь в полубессознательном состоянии с жуткой головной болью.

Наконец, они приземлились на краю города — на такой ослепительно блестящей на солнце платформе, что кроме ощущения полной безлюдности этого места, остальное было выше его усыпленной восприимчивости.

Я вернусь сюда потом,— слабо пообещал он.

Вооруженные охранники помогли перенести О'Нейла на монорельсовую платформу. Сначала они миновали поросший травой луг, затем проследовали вдоль набережной медленно текущего широкого водоема, вошли в черный туннель, где Нейл охотно снова потерял бы сознание, если бы это было возможно.

Докторша беспокойно суетилась над ним. Сказать по правде, ужасно раздражала болтовней и суетой.

Да оставь ты меня в покое, женщина! Неужели тебе не понятно, что я больной человек? Положи мою голову к себе на колени, и очень прошу тебя, дай мне немного покоя!

Платформа вылетела из туннеля в широко раскинувшийся большой Город. Масса высоких зданий, окрашенных в нежные пастельные тона — розовый, голубой, нежно зеленый и лимонный — мелькали то слева, то справа.

Несмотря на дикую головную боль, он «прочел», что Город состоит преимущественно из гигантских башен, высотой в сорок и пятьдесят этажей, сооруженных из горных пород или тяжелого

металла, отличающихся формой или отделкой. Казалось, размер зданий подобран под цвет. Но цвета не были нанесены, они каким-то образом были вкраплены в породу и металл. Башни были без окон, но, тем не менее, зилонгская ночь не была непроглядной. Они мерцали в лучах искусственного освещения, исходящего от фундаментов.

Признаков какой-либо растительности не было.

Здания разделялись площадями, широкими эспланадами, vyplненными в виде шахматного узора — все это изобиловало привлекательной одеждой с разнообразной блестящей отделкой, как и у тех, из полицейского патруля.

У некоторых одежда опускалась до колен, молоденькие женщины были обнажены до середины бедер. Симус был настолько слаб, что не обратил внимания, хороши ли бедра у женщин.

Дорогой Создатель, — молился он, — отключи меня полностью. Если я больше не обращаю внимания на женскую анатомию, значит, я слишком устал. Не гожусь для этой жизни совершенно.

Конечно, он очень устал, смертельно, но было впечатление, что, на его вкус все-таки бедра и округлости полноваты.

Ему удалось уловить, что кроме монорельса, по которому они сейчас двигались, по улицам взад и вперед сновало множество легких разноцветных персональных суденышек. Кроме этого, существовала широко развитая система туннелей, и время от времени монорельсовая дорога ныряла в них.

Для таких, как Симус, рожденных и воспитанных на космическом корабле, Город представлял восхитительную панораму цивилизованной жизни, даже несмотря на невообразимую головную боль.

Должно быть, их культура загнивает очень интенсивно, но поскольку я здесь, я просто обязан хоть чуть-чуть понаслаждаться этим разложением. Ровно настолько, чтобы не измениться самому.

Конечно, со мной этого просто не может произойти.

Он почувствовал, что действие наркотиков ослабевает, и решил пересмотреть свое отношение к заботам медички.

Раз она настаивает на том, чтобы моя голова покоилась у нее на груди, я выполню миссию в части, касающейся вырождения культуры.

Что же, немного вырождения еще никому не причиняло вреда...

Стоило ему прижаться потеснее, изображая глубочайший транс, как платформа снова нырнула в туннель, на этот раз более

протяженный. Симус пытался уловить шум потоков воды из системы водоснабжения города, но никаких инженерных сооружений подобного рода не было.

Женщина вела себя совершенно непринужденно. Безусловно, на платформе они были не одни. Он чувствовал присутствие остальных. Но ведь было темно.

А теперь, Симус, мой мальчик, принимай вещи такими, какие они есть.

Помни, сознание совершенно покинуло тебя.

Неожиданно они выскочили на поверхность и остановились перед большим комплексом башен бледно-лимонного цвета. Он почувствовал, что от комплекса исходило хаотическое человеческое излучение.

Его собственная плоть побуждала к проворству. Женский упругий бюст превратился в источник мучений. Трудно было удержаться и не придвинуться еще чуть-чуть.

Он успел подумать, что его, должно быть, несут в этот комплекс. Больше он уже не смог воспринимать ничего — мгновенный острый приступ боли и пустота...

Бог, должно быть, услышал его молитву о забытьи.

— Доброе утро, поэт О'Нейл. Сегодня вы выглядите лучше, — голос звучал, как хрупкий стеклянный колокольчик.

Он лежал на горизонтальной кушетке в комнате без окон, освещенной рассеянным светом. Это больше походило на стоматологический кабинет на «Ионе». Да и женщина в мягком белом халате смахивала на ассистента зубного врача.

Где я, — удивился он, — и кто эта холодная особа, так серьезно разглядывающая меня? Уж не умер ли я? На ад не похоже, потому что совсем не жарко.

Может быть, я в раю, но почему не слышна божественная музыка, да и женщина не похожа на ангела, по крайней мере, пока не похожа.

— Я чувствую себя отвратительно, — он помолчал, тщетно пытаясь приподняться. — Слишком слаб, откровенно говоря.

— Это скоро пройдет, — она улыбнулась. — Вы очень интересный пациент. Чтобы удержать вас, потребовалось шесть наших санитаров. Мы... — она смутилась, — не в обиду будет сказано, но мы еще не имели дела с кем-нибудь вашего размера, поэт О'Нейл.

Мои размеры, какого черта она имеет в виду?

— Надеюсь, я не причинил никому вреда?

— Только несколько синяков. Мы должны извиниться за грубое обращение. Но вы же понимаете, не каждый день в наших джунглях приземляются корабли. Первое Правило обязывает нас быть гостеприимными. Если мы были невежливы по отношению к вам, искренне просим извинения.

Джунгли? Что за черт?

С трудом он вспомнил Зилонг. *Должно быть, они «прощупывали» меня, но, поскольку я жив, им немного удалось выудить.*

— Я вижу, вы запрограммировали меня на ваш язык, — он почувствовал, что сказал глупость. Истинный шпион вел бы себя увереннее.

— Это было совсем не трудно, позт. У наших языков общие предки. Ваши... дайте мне взглянуть... — она заглянула в блокнот, — ...относятся к проанглийскому и древнегальскому с некоторыми необычными чертами тевтонского, в то время, как наш — к романской группе. Мы могли бы обойтись и без перепрограммирования, если бы вы применили транслятор, который носите на поясе.

О'Нейл оглядел себя. На нем была зилонгская юбочка серого цвета, точно такого же, как мантия менестреля. Транслятора не было, возможно, они изучали его.

Потом он вспомнил женщину из медицинского персонала. На ее белой униформе были золотые полосы, еще более изысканные, чем тогда, в джунглях, и не менее привлекательные.

Полоски охватывали грудь, четко обрисовывая ее, дальше спускались по бокам, подчеркивая гораздо более смело, чем в дневном костюме, все изгибы фигуры.

Правда, в волосах было чуть больше седины, чем ему показалось утром. Тем не менее, она вполне соответствовала «настоящей» женщине.

У меня никогда не было романа с женщиной зрелых лет. Это может быть любопытно.

Симус О'Нейл, оставь в покое эту тему. Ты здесь для того, чтобы заниматься разведкой, а не для того, чтобы стать посмешищем в любовных делах.

Не мели вздора. Разве любовные похождения — это не часть разведывательной миссии? У всех разведчиков, про которых ты читал в монастырской библиотеке, было достаточно времени для таких развлечений.

И сама она не говорила «нет». Однако, она и «да» не говорила. Ты что, забыл о Законе?

Только после приглашения!

Ну, а если я получу такое приглашение от этой женщины?

— Простите,— продолжала женщина в замешательстве,— за нашу вынужденную жестокость по отношению к вам. Это было необходимо... — Она явно смущалась.— ...Мы думали, что это необходимо. Я надеюсь, что вы примете мои извинения, как официальные, так и мои лично.

— Прекрасно... продолжайте, доктор.

Она тряхнула головой, словно ее звание не имело никакого значения.

— Моя мать учила меня не допускать фальши.

Он попытался изобразить самую игривую улыбку, на которую был способен, но ему удалось едва приподнять губы.

Она засмеялась, приоткрыв ряд слегка заостренных прехорошеньких зубов.

Безусловно, их предки были плотоядными. Очко в пользу Леди Дейдры.

— Поэт О'Нейл, Зилонг редко посещают. Три дня назад мы обнаружили неизвестную мощную активность во внешнем кольце улавливающей системы. Мы не знали, кого или что нам ожидать. Некоторые наши наиболее суеверные люди вспомнили древнее предание о рыжебородом боге, который спустится на Зилонг для того, чтобы его уничтожить. Даже мы, ученые, пришли в замешательство от вашего вида... Да, я доктор. Мое имя Самарита, я директор Центра Биологических Исследований при Институте Тела.

Они проявили довольно пристальное внимание ко мне, потрясающее внимание, я бы сказал.

— Рад познакомиться с вами официально,— он пытался придерживаться дружелюбного тона,— и убедиться в том, что обо мне заботятся выдающиеся ученые.

Она залилась румянцем, все еще испытывая смущение в его присутствии.

Не может же это помешать?

— Я надеюсь,— она нахмурилась,— что вы приняли мои извинения. Я искренне сожалею о том, что произошло. Это было крайне негостеприимно.

Она была серьезна. Извинения не являлись пустой формальностью. Может быть, среди них не было полного единодушия, как поступить с ним? Может быть, она представляла группу ученых, которые не разделяли официального мнения? Или это было проявлением глубоко укоренившейся вежливости?

Во всяком случае, Потраджу и Настоятельнице было над чем поломать голову. Зилонгцы отследили присутствие «Ионы», и где-то в своей мифологии откопали рыжебородого гиганта.

Неплохо, ребята. Еще одна оплошность с вашей стороны, и вы можете распрощаться с О'Нейлом.

Вслух он сказал:

— Я принимаю ваши извинения, доктор Самарита. Если уж подвергаться проверке, то приятно сознавать, что ее проводит такая компетентная и милосердная женщина.

Казалось, что от смущения она готова броситься вон из комнаты.

— Поэт О'Нейл, вы используете слова с поистине поэтическим искусством.

Похоже, что они мастаки раздавать титулы.

— Если вы биолог, то, во всяком случае, вы убедились, что я не бог, если не считать рыжей бороды.

— Ваше биологическое строение представляет интерес... Я хочу сказать, что во многом оно напоминает зилонгское. Мои коллеги считают, что у вас превосходные данные.

Казалось бы, она видела его в беспомощном состоянии, кроме того, снимала с него одежду (не говоря уже о том, какие картины рисовало его воображение). И все же, она старалась не смотреть на него, избегала его взгляда.

— А кроме этого, что вам удалось узнать обо мне? — поинтересовался О'Нейл:— У меня такое чувство, что ничто не скрылось от вашего внимания.

Красавица вспыхнула.

— Извините, поэт О'Нейл, что пробы были такими тщательными. Конечно, это унизительно, когда такое происходит без согласия человека. Прошу вас простить меня.

— Тысячу раз прощаю,— он вложил в эти слова все свое обаяние,— я прощаю вас, доктор, и на будущее.

Уверившись в его искренности, она легко рассмеялась и села на стул у его изголовья.

— Вы хорошо себя чувствуете? Иногда после проб бывают неприятные ощущения. Позвольте проверить пульс.

Когда женщина склонилась над ним, О'Нейл подумал: *О, если кому-то потребуется раздевать меня и изучать мою биологию, пусть лучше этим займется она.*

Он не был уверен, сохранилась ли после исследований защита.

— Итак, вы убедились, что я не божественного происхождения? И что у меня нет намерений разрушать ваш мир?

Она взглянула на свой жетон.

— Агрессивность по нашим стандартам низкая,— ее пальцы задержались на его шее чуть дольше, чем это было необходимо.— Но вполне свойственна вашей биологии... Мы нашли вас крайне миролюбивым,— она снова обратилась к записям в книжке.—

Поэт Симус О'Нейл, изгнанный с Тары за нарушения, не имеющие для нас никакого значения. Космический менестрель, скитающийся по мирам в поисках удачи, топлива и пищи, несущий миру свое искусство. Мы приветствуем вас на Зилонге. Сожалею о том, что первая встреча была негостеприимной. Обещаем сделать ваше пребывание у нас приятным.

Наконец, она взглянула на него и улыбнулась. О'Нейл почувствовал, что с его сердцем происходит что-то необычное.

Она снова заглянула в записи и покраснела.

— Вы позволите задать один, возможно, неуместный вопрос? Это... это не входит в круг вопросов, касающихся моей специальности. Но я чувствую, что наши студенты, изучающие поведение, не осмелятся задать вам его.

— Ради бога, не смущайтесь.

— Мы обратили внимание, мы не могли не обратить внимания на то, что вы целовали меня там, в джунглях, перед тем, как я сделала успокаивающий укол.

— Разве? — *Симус О'Нейл, да ты круглый дурак. Первое, что ты сделал в этом языческом мире — грубо нарушил их запреты.*

— Такое поведение свойственно вашей культуре? — ее кожа стала пурпурной.

Она ужасно привлекательная, когда смущается.

— Просто мы не находим в этом ничего предосудительного. Если у вас так не принято, я прошу прощения в свою очередь.

— Конечно, мы целуемся, но в уединенных помещениях, и только в кругу близких или друзей.

— Мы тоже так делаем, — он решил выиграть время.

— Но ведь мы не были формально представлены друг другу. Мы не близкие и не знакомые. Ваши нормы допускают такое?

— Ну, как вам сказать... — *Говори, как есть.* — Мне показалось, что вы боитесь меня. Я дал вам понять, что не причину зла.

— Понятно. Вы очень добры. Я была испугана, и вы решили меня успокоить, — она походила на Еву, вкусившую яблоко; ее лицо и фигура клонились в немом протесте, выражая очарование, испуг и виновность. — Но еще больше поразили. Это было волнующее эротическое ощущение.

И сейчас?

— Запретный плод? — сказал он, думая о Еве.

Изучая с подчеркнутым вниманием свои записи, она проговорила:

— Меня потом все расспрашивали, что я чувствовала? На что это было похоже?

— И?..

— Смеясь, я говорила,— она расхохоталась и удивительно похорошела,— что больше всего это было похоже на то, когда тебя при всех целует рыжебородый бог.

А что говорил МакМортон на занятиях по этике?

«Нет ничего приятнее, чем в поисках истины нарушать принятые правила».

— Я виноват в том, что поставил вас в затруднительное положение,— думая совсем по-другому, сказал О'Нейл.

— Таким образом, ваша культура допускает такое проявление чувств между доктором и пациентом? — она делала пометки в блокноте.

Теперь его длинный ирландский язык мог очень повредить, очень. Даже самое незначительное вранье могло привести в дальнейшем к серьезным последствиям.

— Если не бояться высокого слога, это благоприятно влияет на процесс выздоровления, если хотите знать мое мнение.

Вполне безобидное преувеличение. Он не ожидал, что его примут всерьез.

— Неужели? — она оторвалась от записей.— Да, вижу, вы вполне могли быть...

— Но не больше двух-трех раз в день.

В конечном счете, это был очень целомудренный поцелуй.

— Что вы говорите?! — она делала пометки.— Как это интересно.

— Да, были проведены специальные исследования, показавшие, что это способствует процессу восстановления, ускоряет его ужасно...

Если они не делали этого раньше, теперь будут.

— Необычайно интересно! — она снова делала пометки в блокноте, глядя куда угодно, только не на него.

— Как долго я пробуду в госпитале?

— Мы называем это Центром по изучению тела,— она, наконец, посмотрела на него.— Два дня, сегодня утро третьего.

— И это означает,— он всего лишь пошутил,— что вы задолжали мне минимум четыре, а то и все пять поцелуев. Ловлю вас на слове.

— Это поразительно,— сказала она, что-то быстро записывая.— Очаровательно. Я должна немедленно поделиться со своими коллегами-антропологами.

Дальнейшими поступками Симуса Финбара О'Нейла руководил Дьявол.

Он приподнялся с койки, одной рукой обхватил ее руки, притянул к себе, другой обнял за талию и дважды быстро ее поцеловал.

— Теперь ваша очередь,— она носила что-то наподобие тонкого, но плотного корсета под накидкой. Он позволил своей руке опуститься немного ниже; ниже было восхитительно упруго.

Она не пыталась высвободиться.

— Это не в наших обычаях, однако, ничего неприятного в этом нет,— ее губы немного подрагивали. Сделав ударение на слове «должна», она спросила: — Я должна отблагодарить вас?..

— Это зависит от вашего желания.

— Конечно, я этого хочу, поэт О'Нейл. Хотя я и являюсь директором Исследовательского Центра, у меня нет иммунитета против человеческих инстинктов.

— Рад это слышать.

Будь осторожен, Симус, мой мальчик. Твой чувственный рот доставит тебе немало хлопот. Похоже, что эта женщина считает любовь страшным грехом.

Время все расставит по своим местам.

Она с бешеной скоростью писала в блокноте.

— А что ваши люди думают делать со мной дальше? Запрут меня в клетку и станут показывать зилонгскому люду, чтобы каждый мог поглазеть на рыжебородого небожественного происхождения?

— Конечно же нет,— ее темные глаза гневно вспыхнули. — Мы не дикари! Вы будете нашим гостем, пока вашу машину не починят. Поскольку ничего, похожего на вашу технику, у нас нет, это, наверняка, займет некоторое время.

Она сунула записи под мышку и направилась к двери.

— Сейчас решается вопрос, где вас поселить. Через некоторое время техник Лондрау проведет вас по Центру Здоровья. Это приемлемо?

— Как вам будет угодно, мэм,— он вздохнул громко и покорно.

У дверей она приостановилась.

— Мы будем задавать много вопросов, вы не должны расценивать это, как проявление враждебности.

— Догадываюсь о том, что являюсь предметом для расспросов,— он изобразил самую обаятельную улыбку.

— Отлично.

Быстро и грациозно она спланировала к кушетке, наклонилась, позволив на короткое мгновение Симусу заглянуть в вырез платья, и поцеловала его в губы. Дважды.

- Теперь я в расчете с вами, поэт О'Нейл?
- За прошедшие два дня,— он запнулся.
- Дальше будет видно,— она скрылась за дверью.

Есть о чем побеспокоиться. Я просто возгордившийся юнец. Бог этого не допустит. Ничего хорошего не выйдет, если попирашь принципы морали.

Но ведь она сама хотела этого. Потрадж говорил, что культура здесь идет под уклон.

Может быть, в ходе разведывательной миссии мне придется целовать каждую хорошенькую женщину этой планеты. Собственно, она сама вынудила меня к этому.

Он с удовлетворением обдумывал возможность превращения Зилонга в колоссальный гарем для себя, но вскоре решил, что это было бы слишком фантастично, и ему не следует обольщаться.

Вряд ли это позабавило бы Леди-Настоятельницу. Нет, решительно не позабавило бы.

Техник Лондрау оказался энергичным молодым человеком с очень невыразительным голосом, напоминающим чем-то голос компьютера с «Ионы». Тем не менее, утомительный обход с ним Центра Здоровья заставил Симуса более-менее отвлечься от мыслей о симпатичном боссе в белой накидке.

Центр представлял собой огромный комплекс зданий, вмещающих в себя клиники и научно-исследовательское оборудование.

Численность персонала медицинского комплекса вдвое превосходила пять сотен монахов, Диких Гусей и паломников на «Ионе», вместе взятых. Насколько мог заметить Симус, зилонгцы вряд ли располагали большими медицинскими возможностями, чем крошечный медицинский штаб монастыря, однако, они гораздо больше расходовали на охрану здоровья.

Конечно, говорил он себе, у них больше денег и больше людей. Беда в том, Симус О'Нейл, что ты просто провинциал, вся жизнь которого прошла среди странных чудноватых отшельников и прочих своеобразных типов.

Конечно, тебе показывали фильмы и рисунки, давали читать книги. Но четверть века твой мир был ограничен скорлупой корабля и пятью сотнями людей.

Сейчас ты в огромном городе, с совершенной и развитой цивилизацией. Если ты будешь неосмотрительно озираться кругом, они сочтут тебя простофилей. Придя сейчас в восторг от твоего здоровья, телосложения и жуткой рыжей бороды, они скоро поймут, что ты — просто неотесанный парень.

Особенно если не перестанешь приставать с поцелуями к солидным особам.

Правда, я уверен, что они и понятия не имеют, что такое настоящий поцелуй. Так, легкий кивок, если хотите знать мое мнение.

— Перед вами стоя, над которой Директор Самарита проводит свои самые важные исследования,— прогудел Лондрау.— Обратите внимание, как здесь чисто и как хорошо с ними обращаются. Директор учит их читать и общаться. Они — не просто прирученная порода, прислуживающая нам, это дикая разновидность из района пустыни и джунглей. Однако, обратите внимание, как они спокойны и счастливы.

Стоя состояла из миниатюрных существ, не более четырех футов ростом, действительно очень похожих на прогоминидов из учебника курса биологии. Часть из них поедала пищу или спала, другая играла и нянчилась с детенышами, столпившись на большом участке, имитировавшем джунгли.

Действительно, они проявляли спокойствие и кротость, нимало не смущаясь присутствиям четырех техников в белых халатах, наблюдавших за ними.

— Клетки не нужны,— хвастался Лондрау,— все они очень любят доктора Самариту.

— Это делает ей честь,— согласился О'Нейл.— Очевидно, они представляют раннюю стадию эволюционного развития. Догоминиды?

Возможно, это коренные жители планеты, и им удалось выжить рядом с колонистами с Земли, предками зилонгцев. Конечно, на Земле, если бы было возможно существование в различных экологических нишах, эти виды до- и постгоминидов могли бы веками сосуществовать. Пока древний человек не занял бы все ниши.

— Конечно нет,— техник тщетно пытался сдерживать темперамент.— Совершенно очевидно, что они не имеют к нам никакого отношения.

— Я вижу,— согласился Симус с тем, что не было так очевидно для него. Он подметил достаточно схожих черт у этих понятливых, симпатичных маленьких существ, чтобы не сомневаться в том, что когда-то в прошлом они были совидны.

Ну, например, у Самариты слегка заостренные зубы. В этом нет ничего плохого, но зачем же это отрицать?

Самый интересный вопрос состоял в том, почему догоминиды с Зилонга были так похожи на догоминидов с Тары, совершенно самостоятельно развивавшихся. Параллельные, невзаимосвязанные процессы?

Или существовали доисторические посетители, которые завезли данный вид с Тары в этот мир, где он благополучно сохранился, в то время, как на Земле их собратья вымерли.

Зилонгцы так тесно сосуществовали со своими догоминидными соседями, что именно поэтому отрицали скрещивание двух видов. Трудно было ожидать от них ответа на этот вопрос.

— Возможно, вы обратили внимание, что они не ходят нагими? — прервал Лондрау его размышления.

— Действительно. Здорово, что вы обратили мое внимание на это. Я вряд ли бы заметил.

Этот малый заслуживает доверия.

— Это очень интересная история. Научившись общаться с нами, они пожелали носить одежду. Мы не препятствовали, конечно. Похоже, в процессе общения с нами они познали чувство стыда.

— Может быть, просто подражание?

Это высказывание разбило холодную сдержанность техника Лондрау.

— Какая интересная мысль, — он что-то нацарапал в своем блокноте. — Восхитительно.

Симус раздумывал над тем, может ли у него возникнуть желание заниматься сексом с хрупкими, возбужденно мечущимися женскими особями этого племени, с дерзко болтающимися грудями и тощими бедрами.

Он решил, что они были бы достаточно соблазнительны, если бы рядом не было своих женщин, или если человека возбуждало насилие по отношению к испуганному и слабому существу.

Поскольку такие фантазии никогда не посещали Симуса, он решил, что маленькие существа не угрожают его добродетели.

Прекрасно! Ведь доставило же тебе удовольствие смущение и испуг доктора?

Ну, сравнил. Она далеко не беспомощна, я думаю.

Во время экскурсии Симус сделал еще целый ряд интересных наблюдений.

Прежде всего, только небольшая часть персонала выглядела занятой работой.

Энергичные особы вроде Самариты и Лондрау составляли меньшинство, по сравнению с теми, кто явно бездельничал. В основном, все были заняты собой или вяло следили за видеомониторами.

Они лениво двигались и, казалось, были совершенно безразличны к работе. Единственное, что вызывало их интерес — появление Симуса.

На протяжении осмотра их сопровождала одна и та же группа зевак, едва слышно переговаривавшихся между собой.

— Прочь отсюда, любопытствующий сброд! — прикрикнул он один раз и, чтобы отвязаться от них, театрально взмахнул рукой.

Эта толпа в панике разбежалась, но спустя некоторое время собралась новая.

— Это было очень забавно, — прокомментировал Лондрау похоронным тоном. — Вы их напугали.

— Зато им будет о чем поговорить, — вздохнул Симус.

— Безусловно, — воскликнул его сопровождающий, записывая что-то, — Прекрасно.

Во-вторых, в Центре почти не было пожилых людей. Или они были заняты в другой сфере, или на Зилонге по-другому строили отношения со стариками.

Симусу это не понравилось. Но он решил пока не спрашивать.

И, наконец, несмотря на то, что в Центре было чисто и просторно, было хорошее освещение и свежий воздух, Симусу показалось, что работа здесь идет неважно.

Лифты зачастую не работали. Терминалы не светились, и персонал тупо взирает на пустые экраны. Несколько крупных машин — по производству крови и питания, как ему туманно объяснили — не действовали. Каждый раз Симусу давалось разъяснение, что эта техника на «профилактическом ремонте».

А на «Ионе»... Как постоянно сокрушалась Настоятельница, там все было в полном беспорядке. Таранцы вообще не занимались наведением порядка, не то, чтобы три раза в день, как здесь.

Фактически, чем больше беспорядка, тем лучше; если есть беспорядок, значит, идет работа.

Или, например, если немного лень работать, стоит создать видимость беспорядка, чтобы твои товарищи по путешествию думали, что ты занят сверх меры.

Справедливости ради необходимо сказать, что с обслуживанием техники, на которой Симус работал, он справлялся очень квалифицированно.

И, тем не менее, вся техника была исправна, и даже та, в которой в данную минуту не было потребности.

Любую сломанную машину, даже если она была просто резервной и никогда бы не пригодилась во время путешествия, таранцы воспринимали как личное оскорбление, как вызов его или ее чести и достоинству.

Он подвел итог увиденному для себя самого и для любого, кто слушал его на «Ионе».

С учетом избытка штатов и наличия поломанной аппаратуры, возможно, они располагают достаточными ресурсами, чтобы позволить себе и то, и другое.

— Вы извлекли что-нибудь полезное из экскурсии? — попыталась Самарита позже, когда нашла его уставшим и почти заснувшим на койке.

— Безусловно, — отозвался он. — Можно один вопрос? Каково назначение металла, я назвал бы его серебром, который многие из вас носят вокруг шеи?

— Это? — она застенчиво дотронулась до своей шеи. — Это наши брачные обручи. В тот день, когда мой мужчина — Музыкальный Директор — и я формально поженились, он надел мне на шею это звено. А я надела ему точно такое же. Это символизирует, — она мгновение колебалась, — цепь любви, которая будет вести нас по жизни. Разве у вас нет подобного обычая?

— Мы используем кольца, вкладывая тот же смысл.

— Интересно... Вы не носите такого кольца, поэт О'Нейл?

— Космический бродяга, вроде меня, где он найдет спутницу жизни? Да и какая женщина согласится разделить со мной семейную жизнь?

Его печаль была так искренна, что он сам почти поверил в то, что говорил.

— Удивительно и печально.

— Ужасно, я бы сказал.

— Теперь, что касается вашего пребывания у нас, — ее тон стал очень официальным. — Вы можете еще несколько часов отдохнуть. А на закате придти на жизненное пространство Музыкального Директора Орнигона и разделить с нами дом. Комитет принял решение, что он и я будем вашими хозяевами. Там мы будем отдыхать. Техник-студент Хорер, наш сын, может нас развлечь, кроме того, Секретарь и Руководитель, возможно, будут нас навещать. Кроме того, кто-нибудь из наших соседей по кварталу разделит с нами прием пищи. После этого будут состязания. Такая программа вас устроит?

Все это выглядело так, словно Потрадж выдавал программу.

— А если нет? — ответил он сухо и не слишком вежливо.

И снова он увидел немую мольбу в ее глазах, как тогда, на посадочной площадке. Она медленно отвела взгляд.

Похоже, я занимаю тебя не меньше, чем ты меня, — подумал О'Нейл.

Она была из тех женщин, которых хотелось обнять. Он представил, как бешено забьется ее сердце, когда его руки обовьют ее.

Сбавь обороты, Симус. Это просто флирт, и ничего больше. Помни об этом, ты, чучело.

— Боюсь, поэт О'Нейл, что не совсем поняла вас,— медленно проговорила она.— Может быть, мы отложим намеченное?

О'Нейл заверил ее в том, что все запланированное доставит ему удовольствие.

Она оставила комнату — а, может быть, тюремную камеру? — в некотором недоумении от ответа таранца.

Почему симпатичная докторша говорила так официально? Может быть, такая манера типична для зилонгцев? Кажется, она верит в то, что он просто шатается по мирам, во всяком случае, она дала это понять.

«Директор Исследовательского Центра» и «Музыкальный Директор» по всей видимости, очень важные особы. Почему они должны развлекать и опекать бродяжку из космоса? А «Секретарь» и «Руководитель» тоже не рядовые, иначе зачем так торжественно докладывать о их визите? Почему такие персоны должны терять время с кем-то, не заслуживающим внимания?

У него впервые зародилось подозрение. Она что-то скрывает.

Он был удивлен тому, что в отдыхе должна принимать участие целая группа людей.

Остается надеяться на то, что все закончится благополучно.

4

О'Нейл влюбился в Лейтенанта Мариетту с первого взгляда.

Это было совсем не похоже на то расположение, которое он испытывал к остальным окружающим. Например, к Сэмми, нежной и кроткой, с которой хотелось пофлиртовать. Или к своим, на «Ионе». Даже его чувство к Тэсси не шло ни в какое сравнение с этим.

Мариетта была его судьбой, она предназначалась ему. Это была любовь на всю жизнь.

Чтобы понять это, ему потребовалось достаточно большое время — чуть больше полминуты.

Это заключение могло заметно повлиять на его миссию здесь, на Зилонге, если не произойдет ничего ужасного. Оно могло

ускорить высадку «Ионы» на большом острове посреди реки, который присмотрел Потрадж. Мариетте придется оставить свое язычество. Сейчас для него все это ушло на второй план. Она была той самой Единственной Женщиной, в поисках которой он провел всю свою жизнь.

По крайней мере, последние шесть месяцев.

Начнем с того, что она отнеслась к Симусу пренебрежительно. Всем своим видом давая ему понять, что он заброшенный крикливый болтун, каприз природы, который способен ввести в заблуждение разве что старшее поколение зилонгцев, и что уж она-то с проницательностью своих девятнадцати лет видит его насквозь.

Никто не мог привлечь Симуса больше, чем женщина, не обращающая на него внимания.

Более того, она была ошеломляюще хороша собой — высокая, гибкая, стройная, с коротко подстриженными темными волосами, изящно очерченным овалом лица, выразительными губами, сверкающими глазами, изумительно стройными ногами, с прекрасной выправкой военного офицера — О моя дорогая Маржи, ты самая лучшая из всех. Трудно будет завоевать тебя, но это даже интереснее.

Она не входила в компанию Сэмми и Эрни, но и не относилась к числу друзей их сына и его «суженой», холодной чопорной темноглазой молодой женщины по имени Карина (Симус решил, что оба они, наверное, студенты).

Ее поведение, скорее, напоминало его собственное отношение к старшему поколению, свойственное ему еще в совсем недавнем прошлом.

И если старшее поколение зилонгцев находило его обаятельным и интересным, молодые просто сочли его надоедливym, если не сказать хуже. Рыжебородый бродяга — великан? Это же смертельно скучно!

Сначала Симус был явно раздосадован. В конце концов, ведь он мятежник! Разве это не должно привлекать молодежь?

Кроме того, он приветлив, и у него хорошо подвешен язык.

Ведь женщины неизменно находили его обаятельным.

Тогда почему Карина и особенно Мариетта с отвращением отвернулись, когда он отпустил незаслуживающий внимания комплимент одной пожилой гостье, пока они лакомились засахаренными фруктами? Кстати, похоже, что эти фрукты употреблялись зилонгцами перед едой вместо стаканчика спиртного на Таре.

В любом случае, либо в сиропе, либо в самих фруктах содержались вещества, вызывающие легкое опьянение. Симус чувствовал, что у него развязывается язык.

Как бы там ни было, он им не нравился. Это был вызов! Он почти забыл, что представляется им совсем не тем. Да стоит ли принимать так близко к сердцу обиду, нанесенную субъекту, за которого они его принимали?

— А чем занимаются солдаты на этой планете? — дружелюбно поинтересовался он.

— Защищают ее от захватчиков, — получил он выразительный ответ, сопровождавшийся нетерпеливым подергиванием совершенно восхитительных плеч.

— И как часто вам приходилось этим заниматься, если не считать моего визита?

— Ни разу.

— Тогда у вас не так много работы.

— Мы занимаемся самоустройством.

— Уверен, что вы с энтузиазмом станете присматривать за мной и будете моим постоянным сопровождающим — ну, чтобы не упустить из виду.

— Может так оказаться, что не все поверят в то, что вы заслуживаете такого доверия.

— Вы с этим не согласны?

— Мне абсолютно безразличны как прибывающие тысячами рыжебородые бродяги, — ее прелестные губы презрительно дернулись, — так и рыжебородые боги, которые, по легендам этих диких стай, должны принести им избавление.

— Откуда у этих народов взялись легенды?

— Спросите у них. Возможно, это память о путешественниках, забросивших их когда-то на нашу планету. Задолго до нашего появления.

— А, значит, это все-таки произошло?

— Что вы имеете в виду?

— Интересный вопрос — не течет ли в ваших жилах их кровь? — он ждал взрыва.

— Вы пытаетесь шокировать меня, подвергая сомнению официальную версию? Напрасный труд, Космический Странник О'Нейл. Должно быть, вы обратили внимание на слегка заостренные зубы?

— Ну... не у вас. А почему такая обаятельная девушка, как вы, выбрала военную карьеру?

— Все члены моей семьи занимали командные посты. Мне предназначается та же роль.

— Как только станете взрослой девушкой?

— С рождения. Почему вас это так удивляет? Разве вам было предназначено стать странствующим менестрелем? — спросила она тоном, не терпящим возражений.

— О, нет. Это был мой собственный выбор.

— Какая дикость.

— А разве вам не хотелось бы заняться чем-нибудь другим, я имею в виду, не военным делом?

— Абсурдный вопрос.

Симус с гордостью подумал: *Ба, да я преуспел! Многие из них презирают официальную политику, и потом, эта злоба, очень много злобы...*

Отношения между Хорером, сыном хозяев, и его невестой, были довольно странными. Они все время подкалывали друг друга и сердились. Он явно считал ее набитой дурочкой, она относилась к нему, как к тупице.

И, тем не менее, когда они выходили из апартаментов в компании великолепной Мариетты, то держались за руки.

Сэмми шептала ему торопливые объяснения. На Зилонге молодые люди обручаются с раннего детства. До этого тщательно просчитываются все данные, чтобы получить наиболее благоприятный генетический результат.

Иногда молодые сопротивляются такому порядку и отказываются жениться на своих «суженых». Это допускалось.

Мариетта, блестящая молодая женщина, нервно сообщала Сэмми, настояла на отсрочке на неопределенное время своей свадьбы с военным, которому она была предназначена. А поскольку в такой ситуации оба могут так и не обзавестись семьей, то Комитет делает исключения, особенно если претендент более беден.

Многие молодые люди принимают свою судьбу, но никогда не привязываются эмоционально к своим партнерам. Некоторые после женитьбы влюбляются друг в друга.

Карина и Хорер сейчас влюблены друг в друга, хвала Главному, хотя и пытаются это всячески скрыть.

— Они будут счастливы. Теперь мы в этом не сомневаемся, — волнуясь, заявила Сэмми.

— Точно так же и вы оказались вместе? — О'Нейл кивнул в направлении ее супруга.

— Конечно. И вот, вы видите, как удачно мы женаты. Комитет принимает очень мудрые решения, не правда ли?

О'Нейлу не показалось, что энергичная обворожительная женщина счастлива со своим меланхоличным мужем. Любят они друг друга, или нет, это выяснится позднее. Сэмми была из

породы неунывающих, стремящихся убедить себя и всех окружающих в том, что все, что не делается, к лучшему.

— Мариетта славная девушка,— осторожно заявил он.

— Тогда вы ничем не отличаетесь от наших мужчин,— она улыбнулась на эту реплику. Ему показалось, что ее улыбка была почти злой.— Все они думают точно так же. Возможно, она еще встретит своего мужчину. Во всяком случае, ей придется заплатить высокую цену за это.

О'Нейл не хотел ничего знать об этой цене.

— Ее родители умерли?

— Да,— проговорила Сэмми, печально тряхнув кудрями, и Симусу показалось, что у нее прибавилось седины.— Оба убиты в сражении.

— Я думал, что здесь нет никаких захватчиков. С кем же вы сражаетесь?

Сэмми тревожно огляделась, словно боялась, что их услышат.

— Благоразумнее не обсуждать эту тему.

Ого. Кажется, ты способен не только мысленно снимать одежду с лейтенанта Мариетты, но и вести расследование.

А почему бы тебе не сочетать эти два занятия? В конце концов, ты молод. И пусть твоя молодая кровь играет, как ей и положено.

Вечеринка шла своим чередом. Симус Финбар О'Нейл был явно озадачен странным поведением гостей.

С одной стороны, предполагалось, что они целуются только со своими супругами, и то в «уединенных апартаментах»; с другой стороны, все выглядело так, словно они готовились к оргии в его честь.

Если их общество пришло в упадок — Симус собрался с мыслями о терпимом отношении к этому — то почему бы им не предаваться подобным развлечениям?

Наконец, произошло событие, которого все с нетерпением ждали — приезд Руководителя и Четвертого Секретаря. Первый предстал в виде трясущегося старика, приветливо улыбающегося и одобрительно кивающего головой, когда отвечали на его традиционные вопросы, порхавшего по комнате и пожимающего руки всем подряд. Он извинился перед поэтом О'Нейлом за неучтивость. Не успел Симус ответить, как старик продолжил певучим голосом:

— Мы приветствуем вас. Странникам всегда рады. Мы благодарны. Будем рады, если вы останетесь. Расскажите о нас всем. Спасибо, спасибо!

Четвертый Секретарь представлял собой нечто совершенно другое. Более отвратительного урода Симус никогда не встре-

чал — короткий, толстый, елейный, хитро косившийся на женщин (никто не позволял себе этого на Зилонге). Он с притворной сердечностью покровительствовал мужчинам, явно наслаждаясь сознанием своей власти над ними.

Особенно О'Нейла задевали его откровенно похотливые заигрывания с Мариеттой. Надо отдать ей должное, она наградила этого типа тем же презрением, что и Симуса.

Но ведь я совсем не похож на это чудовище, — протестовало в нем все.

— Прекрасно! Вижу, что рыжебородый Бог наконец посетил нас, — Четвертый Секретарь улыбнулся Симусу. — Особенно приветствую вас.

— Если, конечно, космического бродягу без топлива и денег можно принять за Бога, — спокойно ответил Симус.

— Вы слишком скромничаете. Наши пробы показали, что вы одарены множеством талантов.

— Которые просто меркнут на фоне вашей потрясающей цивилизации.

— Вы прекрасно сказали, — Четвертый явно не испытывал от этого удовольствия.

— Что свойственно поэтам.

— Итак, наша планета вам понравилась? А наши женщины? Вы видели что-нибудь подобное во Вселенной?

— Вселенной знакома красота, но Зилонг особенно богат ею.

Неужели мне не показалось? Мариетта слегка улыбнулась на мое замечание.

— Долго ли вы пробудете у нас?

— Только до тех пор, пока мое судно не будет готово, или пока вы не устанете от меня.

— О, мы никогда не устаем от гигантов и рыжебородых богов.

— Что вы говорите?

Если вы слушаете меня там, наверху, Ваша Милость, это — Враг.

Четвертый Секретарь удалился, грубо хохоча. Все почувствовали облегчение — худшее было позади.

Трое молодых людей хотели уйти вслед за политиканом, но Сэмми потребовала, чтобы они остались и послушали пение Симуса.

— Космические барды — великолепные певцы, — чопорно заявила она.

Лица детей выражали покорную скуку. Симус предпочел не обращать на них внимания и сосредоточить все усилия на прелестном лейтенанте.

— Как я завидую маленьким птицам, которые могут высоко подниматься в небо и щебетать рядом на одной ветке. Как жаль, что я и ты, моя возлюбленная, должны просыпаться так далеко друг от друга.

Моя любовь белее лилии, ее голос нежнее звуков скрипки, ее красота ярче Солнца. Умом и изяществом она превосходит всех на этом свете... О Боже, в твоей власти утолить мою боль!..

— Прощайте, Благородный Гость,— Мариетта говорила с насмешкой.— Я надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

И ни одного слова о моей песне? Ведь я пел только для тебя!

— Это будет трагедией для меня. Неужели я не заслужил хотя бы небольшое одобрение лишь потому, что Сам невзлюбил меня?

— Разве что небольшого,— ответила она, озаряя его улыбкой сожаления.

— Его недостаточно, чтобы вы захотели вновь увидеться со мной?

— Конечно, нет.

О женщины, дьявольское отродье!

Спустя полчаса он говорил сам себе тоном бодрого предостережения, что если женщина, откинувшаяся назад рядом с ним, еще раз слегка заденет его плечо, он пойдет вразнос.

Он сделал еще один маленький глоток «освежающего», чтобы успокоить нервы, и стал созерцать торс Энергетического Инспектора Ниоры, находившийся в дюйме от его лица.

Казалось, что он начинает входить во вкус зилонгской оргии, утонченной и цивилизованной, но его пугало завершение всего этого. Он пытался угадать, с какой из этих женщин ему предстоит переспать. Наконец, он испугался, что, возможно, придется со всеми...

Несмотря на все свои разговоры и фантазии о любви, когда доходило до дела, он пытался на минуту представить себя в таком положении. Оказалось, что он не чувствует себя достаточно опытным и уверенным. Он растерял всю свою юношескую самонадеянность, столкнувшись лицом к лицу с этими зрелыми и, безусловно, опытными красавицами, лениво развалившимися за столом и совершенно явно флиртовавшими с ним в то время, как их мужья просто забавлялись этим зрелищем.

Бригида, Патрик и Колумсайд, защитите и помилуйте меня, взмолился он с заметным усердием.

От лимонных стен «жизненного пространства» струился мягкий свет. Ароматы и музыка дополняли друг друга.

Тела гостей были расслаблены.

Томные формы Энергетического Инспектора Ниоры и Штатной Художницы Рины, сидевших с двух сторон от него, все-таки не могли отвлечь его внимание от ног хозяйки, которыми она, словно шимпанзе, обхватила ножки стола.

Директор Самарита, — мечтательно размышлял он, — *у вас самые потрясающие ноги, которые я когда-либо видел. Мариетту, конечно, оставим в стороне. Нет, ваши ноги и бедра, и то, чем они заканчиваются, совершенно безупречны.*

Все, на что способен О'Нейл — это грезы о женщинах.

Но в такой ситуации разве можно думать о чем-то другом?

— Вы полагаете странным, — мягко заметила Ниора, — что мы не пытаемся усовершенствовать Моцарта?

О'Нейл старался сосредоточиться. Он соревновался в выпивке с гостями. Бесспорно, в этом деле они способны оставить любого таранца «под столом».

Вся стряпня в этом логове содержала алкоголь, включая розовое мороженое. Это напомнило Симусу напиток двадцать третьего века, который называли «обжигающий».

— Честно говоря, милая леди, я даже не знаю, о чем думать в данную минуту, — его взгляд скользнул по изгибу её шеи и скату плеч, выступавших из тонкой голубоватой накидки, служившей зилонгским женщинам вечерним платьем. Он воображал, что под этим покровом находится что-то вроде корсета, поддерживающего свободно струившееся платье без бретелек и, одновременно, несколько дисциплинирующего прелести зилонгских женщин.

Интересно, как он расстегивается? А, ерунда, разберемся, когда до этого дойдет. И, вообще, кого волнует Моцарт?

— А ваше правительство, Благородный Гость О'Нейл, допускает полную свободу в музыке? — спросила Ниора, соблазнительно поигрывая бокалом.

— Оно не видит в этом ничего предосудительного. У нас разрешается таким людям, как Музыкальный Директор Орнигон сочинять собственную музыку или интерпретировать других композиторов.

— Очень странно, благородный Поэт. Ведь это может привести к серьезному соперничеству, — она нахмурилась.

Неужели все зилонгские женщины так роскошны? Неужели могут встретиться такие же, как Мариетта? Я этого просто не переживу!

Он медлил с ответом. *Почему они не расспрашивают о подробностях моего путешествия? Неужели им не интересно? А, может быть, правила поведения запрещают?*

Ответ был осторожным:

— Мы убеждены в том, что элемент соревнования ведет к совершенству.

Ниора начала что-то говорить, но потом продолжила потягивать напиток.

Он постарался сосредоточиться на креме, который поглощал в изрядном количестве.

Все происходящее озадачивало его — формальные беседы в сочетании с волнующей чувственной атмосферой.

— Разве прослушанная только что запись Моцарта не великолепна? — прервала она его раздумья. — И в рамках официальной интерпретации существует множество способов самовыражения.

Симус попытался переместить центр тяжести, чтобы случайно не коснуться губами ее обнаженных плеч. Он подумал о том, что музыка симфонии не совсем соответствовала атмосфере. И навалился на крем.

Ты превращаешься в свинью, О'Нейл.

Ниора придвинулась совсем близко.

— Вы не находите меня привлекательной, поэт О'Нейл?

Симус поперхнулся.

— Надо быть каменной глыбой, чтобы не считать вас самой очаровательной женщиной во Вселенной.

— Ну, это преувеличение, благородный Поэт! Вы совсем не смотрите на меня. Во время церемонии принятия пищи мы наслаждаемся телами друг друга. Это не означает насилия. В вашем обществе это принято? Я нахожу ваше тело очень привлекательным!

Бригида, Патрик, Колумсайд, во что меня втянули? Ее муж, Второй Главный Геммоф, сидит рядом!

— Я так долго скитался по Мирам... Думаю, я слишком старомоден, — слабо протестовал Симус.

— О, пожалуйста, доставьте мне удовольствие, пока мы едим. Это восхитительно — возбуждать желание Благородного Гостя, — потупившись, она смущенно улыбнулась и снова начала есть. — Разве в вашем Мире подобная прелюдия не принята?

— Уф... нет, конечно, нет. Я думаю, мы... ну, мы несколько более сдержанны в этом вопросе.

— Но зато менее сдержаны в насилии.

— Мы отрицаем насилие над женщиной, — твердо заявил он, убеждая самого себя, — практика часто отличается от теории.

— Как необычно! Значит ли это, что возбуждение желания заставляет вас обладать женщиной?

— Нет! Конечно, нет!

— Значит, все так же, как у нас.

О'Нейл глотнул спиртного и решил, что ничего не станет предпринимать до тех пор, пока кто-нибудь не начнет первым.

А если все они ждут меня? — подумал он и в отчаянии положил себе порцию плотного темного крема.

— Вижу, вам понравился наш темный крем, Поэт О'Нейл, — обратился к нему Музыкальный Директор, худощавый мужчина с пепельно-серыми волосами и приветливой ласковой улыбкой.

— Я в восторге. Очевидно, вы получаете все это от ваших диких рогатых животных?

— Диких?

— Не обращайтесь внимания, просто такая манера выражения, — О'Нейл сделал над собой усилие, чтобы оторваться от томной позы Рины.

— Всю нашу пищу мы изготавливаем из того, что дает урожай, и из молока коров. А наши ученые, подобные моей благородной супруге, разрабатывают различные технологии синтеза разнообразных продуктов на базе этих компонентов, — он говорил так же торопливо, как и уродливый политикан, словно продавал с молотка.

Симусу показалось, что эта тема ему совершенно безразлична.

— Кроме того, вам удастся изобретать из них деликатесы, — *маленький комплимент в адрес повара никогда не повредит.*

Хозяин гордо улыбнулся.

— Моя супруга наделена большими способностями.

Трудно было ожидать такого высказывания от мужчины, привыкшего меняться женами на вечеринках.

О'Нейл повернулся к своей соседке по столу, полулежавшей совсем близко от него. Она очень изящно откусывала кусочки пирожного.

— Позвольте сказать вам комплимент, не сочтите за грубость! Вы так хороши собой, что мой голос просто застревает в горле, как только я пытаюсь заговорить с вами.

Она была польщена, румянец разлился по ее смуглой коже.

— Очень милый комплимент, — одобрительно улыбнулась она и добавила: — Созерцание — это то, что нужно. Все действительно замечательно.

— Не хочу быть навязчивым, но я не собираюсь забирать комплимент назад, — настаивал он.

— Исключения вполне допустимы для пришельцев, особенно если они поэты, — она скромно потупилась, совершенно довольная

своим компаньоном по столу. О'Нейл расслабился. Кажется, его оставили в покое. Никаких оргий!

Все это забавно. Рассказать кому-нибудь — не поверят!

Складывалось впечатление, что все то, чего он так опасался, происходит.

Гости полулежали в интимных позах очень близко друг от друга, но не соприкасались. От партнеров требовалось невероятное внимание, чтобы следить за движениями друг друга и постоянно сохранять разделяющее их расстояние в несколько дюймов.

Когда партнерша слишком близко придвигалась к бедрам партнера, ему следовало отклониться всего на какие-то доли дюйма. Это требовало чрезвычайного умения и совершенно изнурительных затрат энергии.

Когда Самарита в очередной раз склонилась над столом, чтобы предложить ему десятое или даже одиннадцатое по счету блюдо, он попробовал невзначай задеть ее бедро плечом.

Она отскочила назад с выражением ужаса и злости на лице. Симус пробормотал извинения, что-то о свойственной таранцам неловкости. Извинения были приняты благосклонно.

Чтобы отвлечься от Ниоры, он стал расспрашивать о туземцах. Это была область, в которой каждый имел свое собственное суждение — все говорили об этом, даже дети в школе писали контрольные работы на эту тему.

Самарита утверждала, что они не являются гоминидами и не имеют никакого отношения к предкам гоминидов.

Если не предпринимать усилий со стороны зилонгской цивилизации, то процесс их эволюции будет очень замедлен.

В своей естественной среде они ведут совершенно дикий образ жизни, но могут быть приручены в раннем возрасте или при рождении в неволе.

Становятся общими любимцами и вполне справляются с несложной работой.

Важнейшей научной работой Самариты было селекционное скрещивание туземцев для выведения сильного доминирующего вида. Это была трудная, требующая большого количества исходного материала, работа, поскольку та область генов туземцев, с которой приходилось работать, слишком мала.

Все это было совершеннейшей чепухой. Худенькая женская особь, прислуживающая им за столом, совершенно очевидно обладала гоминидным строением тела, которое прикрывала бежевая накидка.

Она очень походила на обезьянку. Речь существа была рудиментарна — пощелкивание и ворчание, а руки почти не

отличались от человеческих. Она была явно создана для вертикальной постановки тела, а не для хождения на четвереньках.

Более того, было достаточно одного беглого взгляда на ее заостренные зубки, чтобы понять, от кого зилонгцы заимствовали «интересные отличия» от таранцев.

Туземцы могли скрещиваться с гуманоидами, и однажды в истории Зилонга это уже произошло.

Потом этот процесс приостановили, и теперь возникла необходимость в отрицании этой реальности.

О'Нейл удивлялся тому, что такой крупный ученый, как Самарита, может произносить такие глупости. Он заметил, что маленькое существо улыбнулось ему с выражением понимающего сочувствия: мы оба знаем, что они просто набожные обманщики,— словно намекала служанка. И оба мы выживем, используя их глупость.

Была ли прирученная малышка привлекательной, когда улыбалась,— молодое гибкое тело, миниатюрные, но крепкие груди, соблазнительные порывистые движения...

Безусловно, она достаточно привлекательна.

О'Нейл решительно пересмотрел свое мнение об аборигенах. Мужчина, оставшийся без женщины на долгое время, совершенно спокойно мог бы заниматься любовью с подобным существом. Неужели что-то подобное происходило и на Земле?

Раз уж мы эволюционировали «горячую» фазу, с адом, должно быть, произошло то же самое.

Так вот что представляли собой наши далекие предки!

Грязные животные!

Чувственная часть обеда подходила к концу. Орнигон предложил отправиться на состязания. Восхитительно расслабленные прелести Ниоры приняли подтянутый вид, что вызвало двойственное чувство Симуса, одновременно облегчения и сожаления.

Даже температура в комнате, которая доходила еще недавно до субтропической жары в полдень, понемногу снизилась.

Детки, игра закончена,— подумал О'Нейл.— Все на «состязания», что бы они собой не представляли.

Арена находилась в том же квартале Города, что и жилое здание, где располагались его хозяева. Они сошли с эскалатора и пересекли блестяще освещенную, заполненную толпой площадь. Снова Симус почувствовал себя сельским пареньком, приехавшим в столицу.

Ночной воздух был целительным и свежим. Сотни людей двигались к розовой башне в конце короткой улицы, пересекающей площадь под углом.

Они вошли в здание, спустились на эскалаторе вниз и оказались на огромной арене, часть которой занимал гимнастический зал, а другую — плавательный бассейн.

Публика сидела на ярусах, составленных из глубоких кресел.

А вы предпочитаете наблюдать за спортсменами в комфортных условиях, — отметил О'Нейл.

Соревновались Северный квартал, где жили Самарита и Орнигон, и Южный центральный. Его гости прикрепили к одежде маленькие красные и белые ленточки, другая сторона — желтые и голубые. Никто не пытался выразить поддержку командам.

Состязания начались с традиционного ритуала приветствия. Это напомнило Симусу японский театр масок, который он видел на «Ионе» в видеозале. Потом пошла серьезная борьба: комбинация волейбола, ватерполо и хоккея на траве, в которой принимали участие как юноши, так и девушки. Больше всего это походило на прекрасно поставленный балет — стройные сильные тела молодых прикрывали плотные корсажи.

Минимум нижнего белья, которое носили зилонгцы обоих полов.

Все-таки я не вижу, как можно снять корсаж с женщины. Только если из всех сил потянуть вниз.

Это было жестокое и яростное зрелище. О'Нейл никогда бы не смог замахнуться на девушку, даже в игре. Зилонгские юноши нисколько не смущались этим, да и девушки в долгу не оставались.

Его страшно поразила реакция публики. Они аплодировали умелой игре, нисколько не реагируя на сломанные конечности или изуродованные лица. Все это дикое зрелище их просто забавляло. Трудно было определить, волнует ли их выигрыш собственной команды.

Он старался не терять самообладания, но когда поволокли худенькую девушку со сломанной рукой, висевшей, словно плоть, с хлещущей из лба кровью, отвращение и ужас охватили его.

Посмотрев на него, Самарита быстро заверила:

— Не волнуйтесь за нее. Здесь очень опытные хирурги. Через день или два от травмы не останется и следа. Она будет играть в следующих состязаниях.

— Каково же ей сейчас?

— Скорее всего, она счастлива, что мужественно боролась. Со мной и не такое случалось во время состязаний. И я всегда страшно гордилась, когда удавалось удачно провести партию.

Кровавое побоище закончилось победой команды хозяев. Все поздравляли Второго Инспектора Геммофа — это была его школьная команда.

Другие пары, живущие в соседних башнях, отправлялись домой. О'Нейл со своими хозяевами вернулся в семейное жизненное пространство, чтобы слушать музыку и продолжить возлияния.

— А у вас на Таре бывают такие состязания, Поэтический Гость? — Музыкальный Директор задал свой вопрос тоном, подразумевающим, что очередь снова дошла до «серьезного разговора».

О'Нейл попытался объяснить им, что такое футбол и игра в ручной мяч. Однако, обе эти захватывающие игры показались им скучными.

Он сменил тему разговора и спросил у Музыкального Директора, играл ли он на состязаниях в школе.

— Увы, тем, кто запрограммирован на искусство, это запрещается. Директор Исследовательского центра завоевала славу за двоих. Весь квартал гордился ее мастерством, — в его голосе не было никакого энтузиазма.

— Прекрасно, но если она рассердится на вас, и ей под горячую руку попадется палка? — Если бы не «освежающий» напиток, он никогда бы так не пошутил.

— Но Директор никогда не сердится на меня. Мы супруги, — Орнигон был страшно поражен.

Самарита ужасно покраснела.

— Никто не имеет права замахиваться на другого палкой. Если кто-то допускает такое вне состязаний, это преступление! Я не понимаю, о чем вы говорите.

Так вот, в чем дело! И жестокость, и чувственность были, безусловно, свойственны природе зилонгцев, но оба эти чувства постоянно сдерживались жестким социальным контролем в повседневной жизни.

Да, это их образ жизни, — подумал О'Нейл и, преследуемый сластолюбивыми телами с окровавленными палками, провалился в сон.

У него вновь разламывался затылок. Симус О'Нейл стремительно оглянулся. Сзади никого не было. Мост был пуст, извилистая улица темна и безлюдна. В домах на другой стороне моста не было признаков жизни. И все-таки, кто-то следил за ним. Весь день они шпионили за ним... шпионили за шпионом...

Ну что ж, все достаточно славно.

Еще днем он пришел к выводу, что эта планета управлялась страхом веками — страх насаждался теми, кто определял, что есть добро и благо, заставляя других поступать так же. Сама Дейдра часто повторяла, что самый опасный тип — это тот, кто уверен в своей непогрешимости.

— ...Или она,— добавил Симус.

— Ай,— Кардина повертела рубиновое кольцо управляющего, — мы, женщины, превосходим вас даже в фанатизме.

И вот теперь страх фанатизма был прямо за его спиной.

Он потерял затылок и вернулся назад, к ручью. Сеть таких ручьев, несущихся к большой реке, пронизывала весь Город.

Они составляли часть системы водоснабжения и санитарной чистки Города. Их берега и дно были выложены той же каменной породой, что и дома.

В который уже раз он почувствовал себя деревенщиной.

Симус всегда считал, что система канализации и рециркуляции на «Ионе» была очень совершенной. Теперь она казалась ему детской игрушкой по сравнению с колоссальной сложной зилонгской схемой, рециркулирующей сливные воды таким образом, что их можно было употреблять снова и снова, и при этом в процессе регенерации вырабатывалась энергия.

Более того, запас природных ресурсов планеты был таков, что в усложнении не было нужды. Естественное течение мощной реки способно было очистить город за час или два. Сама река при помощи каналов могла обеспечить Город гидроэлектрической энергией. И зилонгцы прекрасно знали об этом, поскольку располагали крупными заводами в предгорьях.

Таким образом, вы следуете учению Первого и Основателя, сберегая природные ресурсы от разрушающего воздействия цивилизации. Но вы же устанавливаете и нормы, в каких случаях и до каких пределов эти правила распространяются. В горах Река не считается неприкосновенной, вблизи Города — да. Если прибегать к такой градации, то легко все объяснить.

Про себя он обозначил Реку заглавной «Р», поскольку совершенно очевидно, что по мере приближения к Городу она становилась охраняемой.

Вы не оскверняете Реку ни стоками, ни плотинами с генераторами. Почему? Потому что Первый завещал бережно относиться к великим силам природы. В них содержится Высший Смысл.

Замечательно, если не считать того, что, как он успел заметить, они не были религиозными людьми. И рециркуляция стоков так или иначе влияла на естественные природные процессы.

Но оспаривание не входило в его задачу, так же, как и поиск логики поступков. Только наблюдения и анализ.

Возможно, и таранцы показались бы пришельцу со стороны непоследовательными; правда, он надеялся, что они способны честно признаться в этом сами себе.

Местные же, будучи пойманными на таком противоречии, либо начинали бешено спорить, как Сэмми, либо издевались, как великолепная Маржи.

Таранцы, скорее всего, просто рассмеялись бы и сказали: «Ну и бог с ним, мы ведь никогда не утверждали, что всегда логичны в своих поступках, разве не так?»

Большую часть времени последующих двух дней он провел в «Исследовательском Центре» Зилонга, листая исторические документы. Центр располагал огромным штатом (которому были даны указания предоставить любые документы по первому требованию Симуса) при совершенном отсутствии посетителей.

К великому сожалению, в материалах не было почти ничего о жизни Основателя и Первого — или о том времени.

Ранним утром того дня, когда библиотечные изыскания в Исследовательском Центре были почти закончены, Симус, тяжело подперев голову руками, буквально падал от усталости перед терминалом.

За долгие годы скитаний на «Ионе» ему не раз приходилось сталкиваться со злом, но он даже не мог себе представить всей степени варварства зилонгской тысячелетней истории. А ведь он смог узнать ее едва ли наполовину.

Не обладая выдающимися психическими способностями, Симус Финбар Дармуд Брендон О'Нейл каждым своим нервом постоянно ощущал страх Зилонга. Он должен как можно скорее выбираться отсюда и захватить с собой эту женщину.

Все-таки, говорил он себе, если это место может произвести на свет существо, подобное Маржи, то не так уж все безнадежно.

Он расправил скомканные заметки «Высказываний Основателя» и углубился в них. «Я чертовски хочу, чтобы вы там, наверху, разобрались в этой куче дерьма», — прошептал он читателям из монастыря.

Транслятор переводил высказывания на космогальский, но даже в переводе становилось очевидным, что они относятся к разному времени, к разным ситуациям, к разным авторам.

Некоторые были плоскими и грубыми:

«Не вступайте в соглашение со скотами. Изгоняйте тех, кто так поступает».

«Каждая женщина — это ходячее чрево. Избивайте тех из них, кто отворачивается».

Другие были более ортодоксальными:

«Женщина для мужчины. Мужчина для женщины. Еда для всех. Женщина для всех. Те, кто много ест, пусть голодают. Те, кто часто бывают в зачатии, пусть останутся бесплодными».

«Уничтожайте тех, кто творит мир. Будьте в мире с теми, кто будет уничтожать».

Многие высказывания были бессмысленными:

«Остерегайтесь времени ветров. Остерегайтесь слова пророка. Остерегайте тело от искусителя. Не допускайте мужеложества. Пусть те, кто пришел на Зилонг разрушать, познают мир. Любите его, который наказывает нуждой».

Однако, другие не были лишены разумности и некоторой подвижности мысли:

«В нашем мире мы должны иметь только такие правила, которые освобождают человеческую природу для добра».

«Секс — не для всех радость, кто будет наслаждаться им».

«Все равны — мужчины и женщины, старый и молодой. Жизнь каждого заслуживает уважения».

«Сила не может применяться, дабы не развращать».

«Благодать всем, кто повторяет эти слова с нами. Мы должны быть равны, чтобы быть свободными. Мы должны быть свободными, чтобы быть равными. Никакой свободы, угрожающей равенству. Никакого равенства, угрожающего свободе».

В конце приводился целый раздел высказываний, посвященных женщине, самыми умеренными из которых были следующие:

«Тот, кто убивает младенца мужского пола, совершает тяжкий грех. Тот, кто убивает младенца женского пола, предотвращает великое зло».

Возможно, — подумал Симус, — если найдется тот, кто сможет это переварить, он отнесет эти высказывания к 1119 году со дня освоения Зилонга.

Более осмысленные из этих высказываний могли быть отнесены за счет полного идеализма Основателя, верившего в природную человеческую предрасположенность к добру, общественное благо, уважение к природе, полную сексуальную раскрепощенность.

Читая между строк умеренной и набожной официальной истории, Симусу удалось составить вчерне общее представление о предмете.

Он пришел к выводу, что сексуальная свобода допускалась только для мужчин, и это означало для мужчин забаву, для женщин — работу.

«Сексуальная свобода = сексуальное закрепощение женщин как минимум в двух поколениях», — пометил Симус на бумаге.

Произошло восстание женщин, которое было жестоко подавлено. Великие Лорды взяли в жены туземных женщин и построили большие города по всей стране. Во время отчаянных и ожесточенных войн они истребляли друг друга, уничтожая поселения и разрушая технику, которую привезли с собой. После этого наступил период «Первой Реорганизации». Реорганизаторы провозгласили трезвость и умеренность, уничтожая всех, кого подозревали в смещении крови, и начали перестраивать центральный Город, где произошло первое заселение. Они уничтожили все остальные города и запретили всем «внекастовым и дегенеративным» жить в стране.

Сексуальная свобода была возвращена.

Была предпринята попытка искоренения туземцев, как «дьявольского отродья». Причины, объясняющие провал этого плана, отсутствовали.

На смену пришла эпоха «Абсолютной вседозволенности», в течение которой мораль деградировала и, (по сохранившимся источникам, около четырех веков назад) все виды пороков процветали, кроме предупреждения, запрещающего случайное вступление мужчин в «плотский грех» с туземками.

Затем наступила Вторая Реорганизация около двух столетий назад, во время которой были учреждены должности Руководителя, Комитет Секретарей, Совет Попечителей — институты власти, провозгласившие «порядок, дисциплину и неподкупность».

«Очень мудрый план, Вторая Реорганизация», — как оценил один из мудрецов того времени.

Прекрасно, — думал Симус, — это удерживало их от кровопролития около двухсот пятидесяти лет, и это уже хорошо. А что дальше? Второй период Вседозволенности?

Его потрясли не только истории, повествующие о пытках, резне и позднем геноциде. Еще больше Симус удивлялся тому, что при такой продолжительной, последовательной и вполне

искренней верности данным принципам, зилонгцы, как ни странно, умудрились пересмотреть методы, обеспечивающие равенство, общность, открытое проповедование добродетели.

Если женщины или туземцы подвергались нападкам, то объяснение причин состояло в том, что они представляли собой угрозу добродетели.

Когда время от времени осуждался секс, это объяснялось тем, что секс представлял помеху умеренной и рациональной гражданской ответственности перед обществом. Когда попиралась личная свобода, то делалось это во имя всего человечества.

Итак, сотни лет разрушения, тирании и смерти. Чем это закончится? Правда, в последней четверти тысячелетия им удалось создать видимость благополучия. Но сейчас иллюзия разрушалась, все еще владея умами поколения Сэмми, они уже не удовлетворяли младшее поколение, ее сына и Маржи, например.

Сохранение видимого благополучия обеспечивалось постоянным чувством страха, всегда присутствовавшим на Зилонге. Даже здесь, в живительной спокойной атмосфере библиотеки, это явно ощущалось. В этом Симус был убежден и не мог объяснить, как и почему это происходит.

Разве одного этого уже недостаточно для гениев там, наверху, на «Ионе»? Возможно, нет. Они хотят знать все подробности и нюансы этого страха сегодня.

Ты должен, обязан, помочь им в этом, Симус.

Итак, уже после наступления комендантского часа, нарушая местные правила, он в поисках причин этого страха, рисковал, исследуя в этом секторе Города (про который Сэмми сказала, что он «неподходящий» для прогулок) санитарную систему.

Так в чем же дело?

Симус был из тех, кто всегда придерживается установленных правил. Кроме того, на него начало давить постоянное беспокоившее его присутствие хозяев. Отношения складывались трудно, особенно после того, как они проводили ночь в отдельных комнатах, и это было типично для всех зилонгских супружеских пар.

Он нуждался в нескольких спокойных минутах, проведенных на чистом ночном воздухе, для того, чтобы хоть как-то осознать этот таинственный роковой мир, в котором оказался не по своей воле, и, как он говорил теперь, вопреки своим лучшим намерениям.

Он шел по Старому Городу Зилонга, узкие улицы которого, застроенные невысокими зданиями, были живыми свидетелями эпохи до небоскребов. В конце улицы, ведущей к мосту, он

заметил оживление, царившее на большой Центральной Площади. Впитывая цвета и звуки, он легко пересек площадь, заполненную людьми в элегантной, яркой одежде. Они прогуливались, разговаривали, сидели за столами, слушали бродячих музыкантов. Их голоса звучали мягко, манеры были сдержаны, приветствия, относящиеся к нему, изысканно вежливы.

Хозяева спокойно относились к его прогулкам «за глотком свежего воздуха», хотя смутно представляли себе, зачем ему это нужно.

Около одиннадцати часов вечера зилонгский Город был наполнен жизнью, блистал красками и светом. Симус жадно впитывал его очарование, наиболее примечательную часть которого составляло и большое количество пронзительных, женских форм. Да, это было великолепное место, это было... настоящие избиение самых привлекательных во всей Вселенной женщин. Впрочем, нет, таких же привлекательных, как Мариетта, которую он ни разу больше не видел (вот и ответ на его вопрос).

Если бы только они не следили за мной!

Вскоре освещение начало мерцать, предупреждая гуляющих о том, что пора расходиться по домам. Без какого-либо недовольства или возмущения, в течение четверти часа, толпа растворилась, и Центр Города опустел. Потом освещение погасло совсем, и, казалось, Симус остался в одиночестве, в полной темноте, и лишь слабое и невыразительное мерцание одной из лун слегка растворяло непроглядность.

Полное одиночество, если не брать в расчет созглядатаев.

Он склонился над черной водой ручья, выглядевшего очень глубоким. Конечно, они не говорили ему всей правды. Или даже если большая часть из того, что они говорили, была правдой, многое от него скрывалось.

Он не мог понять, почему они так страстно пытались показать ему лишь суровые стороны зилонгской жизни.

Что-то в этом всем было неправильное.

Снова пришлось растирать затылок. *Черт бы побрал, снова никого нет.*

— Выйди из укрытия, сразимся! — выкрикнул он на космогальском. Никто не отозвался.

Его мысли снова вернулись к потокам воды — глубоким и быстрым. Без сомнения, это были сточные канавы.

Я боюсь, что меня спихнут туда.

Утром события завертелись, быстро сменяя друг друга. Технический Институт, Компьютерный институт, Институт Изу-

чения Тела — он совершенно официально познакомился и осмотрел все эти заведения.

Он видел Большую Центральную Площадь с широко раскинувшимся комплексом Центрального Строения — компьютерного центра и военного ведомства. Он прошел по петляющим маленьким улочкам Старого Города за Площадью. На все его вопросы о политической жизни получал подробные ответы: управление осуществлялось тщательно разработанной структурой Комитетов, как его убеждали, единодушно принимающих решения на всех уровнях общественной жизни.

Ему не пришлось задавать много вопросов. Большинство его вопросов предвосхищалось. Некоторые раздражались таким потоком слов, пытаясь объяснить ему буквально все, что он чувствовал себя погребенным под грудой деталей.

Если давать названия каждого дерева, то можно лишить человека возможности сосредоточиться на лесе вообще. Он выслушал массу рассказов обо всем, практически ничего не узнав.

В бледно-зеленых стенах строгого антисептического Института Тела О'Нейл был поражен отношениями между Самаритой и ее подчиненными.

От Директора Исследовательского Центра он ожидал больше строгости с молодыми. Однако, она была совершенно раскована и естественна. Казалось, что эта банда любит ее; их непринужденность, конечно, не шла ни в какое сравнение с тем, что царило на борту «Ионы», но в этом сверхзажатом месте это было еще более неожиданно.

Она несколько раз улыбнулась и даже продемонстрировала то, что по зилонгским стандартам следовало трактовать как смех. И когда она смеялась, у него снова возникало непреодолимое желание сгрести ее в охапку и поцеловать; приходилось себя контролировать.

От доктора и ее сотрудников он узнал, что зилонгцы жили в полной гармонии с окружающим миром. Во времена Реорганизации был предсказан рост популяции и что оставшаяся часть континента должна быть отдана исконным обитателям планеты. Джут, их основная сельскохозяйственная культура, был для них источником пищи и одежды. Добыча руды и металла за чертой Города обеспечивала материалом для строительства.

Для быстрого воспроизводства засухоустойчивых сортов джута и создания новых технологий для наиболее полной его обработки требовалось вести постоянный научный поиск. В задачу Центра, руководимого Самаритой, входило достижение наиболее полного понимания интересов обитателей, с которыми они соседствовали по планете.

Симус решил, что в этом была логика и здравый смысл; но до тех пор, пока не дошло до генной инженерии. Молодые люди обручались в младенчестве на основе компьютерных рекомендаций по их генетическому потенциалу. Было декларировано, что случайное воссоединение расценивали как отсутствие дисциплины в обществе и социальную опасность.

Сотрудники Института были потрясены тем, что О'Нейл не был связан ни с кем обязательством и тем, что при желании жениться он мог выбирать по своему усмотрению.

После Института Самарита проводила его в Музыкальный Центр, где шла репетиция под руководством ее супруга.

Ему удалось уловить смятение и тревогу в ее восприятии музыки, в ее изящном чувственном теле.

— Вы действительно не связаны обязательствами ни с одной женщиной, Поэт О'Нейл? — с сомнением, хмурясь, расспрашивала она. — Разве это не ведет к беспорядочным отношениям?

— Ну, обычно мне удается сдерживать животные инстинкты. Правда, это трудно, когда рядом красивая женщина.

Она нахмурилась еще больше.

— Вы должны постараться понять и принять нашу культуру, — это было прямое высказывание. Compliment остался незамеченным.

При выходе из Музыкального Центра она формально попрощалась и направилась вниз по улице. Симус загляделся на изящно покачивающиеся бедра этой женщины.

Помилуй, Создатель. Она на двенадцать лет старше тебя.

Бедняга продолжал любоваться, как зачарованный, пока она не затерялась в толпе.

Некоторое время это видение преследовало его. Однако, на Площади стемнело. Ему нужно было торопиться на жизненное пространство — ведь хозяева могли встревожиться.

Сэмми и Эрни были неизменно гостеприимны к нему. Комитет обязал их отвечать на все его вопросы. Они могли ожидать, что произойдет еще что-нибудь, но либо боялись узнать об этом, либо были слишком мудры, чтобы не расспрашивать.

Знали ли они о тенях, преследовавших его целый день? Возможно, нет. Для Сэмми было существенно не только то, что он знает ответы на те вопросы, которых они не касались, но и что он воспринимает и разделяет благоразумие зилонгской жизни. Означало ли это, что у нее самой были некоторые сомнения?

На этот раз он был твердо уверен в том, что слышал какие-то звуки за спиной. Но по-прежнему никого не было видно. Сэмми безусловно искренне верила в то, что говорила. О ее супруге этого сказать было нельзя.

— Моя жена — добродетельная женщина, — сказал в тот день Музыкальный Директор. — Она не может просто объяснить или принять что-либо, она должна это обязательно отстаивать. Для благородного гостя это, должно быть, утомительно, — и снова в его мужественном голосе были нотки безразличия.

О'Нейл убеждался в том, что такая роскошная женщина не могла быть утомительной.

Орнигон продолжал:

— Благородный Директор Исследовательского Центра еще в молодые годы была очень популярна. Она всегда отличалась энтузиазмом. Такие натуры добиваются блестящих успехов в науке, я думаю. Я, как артист, возможно, заслуживаю прощения за то, что более циничен, — он с сожалением пожал плечами.

Это было уже после репетиции. Звучала музыка Гайдна, исполняемая на инструментах, выглядевших карикатурно по сравнению с известными симфоническими инструментами. Горны, скрипки и даже духовые были вдвое короче, чем в типичном таранском оркестре. Была еще пара инструментов, напоминающих фагот, с глубоким, низким и таинственным звучанием.

О'Нейл и его хозяин стояли на мосту Реорганизаций, наблюдая за причудливыми отсветами заходящего солнца. Багряные блики падали на стремительно несущийся поток ручья, рвущегося к большой Реке, на городские стены, на бескрайние просторы берега самой Реки.

Они дружно потягивали из бумажного пакета, который Орнигон обнаружил в комнате за эстрадой.

— Это правда, что супруги подбираются компьютером? — спросил О'Нейл, небрежно перегнувшись через ограду моста.

— О да, это правда. Но для меня не очевидно, чтобы это заметно улучшало нашу расу, разве что в физическом смысле. Зато я знаю, что это возводит преграды в нашем обществе. Супруги выбирают в соответствии с принципами, которые обязывают их заключать браки внутри их собственных групп. Так, в нашем случае, мы оба из семей важных особ. Наш сын женится на студентке Военной Академии, дочери ответственных чиновников. Цели безклассового общества, похоже, находятся в противоречии со стремлениями генетически совершенного общества, — он говорил ровно, спокойно, но пустой стаканчик в его руке был скомкан.

— А как же такие, как Директор Самарита объясняют это противоречие? — О'Нейл осушил свой бумажный стаканчик и снова его наполнил.

— Она утверждает, что большую часть времени наше общество подчинено процессу создания промышленной сферы и

сбору урожая, что, в конечном счете, и определяет наш образ жизни.

Фестивали чередуются со временем интенсивного труда — это периоды, когда мы возвращаемся к примитивному равенству. Возможно, такое чередование занятий должно удовлетворять тех, кто считает себя жертвой жесткого социального порядка. Должен оговориться, что не считаю себя достаточно проницательным и информированным, чтобы настаивать на правильности таких выводов.

Комитеты придерживаются такого мнения; редко кто жалуется. Естественно, те, кто находится наверху социальной лестницы, не станут жаловаться, зачем?

Он отказался от предложения Симуса выпить, еще по стаканчику, словно удивляясь тому, как быстро опустошил первый.

— Социальные разногласия? — О'Нейл не скрывал своего любопытства.

— В известном смысле, — его хозяин уже пожалел о своей словоохотливости. — У нас это редко обсуждается.

О'Нейл выплеснул остатки себе в рот и загляделся на великолепный закат.

Небо спасает нас, так оно прекрасно. Слишком дорого мы платим за эту красоту, но все же восхитительное зрелище.

Симфония пастельных тонов на безоблачном голубом небосклоне была несравнимо выразительнее и богаче концертной пьесы, которую они слушали.

Кто несет ответственность за все, что здесь происходит? Какие призрачные силы принимают решения? На «Ионе» все просто и ясно. Там всегда известно, какие группировки и фракции входят в данный год в Совет Настоятельницы, кто подчиняется ей, Аббату и Помощнику Аббата. Всегда ясно, к кому нужно обращаться в тех или иных случаях.

Здесь все было безразлично, загадочно, покрыто тайной. «Комитеты», «Руководители», «компьютеры»... Бессмыслица какая-то. Кто-то же должен управлять всем этим. Кто конкретно?

А может быть, развитая цивилизация стала настолько древней и устоявшейся, что в этом нет необходимости?

По крайней мере, треть рециркуляционной системы не функционировала. Два ручья пересохли, и их вымощенное камнем русло четко вырисовывалось на солнце. Ему сказали, что они будут приведены в порядок «вскоре». Однако, слова звучали скорее как избитая фраза, чем как твердая уверенность в том, что ремонт действительно на подходе. Один из двух лифтов в жилом небоскребе Эрни и Сэмми также простаивал и «вскоре»

должен был быть пушен. На вопрос, как долго он не будет работать, Симусу объяснили, что:

- а) он не должен задавать подобных вопросов, и
- б) несколько месяцев.

— Комитет, отвечающий за ремонт, очень загружен. Слишком многое необходимо сделать. Существуют определенные приоритеты очередности выполнения. И мы, не знающие всего, должны терпеливо ждать. Жаловаться не годится.

Это следовало понимать таким образом, что энергичная Самарита и хотела бы от нетерпения пожаловаться, но вынуждена сдерживать себя.

В обществе, располагающем богатствами и ресурсами для таких длительных простоев не было объяснения. Кроме, пожалуй, бюрократической некомпетентности, о которой он столько читал, но ни разу не испытывал ее на собственной шкуре в стенах тесного и вздорного монастыря.

Если ремонтная бригада не появилась в течение пятнадцати минут, вы разыскиваете ответственного и задаете ему несколько вопросов о том, не страдает ли он дурной наследственностью, склонностью к сексуальным извращениям, и не считает ли он целесообразным предпринять немедленно выход на постоянную индивидуальную орбиту.

Конечно, кое-что вы услышите в ответ, но после этого он приходит со своей угрюмой бригадой и делает дело, после чего пропускается стаканчик-другой. И не надо ждать месяцами.

— А вопрос о том, когда обзаводиться детьми, тоже решает компьютер?

— Беременности санкционируются Комитетом по Беременностям, — медленно произнес Орнигон. — Разрешение дается только после тщательных проверок. Редким семьям позволено три беременности, обычно — две, чаще всего — одна. Иногда запрещается вообще.

В дополнение к этому, младенец проходит квалификационный отбор на жизнь. Если он не проходит отбор, то от него избавляются. Очень трудно получить разрешение на дополнительную беременность. — Орнигон помолчал. — У нас был второй ребенок... дочь... был небольшой дефект... — И добавил грубо: — Жаль, конечно, но существует социальная плата за такие дефекты, которое общество, подобное нашему, просто не может себе позволить. В любом случае, ребенок не мог бы быть счастливым.

— Что-то подобное происходит и с пожилыми людьми? — поинтересовался О'Нейл, начиная догадываться, почему он так редко встречал стариков.

— Как я понимаю, любая активность «прерывается» в период между семьдесятю двумя и девяноста годами. Возможно применение и более раннего предела, иногда в случае болезни устанавливается более ранний срок, чем официально установленная дата. Вас интересует, как мы «прерываем» деятельность, но вы не решаетесь спросить?

О'Нейл кивнул и, допивая капли ликера, старался не выдать своего ужаса.

— На Фестивале, посвященном сбору урожая,— объяснил Орнигон.— Они уходят к Богу! Они становятся одним целым с Зилонгом.

— Человеческое жертвоприношение? — О'Нейл задыхался, его собственный бумажный стаканчик превратился в скомканный плотный шарик.

— Когда-то давно так было, Благородный Гость. Теперь мы стали слишком цивилизованными, чтобы поступать так. Все происходит совершенно безболезненно, никакой боли — легкий способ завершить деятельность. По крайней мере говорят, что легкий. У нас нет свидетельств от тех, кто через это прошел.

Заметив, что О'Нейл тяжело дышит, перегнувшись через перила, он слабо улыбнулся.

— Вы шокированы нашими обычаями. Они отличаются от ваших? У нас гуманные мотивы, никто не хочет быть в тягость на старости лет. Всегда утверждалось, что они не были бы счастливы...

Они молча стояли рядом, наблюдая за угасанием солнца.

Уже позже, оперевшись на другой маленький мостик над быстро несущимся стоком, он подумал о том, что этот блистательный мир наполнен жестокостью до краев. Но существовал, несмотря на это. Собственно, почему все в космосе должны становиться кельтами-анархистами, как таранцы? Он выпрямился. Хотел направиться домой, но вдруг потерял направление к «жизненному пространству».

Да, таранцы — сумасшедшие, но они любят детей, даже трудных, особенно трудных. И они ценят стариков за их мудрость, повествования, великодушие.

Это не просто отличие в подходах, горячо убеждал себя Симус. У них прекрасно развитое общество, мы же — варвары.

Но правда на нашей стороне, черт бы их побрал.

Затылок буквально разрывался от ноющей боли, как никогда прежде. Он ощутил гнилостный запах, словно под самым носом раздавили испорченное яйцо. Одновременно кто-то сильно обхватил его плечи и запястья. Он попытался резко освободиться, но они надавили еще сильнее, прижимая его к земле.

Симус почувствовал тошноту, силы покидали его. Закружилась голова, сознание угасало. Он пытался бороться, но мускулы расслабились и отяжелели.

Его рывком подняли над перилами и скинули вниз. Он успел ощутить, что вода очень холодная и грязная.

Самая настоящая клоака, вяло подумал он, уходя на дно. Он предпринял отчаянную попытку вынырнуть, но его заторможенное тело тянуло вниз. Еще одна отчаянная попытка, и рука зацепилась за каменный парапет. Он попытался прижаться к нему, рука скользила. Последняя надежда на спасение пропала. Поток нес в темноту. Ему хотелось молиться.

Вдруг кто-то уверенно подхватил его. Он уступил этой силе. В крошечной темноте его потащили к берегу, с трудом вытянули из воды, заставили встать на подгибающиеся ноги. После этого, пропитанного запахом нечистот, подвели к зданию, по короткому пролету ступеней ввели в помещение. Он упал на жесткую кровать.

Чуть позже он открыл глаза. Комната была залаяпана чем-то желтым. Слабость проходила. Действие наркотиков понемногу выветривалось.

Даже следов на теле не обнаружат.

— Наш ликер слишком крепок для вас, Пришелец с Тары,— послышался укоризненный женский голос.

Ах, это Ее Милость, неужели? Она — мой ангел-хранитель, послала защитников славному малому?

— Какого дьявола ликер, женщина? — отозвался он слабо.— Я был отравлен,— он попытался сфокусировать зрение. Это действительно она?

— О,— скептически заметил голос,— как захватывающе.

Это была действительно Она. Сердце Симуса бешено заколотилось. Он открыл глаза.

Маленькое помещение было обставлено по-казарменному просто: кровать, на которой он растянулся, стул, стол, видеозэкран, маленький бассейн для купания, стены, выкрашенные в светло-желтый цвет, рассеянный свет. Тем не менее, в этой комнате обитала женщина, все имело отпечаток чисто женского присутствия.

— Я должен услышать, наконец, имя замечательной женщины, которой я обязан спасением,— тряся ноющей головой, проговорил он.

Волевые темные глаза внимательно разглядывали его.

— Вы прекрасно меня знаете, пришелец, неужели забыли, как по-дурацки строили мне глазки на вечеринке у Директора

Исследовательского Центра. Я Лейтенант зилонгской армии Мариетта, и не уверена в том, что ваша жизнь в опасности.

— Прекрасно,— тихо проговорил Симус,— тогда вы не заслуживаете того, чтобы вам строили глазки.

— Можете и дальше разбираться в своих чувствах, меня это совершенно не волнует,— Она уже стащила с себя армейскую робу. А сейчас потянула практически незаметную застёжку и откинула верхнюю часть корсажа.

Ах вот, как это работает, составленное из двух половинок.

Он скептически вспомнил свои жалкие попытки вообразить себе эту часть ее тела. Она была изысканно безупречна.

Быстро, но без всякого стеснения, она скользнула в бассейн.

— Мне, конечно, все равно, может быть, вам нравится, что от вас несет, как от мусорного бачка. А если нет, можете воспользоваться ванной. Вы мне не мешаете.

— Если это был ликер,— оправдывался Симус,— и если я напился, то почему все так быстро выветрилось?

— Идите сюда,— коротко приказала она.

Он повиновался, словно ему приказывала Леди Дейдра. Кстати, эта женщина вполне могла бы сравниться с Настоятельницай характером. Симус испытал легкое замешательство.

Он спустил ноги на мягкий ковер и неуверенно подошел к ванне. Она погрузилась достаточно глубоко в непрозрачную воду, оставаясь в рамках приличий, и вместе с тем выглядела достаточно соблазнительной, чтобы не повлиять на его самообладание. Девушка упорно смотрела на него. Он же старался выглядеть невозмутимым, хотя сердце и выскакивало из груди.

Неудовлетворенная, она подтянула его голову поближе.

— Дайте мне разглядеть вас. Я не собираюсь вас бить. Хммм. Похоже, вам помогли искупаться сегодня вечером. Правда, это не мое дело,— она отпустила его голову и погрузилась еще ниже.

Вопреки словам, девушка была явно озадачена и обеспокоена.

— Итак, я полагаю, что Четвертый Секретарь не находит вашу легенду убедительной.

— Это был он? Да?

Она безразлично пожала плечами.

— Ну а кто еще обладает властью в этом хаосе? Нашлись бы и другие, да вряд ли они уже знают о вас.

— Другие?

— Если вы пробудете в нашем городе достаточно долго, то познакомитесь с ними.

— Может быть, вам было бы спокойнее, если бы я оказался на дне? — его интересовала реакция девушки.

Ее глаза вспыхнули гневом.

— Не говорите ерунды. Меня призвали, чтобы защищать жизнь.

Немного поколебавшись, она продолжила:

— Поэт О'Нейл, я же вас пригласила. От вас разит, как от сточной канавы. Будьте добры, разденьтесь и ступайте в ванну. Я отвернусь, пока вы раздеваетесь, надеюсь, это не затронет вашей излишней щепетильности. После того, как я выкупаюсь, вы останетесь здесь и отвернетесь к стене, пока я одеваюсь. Потом я выйду из комнаты, и вы проделаете то же самое. После этого я провожу вас в жизненное пространство Самариты и Орнигона.

— В моем положении даже ваша красота не возбуждает меня,— он пытался рассмеяться, снимая одежду и, вступив в ванну, осторожно держался подальше. Все же, он увидел ее грудь, которая немного просматривалась под кромкой воды. Она решительно повернула его голову к стене.

— Вы будете делать то, что я вам сказала,— никаких признаков иронии в ее голосе не было.

Он все еще пребывал в изумлении. Старался не думать об этом. Все его тело ныло.

— Да, все-таки здорово, что вы случайно оказались рядом, когда я тонул,— вежливо обратился он к стене.

Осторожные всплески воды на ее стороне прекратились.

— Да, вы правы, Поэт О'Нейл. Я ведь могла оказаться также и среди тех, кто вас спихнул. Вы ведь очень удивились, что я в этом не участвовала?

Шутливый тон и очаровательный смех, которые последовали, заставили его забыть о смущении. Он сжал кулаки, чтобы не оторвать взгляда от стены.

— Вы ужасная женщина,— отвесил он комплимент, который вызвал новый приступ смеха.

Ей это нравится. Она держит меня в неизвестности и старается запугать. Последнее явно доставляет ей удовольствие.

— Прекрасно, просто для заметки, я хочу вас искренне поблагодарить за спасение жизни. Может быть, это не так уж и значительно,— он печально вздохнул,— но это все, что у меня есть.

— Я просто выполнила свой долг. То же самое я сделала бы для каждого,— ее тон потеплел.— Итак, я принимаю вашу благодарность и страшно рада, что вы живы. Ведь вы,— она слегка осуждающе хохотнула,— нелегкая ноша для вытаскивания из канавы.

Послышались всплески, свидетельствующие о том, что она выбирается из бассейна. Сямус не осмелился взглянуть.

— Этот плащ, возможно, прикроет вас, пока мы не вернемся к вам,— она кинула на кушетку темную мешковатую накидку.— это горная роба. Она будет немного тесновата, но ведь вы не вписываетесь в стандартные размеры. Теперь я оставлю комнату, чтобы не смущать, — она бесшумно вышла.

Когда О'Нейл, изрядно помучившись, оделся, они вышли из помещения и спустились по ступенькам.

Ужасное место для таких, как она, пришло ему в голову.

Машинально он произнес древнее гальское благословение: «Да хранят Иисус, Мария и Бригида это жилище».

— Кто это такие? — потребовала разъяснений Мариетта.

— Святые люди.

— Что это значит?

— Ну, такие друзья Бога.

— Понимаю,— в темноте ее голос звучал иначе.— У вашего бога есть помощники?

— Вроде того. Они передают ему наши молитвы, мы верим в их могущество и влияние на Создателя.

— А как считается, Бог — добрый?

— Не всегда. Но он нас не покидает, направляет нас в жизни, если хотите знать мое мнение.

— Удивительно, и вместе с тем не лишено смысла. Хотелось бы поподробнее узнать о нем. Он мужского рода, да?

— Иногда да,— ответил О'Нейл.— Правда, Святой Дух объединяет в себе и женское, и мужское начала.

— Вы не обманываете меня?

— Зачем мне это нужно?

Она довела его до квартала гостей. За все это время оба не проронили ни слова. Когда они очутились в небольшом скверике перед небоскребом Сэмми и Эрни, Симус отыскал в темноте ее руку и тихо проговорил:

— Спасибо. Теперь я ваш должник.

— Для чего вы говорите эту чепуху? — нетерпеливо отозвалась она.

— Вы спасли мне жизнь, и я... — он подыскивал слова. — Вы можете рассчитывать на мою помощь в любое время.

— Это так красиво звучит,— у нее перехватило дыхание.— Возможно, мне понадобится ваше участие. Я с радостью позову вас. Как изменился ее тон, тревожно подумал О'Нейл.

— Чем же я могу помочь? — порывисто прошептал он.

— Никто мне не может помочь,— она почти плакала.

Совершенно необъяснимо они оказались в объятиях друг друга. Неистовый О'Нейл никогда не испытывал ничего подобного. Он чувствовал ее близость, ее упругую грудь, чувствовал, как бьется

у нее сердце, его руки жадно ласкали ее тело. Их тела слились воедино в безумном порыве страсти.

Плащ упал с его плеч, ее одежда соскользнула от легкого прикосновения его рук.

Симус почувствовал, как она вся замерла в ожидании.

— Пожалуйста,— умоляла она.

Симус чувствовал ее печаль. Она умоляла пощадить. В ее голосе было все — и желание, и неуверенное сопротивление, а главное — не было надежды, что он услышит ее мольбу.

Он инстинктивно понял, что может обидеть ее. Пусть лучше потом, когда-нибудь позже она сама позовет его.

А кроме того, садовая дорожка была слишком раскалена.

Именно в это мгновение Симус Финбар О'Нейл постиг, что значит любить. Ее хрупкость стала важнее его бешеной страсти. Ее чувства — важнее его неумных желаний.

Его губы и руки не стремились завоевать, они превратились в инструмент ее наслаждения; в его объятиях не было властного требования. Ему хотелось защитить и уберечь ее; его поцелуи были нежной и чувственной данью ее добродетели.

Она таяла в его руках. Симус отпустил ее. На несколько секунд она отпрянула, затем снова прижалась к нему.

Он наощупь отыскал плащ, накидку и нежно закутал ее дрожащие плечи.

— Ты отпустил меня,— прерывисто шепнула Мариетта.

— Ведь ты хотела этого.

— Большинство мужчин поступили бы иначе. Это моя вина, эмоции оказались менее дисциплинированными, чем я думала. Теперь я — твоя должница.

— Не говори так.

— Может быть, ты и космический паразит, Поэт О'Нейл, но ты очень хороший,— она помолчала.— И великолепный любовник.

— Я польщен,— он пытался рассмеяться,— По крайней мере, я всегда так думал.

— Ты поцеловал Доктора Самариту точно так же? — ревниво поинтересовалась она.

— Я никогда и никого не целовал так.

— Почему?

— Я никогда и никого в жизни не любил так, как люблю тебя.

«Когда мы в конце концов познаем настоящую любовь,— часто говорила Кардина,— мы познаем Бога».

— В таком случае, я тоже польщена. Но довольно. Я должна доставить тебя домой. Вот моя рука,— рассмеялась она,— рука провожатого. Иди за мной.

Все в нем ликовало. И она испытывала то же самое. Необходимо ее спасти из этого ужасного места. Он был именно тем человеком, который это сделает.

— Поэта О'Нейла наш Город зачаровал до такой степени, что он потерялся,— строгим тоном доложила она четырем людям, тревожно ожидающим его возвращения — Хореру, грациозному ревнивому сыну, Карине, миниатюрной особе с непропорциональным лицом — будущей законной жене, хозяину и хозяйке.

Дети были совершенно спокойны. Эрни и Сэмми вздохнули с облегчением.

— Среди ваших людей есть очаровательные проводники,— шагая рядом с Мариеттой и весело улыбаясь, заявил он.

— О, счастливый случай привел славного Лейтенанта в наш дом,— обрадовалась Сэмми, тепло пожимая руку девушке.

Казалось, все в комнате были рады присутствию подтянутого военного, особенно молодежь. Для ребенка, не достигшего двадцати лет, она была слишком хорошо известна.

Ох, женщина, мне следует узнать тебя получше.

Все-таки, он немного побаивался ее. Уж больно она походила на Леди Дейдру.

Придется вам поломать голову, Ваша Милость, над тем, какой дьявол и зачем хотел меня прикончить.

Покидая комнату, она сказала, взглянув на О'Нейла:

— Да хранят Иисус, Мария и Бригида это жилище.

Все устали на нее в изумлении.

— Это одна из молитв Поэта О'Нейла,— она позволила себе чуть-чуть улыбнуться.— Обращенная к друзьям его бога. Я нахожу это утешительным.

Славь тебе, Господи!

Позже О'Нейл блаженствовал в благоухающей воде своей ванны. Ароматы джунглей заполняли комнату и постепенно стерли неприятное ощущение от наркотиков и канализации. Зилонгцы были еще более капризными чистюлями, чем таранцы, если такое вообще возможно. Даже в Студенческом квартале, менее благоустроенном, как ему объяснили, домашние бассейны были оснащены большим количеством водопроводных труб, встроенных в пол, по которым подавались разноцветно окрашенные пульсирующие струи, создававшие ощущение глубокого расслабления и покоя.

Потом в его памяти всплыл ужасный запущенный район Лейтенанта. В этом мире не все были равны.

Он плеснул в лицо водой и опустилсЯ пониже, вспоминая прелестные стройные ноги Лейтенанта Мариетты.

Скользнула дверь его комнаты, и вошла Доктор Самарита.

— Я пришла поинтересоваться вашим самочувствием, Благородный Гость,— она прислонилась у дверей тихо, почти не дыша.

Ох, Лорд, теперь их уже двое.

— Все в полном порядке,— хвастливо заявил он.— Просто был длинный и трудный день, но зато в приятной компании.

Самарита улыбнулась. Потом спросила:

— Благородный Поэт, могу я задать один вопрос?

О'Нейл кивнул.

Она выпалила:

— Я совершенно не нравлюсь вам?

— Да что вы! Что заставляет вас думать так? Ни у одного космического скитальца не было таких заботливых и гостеприимных хозяев,— он стал споласкивать лицо, чтобы скрыть свое замешательство.

— Поэт О'Нейл, вы странный человек. Иногда вы шутите, иногда говорите серьезные вещи, иногда добры и доверчивы, а временами смотрите на меня очень подозрительно. Это... это меня страшно смущает,— у нее на шее подергивался мускул.

Волнение ей страшно шло. Он вжимал ладони в дно ванны, чтобы не вскочить и не схватить ее в объятия.

— Ну, обаятельные женщины всегда выводят меня из равновесия. Кроме того, иногда мне кажется, что я многого не понимаю.

— А вы хотите понять все? Плохо быть слишком любопытным. Музыкальный Директор и я не желали вам плохого. Вы должны позволить нам доставить вам удовольствие. Но... Мне нужно слишком много сказать вам,— Она отвернулась и выбежала из комнаты, словно не могла справиться с нахлынувшими чувствами.

Ох-хо-хо, О'Нейл. Ты, кажется, здорово влип. Ты здесь всего несколько дней, а у тебя на руках уже две красивые несчастные хрупкие женщины.

Кажется, это не входило в Программу.

Совсем. Совсем.

На следующий день О'Нейл вынужден был узнать отвратительные, буквально клинические подробности о хрупкой и уязвимой Самарите-Сэмми — в постели. Ее представили скорее как дикое животное в лихорадке, чем как женщину, требующую предельной нежности в обращении.

Он и Эрни отправились «размяться» в местный гимнастический зал. Он, вообще, плохо играл в гандбол — игра, в которой мужчины становятся сами собой. Хотя он и был на голову выше зилонгских парней, и на тридцать фунтов тяжелее, они были в более благоприятном положении, более подвижны. Каждый его мускул ныл — слишком много выпито ликера и съедено крема, решил он.

«Джентельменский» разговор при закрытых дверях, который последовал затем, привел его в состояние шока. Оказалось, что все пять парней из их команды занимались любовью с женами друг друга и с удовольствием обсуждали это. Коллективное описание Сэмми во всех стадиях ее страсти возмутило его до глубины души.

Они выставили женщину похотливым, стонущим и завывающим, отвратительным животным.

На «Ионе» тоже велись фривольные разговоры в мужской компании. И Симус не считал участие в них ниже собственного достоинства. Его всегда интересовало, позволяют ли себе дамы посудачить на такие темы, но спрашивать он не решался.

Допускались и пикантные подробности, но когда речь шла о знакомой женщине, не позволялось ничего грубого и недостойного, и уж тем более в присутствии ее мужа.

Таранцы, при всей их неотесанности и невоспитанности, были стыдливы и шепетильны. Они любили женщин, наслаждались ими, побаивались их, обожали и более-менее уважали.

Зилонгские мужчины, казалось, искренне презирают и ненавидят женщин, что предполагало широкое распространение секса на этой планете, еще больше, чем среди таранцев.

Один из зилонгцев с неподражаемой прямолинейностью стал расспрашивать Симуса об одержанных им победах. О'Нейл ответил ему, что на Таре секс гораздо слабее, чем на Зилонге.

— Я могу заниматься любовью только сто сорок раз в течение двадцати четырех часов, можете сами судить, как непримечательна моя романтическая жизнь.

Он заметил, что Эрни это позабавило.

А ведь тебе не нравится эта компания, но ты не можешь ей противостоять, слабак.

Позже он и хозяин сидели в уличном кафе и уплетали вафли. Предполагалось, что это был ужин.

Орнигон начал извиняющимся тоном:

— Мне очень жаль, Благородный Гость, что наш утренний разговор вывел вас из равновесия. Если бы я знал, то не допустил бы этого. Вы, конечно, понимаете, что в каждом обществе существуют традиционные способы самовыражения. Есть люди и с толстой кожей, не стоит обращать внимания.

— Да, что и говорить, секс — это сильная штука, — примирительно согласился Симус. — Он приносит много радости, но может выбить из колеи, надеюсь, вы меня понимаете?

— Вот поэтому, — охотно согласился Орнигон, — секс и ограничивается периодами фестивалей, посвященных сбору урожая и окончанию строительства. Если бы это происходило круглый год, силы общества были бы подорваны. Даже при наших порядках это не просто. Мы располагаем специальным запасом энергии на период Фестиваля, но даже в этих условиях деловая активность заметно снижается.

Симус облокотился на стол. Голова пошла кругом.

Создатель, он не мог сказать того, что я сейчас услышал.

— Вы ограничиваете секс двумя месяцами в году, и все? — он пытался овладеть своим голосом.

Это гораздо хуже, чем монашество.

— Это наш путь, у него есть недостатки... хм... лишения, — мужчина нервно жестикулировал выразительными руками. — Правительство считает, что это лучший путь для сохранения идеалов нашего общества. Продление рода должно ознаменовывать периоды напряженного труда. Это позволяет снять постоянное напряжение, как вы остроумно подметили.

Когда далекие предки зилонгцев прибыли сюда с Земли, они были утопистами-общинниками, ярыми противниками супружества, заложниками «полной сексуальной свободы». Однако, в ходе освоения планеты — вырубки джунглей, охоты за туземцами, разработки рудников, постройки первых городов, постоянные связи стали возрождаться. Они становились более удобными в условиях разбросанных ферм и сторожевых застав.

И с точки зрения логики и чисто эмоционально такие отношения уменьшали напряжение, — Орнигон говорил по-прежнему равнодушно. — Вначале женщины были более привержены к такого рода отношениям. Позднее и мужчины пришли к выводу, что близость с одной постоянной женщиной более целесообразна.

Для поддержания представлений о том, что идеология, как и прежде, определяет развитие общества — а идеология всегда была важна для нас, — подчеркнул Эрн, — был период, когда наши далекие предки снова возвратились к более общинному стилю сексуальности. Один месяц в году для удовлетворения влечений — что-то типа Карнавала на древней Земле. Тем не менее, по прошествии многих лет, Фестивали превратились в банальное мероприятие. Так продолжалось до Реорганизации. Правительством столкнулось с дилеммой. С одной стороны — примитивная практика полной сексуальной доступности была обусловлена законом; с другой стороны — разрушительная и глубоко укоренившаяся практика случайного спаривания невыносима.

Да, учтите, еще влияние Комитета Генной Инженерии, они не могли смириться с незапланированными беременностями. Было принято решение ограничить проявление сексуальной активности двумя месяцами Фестивалей, сразу же после периода посева и сбора урожая, ежегодно.

Первые пятнадцать дней каждого месяца совокупление не ограничивается ничем, вторые пятнадцать дней этим могут заниматься только супружеские пары.

Санкционированные беременности должны происходить именно во второй период.

В оставшееся время года сексуальные отношения запрещены. Только во время Фестиваля и только после брачной церемонии. Конечно, возможен обман, но нарушители строго наказываются.

— Эти Фестивали должны были стать чем-то большим, — удивился Симус.

— Так оно и есть, Благородный Поэт, это очень необычные периоды. Многие ждут их наступления с большим нетерпением.

Его лицо превратилось в трагическую маску, он печально тряхнул головой.

— Это период, когда колоссальный заряд энергии вырывается наружу. В этом многие находят удовлетворение и наслаждение, доходя до неистовства. Мы истощаем себя морально и физически. Редко кто сожалеет, когда приходит конец Фестиваля.

Год от года они протекают по-разному, иногда особенно сокрушительно. В последние годы все хуже и хуже, в нас словно вселился демон. Я думаю, что не только сексуальный голод движет нами. Есть такие, кто понимает это. Биологическая реакция, которая выработалась в нас в ходе эволюции или повторяющегося опыта.

— И никто не нарушает общепринятых правил?

Он переспросил О'Нейла очень осторожно:

— Что вы имеете в виду?

О'Нейл вспомнил двух возбужденных женщин.

Орнигон заметил:

— Конечно, люди нарушают закон.

— Но, ведь вы сказали, что строгое наказание ждет того, кто нарушает?

— Несколько мне известно, за всю мою жизнь никто не был уличен.

— Но ведь есть способы обойти правила?

— Посвященные горожане типа моей жены могут сообщить вам официальные данные. Я уверяю вас, никто не нарушает правил. Контролеры за культурой достаточно могущественны. Никто не говорит об этом. Притворство процветает. Возможно, притворство было всегда. Осуждение в нашем обществе очень развито. Таким образом, необходимо, даже если нарушения имеют место, сохранять фасад послушания. А как часто это происходит, не могу сказать.

Искусный уход от ответа, достойный таранца, самого Аббата.

Он сказал, что они с Сэмми не нарушают закон. Нет, он не утверждал этого. Как можно жить бок о бок с такой женщиной и не...

Как его учили в монастырской школе — нормы общества налагают обязательства на поведение людей.

— Я предполагаю, что в последние годы нарушений бывает больше? — О'Нейл спрашивал очень осторожно, думая о тех, кто слушал там, на «Ионе», возможно, с открытыми ртами и недоверчивыми лицами. Возможно, у таранцев путаница в головах от этого секса, возможно, они не знают точно, как лучше им заниматься, но зато они занимаются им часто, это точно.

— Все говорят, что наше общество портится. Я подразумеваю, что так говорили во все времена. Я недостаточно умен, чтобы рассуждать на такие темы. Я дирижирую музыкой, и, как вы без сомнения заметили, довольно топорно. Я только знаю, что когда мы с будущей женой были обручены, никто из нас даже не помышлял об этом до свадьбы. Сегодня, как я понимаю, такая практика широко распространена. Мне говорят — инстинкты сильны. Но ведь они были сильны и тогда. Я совершенно убежден, что Хорер и Карина уже были близки. Моей же жене даже мысль об этом покажется невероятной.

Вы понимаете, что здесь происходит? Вы должны были послать сюда монаха вместо двадцатипятилетнего холостяка

с необузданным воображением и крепким телом. Ваша Милость может отозвать меня сейчас же.

Реакции он не ожидал, да и не был уверен в том, что она будет.

В тот вечер они тихо сидели втроем, слушая новую запись Баха в исполнении оркестра Орнигона.

О'Нейл был задумчив. Отдельные отрывки складывались в целое. Репрессии, вольность, и снова репрессии. Сильные общественные узы, слабая личная свобода. Однако, индивидуализм ярко выражен. Эрни, Сэмми, привлекательная и загадочная Мариетта не были ни просто винтиками в огромном общественном механизме, ни послушными муравьями в муравейнике.

Ваше Благословенное Преосвященство, я не додумался ни до чего, кроме того, что Вы с нашим компьютером с запачканными мозгами представляли себе.

Но должно же быть еще что-то, что я упустил. А как Вам нравится посменное безбрачие? У нас бы такой номер не прошел.

Кроме того, они по-прежнему нависают надо мной, если верить в мои жуткие головные боли.

— Вы остались довольны офицером Мариеттой? — Самарита прервала его раздумья.

— Да, вполне. Она произвела впечатление очень знающего и образованного солдата, — уклончиво отозвался О'Нейл. — Так о чем мы говорили? Ах да, о безбрачии.

— Она очень независима, — добавил Орнигон. — Слишком независима, как считают многие. Ее решение отложить брачную церемонию огорчило многих. Капитан Пужон может настаивать на расторжении соглашения, и для Лейтенанта Мариетты это очень плохо.

Для обиженной стороны есть возможность найти нового супруга. Сторона, нанесящая обиду, лишается такого права. Такие люди оставляют общество совсем, до наступления установленного срока. Они не остаются с нами.

Совершенно новая категория людей, а Орнигон не собирался давать подробные объяснения.

— Так она, что... Капитан ее не устраивает? — он спрашивал, стараясь показаться безразличным, но сердце буквально выскакивало из его груди.

— Она говорит, что он ей нравится, очень, — неодобрительно заметила Самарита, — но что она еще не готова к замужеству. Но ведь и от него трудно ожидать, что он будет ждать до «завершения» деятельности.

Они слушали в тишине очень печальную Вторую Бранденбургскую. Как только затихли последние аккорды, Самарита беспокойно завопилась на кушетке.

— Теперь удобно задать ему вопрос, благородный супруг?

— Если хочешь,— несколько нервно ответил Орнигон, включая звуковую систему.

— Если вы не обидитесь, Благородный Пришелец, мы поговорим на другую тему. Мой благородный супруг и я заметили, что иногда вы называете нас странными именами. Например, мое имя Самарита, а вы иногда обращаетесь ко мне «Сэмми». Орнигон говорил, что его вы называете «Эрни». Даже к блестящей Мариетте вы обращаетесь, если не ошибаюсь, «Марж»?

— Маржи.

— Нас интересует, почему вы так поступаете?

— А, хорошо. Это всего лишь уменьшительные имена. Почему вы с такими опасениями спрашиваете об этом? Это ласкательные имена. Мы, таранцы, обращаемся так к друзьям. Это совсем не обидно, уверяю вас.

Ужасно странно было видеть Самариту плачущей.

— Поэт О'Нейл, как же вы можете считать нас друзьями? Ведь мы едва знакомы,— она села на кушетку и низко склонилась, уронив голову на руки, так, что была видна почти вся грудь.

— Может быть, мы вкладываем разный смысл в слово «друг». Я считаю... так, ну, это кто-то, кому можно довериться в трудную минуту,— он совершенно оторопел, пытаясь выплыть из глубокого омута, в который его занесло.

Поддержки ждать не приходилось. Оба супруга выглядели сбитыми с толку.

Симус сделал еще одну попытку:

— Друг — это тот, с кем можно быть самим собой, от которого не нужно прятаться, и который просто не даст вам замкнуться на ваших проблемах.

Какие банальности я говорю, Господи!

— Удивительно,— бормотал Орнигон.— И для нас это значит то же самое, хотя мы и не смогли бы так ясно выразить. Мы оба признательны вам, что вы так думаете о нас. Много-много лет, уже когда мы были супругами, у нас ушло на то, чтобы стать друзьями... это было нелегко...

— Как же вы можете видеть во мне друга. Ведь я злая, заносчивая и самолюбивая? — Сэмми залилась слезами еще пуще.

Ситуация выходила из-под контроля.

Дорогой Господи на Небесах, да я еще гадал, любят ли эти двое друг друга. Ну, что мне теперь делать, что говорить?

Поддавшись инстинкту, О'Нейл встал, сцепив руки на всякий случай, чтобы не потерять контроль над собой.

— Черт возьми, Сэмми, вы забыли, откуда я прибыл сюда,— грубовато проговорил Симус.— Когда красивая женщина говорит такие глупости, нужно обнять ее, пока она не засмеется, вот и все.

Она немного подняла голову и взглянула на него влажными темными глазами.

— Если можно,— с глубоким волнением поднялся Орнигон, — у нас есть обычай, не такой поэтичный, как «ласкательные имена» или «крепкое объятие» и «поцелуй». Люди протягивают друг другу руки, вот так,— Орнигон подошел к Самарите, которая протянула навстречу ему руки.— Друзья прикасаются друг к другу так,— Орнигон и Самарита нежно соприкоснулись кончиками пальцев и сплели руки. Это было удивительно трогательное красивое мгновение. Потом они подали свободные руки ему, образуя круг дружбы.

Позже, пытаясь заснуть, О'Нейл удивлялся, кем он теперь стал для этих людей. Затылок разламывался. В дверях никого не было.

Черт возьми, я надеюсь на вас, ребята, наверху, защитите меня. Эй, вы, доверяйте этой девушке на берегу, когда я дрейфовал. Прекрасная мысль.

А что прикажете делать с этими двумя?

Сэмми и Эрн великодушно приняли его в круг своих друзей. А ведь на Зилонге дружба — такая редкость! Тем более, это было очень серьезное обстоятельство. Теперь они ему полностью доверяли. Ни здесь, на Зилонге, ни на Таре обманывать друзей не годилось.

7

Медленно, достойно и торжественно двигались толпы вниз по узенькой старинной улочке. Это напоминало церковное шествие.

Сотни светильников в руках людей, как символ благоговейного поклонения, отбрасывали мрачные жуткие тени в рассеивающихся сумерках.

Словно церковное шествие. Что я делаю здесь, среди этих язычников?

Монастырская процессия немного отличалась. У этой не было ни организующего центра, ни священных символов, которые несут служители, ни Аббата или Приора, завершающего шествие, ни церковников и послушников, возглавлявших толпу.

Эта толпа образовалась естественно, сама по себе, словно воодушевленная единым порывом.

Там, на «Ионе», любили процессии и Святые Дни. Фестивали ломали привычный монотонный ритм жизни скитальцев. Но таранцы были совершенно неспособны спонтанно формироваться в процессию или фестивальное шествие. Даже под холодным и всевидящим взглядом Капитана-Настоятельницы их шествие напоминало разорванное хаотическое движение. Когда таранцы веселились, то были совершенно неспособны сохранять ритуальное достоинство.

Симусу пришло в голову, что эта утренняя церемония в большом Городе была слишком подобострастна. Нет, даже больше, все они немного пресмыкались.

Это был день Зилонга — первый из десятидневной зилонгской недели. Как он узнал, месяц состоял из трех недель, год — из десяти месяцев. Таким образом, нужно умножать на 0.8, чтобы получить земную продолжительность зилонгского века. Сэмми сказала, что было бы очень «странно», если бы они выбрали другой день для богослужения. Разницы нет никакой, но люди должны соблюдать религиозные обряды хотя бы несколько раз в году.

С тех пор, как она и ее супруг стали занимать в обществе заметное положение, посещать Площадь Богослужения стало их долгом. Эта площадь находилась за Центральной Площадью.

Это была своего рода уловка, позволяющая не ломать принятый ход вещей. О'Нейл понял. Комитеты имели обыкновение «замечать» такие отклонения.

Как бы там ни было, Комитеты существовали.

Подходя к главной Площади Богослужения (был еще целый ряд малых площадей, разбросанных по всему Городу), О'Нейл увидел, что она приподнята на пять-шесть шагов над землей. В центре ее был установлен большой просвечивающий шар, излучающий мягкий мерцающий свет.

Впереди шара, за поднятой платформой, находилось отверстие, из которого поднимался легкий дымок. Очевидно, именно в этой яме люди «уходили к Богу» во время Фестиваля.

Может быть, под площадью Города были термальные источники, выбрасывающие на поверхность пар.

Возможно, в яме был зыбучий песок.

Умело транквилизированные жертвы должны уходить из жизни без недовольства. Поскольку Бог олицетворял и планету, и общество, опускание в землю вполне допустимо было назвать «уходом к Богу».

Те, кто умирал естественной смертью до наступления официального дня, сбрасывались в скважину во время погребальной церемонии.

Когда Площадь Богослужения заполнилась людьми, зажглись фонари, освещая белые тоги собравшейся ассамблеи. У каждого в руках была небольшая чаша с жидкостью, напоминавшей вино.

Как только на небе появились первые отблески, низко ударил колокол. Над толпой воцарилась полная тишина. Внутри шара начали струиться и переливаться цвета. Группы фигур в капюшонах, одетые в богатые пурпурные и золотые тоги, приближались к шару с одной стороны площади.

Они двигались очень медленно, тихо напевая. Мелодия нарастала, в нее вливались голоса из толпы.

Этот хор «жрецов» и «молящихся» становился все громче и громче, захватывая всех окружающих ритмом и мощью.

Нет, это мне совсем не нравится, совсем, — сказал себе Симус. — *Ее Милость была бы бесконечно удивлена тому, что они сделали с нашей литургией.*

После каждого псалма они прикладывались к чашам с жидкостью.

Симус умудрился выпить все залпом. В темноте никто этого не заметил.

Цвета в шаре сменялись все быстрее. Пение, освещение и движение жрецов — все действовало гипнотически.

О'Нейл изо всех сил пытался сохранить равновесие. Странная жидкость, даже в небольших количествах она была чем-то более крепким, чем ликер или вино. Сладкая и тягучая, она обладала мощным и мгновенным действием.

Отвратительные образы возникли у него в мозгу; он уже не мог справиться с чувством страха, которое пробудилось в нем.

Его преследовали образы взрывающейся «Ионы», Диких Гусей, кроваво разрубленных на части, Капитана-Настоятельница, задушенной сатанинской змеей; сцены насилия в церкви. Они сменяли друг друга, как в кошмаре. И самое страшное — образ Бога, как ничто.

На несколько страшных мгновений весь этот ужас стал единственной реальностью. Все, что он видел, было правдой. Он хотел вырваться, но его не отпускали. Они завладели его разумом, воображением, заполнили собой душу.

Это был конец всему, во что он верил, чего хотел, за что готов был отдать жизнь...

Несколько жутких секунд он испытывал только одно страстное желание — подняться на мостки и броситься в яму с огнем, чтобы покончить со всем этим. Он не мог жить без надежды, он не мог жить без любви...

Потом выкатился яркий диск солнца и залил площадь светом. Все кончилось.

Громкие крики восторга неслись из толпы, подобные «Deo britias» в конце мессы.

Люди стали расходиться. Они были так же умиротворены и нормальны, как и когда шли сюда на площадь; мило переговаривались со своими приятелями.

Даже если кто-то из них и осознавал, что еще недавно был в наркологическом экстазе, то этого не показывал. Что бы это ни было, но его действие быстро проходит, решил О'Нейл.

Обливаясь холодным потом и дрожа, О'Нейл пытался разобиться в этом.

Если ты не восприимчив к веществу, тогда это экстаз страха. Может быть, и с ними происходит то же самое, и они так привыкли, что не замечают этого.

Все равно, что биться собственной головой о крепкую монастырскую стену. Когда прекращаешь, то сразу становится так хорошо, что не помнишь уже никакой боли.

— Разве не красивая и освежающая церемония, Благородный Друг? — поинтересовалась Сэмми, когда они пробирались сквозь толпу к собственной башне. — Это так красиво. Становишься единым целым с Зилонгом, со всей семьей, друзьями, со всеми людьми, со всей Вселенной. Постигаешь все и понимаешь свою незначительность в этом мире.

Казалось, она в прекрасном состоянии (совсем как Дейдра в воскресное утро).

— Что все это должно означать? — наивно поинтересовался он.

— Это невозможно выразить словами, Благородный Друг, — ответил Эрни. — Нужно стать зилонгцем, чтобы понять.

За этим последовало совершенно неожиданное хорошее известие, связанное с Днем Зилонга. Эрни отнесся к этому событию, как к «легкому развлечению» в полдень. Для О'Нейла это был просто пикник. После богослужения атмосфера в Городе улучшилась — всеми завладел дух отдыха и праздника.

Маленькие бродячие оркестрики наигрывали на площадях и в скверах.

Уличные кафе были переполнены. Улицы наводнены красиво и ярко одетыми людьми, мирно прогуливающимися вместе и беззаботно болтающими.

Что бы там не представляла собой «община», наркотик явно прорвал формализм и тенденциозность зилонгской жизни.

Его гости были более оживлены, чем обычно. Сэмми, порхая по «жизненному пространству» в приготовлениях к «легкому развлечению», мурлыкала какой-то мотивчик.

Когда они покинули башню, чтобы совершить «короткую» прогулку к стене Города, она затянула другой мотив и заставила О'Нейла и Эрни подпевать ей.

Представление женщины о расстоянии явно не совпадало с представлениями Симуса. Через полчаса он, по привычке таранцев, начал занудствовать.

— Вы годитесь мне в сыновья и достаточно сильны и молоды, — погрозила она пальцем. — Прекратите жаловаться.

— Я буду жаловаться столько, сколько захочу, женщина, — Симус схватил ее за талию и поднял в воздух, как ребенка, и начал кружиться вместе с ней. И когда решил, что с нее довольно карнавальная карусели, бесцеремонно усадил прямо на землю.

Эрни и все прохожие, направлявшиеся вместе с ними к городской стене, решили, что это ужасно смешно — таранский молодой дикарь вытворяет свои штучки в День Зилонга. Сэмми раскраснелась, ее покачивало от кружения, она сияла и была ужасно довольна, совсем как маленькая девчонка.

— Вы делаете такие странные вещи, Поэт О'Нейл, очень странные.

— А ты, женщина, держи язычок за зубами, — посмеялся он, — а иначе я сделаю что-нибудь еще более странное.

Все решили, что можно умереть со смеху.

— Прекрасно, жаловаться больше не придется, — она все еще тяжело дышала, и ее восхитительная грудь быстро вздымалась. — Мы почти пришли.

— Возвращение домой — вот что меня беспокоит, — протестовал он.

— Домой мы поедem, Благородный Гость, — Эрни не совсем понял, что Симус просто дурачится.

«Почти» означало еще пятнадцать минут мучений для его страждущих ног. Он жаловался. Сэмми гримасничала над ним, но доводить дело до карусели не решалась. Очень жаль, ему это доставило удовольствие.

Уверяю вас, сладная маленькая игра, ничего больше, — доложил он Леди-Настоятельнице на тот случай, если она слушала.

Городская стена была тем, что Эрни называл «символом» — длинные узкие каменные плиты с искрящимися розовыми вкраплениями окружали Город по периметру (без сомнения, их производили на заводе в Центре по быстрой очистке, который О'Нейл посещал на прошлой неделе).

От прикосновения панели раскрывались. В случае опасности или конфликтов электрическая энергия превращала их в непреступный барьер; теперь же любой мог легко перепрыгнуть через это препятствие — что Симус и сделал, к ужасу и развлечению своих хозяев.

— Когда вы пропускаете ток через нее? — Симус прикинулся дурачком.

— Во время конфликтов, — спокойно ответил Эрни.

— Когда в вашем хорошо устроенном и спокойном мире возникают конфликты?

Хозяева молчали.

— Никогда, конечно, — Сэмми пошла вдоль стены, не глядя на него. Ее муж последовал за ней, как всегда, когда она так себя вела.

— Это просто предосторожность, — сумрачно добавил ее муж.

— Ах вот как, — Симус поднял свою корзинку для пикника, самую тяжелую (как самому большому из всех, — так ему объяснила Сэмми), послушно и молчаливо поплелся за ними.

Через ближайшие открытые в стене ворота, которые подпирали два сонных стража с заржавленными копытами, они вошли в блокгауз и спустились на эскалаторе в подземное помещение. Оно располагалось под Городом.

Это было кольцо монорельсовой дороги. Рядом с кольцом находилась стоянка машин с маленькими электромобилями, которые сновали по всему городу.

Статус Эрни давал ему право на пользование электромобилем. Он опустил жетон в прорезь. После безуспешного опробования двух, которые отказывались заводиться, они нашли один, который с трудом заработал.

Потроха Города, как заметил Симус, пока не отвлекся, были неприглядным зрелищем.

Образцовая чистота, соблюдение которой требовалось наверху, не была обязательной для подземки.

Станция монорельсовой дороги и стоянка машин были заброшены обрывками бумаги, камнями. Кроме того, здесь стоял тяжелый сильный запах от человеческих экскрементов.

Монорельсовая платформа, подошедшая как раз в то время, когда они уже отъезжали, казалось, прихрамывала от усталости.

Даже терпеливые зилонгцы сердито заворчали по поводу опоздания поезда.

В подземке необязательно оставаться сдержанным и вежливым: даже моя хозяйка и хозяин погубили от того, что совершенно дурацким образом не работает ни одна машина.

Потом он отвлекся.

Симус увидел Леди Дейдру собственной персоной. Она вышла из поезда.

Очень, очень похожая на нее высокая гибкая женщина, черноволосая, с проседью. Такое же аскетически узкое лицо, нежное и вместе с тем решительное.

Так могла бы выглядеть Мариетта в пятьдесят лет. Прежде, чем Симус смог удостовериться, женщина смешалась с толпой.

Это не могла быть она,— говорил он себе.— Просто это мое больное воображение.

Нет, могла. Ты хорошо знаешь, что как и другие сенсоры, там, на «Ионе», она умеет воссоздавать свой фантом, который невозможно отличить от реальности в любом месте. Может быть, она решила пошутить в честь праздника?

Может быть, ее силы истощены? Что она делает здесь, внизу? Следит за своим шпионом, кретин, что же еще!

И почему Леди Кардина напоминает мне Мариетту?

Потому что они очень похожи, кретин, неужели ты еще не заметил?

— Что-нибудь не так, Благородный Поэт? — с тревогой в голосе поинтересовалась Самарита.

— Да пустяки. Я решил, что увидел одного знакомого человека. Совершенно исключено. Он не мог бы здесь оказаться.

— Благородного Лейтенанта Мариетту?

— Не совсем. Особу старше ее лет на тридцать. Я же говорю, этого не может быть совсем. Совсем.

У нее не было упругой пышной груди, как у моей Маржи. Или я не заметил? Так кого же я видел?

Машина остановилась, и они высочили по наклонной плоскости из расщелины далеко за городскими стенами.

— День такой замечательный,— широко улыбнулась Сэмми,— Я думаю, будет славно оставить Город.

Воздух был теплый и сухой, небо совершенно безоблачное. Щедро светило солнце.

Запах цветов был везде. Поскольку вблизи их не было видно, аромат, очевидно, исходил от зеленой поляны между Городом и Рекой.

Это не Рай, но ничуть не уступает. Я уверен, это не могла быть Сама.

У тебя просто сознание виновности — вот что у тебя.

Я не сделал ничего дурного, чтобы чувствовать себя виноватым.

Еще не сделал, но уже близко к тому.

Их электромобиль оказался небольшим судном, подпрыгивающим на воздушной подушке. Его мотор нуждался в хорошей наладке. Очевидно, Комитет уже присвоил ему приоритет.

Прекрасно, если он рухнет вниз, то я надеюсь, они не ждут от меня, что я его соберу. Я поэт, а не механик.

Конечно, у женщины могут быть дела здесь, внизу, и кроме меня.

А, может быть, я заложник?

Эта мысль привела его в бешенство.

Ведь ты же с самого начала знал о том, что ты — заложник.

Ну и нечего беситься.

Женщина знает, что делает, можешь держать пари.

Они быстро миновали поляну и оказались на небольшом покрытом гравием пляже на берегу Реки.

Остров (другого названия у него не было) тянулся параллельно Городу, на расстоянии около двух миль от него.

Так вот то место, где она хочет приземлиться.

Ну что же, совсем неплохо, совсем. В сравнении с чернотой гиперпространства это местечко выигрывает.

Несмотря на очарование полудня здесь попадались случайные маленькие группы зилонгцев, бродивших по поляне или сидящих на берегу. Они словно старались держаться поближе к городской стене. На пикнике они были смелее.

Их судно оставило берег и направилось к небольшой бухточке на Острове. Топография Зилонга была необычной — низкие горы простирались далеко от главного горного хребта планеты.

На протяжении пяти миль раскинулись снежные вершины, долины, несколько сочных лугов, крошечные леса, овраги и с каждой стороны широкие, прибрежные полосы оранжевого песка.

Для монастыря совсем неплохо, совсем. Почему бы нам просто не отобрать все это? Мы можем сказать туземцам, что это прихоть, каприз рыжебородого бога.

— Пусть Иисус, Мария и Бригида хранят этот остров, — благоговейно проговорила Сэмми, как только они выбрались из шаткого суденышка.

— Что вы сказали? — Симус не поверил своим ушам.

— Это ваше благословение. Нас научила благородная Мариетта,— оправдывался Эрни.— Вас огорчает, что мы пользуемся им? Это кощунство?

— Ах нет, что вы,— Симус громко вздохнул. *Мне стоило бы самому благословить будущее место посадки «Ионы».*— Вопрос не в том, будут ли они возражать. Они гораздо более терпимы, чем мы.

— Как это прекрасно, что у вашего Бога есть друзья,— набожно шептала Сэмми.

— Да, много-много. Слишком много друзей.

Они плавали в теплой ласковой Реке, пили ликер в изрядном количестве, уплетали разнообразные деликатесы, приготовленные Сэмми, и нежались на мягком песке.

У О'Нейла было достаточно времени, чтобы не сводить глаз с Сэмми — с того самого момента, как она передала ему свою накидку, как только вся их компания причалила к берегу.

Открытый корсаж лишь только подчеркивал ее соблазнительные прелести.

Сэмми была пышнее, роскошнее Мариетты, хотя и не так безукоризненно сложена.

Подтянутая грация Мариетты будоражила, плавные формы Сэмми приглашали на лоно земли.

Бесспорно, это место создано для обеих.

Полуобнаженность в их культуре предполагала только дружбу, во всяком случае, до Фестиваля. Казалось, она совершенно не испытывала неловкости, лежа на горячем песке между мужем и другом, такими же обнаженными, как и она.

Эрни снова отправился поплавать.

— Вы находите мое тело привлекательным, Благородный Друг? — мягко посмеиваясь, спросила она.

От удивления у него широко раскрылись глаза.

— Я нахожу вас привлекательной, Сэмми,— достаточно искренне ответил он.

Симус попытался представить Мариетту в открытых купальных трусиках и прогнал видение. Оно тотчас же вернулось.

— Как всегда, вы говорите красиво и загадочно,— она прижала ладонью его пальцы.— Вы гораздо решительнее, когда целуетесь.

— Что вы под этим подразумеваете? — удивился Симус, осторожно убирая руку.

— Вы говорили, что доктор и пациент обмениваются поцелуями дважды в день.

— Я никогда этого не говорил.

— В Центре по изучению Тела, и даже проделывали это.

— Ах, да. Но ведь это наш обычай, а не ваш.

— Но это хороший обычай.

— Мне больше нравится... вот этот;— он повторил свою веселую карусель.

Поцелуй, решил он, подкидывая над головой восхищенную Сэмми, гораздо менее опасны, чем вот это.

Сейчас она останется вообще без всего.

Поэтому он положил ее снова на песок, смеющуюся, задыхающуюся, и нежно дважды поцеловал, воздав полной мерой.

После этого он решил, что ему тоже необходимо поплавать.

Когда он вернулся, друзья спросили, не будет ли он возражать, если они вдвоем прогуляются по берегу.

— Я думаю, что заслужил право чуть-чуть вздремнуть,— он потянулся и зевнул.— Женщина подняла меня затемно, да еще заставила пешком обойти пол-планеты. Теперь ей ничего не остается, как дать мне немного покемарить.

Пусть думают, что я не догадываюсь о том, что они отправились нарушать правила, дурачки!

— Немного покемарить? — она мягко переспросила, но в ее голосе был немой вопрос.

— Это идиома, означающая непродолжительный сон.

Вот уж никогда не думал, что она способна преступить закон. Или они давно этим не занимались?

Или просто не рискуют проделывать это по ночам в своей башне?

Он готов был держать пари, что секретная служба здесь, на Зилонге, вездесуща.

Возможно, Правительство контролировало их спальни для поддержания правопорядка?

Если, занимаясь любовью, вы рискуете быть сброшенными в огонь, вряд ли вы станете заниматься этим часто.

И все-таки, это происходило.

Очевидно, происходило много такого, что Комитеты не хотели знать, иначе они нашли бы средства контролировать людей всегда и везде.

Даже если при женитьбе Сэмми и Эрни не испытывали влечения друг к другу, сейчас они были влюблены по уши. Разве можно было ожидать от них воздержанности?

В монастырской школе он слышал о Шатунах, из-за удивительных песен, которые они слагали. Но вопреки своей замечательной музыке они вычеркивали себя из общепринятой жизни, верили в безбрачие не только для монахов.

Симус считал, что человек вправе распоряжаться собой. Тем более, если монашество — твое призвание. Бог его знает... Другое дело — женатые люди.

Возможно, они становились Шатунами из-за условий жизни. Если плохо живется — это достаточное основание. Песни были веселые и удалые, а каково было им самим?

Он вспомнил мотив «Простого счастья» и напел своим хозяевам. Им понравилось. Симус перевел слова этой песни на их язык, и они охотно подпевали.

— Действительно, быть свободным — это счастье, — мечтательно вздохнул Эрнн. — Большое счастье. Почти такое же, как, — он взял Сэмми за руку, — прекрасная жена.

Сэмми зарделась от счастья и прижалась к нему.

— Мы должны немного прогуляться, Благородный Поэт.

— Счастливой прогулки, — Симус не удержался от лукавой улыбки.

Оба супруга вспыхнули и побрели прочь.

Можно стать Шатуном, если очень этого хочется, или общество загоняет тебя в тупик.

Но большинство людей не могут. А их принуждают к этому, заставляют долго воздерживаться.

Хорошо. Итак, это возможно. Но ведь это глупо.

Когда Симус остался сиротой, в вопросах пола его просветил Кармоди — монахам было не до того.

Бригадир был хорошим учителем. Это заявила его жена, Майва, которая год от года становилась все красивее, и, многозначительно подмигнув, добавила:

— Ты понимаешь, что я имею в виду?

— В чем сила секса? — объяснял Кармоди, — В том, что он заставляет двух таких разных, в общем-то, людей, жить в одном доме, спать в одной постели. Ты можешь себе представить что-нибудь более трудновыполнимое для двух совершенно непохожих человеческих индивидуальностей?

Симус подтвердил, что не может.

— Представь себе, — огромный седеющий бригадир перешел на сочный баритон, — когда ты уже готов убить женщину за то, что она не приготовила тебе чашку утреннего кофе, тобой снова овладевает желание. Это самая великолепная штука в мире.

Объяснение звучало убедительно.

— Это, как ощущение Бога в нас, — заключил Кармоди, стараясь подстроиться к теориям Дейдры.

— Нет, нет, это совсем другое, — протестовал Симус. — Бог — это дух.

— Это учителя в школе вбивают вам в головы всякую чепуху. Разве дух не может испытывать страсть? Бог даст нам в этом сто очков вперед. Именно об этом говорит Сама, проповедуя, что супружество — это таинство. Так мы и познаем Бога. Уверю

тебя, Бог даже больше помешан на любви к нам, чем мы друг к другу.

— Хватит говорить глупости,— сказал Симус решительно.— Если Бог такой, тогда...

— Стал бы я вводить тебя в заблуждение? — сердился Кармоди.

Конечно, не стал бы...

Секс — это частица Бога? Замечательная идея. Надо будет рассказать об этом Мариетте при следующей встрече. По-моему, она серьезно интересуется Богом.

Когда я увижу ее снова?

Хорошо этим двоим шататься по лесам, наслаждаясь друг другом. А я вынужден оставаться холостяком, не ощущая себя монахом.

Таранцы не пытались регулировать сексуальные отношения в своем обществе.

— Когда-то давным-давно такие попытки предпринимались,— витиевато объяснила Настоятельница,— но это не работает.

На подобные эксперименты косо смотрели. И когда возникали попытки введения ограничений — раздавались высказывания типа: «А парни не хотят оставлять девушек в одиночестве» или наоборот.

Как сказала Настоятельница: «В те времена кровь была горяча».

А сплетники за спиной обязательно бы добавили: «Уж Самой-то это хорошо известно».

К внебрачному сексу относились серьезнее, потому что между семьями в тесном монастырском пространстве были очень крепкие дружеские связи.

Мужчины и женщины старались избегать сложных и запутанных отношений.

Не то, чтобы адюльтер исключался совсем, просто участники старались не попадаться.

Когда же такое случалось — «Не захотели бы сами — не попались»,— объясняла Настоятельница — то ударение делалось не на наказании или возмездии, а на том, что «пора бы и одуматься».

Таранцы никогда не пытались оценивать свои сексуальные способности. «У нее это не принято,— сокрушался Кармоди,— По крайней мере, проволочек в этом деле не бывает, и некоторые из нас,— при этом он самодовольно улыбнулся,— очень долго наслаждаются этой игрой».

Симус решил, что он непременно окажется одним из таких. Если только ему повезет, и он встретит стоящую женщину. А это оказалось не таким уж простым делом.

Пока трогательные плечи Мариетты не ворвались в его жизнь.

Трогательные и сильные, — подумал он, вспоминая, как ей удалось вытащить его из канавы.

Сэмми и Эрни вернулись рука в руке, сияющие и самодовольные. Они хорошо насладились своей игрой.

Симус притворился спящим, чтобы не смущать их. Или самому не смущаться.

Наконец, он прекрасно изобразил пробуждение, словно не замечая их присутствия. И уверенный в том, что данное ему обещание — не возвращаться домой пешком — правда, решил истощить себя последним заплывом.

Солнце медленно склонялось к горизонту, заливая башни Города золотыми и розовыми тонами.

Прозрачный легкий туман стелился над Островом и Рекой.

Они искупались в последний раз, выпили остатки ликера и, распластавшись, валялись на песке около своего маленького судна.

Наконец, Сэмми заговорила:

— Дорогой друг О'Нейл, мы должны задать вам один личный вопрос.

— Пожалуйста... я догадываюсь, — неохотно согласился он.

— Спроси ты, Милый Супруг. Я уже много чего говорила, — она зарывалась изящными пятками все глубже в песок.

— Нам нравятся «ласкательные имена», которые вы выбрали для нас. А как называли вас хорошие друзья на Таре? — смутившись, спросил Музыкальный Директор.

Он вспомнил Тэсси и Хеннеси.

— Так знайте, мои лучшие друзья, с которыми я рядом вырос, звали меня «Джимми».

Сэмми захлопала в ладоши.

— Гими — замечательное имя. Оно вам так подходит!

Может быть, после этих каникул все зилонгцы станут чуть-чуть счастливее?

День подошел к концу. Неохотно «Гими» и его хозяева собрали одежду, пожитки и отправились на другой берег.

Симус протянул Сэмми ее накидку. Когда она заворачивалась к ней, то улыбнулась немного сердито.

— Да, я должна носить ее. Но скромность в кругу друзей надоедает, не так ли?

Слава тебе, Господи, что бы могло произойти, если бы ты сказала это раньше.

Он помолился своему святому — Джеймсу, чтобы это была не Леди Дейдра, там, на станции.

Вряд ли это помогло бы скрыться от нее, если она решила не спускаться с него глаз.

В Город они возвращались уже поздно. Сэмми и Эрни, словно решив не обращать внимания на строгий тон отношений в черте Города, были очень нежны друг с другом.

Они подошли к гаражу. Освещение в подземке было тусклым, станции — совершенно пустынными.

Симусу очень хотелось спать. Впечатления дня навалились на него, и он чувствовал себя расслабленным, приятно уставшим.

Он даже не обратил внимания на нервозность своих хозяев, нетерпеливо ждавших вызванную платформу.

Потом раздался отвратительный душераздирающий крик.

О'Нейл почувствовал, как ему скрутили за спиной руки, и увидел блеснувшее лезвие, приставленное к его горлу.

8

Симус был не в лучшей форме. Во-первых, день был достаточно утомительным, кроме того, он давно не практиковался в кулачном бою. Во-вторых, он был не только поэт, но и один из Диких Гусей, лучших бойцов в Галактике.

«Мы сражаемся только когда это необходимо», — был их девиз.

Но был и другой: «Не доводите нас до бешенства».

Что же, сейчас необходимо было защищаться. И он действительно был в бешенстве.

Слишком долго они прятались за его спиной.

Он, резко развернувшись, выбил нож из руки атакующего и швырнул его навстречу другому нападающему. Когда человек рухнул на пол, Симус услышал тошнотворный глухой удар.

Кажется, с ним все кончено. Бедняга.

Второй кинулся на Симуса с огромным острым копьем, направленным прямо в грудь. Симус присел. Человек развернулся, загоня его в угол, и снова бросился на него.

У Симуса не было другого выхода. Он яростно воткнул нож прямо ему в сердце и быстро выдернул.

Произошло то, что произошло. В течении одной минуты два мертвеца в черных капюшонах лежали на станции.

Стоя над ними и тяжело дыша, О'Нейл машинально сжимал в руке окровавленный нож.

Сэмми истерически рыдала. Еще двое в капюшонах, зажав женщину в угол, стаскивали с нее одежду. Эрни, смертельно бледный, лежал без чувств. Из головы у него сочилась кровь.

О'Нейл ударом ножа в живот прикончил третьего, незаметно выскочившего из темноты, и спихнул его на рельс. Платформа медленно въезжала на станцию.

Схватив двоих, напавших на Сэмми, он столкнул их лбами. Молниеносный удар ножа настиг одного из них, проявившего признаки жизни. Теперь пять мертвых тел лежало на станции.

Эрни все еще был без сознания. Сэмми, вжавшись в стену, билась в истерике.

О'Нейл схватил ее за плечо и приказал:

— Присмотри за Эрни. Я поищу полицию.

Сэмми взяла себя в руки.

— Нет, нет! Только не полицию. Тогда нам конец. Ты должен сделать, как я скажу, Гими. Потом все объясню.

Она склонилась над Эрни, ощупала его голову и приподняла за плечи. Потом бросилась к О'Нейлу.

— Очень плохо, Гими. Если я не достану сыворотку жизни, он не выживет, мой любимый. Быстрее, или он умрет!

Они отодвинули дверь вагона монорельсовой дороги и внесли Эрни. Усадили его на сиденье и прислонили к контрольной панели.

— Ночью работает автоматика,— она тяжело дышала.— Думаю, что смогу ее запустить. Надо избавиться от этих чудовищ. Нет, неси их сюда. И пол, пол вытри!

— Да, мэм.

Он поспешил выполнить все, как всегда, когда приказ отдавала женщина.

Втащил пять капюшонов в вагон, остатками одежды стер кровь с пола и стены, оружие выбросил в мусорный контейнер.

Внутри вагона Сэмми лихорадочно перебирала рычаги управления. О'Нейл без всякой надежды наблюдал за этим. Эрни хрипел.

Агония, подумал Симус.

Вдруг панель засветилась, вагон медленно стронулся с места.

— Думаю, что нашла ключ аварийного пуска в случае опасности,— она старалась перекрыть грохот вагона.— Теперь состав проследует прямо в Институт Тела, без остановки и не поворачивая.

— Теперь все нормально?

Вагон неся по непроглядно-черным туннелям, проскакивал на скорости тускло освещенные станции, пока не повернул налево от центральной трассы и не оказался в подземном комплексе Института.

Пользуясь сенсорным управлением, Сэмми провела состав через ряд дверей, которые откатывались автоматически при приближении к ним. Когда вагон остановился, Сэмми выпрыгнула в темноту и нажала кнопку на стене.

Панель стены откатилась в сторону, открыв цилиндрическое помещение с низким потолком, освещенное бледно-зеленым светом. По периметру помещения было ограждение. Это была опускающаяся панель перед дверью, ведущей в помещение, целиком заполненное плотным, слегка пузырящимся раствором. От раствора исходил отвратительный запах смерти.

Сэмми не колебалась ни минуты.

— Быстрее, Гими, если нас здесь увидят, мы погибли.

Она потащила один из трупов к кипящей емкости.

Симус хотел откинуть капюшон, но она остановила его.

— Мы не хотим знать, кто они. Это было бы слишком.

Как только первый труп достиг поверхности кипящего раствора, вырвался шипящий пар, частично скрывший процесс последовательного разъедания кислотой — сначала кожи, обтягивающей мускулы, потом самих мускулов на костях, и, наконец, всего скелета.

От каждого последующего трупа испарения поднимались все выше. Когда Симус швырнул последний, поверхность полностью была затянута ядовитой зеленоватой пленой.

Сэмми кинулась к выходу. Уже стоя на подвижной панели, она выкрикнула:

— Я за сывороткой для мужа.

О'Нейл провел несколько бесконечных минут в темном подземелье, вспоминая молитвы Яхве, Бригиде, Патрику, Колумсайлу, Финбару, Джеймсу, Брендону, Кевину и всем святым, несколько выделив при этом Яхве, как представителя здешних, Дейдре Кардине Фитцджеральд (титул, к которому прибегали только в случае необходимости психического содействия). Такая помощь сейчас не помешала бы. Никто не отозвался. Глаза Эрни опасно потускнели, его слабое дыхание прерывалось.

Это конец. Симус молился еще усерднее. Задыхаясь, с большим шприцом в руках, вбежала Сэмми. Она ввела иглу в грудную клетку мужа. О'Нейл с тревогой следил, как убывает уровень в шприце. Потом он заметил, что грудная клетка Эрни вздымается более равномерно, кровь, испачкавшая его седые волосы, перестала течь.

Сэмми поднялась.

— Он жив, Гими,— устало прошептала она и с рыданиями бросилась к Симусу на грудь. Он терпеливо ждал, когда она успокоится.

Потом, когда минута слабости прошла, она вернулась за чистой одеждой к стенному шкафу. Они переоделись. Затем быстро и очень умело она вывела состав в главный туннель.

Теперь, после затянувшейся прогулки на Остров, Благородный Поэт и его хозяева возвращались к комплексу «жизненного пространства».

— Небольшой инцидент с составом,— объяснила Сэмми станционной службе, когда они помогли уже пришедшему в себя, но еще слабому, Эрни подняться на эскалатор их башни.

— Хорошо, что поезда на Зилонге иногда задерживаются,— слегка пожурил смотритель.

Когда они сошли с эскалатора, Сэмми шепнула:

— Конечно, он доложит о нас, но никто не узнает, что именно произошло.

Да, шпионы здесь на каждом шагу, разве не так?

Позднее, уже в доме, когда жена занималась его раной, Эрни, морщась от боли, объяснил Симусу:

— Эти, в капюшонах, не из тех, кто больше не с нами. Они анархисты, не инакомыслящие. Редко появляются днем, правда, в последнее время, такие случаи участились. Нападают после наступления темноты, и только на небольшие группы людей, вроде нас с вами.

Еще недавно их вылазки не были такими частыми и такими ожесточенными. Обычно они нападают за чертой Города. Сегодняшняя попытка около главных ворот — необычна.

Редко кто рискует выходить после полуночи — бояться нападений.

Мы с вами поздно возвращались, но все-таки до полуночи.

Те, кто больше не с нами,— обдумывал Симус услышанное.— Здесь, на Зилонге, гораздо больше разновидностей опасных элементов, чем мог себе представить бедный космический бард.

— Почему мы не заявили в полицию? Почему мы так боялись, что кто-нибудь увидит? Почему должны были замечать следы преступления, словно мы виноваты? — недоумевал О'Нейл.

— Люди в капюшонах,— сказала Сэмми, осторожно зашивая рану,— официально не существуют. Некоторые из них в дневное время могут жить как обыкновенные горожане, но гораздо большая их часть селится в пещерах подземной системы. Эти пещеры тоже официально не существуют. В обществе не принято обсуждать то, что официально не признается. Если доложить о

нападении кого-то, кто официально не существует, это может вызвать беспокойство в Городе.

Человек, заставляющий полицию бороться с тем, кто не существует — враг Города. Такого человека ждет печальный конец в кислоте — вы же видели. Гими, мы были на волосок от этого! Я бежала вниз по коридору Института за сывороткой, когда внутренний голос заставил меня повернуть в боковой проход. Как раз вовремя. По коридору шел полицейский патруль. Все, мой возлюбленный, больше я не буду тебя мучить. Рана зашита.

Она нежно провела рукой по лицу Эрни.

Симуса поразила догадка.

— Так эти люди в капюшонах... это и есть правительство?

Сэмми замерла с бутылочкой из-под лекарства в руке.

Эрни заговорил:

— Мы так не думаем. Но говорят, что люди в капюшонах называют себя «Правительством Завтрашнего Дня», «Новой Реконструкцией».

— А сегодня?

— Существует реальная опасность,— объяснила Сэмми,— их стихийного объединения, особенно, если они решат изгнать навязанное нам правительство, не пользующееся больше признанием.

— Лучше не думать об этом,— очень медленно сказал Эрни.— Совсем не думать. Совсем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТРАНА

9

Симус О'Нейл с карабином наготове крался по низкому холму, как раз над расположением лагеря капитана Пужона. Луны не светили, были только смутные тени от света звезд. Все это напоминало перемещение вслепую по складским помещениям «Ионы», в полной темноте, если не принимать во внимание, что отдельные индивиды, скрывающиеся там, были привидениями. Таким образом, нечего было бояться, если, разумеется, вы не верите в привидения.

То, что он называл «карабином», представляло собой легкое оружие, испускающее электрические разряды вполне достаточной силы, чтобы убить при попадании в жизненно важную точку. Словом, не такое смертоносное, как автоматическое оружие или лазерные винтовки Диких Гусей, но достаточно опасное.

Симус, конечно, верил в привидения, но несколько иначе, чем он всматривался во врагов, притаившихся в холмах за его спиной. Привидения могут внезапно испугать. Те, в горах, могли убить.

Зилонгцы были слишком несообразительны, чтобы разбить лагерь на правильной позиции, и слишком глупы для того, чтобы выставить надлежащий дозор.

Какое несносное сборище вояк. Да, Сама была права, это общество рассыпается.

Уверен, они крайне нуждаются в помощи. Именно сейчас тебе необходимо прийти к ним на помощь. Да, именно так я и сделаю.

Никто к нему не обратился за все это время ни разу. Они забыли о Симусе Финбаре О'Нейле. У этой женщины прекрасная

броня от нападения. Так что же, миссия, с которой он был послан — самоубийство? Прекрасно, Симус всегда умел позаботиться о себе. Ему необходимо обеспечить свою собственную безопасность.

Лагерь располагался в нескольких шагах ниже того места, где находился Симус. Он смутно различал очертания небольших палаток, в которых располагались эскадроны. Он тосковал по серебристому свету зилонгских лун, этих беспокойно мечущихся по небу бильярдных шаров. Лошади оставались невидимыми из-за лагеря, но он уловил нетерпеливый перестук их копыт. Все, кроме двух часовых, спали. Он нервно дотронулся до своего ружья.

Прекрасная мишень для атаки. Выставленный напоказ лагерь без пикетов и без каких бы то ни было приготовлений к обороне. «Здесь, у подножия гор нет никакой опасности,— небрежно заметил Пужон,— Гораздо важнее немного выспаться перед завтрашним маршем». Мариетта ничего не возразила на это. Ее попытки собрать в марширующую колонну этот призванный в армию сброд молодняка были осторожными и сдержанными; она не хотела ставить в неловкое положение своего будущего супруга, давая ему советы на глазах у Благородного Гостя, который не был даже офицером.

Гордая женщина. Вот что это значит. Ужасная гордячка. Дочь Евы.

Что является причиной, что вызывает эту безмерную гордость?— Он не мог толком вспомнить.— Да, бог с ним, какое это имеет значение... Пужон — самодовольный болван. И Симусу О'Нейлу нет до него никакого дела, совсем, даже если она и делает вид, что я не существую — пропади она пропадом за то, что так поступает.

Он решил пересмотреть последнее пожелание.

Только счастья бедной девочке. Ведь в своей жизни она видела так много горя.

О'Нейл пытался заснуть в маленькой душной палатке, но его психическое чутье и военные мозги упорно подсказывали, что сегодня ночью опасность подошла слишком близко. Большими психическими способностями он не обладал, но нюх на опасность имел хороший.

— Очень полезное свойство для Коменданта,— сухо проговорила Леди-Настоятельница, вручая ему значок офицера в виде золотых дубовых листьев, в придачу к миниатюрной серебряной арфе, конечно.

Это предгорье имело стратегическое значение, вне зависимости от того, считали ли зилонгцы его опасным с точки зрения нападения, или нет. Если их атакуют, он будет готов

к этому, что бы они не предприняли. Спасти хотя бы Маржи. Любой шум в горах, любой шорох ветра настораживали Симуса, усиливая его нервозность. Он нащупал генератор освещения, который сташил из складской палатки. Симус надеялся, что тот исправен. Карабин, который выдала ему Мариетта, был старый, но вполне сносный. Содержать оружие в исправности — это ее обязанность, как отрывисто пояснила Мариетта, когда он проверял его.

Она старается не смотреть мне в глаза. Неужели она считает меня виновным в том, что произошло той ночью? Уверен, что все, что произошло, захватило ее так же, как и меня.

Симус осторожно передернул затвор, чтобы убедиться, что оружие не заедает. Женщина сказала правду. Из нее получится отличная жена, гораздо более хорошая, чем из этих нерях с «Ионы», пропади они пропадом за то, что послали меня на смерть в этой ужасной пустыне.

Ну, что бы там не случилось, он предпочитает иметь исправное оружие.

Эскадроны зилонгцев состояли из молодежи, большей частью из молодых призывников. Многие никогда не садились на лошадь. Уж что там говорить о том, что никому из них не приходилось никогда убивать — как ему. Святой Патрик, какие страдания, какую боль он испытал. Они не умели сохранять строй на марше более чем на полчаса, большую часть времени просиживали в палатках, они отправлялись дрыхнуть даже в опасных ситуациях. Сомнительно, что они умеют пользоваться оружием, чтобы защитить свою жизнь. А ведь, возможно, именно это им и предстоит.

Неудачники,— презрительно думал Симус,— которых высшее командование отправило на уничтожение. Заодно с Благородным Поэтом Симусом Финбаром О'Нейлом, Бог ему в помощь.

Они покинули Военный Центр еще затемно, уходя вниз по улице от Центральной Площади Города. На станцию отправления прибыли в конце следующего дня. И хотя багаж был расформирован, уже в конце следующего дня он предстал перед Пужоном, Мариеттой и Кадетом Ретой — испуганной девочкой-подростком, на вид одиннадцати лет. Она пыталась навьючить лошадей.

Из Города они проследовали через Ворота Отправления, и их строй весьма отдаленно напоминал линию готовности. У них за спиной из гарнизона раздавались прощальные звуки увечного хора.

Марш к форту Гиперион предстояло совершить на планетолетах. Во-первых, потому, что таких судов было всего несколько штук, а во-вторых, ни одно из них не имело требуемого технического уровня для перемещения на другой конец материка.

У Симуса не было уверенности в правильности того и другого утверждения. Он подозревал, что те, кто правил Зилонгом, просто хотели держать под контролем каждый шаг транспортировки по планете.

Рейд через пустыню был очень жарким, не обошлось без приключений. На закате второго дня уставшие и утратившие боевой дух эскадроны достигли подножия необозримо раскинувшихся гор. Вдалеке они увидели покрытые снегом горные вершины. И несмотря на то, что закат за горным хребтом был великолепным, О'Нейл, поглощенный беспокойством за ход экспедиции, не обратил на это внимания. Командный состав был не так и велик — туповатый Капитан, Лейтенант, полностью занятая своими проблемами, и запуганный подросток-Кадет. Симус удивлялся, кому она не угодила.

Если Комитет собирался осуществить экспедицию внезапно для вражеских сил, то почему он проделал это с такой очевидной открытостью? Ведь не могли же они знать, что в их рядах находится Комендант Диких Гусей. Или они знали?

Чужая душа — потемки. Во время марша по пустыне все продолжали носить одежду с капюшонами, которая сменила туники. Конечно, она предохраняла от солнца и песка, но заметно сковывала подвижность, особенно в сражении. Эти простачи понятия не имеют о том, что такое настоящая схватка. Зачем им армия? С ножом за поясом О'Нейл, крадучись, выбрался из палатки.

Луны начали подниматься из-за горизонта.

Мариетта была так непохожа на Самариту. Та была с виду напряжена, очень деловая, но в глубине — отзывчивая, чувственная, податливая.

Маржи, по-видимому, была целомудренна, как гранитный утес, правда, прелестный.

Должно быть, на Зилонге существовало что-то вроде военной традиции. Безусловно, она была очень искушенным и умелым солдатом, даже по меркам Диких Гусей. Ему было очень интересно, что она думает о своей армии.

Первое напоминание о походе через пустыню началось спустя два дня после потасовки на монорельсовой станции.

Симус пытался поговорить с молодой служанкой из аборигенов. Она его понимала, но он ничего не мог разобрать в ее пощелкиваниях и похрюкиваниях. Правда, он понял, что как и на преобладающее большинство женщин, на нее он также произвел впечатление.

— Тебе нравится добрая доктор Самарита? — начал он разговор.

Маленькое существо с большим энтузиазмом залепетало.

— А вообще все эти люди?

Она неодобрительно тряхнула головой.

— Гмм. Что-то вроде давления на ваш народ с их стороны?

Малышка тревожно оглянулась по сторонам, кивнула головой и прищелкнула.

— Еще наступит день торжества для вашего народа. Да?

Служанка зашебетала с выражением ужаса, показала пальцем на него и выбежала из комнаты.

Опять эта легенда. Почему она так боится? Безусловно, если дикие туземцы выступают из пустыни, это будет явное грубое предательское сотрудничество. Такой ход событий все усложнит до предела.

Обычно бездействующий видеозэкран в его комнате затрещал и засветился. На экране появилась Мариетта, холодно глядя на него.

— Поэт О'Нейл, Комитет счел разумным пригласить вас посетить рудник в форте Гиперион. Мой старший офицер, Капитан Пужон, поведет туда конвой через три дня. Это даст вам возможность осмотреть окраины нашей планеты перед тем, как наступит время покинуть ее. Вы рады принять это приглашение?

Поэта это сообщение совершенно не обрадовало. Комитет давал ему понять, что дни его пребывания на Зилонге закончены. Кроме того, ему предлагали принять участие в сомнительной экспедиции спустя всего два дня после того, как кто-то попытался его убить. Это больше походило на приказ, чем на приглашение.

Если Мариетта и заметила его нерешительность по поводу путешествия к форту Гиперион — *странное название, греческое?* — *то никак не отреагировала на него.*

— Вам необходимо явиться к Военному Центру завтра в три часа после полудня и попросить охранников проводить вас к моему департаменту на подготовительный инструктаж. Постарайтесь быть пунктуальным.

— Сука! — простонал О'Нейл, когда она отключилась. — Но чертовски очаровательная.

Он отправился на поиски Самариты, чтобы узнать ее реакцию на полученное им приглашение.

Он отыскал ее читающей на диване в комнате. Из соседнего помещения слышался звук воды, набираемой в ванну.

Он все еще не мог привыкнуть видеть ее обнаженный соблазнительный живот. Каждый раз у него возникало желание бежать — правда, он не знал точно, куда — прочь от нее или к ней. Ее плоть звала и манила. Это смущало и одновременно привлекало его. Она же блаженствовала от его восхищения. Однажды, давно, она спросила его наивным и одновременно кокетливым тоном: «Разве друзья не могут наслаждаться друг другом?»

— Со мной что-то не так, Гими? — спросила она, откладывая в сторону книгу.

— Уф... Нет, все в порядке, — Только бы его не выдали глаза, ведь они каждый раз от смущения широко расширялись, когда он видел ее.

— Входи, Гими, — приветливо сказала она, протягивая навстречу изящные пальцы, — Приглашаю тебя разделить со мной успокаивающую ванну. Увидишь, как это восстановит твои силы. Ты что, боишься меня, смущаешься? Ну полно, ведь ты достаточно хорошо меня знаешь — я не предприиму ничего недопустимого. Мой муж считает, что тебе просто необходимо расслабиться.

Она стянула с него робу и подвела его, утратившего способность сопротивляться, к бассейну с теплой водой.

— Послушай, это действительно правда, что у вас, на Таре, друзья сжимают друг друга в объятиях вместо касания кончиками пальцев? Может быть, для тебя будет правильнее сжать меня сейчас в объятиях, а? — Она весело рассмеялась и обвила его руки вокруг себя.

С ней было удивительно удобно — она подходила ему изумительно, он чувствовал податливость ее тела.

Слава и хвала тебе, Создатель, Дейдра, — эта женщина пытается соблазнить меня!

И хотя Дейдра не сочла нужным подать реплику, Сэмми не пыталась его обольстить. Просто от успокоительной ванны возникал тот же эффект, что и от ликера. Это было чувство доверительной интимности, которая иссушала любые страсти. Температура воды менялась неумовимо, вызывая во всем теле приливы то прохлады, то приятного тепла. Страсть истекала, не успев достичь верхнего предела. И это тоже было достижением зилонгской техники контроля за сексуальными проявлениями.

— Гими,— проговорила она, наконец, после долгого молчания. В ее глазах стояли слезы.

— Ну вот тебе и на, милая,— отозвался Симус.— Не о чем плакать, что ты.

— Почему ты не заберешь Мариетту с собой и не оставишь эту планету? Возвращаясь на Тару. Живи радостно и мирно со своим народом,— она склонила голову ему на грудь.

— Ну вот, прекрасно. Если говорить честно, мысль неплохая. Правда, я не уверен, что молоденькая женщина страстно мечтает вступить на борт моего потрепанного космического корабля. Не сомневаюсь, что старенький «Дев» — не та вещь, которая может привлечь женщину, которую ожидает такая блестящая, как у Мариетты, карьера,— Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь думал, что он заблуждается на этот счет. *И потом, неужели она затащила меня в свою ванну для того, чтобы рекламировать Мариетту?*

— Нет, Гими, ты ошибаешься. Она пойдет за тобой. Я знаю, она пойдет. Вы будете очень счастливы. Ты обретишь возлюбленную гораздо моложе, чем я. Ты должен уйти от нас. Совсем скоро ты должен уйти.

Все это время его голова покоилась у нее на груди, и она нежно перебирала его волосы. Намек на двусмысленное положение рассеялся; сейчас был только он и эта прекрасная женщина, путившая его в святилище своей любви.

Он дотронулся до ее лица; оно было напряжено от страдания, но под его нежным прикосновением стало мягким. Он почувствовал себя снова маленьким мальчиком, как в далеком детстве, а она была его нежной и любящей матерью.

Сейчас в этой пустыне, несмотря на ночной холод, он почувствовал, что все его тело горит в испарине. И это была не загорающаяся страсть от воспоминания этого материнского успокаивающего объятия. Оно отозвалось в нем болью.

Кажется, я рассыпаюсь на части. Дикие Гуси не мечтают о женщинах, когда находятся в боевой готовности.

Раздался стук. Он мгновенно поднял ружье. Возможно, это просто сорвался камень.

План путешествия был предельно прост. Транспортная колонна, состоящая из сорока изрядно нагруженных лошадей-тяжеловесов (их предки, возможно, не отличавшиеся породистостью, пришли с первыми поселенцами) и двадцати солдат со снаряжением и запасами продовольствия, должна быть переправлена к самому концу перехода через освоенные регионы планеты на

большом транспорте. Транспорт должен пересечь пустыню и прибыть к подножию гор и далее сопровождать их к форту на конце континента. Там они выгрузят снаряжение и запасы, несколько дней отдохнут, соберут концентрированные минералы, используемые в строительных сплавах, и, повторив переход, вернутся домой. Целиком путешествие должно занять не более двух недель, в крайнем случае — три, если настигнет песчаная буря. Кстати, это было впервые, когда О'Нейл услышал о штормах на этой планете. *Потрадж, опять ты вляпался!* Таким образом, поход мог закончиться за несколько недель до жатвы.

Это было довольно просто, особенно для цивилизации, последовательно и капризно ограничивающей применение техники.

С одной стороны, они использовали компьютеры, ничем не уступающие компьютерам с «Ионы», обеспечивали Город электричеством благодаря ядерному реактору в Инженерном Центре, смогли создать сложную монорельсовую систему движения в Городе и сплавы для строительства. А с другой — доставлять грузы предпочитали на лошадях. Единственный крупный планетолет, способный преодолевать большие расстояния, принадлежал «Комитету», как ему сказали, и использовался для «официальных» целей.

Эрни объяснял это стремлением сохранить гармонию на планете, за пределами Города. Причем, по тону голоса Музыкального Директора становилось ясно, что он излагает именно официальную версию.

Симус догадывался, что за этим стоит и желание держать под контролем ресурсы планеты, и стремление комитетов защитить коренных зилонгцев (для их же собственного благополучия, разумеется) от контакта с аборигенами или другими «чужовищами», пребывающими в дикости. Именно это словечко вырвалось как-то раз у рассерженной Карины.

— И этим Натом! — добавила сердито она.

— Кто он?

Она же надменно тряхнула головой и направилась к молодому юноше, ожидающему ее.

На следующий день после «приглашения» Симус направился в Институт Тела для прививки против болезней во время похода. Зилонгцы контролировали ситуацию с возможными заражениями в черте Города и освоенных окрестностях. В пустыне же дело обстояло иначе. Сэмми была очень озабочена. Она не знала, какие именно заражения там возможны, — Департамент по Прививкам не подчинялся ее Центру. Их исследования не публиковались, но любой знал, что сыворотки очень эффективны. Повода для опасений не было.

— Неужели людям вроде тебя и Эрни нравятся Фестивали? — неожиданно спросил О'Нейл. — Тебе не противно делить своего мужа с другими?

Сэмми отвернулась, чтобы поставить пробирку с вакциной в холодильник, из которого достала ее. Она стояла, напряженно вытянувшись.

— Конечно, нет. Ты думаешь, приятно терпеть грубые прикосновения работяг? Или ты воображаешь, что я обожаю этих молодых дур... которые обладают моим мужем? Это невыносимо. Но это происходит. И ничего нельзя исправить. Фестиваль — это часть нашей культуры. Это в нашем теле, мы всего лишь его пленники. Мы должны терпеть.

Она оглянулась. Ее глаза светились яростью.

— Теперь ты удовлетворен, Симус О'Нейл? — выкрикнула Сэмми. — Теперь ты знаешь о нас все, что хотел?

Чуть погодя, он продолжил:

— Тогда, во время первой половины Фестиваля, когда вы принадлежите друг другу без разбора, вы очень несчастливы. Люди вроде тебя и Эрни, искренне привязанные друг к другу, вынуждены все время лгать. Я требую, чтобы вы не подчинялись этим правилам, как бы добродетельны вы ни были. Я прошу, заклинаю тебя той ночью, когда спас вам обоим жизнь в подземке.

Она швырнула в него пустой шприц и выбежала из комнаты. Симус вздохнул.

Хорошенькие дела. Похоже, что их действительно разрывает на части. Ну что, глупцы во главе с Ее Преосвященством, довольны? Проклинаю себя за то, что сейчас сделал.

Когда наступил час прощания, Сэмми и Эрни откровенно загрустили.

— Они не посмеют сделать это, — причитала она. — У нас заключено соглашение...

— Они вольны сделать то, что считают нужным, моя дорогая, — Эрни беспокойно теребил накидку. — И ты это знаешь.

— А, бросьте, не нужно волноваться за меня, — Симус помахал им рукой. — Будьте уверены, космический скиталец сумеет постоять за себя. И почему я не рассказал вам о том, что произошло в баре на Третьей Колледжской, когда этот урод... — И он поведал им историю, столь же невероятную, как и то происшествие в подземке.

— Что ж, безусловно, ты убедил нас в своих возможностях и умении защищаться, — Эрни поднял бокал с ликером в знак уважения его достоинств. — Я-то сам был не в состоянии оценить

тебя тогда, но, судя по рассказу моей супруги, у тебя отличные бойцовские качества.

— Он страшный противник,— она восторженно глядела на Симуса.— У вас на Таре все поэты владеют приемами борьбы так же восхитительно, как и ты, Гими?

— Не совсем, не совсем,— смущенно слукавил Симус.— Я не самый лучший. Вы бы поглядели на Диких Гусей. Вот однажды я и один парень из Диких Гусей влипли в пьяную драку на Керре, и...

И понеслось.

Довольно быстро ему простили сцену в Институте Тела. Сэмми смотрела на него полными восхищения глазами, и когда они прощались в Военном Центре, порывисто поцеловала его и пообещала:

— Если ты будешь отсутствовать три недели, Гими, я задолжаю тебе шестьдесят поцелуев.

— Как минимум. У нас ставки повышаются, когда пациент покидает доктора.

Бог Мой, ведь она не верит и никогда не верила в эту шутку. Просто ей нравится целовать меня. Ну разве это не интересно?

Когда он заметил, что Мариетта внимательно наблюдала за сценой прощания, его настроение изменилось. *Прелестно, почему же эта молодая особа подглядывает за мной вместо того, чтобы ожидать в департаменте, как обещала?*

Он попытался скрыть замешательство и принялся атаковать девушку вопросами о возможных опасностях во время предстоящего путешествия.

— Никаких опасностей,— она старалась не смотреть на него,— самый обыкновенный поход.

— А дикие туземцы?

— Встреча с ними возможна, но опасаться их не приходится.

— Сколько их?

— По официальной версии несколько тысяч на всей планете.

— Меня не интересует официальное мнение,— он грубо схватил ее за руку.— Я хочу знать правду!

— Основная их масса не вооружена и боится нас,— она выдернула руку.— Я допускаю, что их десятки или даже сотни тысяч, но они не опасны для тех, кто не верит в детские сказки о том, что они пожирают людей.

— А чудовища?!

— Кто вам рассказал о них? — в ее глазах вспыхнуло презрение.— Несколько безобидных мутантов.

— Вооруженных?

— Если и вооружены, то устаревшими видами оружия.

— А зилонгцы?

— Вы не имеете права допрашивать меня, Поэт О'Нейл. Я буду вас защищать — это мой долг. Оставьте мои руки в покое. По-моему, я ясно дала вам понять, что физический контакт с вами мне неприятен.

— Новая песенка.

— Ну хорошо, хорошо, действительно, среди обитателей страны существует небольшая группа изгнанников и потомков ранних цивилизаций. Но я не собираюсь обсуждать эти вопросы, вам ясно? Теперь, извините меня.

— Только после того, как вы объясните, кто такой Нат.

— Он не существует,— она развернулась на каблуках и отправилась прочь.

Все, что она говорила, сказал себе Симус там, в пустыне, когда наблюдал за лагерем, ложь. Она лгала и даже не пыталась хоть как-то это скрыть.

Убаюканный образами двух прелестных женщин, О'Нейл провалился в сон.

Неожиданно что-то вроде сигнала тревоги зазвучало у него в мозгу. Он резко проснулся и включил генератор освещения. Все, что он увидел, напоминало стоп-кадр из фильма. Этот кадр выхватил из темноты мгновение, когда шайка туземцев и зилонгских союзников начала атаку.

Возбужденные аборигены, прищелкивая языками, хрюкая и зловеще ворча, приближались к лагерю, воинственно размахивая длинными смертоносными копьями. За ними, тяжело топая, следовали волосатые существа — согнутые, уродливые, омерзительные, вооруженные массивными палашами. Чудовища двигались медленно, но они были так огромны, что одним ударом могли уничтожить трех-четыре зилонгских подростков.

На заднем фланге наступала конница — шеголевато одетые солдаты верхом на лошадях, с длинными, тяжелыми пиками в руках, прямо как из старинных земных фильмов о Востоке.

Какого черта здесь делает кавалерия? Женщина не сказала мне и сотой доли правды!

Яркий свет генератора и ружейные выстрелы О'Нейла привели атакующих в замешательство. Всадники, как по команде, развернули пики, словно избегая вооруженного конфликта.

Туземцы ворвались в расположение лагеря, где были встречены сокрушительным залпом карабинов.

Я расшевелил их, слава Богу,— зло подумал О'Нейл.— Как раз вовремя. Он запустил еще один генератор освещения и продолжал палить по рядам атакующих противников. И хотя он

разделял в душе их намерения и цели, но понимал и то, что подобные стычки не принесут мир на Зилонг.

Дезориентированные лучами прожекторов и неожиданным отпором, туземцы обратились в бегство, давая возможность своим громадным и более напуганным союзникам отступать в более организованном порядке, прихватывая с собой ручные тележки с оборудованием из лагеря. Карабинеры в лагере безмолвствовали.

— Карабины! — воскликнул О'Нейл в отчаянии. — Эти придурки позволили им захватить ружья!

Он бросился вниз по склону к лагерю. Его ослепили вспышки гранат. Лагерь напоминал кровавую бойню. Солдаты метались в панике. Рета, чьи часы разбились вдребезги, съехившись, лежала на полу палатки, которую она занимала вместе с Мариеттой, истерически всхлипывая. Сержант Маркос, обхватив кровоточащую руку, изрыгал искусные ругательства, которые О'Нейл и не ожидал услышать от зилонгца, даже от вояки.

Он тряхнул парня.

— Где Пужон?

— Убит, — скорчившись от боли, выдавил Сержант.

— Мариетта?

— Они уволокли ее.

— Вы должны были пристрелить эту скотину, который надругался надо мной, — истерически вопила Кадет.

— С нами все кончено, — простонал Сержант. — Мы уничтожены. Они захватили все ружья, кроме моего.

— Что они могут сделать с Мариеттой? — О'Нейл с трудом выдавил из себя этот вопрос.

— Сожрут ее, понимаешь? Что же еще туземцы могут сделать с пленником? Они — каннибалы! — Сержант Маркос обезумел от боли и злобы.

Вопли Реты стали невыносимы. Да, это была тупая затея с самого начала. Теперь О'Нейлу придется иметь дело со сдвинутым сержантом и младшим офицером-истеричкой.

Он поднял Рету с земли и грубо тряхнул.

— Слушай меня, маленькая трусливая размазня. Тебе лучше забыть о том, что ты не кадровый офицер. Иначе никто из нас не вернется в Город живым. С этого момента ты командуешь подразделением. А если ты ни черта не смыслишь в линии обороны, то прочтешь об этом в учебнике к моему возвращению. Или я лично поджарю тебя на медленном огне! Ясно?

Он швырнул ее на землю.

К огромному удивлению, уже взбираясь по склону холма, он услышал ее тоненький голосок, отдававший отрывистые приказания.

Бедный ребенок! Что ты можешь сделать с одним карабином и поломанными копьями?

О'Нейл крался по голым безжизненным холмам без фонаря. Он доверился своему физическому инстинкту. Именно чутье должно подсказать в этой непроглядной ночи то место, где томится Мариетта.

И, как назло, в тот момент, когда он больше всего нуждался в нем, оно не сработало.

После нескольких часов безрезультатных поисков и проклятий в адрес Леди Кардины, он был опустошен, раздавлен, обессилен. Он исследовал все окрестности вокруг. Ни одного следа туземцев и этих омерзительных чудовищ.

Мариетты больше нет. Надо кончать поиски и возвращаться. Ну почему, почему она, профессиональный кадровый офицер, согласилась на это безумие, эту идиотскую экспедицию. — О'Нейл тряхнул головой. — Знала ли она, что шанс уцелеть — минимальный? Может, она хотела такого исхода?

Возможно. Да, тогда мне показалось, что жизнь для нее ничего не значит. Может быть, женщина не хотела больше жить?

Он тяжело вздохнул. И все-таки, она — самая стоящая женщина.

Люди умирают во время скитаний. Ты оплакиваешь их. Ты помнишь их. Потом уходишь и ты. И вы снова встречаетесь — пьете вино и смеетесь, вспоминая вашу жизнь.

Симус принадлежал к числу тех, кто не исключал возможности пропустить стаканчик-другой и посмеяться в загробном царстве.

Он прочитал молитву о ней и просил ее простить его за то, что не сумел помочь.

Он был солдат и должен был выполнять свой долг, даже если эти идиоты с «Ионы» и забыли обо мне.

Уже повернув к лагерю, он остановился в последний раз и оглядел долину. На одно мгновение ему померещился мерцающий огонек. Лагерь?

Он заставил себя снова подняться на хребет и пошел вдоль него. На самом краю ущелья он разглядел черневший внизу вход в пещеру.

Бесшумно он скользнул вниз по склону и неожиданно увидел двух нагих туземок, разводящих огонь. Мужчина около них грубым ножом из камня готовил вертел. Около скалы виднелись ребячьи головы. Никаких следов Мариетты.

Я могу прикончить их всех, но Мариетту этим не вернешь. И потом, откуда я знаю, они напали на наш лагерь, или другие?

И вдруг он ее увидел. У задней стены пещеры. Она была подвешена к скале, связана, без одежды, с заткнутым ртом, словно для заклятия.

Бог мой, жива ли она еще? Неужели они содрали с нее кожу?.. Есть только один способ выяснить это!

Туземцы блаженно ворковали друг с другом в предвкушении лакомства. До его ноздрей долетел запах дыма.

Стрелять в пещеру нельзя, иначе пуля рикошетом может задеть девушку. Он достал нож, добытый тогда, в подземке, и взял карабин за дуло, как дубину.

Даже если их больше числом, я тяжелее!

Он сделал глубокий вдох, пробормотал молитву и нырнул в пещеру, ревя, как разъяренное раненое животное.

Туземцы пришли в ужас, увидев рыжебородого гиганта. Два неуловимо быстрых приема, и женщины отлетели к стене, защищая своими телами детей. Мужчина вел себя более мужественно. Он повернулся лицом к нападающему, выставив перед собой нож. Симус испытывал к нему симпатию. Это существо решительно защищало свой дом, семью и добычу. Еще одно молниеносное движение, и камень выбит из рук туземца. Жесткий удар правой, и захватчик Мариетты вырублен на несколько часов.

Он освободил Мариетту от веревок, снял ее со скалы, перекинул через плечо и, подхватив карабин и тяжелый мешок, валявшийся на полу, выбежал из пещеры. Мариетта была без сознания. Ее беспомощно свисающее и болтающееся тело мешало Симусу быстро передвигаться, особенно при подъеме на перевал.

Вдруг он услышал, что она пытается что-то говорить. Уже на достаточно большом расстоянии от пещеры он вытащил кляп у нее изо рта.

— Болван, поставь меня на ноги. Отпусти меня! — приказала она. — Где ты прохлаждался? Почему тебе потребовалось так много времени, чтобы разыскать меня?

— Вот ты и заслужил благодарность, — от раздражения он сбросил ее довольно резко на землю. — У нас не было времени останавливаться. Они будут преследовать нас и поднимут на ноги весь клан.

— Идиот! Они этого не сделают. Они приняли тебя за огромного рыжего бога. Пройдет несколько дней, прежде чем они осмелятся покинуть пещеру. Мы могли бы передвигаться значительно быстрее, если бы ты не тащил меня на плечах.

Потом она добавила более мягко:

— Не считай себя обязанным рассказывать мне о Капитане. Я видела его, когда меня волокли из лагеря.

Неужели я не заслужил хотя бы малейшей симпатии? — удивлялся О'Нейл.

Она неуверенно поднялась на ноги и проговорила срывающимся голосом:

— Это был хороший человек, О'Нейл... Он заслуживал женщину достойнее меня.

Не зная, что ответить на это, О'Нейл сухо предложил взбираться на следующий перевал. Сверху, уже не в такой непроглядной ночной тьме, хорошо просматривалась пустыня. О'Нейл молча показал направление к лагерю. Мариетта кивнула.

— Но, О'Нейл, что за огни там, сзади?

Он повернулся и увидел отблески, поднимавшиеся с другой стороны хребта. Очень осторожно они обогнули скалу, чтобы заглянуть в следующую низину.

Мариетта схватила его за руку.

Долина, раскинувшаяся перед ними, представляла собой широкое, почти круглое углубление в земле, диаметр ее превышал милю. Каждый дюйм ямы был уставлен палатками с многочисленными пылающими кострами. И, несмотря на то, что почти все в лагере спали, О'Нейл и Мариетта отчетливо разглядели вооруженный патруль, охранявший лагерь. Да, это была отличная военная позиция, достойная профессионального военного. В самом центре располагалась группа более вместительных палаток. Рядом с ними стояли часовые, готовые к действию в любую минуту. О'Нейл был поражен, увидев этот семитысячный, а может быть, даже десятитысячный неприятельский лагерь.

Мариетта прислонилась к скале.

— Лагерь Ната,— прошептала она.— И всего на расстоянии одного дня перехода от обжитых районов. И на расстоянии трех дней пути от самого Города.

И хотя это было не самое удачное место для урока истории, О'Нейл не сделал бы больше ни одного шага до исчерпывающего объяснения происходящего.

10

— Я не одета,— протестовала Мариетта.

— Очень сожалею об этом, но сейчас темно, и именно сейчас твои тела меня совсем не интересуют,— это должно было поставить ее на место.— Единственное, что волнует меня в

данный момент — это правда о происходящем. И если я ее не услышу, то перегну тебя через колено и задам такое ускорение, о котором ты так мечтала с тех пор...

— С тех пор, когда увидела тебя целующимся с Директором Исследовательского Центра, — похоже, молодая женщина посмеивалась над его угрозами. — Ну хорошо, хорошо. Я расскажу все, что мне известно. Но предупреждаю, и я не все знаю. Даже высший состав не предполагал, что Нат так близко.

— Говори, — приказал Симус.

Она заговорила четко, толково, без лишних слов, как и подобает хорошему солдату. Симус готов был простить ей неблагодарность.

Как оказалось, на Зилонге по-разному обходились с теми, кто пытался активно изменять, или не соответствовал принятым устоям общества.

Часть из них «отправлялись к Богу» во время Фестиваля — ущербные, душевнобольные или слишком старые. Другие, их считали социальными нарушителями, исчезали в цистерне с кислотой. Были и такие, кто занимал важные посты или просто были слишком хорошо известны. Их ждала другая участь. Они публично изгонялись из Города во время специальной пышной церемонии. Это были те самые, про которых Сэмми и Эрни говорили, что «они больше не с нами». А та часть из них, которой удавалось не погибнуть в пустыне и джунглях, сбивалась в небольшие сообщества, боровшиеся за существование на крошечных отрезках обработанной земли, занимаясь охотой.

Волосатые существа, с которыми столкнулся О'Нейл во время вражеской атаки, были мутантами, получившимися в результате сбоев в генетических компьютерных программах. Их выдворили за пределы Города на верную смерть. Туземцы же отнеслись к этим уродливым существам, как к священным, и спасали всех, кого могли, дав толчок к развитию новой ветви гуманоидной расы на планете. Они превосходили аборигенов силой и выносливостью и были беззаветно преданы своим приемным родителям. Численность дикарей, достигших было полного исчезновения, стала восстанавливаться. Они начали охотиться за горожанами и убивать их при каждом удобном случае. Поедая их мясо, дикари надеялись стать такими же сильными, как и их жертвы.

— Участь, от которой ты меня спас.

— Хммм. Продолжай.

Туземцы облюбовали более теплый район планеты с другой стороны хребта, покрытый дикой растительностью, с источниками питьевой воды, и находились в состоянии неустойчивого перемирия с изгнанными зилонгцами, обосновавшимися с другой

стороны горного хребта, выходящего на пустыню. Иногда обе группы объединялись и совершали набеги в пустыне на рудный транспорт, однако, никогда не преступали Реки.

Пять лет назад, поведала Мариетта, блестящий зилонгский генерал был сослан к изгнанникам за попытку совершения революционного переворота.

— Он был одним из моих учителей, сумасшедший человек, с идеей, которая многим из нас казалась заманчивой. Он хотел свергнуть комитеты и стать Императором. После этого вернуть прежние свободы.

— Ты мечтаешь об императорской власти?

Темнота впереди него отозвалась глухим молчанием. Потом последовал странный ответ:

— Не думаю, что проживу так долго, чтобы интересоваться подобными вещами. Мне все равно, хотя, нет. Император, а особенно такой, как Нат, довольно скоро одну тиранию заменит другой. Нет. Я хотела бы свободы.

Вы только подумайте! После всех этих долгих лет люди на планете не забыли слова «свобода». Я надеюсь, Леди Дейдра, вы меня слышите и восхищены моим выбором избранницы.

Вслух он произнес:

— Продолжай дальше.

Нат не смирился на церемонии изгнания и угрожал вернуться и уничтожить Город. После его ухода поползли слухи, что он сколотил три группы из отверженных под его личным предводительством. Существование подобного союза (и даже подобных групп) не признавалось официальной властью. Преобладающая часть зилонгцев сочла эти легенды об империи Ната чушью. Так бедная Доктор Самарита пытается вывести все большее число прирученных диких особей — ведь она странным образом убеждена, что дикое племя туземцев, в сущности, угасает.

— Имеет ли Комитет представление о том, что армия Ната подошла к Городу так близко? — О'Нейл задал этот вопрос, чтобы систематизировать полученную информацию.

— Конечно, знают. Ты что, думаешь, сенсоры в пункте отправления не могут уловить такое скопление людей? Именно поэтому нас и послали в экспедицию. Они знали, что Нат будет преследовать наших карабинеров. Особенно они рассчитывали, что мы будем уничтожены.

— Так они шли за нами? — он прислонился к скале.

— Безусловно. Даже с твоими скудными умственными способностями можно было бы догадаться, что они шли за мной. Среди моего поколения растет недовольство. Ты знаком с Хорером

и Кариной. Таких, как они — сотни. Комитет знает, что я не присоединилась к ним. Пока не присоединилась.

Комитет знает и то, что если я перестану колебаться и сделаю выбор, то стану опасным бунтовщиком. А значит, я должна умереть, и Пужон, и Рета, и все остальные. Они просто счастливы избавиться от тебя, правда, могли бы добиться этого более простым способом. Мне жизнь безразлична, поэтому я и пошла.

Вполне допускаю, что и Ната предупредили они же. И что для них может значить жизнь небольшого отряда карабинеров в сравнении с потенциальной бунтовщицей, которую защищают стены подземки до тех пор, пока она в черте Города? — в ее голосе не было сожаления или горечи, хотя говорила она почти с отчаянием.

— Ты, женщина, рискуешь испытать тяжесть моей руки, комментируя мои умственные способности. А теперь скажи, если у Ната так мало шансов на захват города, зачем же он подошел к нему так близко?

Как же мне разобраться в этом винегрете? Заберите меня отсюда. Ведь это не наша война. И эту женщину заберите вместе со мной. Я дам ей свободу, о которой она мечтает. Такую свободу, что она даже вообразить не может.

— Возможно, он рассчитывает, что во время Фестиваля лазерное контрольное вооружение в Энергетическом Центре не будет подключено. Ведь это наша единственная серьезная защита от внешнего окружения, и я не уверена, что она обязательно сработает. Я знаю, что ты его не видел, как, впрочем, и большинство офицеров. Оно расположено за стеной, предположительно, под землей, и срабатывает от нажатия кнопки.

— И ты никогда не видела его в действии?

— Только на чертежах. Похоже, что действие его опустошительно. Обитатели внешней части страны очень боятся этого оружия. Однако, Фестивали с годами становятся все более бесноватыми. Возможно, капюшонники в сговоре с Натом, они могут уничтожить лазеры. Существование Ната доставляет огромное беспокойство Комитету. Я не осуждаю и не виню их, он очень свирепый и ужасный человек, — Мариетта задрожала.

— Ты так считаешь после того, как он покушался на тебя? Он хочет обладать тобой? Да?

— Да, он рассчитывает на это.

— Он тебя не получит никогда, ты поняла меня?

— Тебя я боюсь больше, чем его.

Славно, что бы это значило? Не похоже на злую оплеуху с твоей стороны. Это мудро и осторожно. О'Нейл размышлял. В его задачу не входила война ни с Натом, ни с зилонгцами. Да,

он разведывал ситуацию для «Ионы», надеясь, что она все еще на орбите и поможет Мариетте и ему выпутаться. Чувство долга и ответственность он несет только перед своими соплеменниками по полку и скитаниям.

Мариетта прервала его раздумья, снова схватив за руку.

— О'Нейл, посмотри, они пытаются совершить налет.

В растворяющихся сумерках он увидел группу из шести огромных гротескных волосатых чудовищ, двигавшихся цепочкой по гребню горы. Они были нагружены ружьями и двигались прямо на них.

— Наши карабины,— прошептал Симус, снимая с предохранителя свой.— Как ты думаешь, глушители не помешают этим реликтам?

— На таком расстоянии, на котором нас собираются расстреливать — не думаю,— выразительно отозвалась она.

— Я начну с задних, ты берешь передних. Стреляй короткими очередями. Похоже, эти существа медлительны и неповоротливы. Другого шанса у нас не будет. Когда я скажу «огонь», делай, как я сказал. Иначе наша молодежь не дожидется восхода. Рета будет лакомым кусочком для некоторых дикарей.

Она стреляла отлично. Не хуже О'Нейла. Чудовища быстро погибали. *Бедняги*,— сочувственно подумал О'Нейл.— *Мне не нравится убивать вас. Господи, от этого можно спиться.*

Потом они с Мариеттой быстро собрали карабины, снова вскарабкались по склону и направились к лагерю. Когда они добрались до последнего перед лагерем зилонгцев невысокого перевала, Мариетта засвистела. Послышался ответный свист.

— Все в порядке,— прошептала девушка прямо ему в ухо.— Рета знает, что это я.

Молодые солдаты, сурово сжимавшие копыя, забились за небольшие скалы над расположением лагеря. Сержант был забинтован и выглядел сильно помятым. Рета овладела собой полностью, была собрана и решительна. Увидев их приближающиеся фигуры, она бросилась навстречу и накинула на голые плечи Маржи (на которые О'Нейл отказывался смотреть, не говоря уже об остальных частях тела — ну, если откровенно, то если и взглянул, то мельком) одежду, и взяла из ее рук тяжелую связку оружия.

Взвод был готов к сражению, и, несмотря на то, что они вряд ли были способны на длительное сопротивление, вид у них был решительный. Рета боролась с искушением обнять своего командира.

— Как хорошо, что вы вернулись невредимой, благородный Лейтенант.

— Согласна, это действительно неплохо,— отозвалась Мариетта.

— А на меня это не распространяется? — возмутился О'Нейл. Рета покраснела и, смутившись, быстро отвернулась.

— Разумеется, Благородный Поэт, спасший всех. Что бы мы делали без вас?

— Прекрасно, по крайней мере, хоть один человек проявил благодарность.

Черт бы их всех подрал, бесчеловечное племя.

Начисто забыв о том, что он ничего не должен смыслить в военном деле, О'Нейл предложил вновь вооруженным зилонгцам занять другую позицию — на невысоком холме. С тем, чтобы при атаке иметь возможность быстро скрыться за следующим перевалом до того, как они будут обнаружены.

Мариетта бросила на него испытующий долгий взгляд и кивнула головой.

— Это превосходная тактика, Поэт О'Нейл.

В полдень Нат послал многочисленный отряд в атаку на них — эскадрон чудовищ, взгромоздившихся верхом на лошадей, в сопровождении дикарей, вооруженных копьями. Назначение кавалерии было совершенно непонятно. Ей предоставлялась возможность броситься под первый же залп, туземцы же отдавались на милость ураганного огня зилонгцев. В результате около тридцати — сорока трупов дикарей валялось на территории лагеря, причем ни один из зилонгских солдат не был даже задет.

Сам не Нат появился на перевале в окружении всадников, оставаясь вне досягаемости выстрелов карабинеров. На нем была пламенеющая темно-красная накидка. О'Нейл готов был побиться об заклад, что его окружение составляли представители изгнанных фамилий — императорские стражи.

Между Натом и зилонгским взводом, истощенным и измотанным первым успехом, раскинулось широкое пространство перевала.

Первая же грамотная кавалерийская атака вырезала бы зилонгцев до основания. О'Нейл видел обрамленное густой черной бородой побледневшее и искаженное бешенством и злобой лицо Ната. Видимо, не желая больше рисковать, он развернул свой отряд. В лучах поднимавшегося рассвета они начали спускаться с хребта.

Мокрая курица, брезгливо подумал О'Нейл. В подметки не годится Диким Гусям.

Симус взял на себя роль командующего офицера. Он подозвал Рету, Маржи и Сержанта Маркоса на короткое совещание.

Пытаясь изо всех сил говорить сухо и формально, по-зилонгски, он задал вопрос:

— Маржи, прошлой ночью ты говорила, что туземцы не отваживаются вторгаться в пустыню. Они боятся этого места?

Она кивнула.

О'Нейл продолжил:

— Наш единственный шанс — добраться до Гипериона... Попытка вернуться в пункт отправления вынудит пробираться ближе к горам, и у нас все шансы испробовать на себе приемы вашей медицины. Нужно изменить тактику — взять направление прямо на океан, далее вдоль берега — к форту. Этот путь дольше, но, таким образом, нам придется следить только за одним берегом. Дикари вряд ли рискнут углубиться в пустыню так далеко.

А если наш друг Нат со своими придурками последует за нами, у нас будет возможность приготовиться к встрече, — он повернулся к Мариетте. — Сколько времени займет такой переход?

— Верхом на лошадях — два дня, — ответила она.

— Но ведь у нас нет лошадей, — робко заметила Рета.

— Тогда пойдем пешком. Это будет вдвое дольше. Прибавим еще два дня на безопасность, так, итого имеем шесть дней, верно? — Все, кроме Мариетты, согласно кивнули.

Она стояла очень спокойно и с нескрываемым удивлением разглядывала его. О'Нейл понял, какие мысли вертелись сейчас у нее в голове. Да, девушка была сообразительна, весьма, весьма.

— Необходим запас пищи и воды, — продолжал он, — на шесть дней. И достаточный для двух привалов запас топлива. Все лишнее уничтожить. Если останется свободное место в мешках — заполнить водой. Через два часа выступаем.

О'Нейл решительно поднялся. Остальные были в замешательстве и не знали, выполнять ли его распоряжения или ждать приказа командующего офицера.

Мариетта подтвердила:

— Мы выступаем через два часа, как предлагает Капитан О'Нейл.

Майор, если уж начистоту. Вслух он любезно поблагодарил:

— Спасибо за присвоение звания, Маржи, но мне больше нравится Поэт О'Нейл.

Она дала ему понять взглядом, что не верит ни единому его слову.

Ночью, во время привала, когда спал весь их небольшой отряд, за исключением часовых, О'Нейл очнулся от глубокого сна, испытав очень неприятные ощущения. Переход через пустыню измотал его, и он заслужил, черт побери, право выспаться. Он

старался перебороть возникшее беспокойство, и вдруг услышал прямо над собой угрозу:

— Проснись, О'Нейл, иначе я убью тебя во сне.

Этого было достаточно, чтобы страхнуть с него сон. Отлично! Он лениво приоткрыл один глаз. В свете висящего над входом в палатку фонаря он увидел вырисовывающееся злое и суровое лицо Мариетты. Ее карабин упирался прямо в живот О'Нейла.

— Деточка, милая, мужчина должен выспаться. Опусть эту штуку, а утром поговорим,— он закрыл глаза и повернулся на бок.

— Нет, не будем откладывать. Или ты расскажешь мне всю правду сейчас, или я убью тебя,— решительно выпалила она.— Мне не очень нравится убивать, но за сегодняшний день на моем счету столько убийств, что вряд ли я остановлюсь еще перед одним.

В ее тоне была холодная решимость. Симус окончательно проснулся, и, разглядывая направленный на него ствол, пробормотал:

— Женщина, приди в себя.

— Когда мы познакомились, ты утверждал, что никогда не был солдатом, только странствующим поэтом. С момента, когда ты появился в Военном Центре, ты вел себя, как профессиональный военный — следил за внешним видом ребят, организовал сегодняшнюю засаду, предложил план перехода, очень продуманный. Ты проявил отличные военные знания и навыки.

О, господи, она сумасшедшая.

— Прекрасно, мощное умозаключение,— он пытался отвлечь ее от навязчивой мысли.

— Мы теряем время, О'Нейл. Одной левой тут не справишься. Итак, что ты тут делаешь? Почему ты лгал мне, Самарите и Орнигону? На этот раз правду хочу знать я.

Она вплотную прижала дуло ружья.

Он продрал глаза. *Существовало так много приятных вещей, которыми можно было бы заняться со стоящей молодой женщиной в это время суток...*

— Я не хотел говорить о том, что был когда-то офицером, чтобы не объяснять, почему мне пришлось оставить это занятие. Я опасался, что ты будешь презирать меня, если узнаешь, что я был разжалован,— Симус попробовал вызвать в ней сострадание, но, кажется, с нулевым эффектом.

— Почему ты был разжалован? — рявкнула она.

Да, никакого сострадания...

Он понял, что следующий вопрос будет о том, почему при тестировании в Институте Тела это не было замечено, и решил предвосхитить его, сбив тем самым ее напор.

— Я не знаю, почему ваши пробы этого не выявили. Может быть, из-за того, что когда на Таре тебя вышвыривают с военной службы, то перепрограммируют мозги. Навык-то сохраняется, но о прошлой своей карьере забываешь начисто.

Ружье отодвинулось назад на долю дюйма. Бог мой, она, кажется, призадумалась.

— Я вынужден был заботиться о безопасности моих людей. Когда судебное разбирательство закончилось, мои друзья сказали, что это были политические игры. Я ничего не мог исправить. Между прочим, я был Комендантом, майором.

Что же, ты решил покрасоваться перед дамой?

Хочешь произвести на нее впечатление?

А почему бы и нет?

— Ты работаешь на Комитет? — и снова дуло ружья уперлось в его живот.

О'Нейл заскрежетал зубами.

— О Господи, почему я должен работать на этих трутней?

— Тогда на капюшонников? — настаивала она. — На этих хулиганствующих анархистов?

— Ты в своем уме? Неужели Сэмми не рассказывала тебе о стычке в подzemке?

— Да, немного, — мрачно подтвердила девушка. — Тогда на Молодежный Союз?

— На кого?

— На студентов, радикально настроенных военных — Хорера, Карину, Яна и других. Ты, кажется, дружен с Хорером?

— Да ничего подобного. Я никогда не чувствовал симпатии с их стороны. А кто такой Ян?

— Запрограммированный супруг Реты. Он один из руководителей Молодежного Союза.

— Слушай, ну неужели я похож на человека, который станет связываться с сопляками? — Он хотел, чтобы его голос звучал зло, и поймал себя на том, что действительно заводится.

Чертова сука...

— Четвертый Секретарь, который занимается этими вопросами, очень боится этих ребят. Все они грамотные специалисты и через несколько лет займут высокие административные посты в Городе.

— Да меня не волнуют страхи этого уродца. Я не собираюсь вникать во всю вашу чепуху, если хочешь знать.

— Если я правильно поняла, ты не имеешь дела ни с кем из них? — теперь карабин почти не угрожал его жизни.

— Хочу напомнить, что недавно я вырвал тебя из лап кровожадных дикарей — факт, который остался незамеченным вашей милостью.

— Это может быть и частью коварного плана,— вяло отозвалась девушка.

Пора кончать с этим.

— Так, хорошо, Маржи, девочка моя, все, что произошло — это коварный заговор. Ты должна или пристрелить меня, или отпустить. Реши это наконец. Если ты думаешь, что сможешь провести этих детей до Гипериона, тогда ты чересчур самонадеянна. Ты можешь мне не доверять, мне наплевать, но ведь на кого-то ты должна опереться. И я — единственный человек из твоего окружения, который может помочь. А теперь оставь мою палатку и дай мне выспаться, или, если ты хочешь испытать на себе тяжесть моего тела — милости прошу,— он повернулся к ней спиной, совершенно уверенный в том, что выстрела не последует.

— О'Нейл... — жалобно проговорила девушка с порога палатки.

— Ну что еще? — нетерпеливо и раздраженно переспросил он.

— Я очень благодарна тебе за то, что ты избавил меня... от... кровавой обеденной расправы.

— Прекрасно, хвала Бригиде, Брендону, Патрику и Колумсайлу, не прошло и двадцати четырех часов, как ты выжала это из себя.

— Пусть все эти славные друзья твоего Бога не покинут эту палатку...

Ну разве это не восхитительно?

Желаю бедняжке Рете того же, ведь она страшно опасная революционерка, а путешествие предстоит тяжелое.

На следующий день, спустя изрядное время после наступления темноты, они пересекли цепочку песчаных дюн, отделяющих берег океана от пустыни. Вода манила к себе, огромные белые буруны катились по темно-синей поверхности океана. Но было слишком холодно, и освежаться не тянуло. О'Нейл окинул взглядом предстоящий путь. До Гипериона было еще изрядное расстояние. Все, чего им следовало опасаться, были Комитет, Нат, Молодежный Союз, капюшонники и туземцы. Интересно, о чем еще умолчала женщина? Она характеризовала командира форта как высокопорядочного человека, не имеющего никакого отношения к заговору Комитета. Тем лучше. Возможно, их ждала передышка. А что дальше? Ведь они обязаны вернуться в Город. Единственное, о чем мечтал сейчас О'Нейл, это о небольшом военном судне, вроде «Томаса Дохетри», скоростном и мощном корабле, при помощи которого можно было бы взорвать всю эту проклятую планету к чертовой матери.

Дейдра, моя госпожа, как ты могла приговорить меня к такому суровому испытанию... Нет ответа на этот вопрос. И никогда не будет. Ты забыла о моем существовании.

На следующее утро он был мрачнее обычного. Маржи подошла к нему, когда начали разбивать лагерь.

— Пойдем, прогуляемся к берегу,— игриво предложила девушка.

— Мужчине трудно отказаться от подобного предложения.

— Ты действительно был майором на Таре? — прямолинейно и грубо спросила она.

— Хмм,— он кинул песком в набегающую волну.

— Я имею в виду до разжалования. Или ты и это придумал?

Он никогда не отказывал себе в удовольствии быть правдивым, если позволяли обстоятельства.

— Как я уже говорил, я был Комендантом. Майором. И,— добавил он раздраженно,— мне плевать, моя дорогая сучка, веришь ты мне, или нет.

— Не думаю, что мне хочется спросить, что значит «сучка». Сколько тебе лет?

— Дай подумать. Так, двадцать пять по-нашему. Значит... около тридцати ваших лет.

— Тогда ты на пять лет старше меня.

— О, так много? — поиздевался он.

— Ну, не так уж и много,— *Да никак она смутилась?* — но не слишком ли ты молод для такого ранга?

— Способности у всех разные,— коротко парировал он.

— И все же...

— Пусть будет по-твоему. Да, я слишком молод для такого звания. Стало быть, я был хорошим солдатом.

— Ну, это несомненно,— подтвердила она кивком головы.— Ты гораздо более опытный командир, чем я. И я вынуждена довериться тебе. Как ты правильно сказал, у меня нет другого выхода. Ты должен взять командование на себя. И еще, майор О'Нейл...

— О, лапушка, ты можешь обращаться ко мне менее официально — просто Джими.

Она стояла, поджав губы, руки были на бедрах. Она не отреагировала на его дружеское предложение.

— Хотя мы и не были женаты с Пужоном, теперь, после его смерти, я вдова. И я не собираюсь искать новых знакомств. Во всяком случае, в обозримом будущем. Я никогда не приму

предложений подобного рода. Я ясно выразила свою мысль? — ее прелестное личико было суровым, брови нахмурены.

— А с чего ты решила, что меня это трогает? — хамски отозвался Симус.

Она снова горько улыбнулась.

— Все верно, ведь я же сучка. Насколько я поняла, мужчине из вашего мира не пристало связывать свою жизнь с такой дрянью, как я.

Она резко развернулась и направилась к лагерю.

— Это зависит от них,— крикнул вслед Симус.

Она не оглянулась. *Эх, все женские прелести при ней, не так ли? И всем этим можно распорядиться гораздо интереснее, чем наносить уколы по ее женскому самолюбию. Достаточно с нее простого предупреждения.*

Он тут же осудил себя за подобные мысли во время военного похода. Но эта тема его не покидала, совсем.

Как только она передала ему командование, отношение к нему изменилось. После этого дня ее напряжение уменьшилось, она стала улыбаться. А два дня спустя уже отпускала шуточки и заставляла солдат смеяться. С ним же была подчеркнута и нарочито серьезна.

Ее юмор поддерживал бойцов в этом трудном и изматывающем переходе. По мере продвижения О'Нейл распорядился сократить норму потребления воды наполовину, а затем еще вдвое.

Они никогда бы не смогли осилить этот переход, если бы продолжали идти днем под палящими лучами, ведь это только увеличивало жажду. О'Нейл принял решение совершать марши в ночное время, а затем отдыхать. Это немного замедлило продвижение — ведь не каждую ночь светили луны — и преодолевать в полной темноте сыпучие дюны было еще труднее. Зато они были менее заметны для врага. Однажды вдали на вершине песчаного холма он заметил пыльное облако. Песчаная буря? Или кавалерия Ната?

Да и песчаные бури заметно осложняли переход. К счастью, чаще они случались в дневное время. Симуса не покидала мысль о том, сколько карабинов было все еще в исправном состоянии?

На седьмой день Мариетта и Симус приютились вместе на склоне большой песчаной дюны. Капюшоны их накидок были опущены на лица, чтобы хоть немного защитить кожу от больно секущего песка.

— Эта ночь будет последней,— он старался перекрыть ветер.

Мариетта потянула капюшон, и между ними образовалось что-то вроде соединяющего тоннеля.

— Да, если твои расчеты были верны. В противном случае нам негде будет добыть глоток воды,— она посмеивалась над ним или вместе с ним, так вернее, ведь она полностью доверяла его опыту. Он решил не уточнять, что они в походе уже на целые сутки дольше. Завтрашнее время прибытия было максимально допустимым. После этого начнется паника.

Он натянул свою накидку на них обоих, чтобы было удобнее беседовать.

— Может быть, мне следует поддержать Рету, помочь ей идти? Мне показалось, что у ребенка ноги совершенно сбиты, она не может идти самостоятельно.

— Ведь ты сказал ей тогда, в первом лагере, что она плохой солдат. Теперь она из кожи вон лезет, чтобы доказать тебе, что это не так. Она из числа тех глупых и несчастных женщин, Симус О'Нейл, которые испытывают потребность производить на тебя впечатление.

— Хорошо, что ты не такая. Мне бы в голову такое не пришло,— он порывисто обнял ее. Она не пыталась сопротивляться.

Симус сначала робко поцеловал ее обветренное, иссеченное песком лицо, затем его поцелуи стали неистовыми. Вся нежность и любовь к ней, так долго сдерживаемая, выплеснулась наружу. Он ощутил ее ответное волнение, ее упругую грудь, ее дыхание... Между ними пробежал огонь. И вместе со страстным желанием пришел страх, ее страх. Она отвернула лицо.

— О'Нейл, ты невыносим. Целоваться во время песчаной бури,— Ее голос дрожал.— Я для тебя все еще бесчувственная дрянь, да?

— Как любила говорить моя бабушка, сейчас для всего и время, и место. Тем более для бесчувственной — замечь, прилагательное твое. Я выношу последний приговор.— (Симус никогда не знал своей бабушки, но сейчас это не имело никакого значения). Он снова поцеловал ее. Она мягко отстранилась.

— Ты хороший парень, Симус О'Нейл. Ты даже сам не знаешь, какой ты хороший. Добрый, нежный, никогда не обидишь слабого. Наверное, я больше не увижу тебя после того, как наша миссия будет окончена. Я хочу сказать, что благодарна судьбе за встречу с тобой,— она нежно дотронулась кончиками пальцев до его губ и выскользнула из-под накидки, побежав к основной группе вояк.

Это следует понимать таким образом, что если я захочу ее, то она не будет возражать?

Он провел несколько бесконечно долгих часов без сна, постоянно думая о том, что произошло между ними. Впереди предстоял трудный ночной бросок.

Я надеюсь, вы слышали слова этой девушки, Дейдра. А ведь я всегда говорил, что ваши дураки не в состоянии оценить моих достоинств. И все-таки, хорошо бы добраться до форта Гиперион до завтрашнего полудня. Одному Небу известно, что у молодой женщины на уме.

О'Нейл шагал в ночи, у него на руках спала Рета. Она совершенно выбилась из сил. Ее ноги кровоточили, ее невесомое тельце содрогалось от боли.

Он подхватил ее. В его сильных руках она выглядела маленьким ребенком. Правда, у этого ребенка были совершенно прелестные маленькие груди.

Яну, или как там зовут этого молодого идиота, досталась стоящая женщина.

— Я могу идти сама,— слабо протестовала Рета.

— Ты должна подчиняться старшему, если желаешь себе добра,— притворно ворчал он.— Кроме того, мне доставит огромное удовольствие вступить в форт с прелестной молодой женщиной на руках, тем более, что эта ноша невесома.

Молоденькая девушка залилась румянцем и зарылась у него на груди.

Спустя короткое время после этого разговора майор Симус О'Нейл привел свой измученный, голодный и умирающий от жажды отряд к открытым воротам форта Гиперион. Большая часть «вояк» сразу же повалилась на землю, как только оказалась под защитой стен форта. Он нежно опустил свою невесомую ношу и, закутав ее в накидку, звонко поцеловал.

— Ты отличный солдат и великолепная женщина,— шепнул он ей на ухо. Она блаженно улыбнулась сквозь слезы благодарности и удовлетворения.

Ваше Святейшество, это вы виноваты в том, что я влюбляюсь решительно во всех женщин на этой планете.

11

Первое, что сделал О'Нейл — обрушил всю свою ярость на стол с военными картами.

— Проклятье!

Карты разлетелись по полу.

Он устало поднял их и разложил на столе. Прямо перед его глазами оказалась карта Зилонга с подробным планом форта и его окрестностей. Гиперион был расположен в отличном месте. Здесь можно было дожидаться, когда приземлится «Иона» или подаст сигнал о возвращении. Здесь был большой запас отличной пищи, прекрасное удобное жилье, дружеское расположение обитателей. А главное — он мог каждый день встречаться с Мариеттой. Ну, чего еще?

Форт располагался на самом краю континента, вдававшегося своей оконечностью в океан. Земля на территории форта была покрыта сплошным зеленым ковром, с чистейшими источниками питьевой воды, свежим воздухом. Рядом располагалась фабрика по переработке джута — Гиперион мог существовать совершенно независимо от остальной части Зилонга.

Чуть ниже форта, с противоположной стороны, располагался рудник, который и должен был охранять и защищать форт, так ему объяснили местные.

— На них используется труд рабов — туземцев, — недовольно ворчал он.

— А кто в этом больном мире не раб? — отозвалась жена коменданта форта.

— А вы неплохо тут устроились, — оценил Симус их положение в разговоре с самим комендантом.

— Да, мы могли бы стать полностью независимыми, — гордо проговорил гениальный комендант, обаятельный сорокалетний мужчина. Он был хорошо сложен: широк в груди, с узкой талией. — Человек вашей культуры, наверное, уже отметил, что Город — это пережиток, анахронизм.

— Да уж, — подтвердил Симус. Вообще, этот парень, Кцар, очень напоминал Гармоди, разыгрывая из себя этакого бравого вояку, на самом деле он был непокорным и хорошо развитым человеком.

— Кто бы там не одержал победу, я надеюсь, что это будет не такой безмозглый простофиля, который сейчас у власти. Ему будет необходим наш форт. Минералы, которыми мы располагаем, уникальны. И уж если так произойдет, ему придется считаться с нашими условиями и интересами.

— Так вот почему человек с таким опытом и образованием предпочитает нести службу в таком глухом месте. — если уж Симус брался лстить, то не уступал никому.

— И с легким сердцем. Я сделал все, чтобы оказаться в этих местах, — он наполнил ликером бокал Симуса. — У меня не возникает желания присоединиться к Нату.

— А если он вышвырнет вас отсюда? — Симус блаженно потягивал вино. *Стоящая женщина да бутылка стоящего вина — что еще нужно одинокому мужчине? Особенно, если по всем признакам «Иона» больше не существует?*

— Не хотелось бы это испытать,— хохотнул комендант в ответ.— Да и императором становиться неохота. У императоров слишком короткая жизнь.

— И все же, вы могли бы сразиться с ним? — Симус осушил очередной бокал. Его трудно было оставить под столом во время пирушки.

— Только если он попытается захватить мое место, чего ему не видать,— управляющий рудником гордо взмахнул рукой.— Никому это еще не удавалось.

— Как ты думаешь, когда они попытаются совершить переворот? — Симуса изрядно развезло, но он владел собой лучше, чем комендант.

— Ну, например, во время следующего Фестиваля,— вздохнул тот.— Неистовства с каждым годом все больше и больше. Наше счастье, что до этих мест еще не докатилось это безумие. Даже если бы у нас не было...

Кцар осекся. Хотя он и был изрядно пьян, но, видимо, было что-то весьма секретное, может быть, самое важное для Симуса и его разведывательной миссии, чего этот парень не собирался раскрывать дружелюбному чужаку-посетителю.

— А чем вызвано такое неистовство? — Симус пытался задать вопрос небрежно, как бы случайно.

Кцар наполнил бокал Симуса аппетитным розовым желе, очень похожим на взбитые сливки. Симусу пришло в голову, что в бокале проступил образ женщины.

Конечно Маржи. Очаровательная женщина, хоть и чересчур напористая. Э, нет. А, может быть, это Леди Кардина? Да полно, стала бы она подглядывать за двумя выпившими мужчинами?

— Думаю, что для такого искушенного в жизненных делах человека, как вы, очевидна болезненная и опасная аллергическая реакция. Несколько лет назад эти болваны вывели новый сорт джута. Ожидалось, что с тех же площадей будут снимать значительно больший урожай. Можно подумать, что до сих пор нам не хватало. Фестивали и прежде были достаточно безудержными. Поначалу никто этого не замечал, ну, что нравы становятся все более дикими... Ну а потом мы так втянулись, что уже было поздно что-то менять. По моей теории, каждый последующий год население становится все более восприимчивым и чувствительным к воздуху во время сбора урожая.

— Интересная теория.

— Это не только теория, парень. У нас здесь не выращиваются новые сорта, зато и бесноватости нет. Разве этот эксперимент не подтверждает мою правоту?

— Да, пожалуй. И вы здесь не отмечаете праздник Фестиваля так, как в Городе?

Коменданта качнуло.

— Ты об оргиях? Я положил этому конец, как только занял это место. Ерунда. Женщины всегда ненавидели этот обычай. Еще и до меня. А знаешь, почему они нуждаются в нас? — он самодовольно хихикнул. — Мы снабжаем их противоядием.

— Да ты что?

— Да, дорогой. У нас здесь, на случай, если появится нужда, есть запас, любопытное химическое соединение, маленькие пилюли со смесью... но я не хочу тебя утомлять, парень... понял. — И бедняга отключился.

Симус неуверенно встал, его изрядно покачивало. *Знатный вечерок, однако.*

— Вы двое — хуже малых детей, — это появилась миловидная супруга Кцара, словно по расписанию. — Выпиваете, хвастаете и стараетесь переплунуть друг друга.

Она перетащила своего благоверного на кушетку. Казалось, что их проделки ее больше забавляют, чем сердят.

Клянусь, если бы она была моей женой, мне бы не захотелось, чтобы ее лапал кто попало. Совсем, совсем. Была бы у меня стоящая баба... Лапушка, э, да она у меня же есть, вот только жаль, что я не могу вспомнить ее имени. А ведь она предлагала себя, ей-ей, но, кажется, я сейчас не готов.

— А твой мужик — гигант, — Симус неуверенными шагами направился к двери. — Но насчет выпивки — слабак, не то, что я. Ну что, оставил он меня под столом, а?

— Невелико достижение. Я тоже так могу, — она благодушно улыбалась, — Отправляйся-ка к своей Мариетте, пока не свалился без памяти, как мой.

Так вот, как ее зовут.

— Я не сплю с ней, поняла? Она лакомый кусочек, но это не значит, что я кинусь к ней, поняла?

— Да, поняла, поняла, — она присела на кушетку к мужу и взяла в свои ладони его руку, — Ты сказал, что не спишь с ней. Вы, из внешнего мира, немного странные. Нас вынуждают к безбрачию, но мы избегаем этого, как только можем. У вас не принято безбрачие, как я догадываюсь, а вы предпочитаете такие отношения. Как это объяснить?

Что-то в ее рассуждениях было не так, но мозги Симуса с трудом ворочались. Кроме того, женитьба на подходящей женщине — это ответственное дело. Это не делается наскоком.

— Да мы все с чудесами, когда дело доходит до секса, разве нет?

— Согласна... — деликатно поддержала его женщина. — Я здесь, здесь, мой дорогой, — она погладила мужа по щеке. — Утром ты будешь в полном порядке. В крайнем случае — днем.

Симус достойно одолел переход в убежище. На свою собственную кровать в офицерской гостиной. Не к Мариетте.

И все-таки жизнь прекрасна, когда душа в душу. Очаровательная женщина днем на берегу, во всех ее одеждах, занимает тебя больше, и вовсе не эти язычники, куплющиеся во сне. Да хорошая выпивка — чего еще желать?

Проблемы, конечно, были, но это скорее его промахи. И Мариетта стала для него главной загадкой. От полного презрения к О'Нейлу ее качнуло к поклонению. Конечно, это лучше, он не сомневался. Но как и большинство женщин, с которыми он сталкивался, она решила, что поклонение даст ей право забавляться им. И теперь молодая женщина посмеивалась над ним каждый раз, когда они были наедине, даже когда он не старался ее развлекать.

— Да, Джимми, теперь я хочу жить, — Шумный смех. — Да, я изменила свое мнение на этот счет. Разве это запрещается? — Снова взрыв веселья. — Ты готов? — Хриплые звуки хихиканья. — Тогда кто?

Вы всего несколько раз целуете женщину среди бескрайней пустыни, и она уже ведет себя так, словно имеет на вас права.

Конечно, она стоящая женщина, подходит мне, но не жениться же, в самом деле, вот так, сломя голову?

Испугался женщины? Это я, Симус Финбар О'Нейл?

Да, да, ты!

Она ведь — сущее наказание, ну разве не так?

Вы меня понимаете?

Дальше, когда он не был целиком поглощен мыслями об этом очаровательном наказании, существовала проблема, связанная с его взводом.

Сражение в пустыне сделало их «его» ребятами. Не такими, конечно, как отряд Диких Гусей, но все же бравыми молодыми бойцами, за которых он нес личную ответственность. И, несмотря на это, они что-то замыслили. Даже этот прелестный маленький ребенок Рета. Они скрывали свои планы от него, а это плохо. А, может быть, скоро они посвятят его в тайну. Неизвестно, что хуже.

Все это занимало его постоянно. И в конечном счете его окружали люди, о которых нужно заботиться. Люди, которые, каждый по-своему, любили его.

Ох, вот о чем следует подумать! Женщина хочет затаскать меня в постель, а эти сопляки — в заговор. А я — всего лишь обыкновенный поэт и шпион в силу обстоятельств.

Я не могу дальше выносить эту неопределенность. Праздное безделье рядом с самой красивой женщиной немного скрашивает мое двусмысленное положение.

Если бы вы могли понять...

Как только Симус устроился и привел в порядок свои мысли, появился Четвертый Секретарь со своим штабом (к большому огорчению Кцара). Штабные напоминали полицейских. Реакцией Кцара была холодная вежливость; он не хотел иметь ничего общего с Комитетом, но вынужден был проявлять лояльность к представителям власти, хотя и с другого конца континента.

О'Нейла занимала мысль о том, как же этот парень будет выбирать между Натом и Секретарем.

О'Нейла проинформировали, что целью визита было торжественное сопровождение Благородного Гостя и отважного Капитана (О'Нейл отметил это повышение в чине) в Город после столь «жестокоего испытания». Лейтенант Рета (еще одно продвижение) сможет провести назад остатки отряда, конечно, после полного восстановления сил.

Кцару эта идея пришлось совсем не по душе. Но он был солдат и умел отличить ультиматум от пожелания. Четвертый Секретарь был первым из зилонцев, к которому О'Нейл испытывал постоянную неприязнь. Этот лживый урод был из породы людей, хорошо известных на Таре — скользкий бесчестный политикан.

— Ну и что ты думаешь об этом? — беспокойно спросила Маржи, когда они выглянули в огромное окно апартаментов Коменданта и наблюдали за выездом Секретаря, облаченного в роскошную синюю мантию, в сопровождении вооруженного до зубов «штаба».

— Я думаю,— мрачно ответил Симус,— что у них есть планетолеты немного большей грузоподъемности, чем они заявляют. Их лошади не были в пути дольше, чем один дневной переход.

— Так чего же они хотят?

— Возможно, нас,— он чувствовал себя в западне и лихорадочно пытался найти выход. Альтернативные варианты не

привлекали. Мариетта присоединилась к нему, когда он склонился за столом с военными картами. С того интимного эпизода в пустыне, когда они лежали, обнявшись, теперь между ними происходило что-то вроде игры. Несколько раз за день он нежно похлопывал ее по любым частям естества, которые проявляли себя нескромно, сгребал в объятия и целовал, но и только. Она не принимала этого всерьез, притворно, по инерции, протестовала: «Джимми, прекрати сейчас же!» — и заливалась смехом.

— Разве я смешон? — требовал он ответа.

— Ужасно! — и она заливалась смехом еще пуще.

В этот раз он игриво прихватил ее за упоительный тыл. После «Джимми, прекрати» и почти истерического хохота, она добавила:

— Один из наших друзей за дверью.

— Нигде-то от них не спрячешься. Мы можем побыть наедине, наконец? И вообще, твой Четвертый Секретарь мне не нравится.

— Он из тех, кто обладает реальной властью в Комитете, — Мариетта содрогнулась. — Я не могу выносить того, как он смотрит на меня.

Симус не замечал этого. *Глазеть на мою женщину? Ладно, поглядим...*

— Давай лишим его такой возможности. Взгляни-ка на карту, — он развернул подробнейшую карту южного полушария. — Только позволь сперва задать несколько вопросов. Ты уверена, что хочешь сбежать от этого чучела? Ведь ты будешь вне закона. Если они позволили тебе вернуться в Город, да еще в сопровождении Четвертого Секретаря, то тебя ждет высокое положение. То, что предлагаю я, связано с большим риском, опасностью, возможно, с медленной и мучительной смертью в случае неудачи...

— Если это твоя идея, Джимми, нас ждет удача. Я верю, все получится.

— Посмотри на юг, — зашептал О'Нейл. — Здесь, около форта Гиперион, континент сходится в точку. Горы еще очень высоки — ты же видела из окна кабинета коменданта покрытые снежными шапками вершины. А вот здесь — низкий перевал, ведущий в джунгли. Вот, прямо за первой грядой. И Река совсем недалеко, она пересекает зилонгское плато, где заканчивается большим водопадом. А мы знаем, что туземцы никогда не пересекают Реку, даже если она совсем близко, как в этом месте. Таким образом, джунгли к востоку от этого места свободны от дикарей.

— Я все это вижу, Джимми, но что мы предпримем потом?

— Мы уйдем одновременно с Секретарем, послезавтра на закате. К середине ночи мы будем вот здесь, на полпути к тому месту, где они разместили большой транспорт, как раз напротив

перевала. Именно здесь мы оставим их и срежем расстояние от гор до джунглей. Это не займет больше полутора-двух дней. Правда, придется пересечь небольшой участок обитаемых дикарями джунглей, чтобы перебраться через Реку. Я не думаю, что здесь у Ната большое войско. А потом последуем вдоль Реки до Большого Озера, соберем что-то вроде плота и пересечем озеро до самого водопада. Ты будешь первая среди зилонгцев, кто увидит это место. И дальше — добираемся до нижних джунглей, где спрятан мой корабль, даем сообщение по радио о том, что мы здесь. Весь Город узнает об этом. Комитету ничего не останется, как встречать своих героев.

— Симус О'Нейл, ты сумасшедший, — она восхищалась им, ее замечательные карие глаза сияли.

— Я это уже слышал. Вопрос в том, последуешь ли ты за мной?

— Да, да, да! — она схватила его руку и горячо стиснула ее. Распрямившись, Симус притянул ее к себе. Когда их губы слились, она отстранилась.

Теперь она дичится. Да что же происходит?

— Симус, не надо, пожалуйста, — Машинально он отпустил ее. — Ну, прошу тебя, не смотри так обиженно. Я не хотела задеть твоих чувств. Я очень, очень люблю тебя — разве тебя можно было бы не полюбить? Я последую за тобой на край планеты, но между нами ничего не может быть... Я так решила. Я обязана вернуться в Город и возглавить Молодежный Союз. Мы обязаны спасти наш народ. Ведь очень много хороших людей несчастны, как Орнигон и Самарита. Они хотят другой жизни. Они должны быть свободны. Ты знаешь, я не рвусь руководить и всегда избегала этого; сейчас же у меня нет другого выбора. Это сражение не твое.

— Кое-кто распорядился по-другому, — холодно проговорил он. — За долгие годы странствий я нашел здесь друзей. Я остаюсь.

Кому я все это говорю? — спрашивал он себя. — Ведь они все лжецы, они ничего не говорят до конца. Господи, из-за этой бабы я совсем потерял голову.

— Не надо говорить этого только для меня одной, — жестко предостерегла она.

— Женщина, не будь идиоткой! Ты не первая, которой я это говорю. До тебя были Эрни и Сэмми, Хорер, и эта малышка, и Пужон, и Рета.

Молчание длилось очень долго.

— Это правда? — мягко спросила она.

— Послушай, хватит испытывать мое терпение. Я не святой. Да, это правда!

— Я никогда не считала тебя святым, Симус О'Нейл, — и она поцеловала его так, как ни одному святому прежде не доводилось. Ее губы были намного вкуснее, чем там, в пустыне, волосы пахли цветами, упругие молодые груди вызвали мучительную сладкую боль во всем его теле. Он сжал ее сильные бедра и прижал к себе.

Чего же еще ждать? Она должна стать моей. Здесь холодно и неудобно, в этой комнате с военными картами. Плевать на все.

Я хочу ее.

Он настойчиво теснил ее к креслу в углу комнаты. Наверное, морская отмель подошла бы больше, но она была далеко, эта отмель. Он больше не мог ждать.

Уступая ему, она шепнула:

— Ты pomoжeшь мне выкрасть успокоительные пилюли?

12

— Как? — его романтические иллюзии разбились вдребезги.

В то время, когда его душу наполняла романтическая страсть, женщина замышляла воровство. Да, теперь, разглядывая, как эта скромница скидывала свою накидку, он понял ее вполне.

— Они хранят лекарства в подвале, здесь, внизу. Кцар ведь не только солдат, он еще и ученый-исследователь. Вот почему его не трогают и не угрожают баком с кислотой. Он слишком нужен всем им. Ведь мы возьмем лишь столько, сколько потребуется для одного фестивального дня. Нельзя же их вовсе лишиться этого препарата. Хорер и Ян обратились ко мне с просьбой сделать это. Я отказалась, но теперь чувствую, что просто обязана это сделать. Рета убедила меня. Она сказала, что если ты спас всем нам жизнь, то у тебя были какие-то причины на это, — безрассудные слова так и выскакивали из нее. Этот горячий шепот и страстный порыв предназначался, увы, уже не Симусу.

Рета? Эта узкоплечая маленькая негодница — просто ходячее беспокойство.

— Ты хочешь снова пройти через весь этот кошмар? — спросил Симус, отстраняясь от Мариетты и садясь в кресло рядом со столом.

— У молодых есть план. В первый день Фестиваля они возьмут с собой таблетки и штурмуют Военный Центр. У них есть ключи от арсенала. С карабинами и взрывчаткой они захватят Энергетический Центр и Главное здание. Они уничтожат Комитет и возьмут управление Городом в свои руки. Когда закончится Фестиваль, весь Зилонг придет в движение,— ее прекрасные карие глаза горели от возбуждения.— Правители, Комитет, население фортов типа Гиперион, техники по энергетике используют эти пилюли, чтобы не терять рационального отношения ко всему, что происходит во время Фестиваля. При помощи препарата мы захватим власть в Городе.

Симус обхватил голову руками и мрачно склонился над картами.

— Женщина, у тебя свихнулись мозги. Сколько же шансов на успех у этой безрассудной затеи? Неужели ты веришь в то, что двое детей вроде Яна и Хорера, да и эта маленькая несчастная соплячка Рета могут расшевелить ваше старое застывшее общество?

— У них столько же шансов, сколько и у нас с тобой, если мы предпримем попытку добраться до твоего корабля, «Дова», или как там его? — вспыхнула она.

— «Дев»,— безразличным тоном поправил Симус.

— Да, пусть будет «Дев». Когда-нибудь ты мне расскажешь об этом человеке.

— Он был слишком умен и сообразителен, чтобы не ввязываться в подобные дела,— потом он вспомнил некоторые поступки де Валери и засомневался в своей правоте. Может быть, этот приближающийся день Фестиваля станет для Зилонга пасхальным понедельником.

Эта женщина никогда не любила тебя. Она плетет интриги, потворствует безумцам и притворяется, что любит. С горьким удовлетворением он заметил, что его сердце наполняется жалостью к самому себе. Зачем жить на свете, если твоя единственная женщина просто хочет заманить тебя в революцию?!

— Хорошо, женщина, я это сделаю. Когда и где? — Это будет самое главное приключение, о котором он поведаст своим внукам.

— Поздно ночью. Я найду за тобой, когда все окончательно прояснится. Это будет легко, — она светилась неподдельной радостью. Потом она рассмеялась и горячо обняла его.

А что? Может быть, она еще не совсем потеряла интерес ко мне? Когда женщины посмеиваются над тобой, значит, еще обожают, верный признак.

И хотя у Маржи был такой вид, словно она бросится сейчас его целовать, Симус О'Нейл уже не терял голову, романтические грезы покинули его. Не вернулись они и несколько часов спустя, когда она тормозила его, и он ощущал тепло ее тела, вдыхал дурманящий аромат ее кожи. Перед ночной вылазкой она скинула свою робу.

— Будет только мешать. Кроме того, все равно темно, и тебе ничего не видно.

— Тем хуже для меня,— громко и печально вздохнул Симус. Его воображение совершило стремительный взлет, и он представил себе ее всю. Старая обида снова напомнила о себе и охладила полет его фантазии.

Кстати, еще неизвестно, что мы оба испытаем, когда добудем это вещество.

Взяв О'Нейла за руку, Мариетта повела его по черному, как смоль, пронизывающему холодом коридору. А они экономят тепло здесь, в Гилерионе. О'Нейл, следуя за девушкой, с нежностью и грустью подумал: *какая у нее теплая и нежная рука. И как это славно — ощущать тепло этой руки каждую ночь в постели рядом с ней. Что же смущает меня?*

Я скажу, что тебя смущает. Тебе придется терпеть ее язычок и сдерживать свои порывы в дневное время.

Ну и что, и не с таким справлялся. Придет время и, возможно, ты научишься.

Я обречен — это мой рок.

Он перестал спорить с собой.

Маржи, безусловно, знала маршрут. Внезапно они остановились. Она толкнула дверь, которая плавно и бесшумно открылась.

— Стража спит. Я... фу... они так крепко нализались. Никто до этого не пытался выкрасть препарат, ведь официально его не существует,— прошептала ему на ухо Мариетта.

— Пристукнуть для верности? — насмешливо поинтересовался Симус.

— Ш-ш-ш, тише,— она потянула на себя крышку люка, за которой скрывалось темное отверстие.— Здесь лесница. Спускайся первым. Будь осторожен, это очень глубоко.

Он был предельно внимателен. Край был железный и очень холодный. Босые ноги едва выдерживали. Из отверстия, в которое они карабкались, сильно пахло морской водой. Возможно, это был подземный морской грот.

Он грустно подумал:

Вот мой последний день Финна Маккула, или Маккона, или Конмакна? Никогда не мог запомнить имен из древней мифо-

логии. Я отправился на поиски Священного Грааля на планету Зилонг. Волшебная чаша — коробка с пилюлями, волшебная принцесса — полусумасшедший заговорщик, а я одинокий, несчастный, замерзший, забытый друзьями...

Она сказала — иди первый. Итак, мне предоставлено право согнуться в морской пучине, грохочущей внизу.

Поистине, Ланселот дю Лак!

Однако, женщина оказалась совершенно права в одном — путь вниз был бесконечно долг. И когда он, наконец, спустился на каменный пол, его трясло от холода.

— Как я рада, что ничего не было видно, — нервозно сообщила Мариетта. — Я не выношу высоты.

— Ты умрешь здесь от холода в коротеньком корсете, — забеспокоился он.

— Но ведь ты попытаешься согреть меня, — она начала хихикать, постукивая зубами.

— Да, если ты не прекратишь насмехаться надо мной, — гневно заявил он. — Я — Ланселот в поисках Священного Грааля.

Ее хихиканье перешло в еле сдерживаемый смех, а потом в громкий хохот.

— Над чем ты смеешься, несчастная? — потребовал он ответа. — Ты ведь даже не слышала никогда об этом мифе.

— Мне показалось очень забавным это имя.

— Ах, вот в чем дело! Ну, как бы там ни было, давай искать Священный Грааль. Зажигай свой леденящий огонь.

— Что значит «леденящий огонь»?

— Неважно. Зажигай его, как я велел.

Она включила маленький ручной фонарик, болтавшийся у нее на поясе. В слабом свете фонаря проступили очертания маленькой комнаты, в углу которой стояли железные ящики. Мариетта открывала ящики один за другим, пока не обнаружила то, что искала — маленькую деревянную коробочку. Та была наполнена белыми таблетками.

— Одной сотни этих таблеток достаточно, чтобы спасти Зилонг! — ее колотило от возбуждения. — Держи меня крепче, Джими. Когда я представляю себе, что это может дать моему миру... я... начинаю бояться.

Он крепко прижал к себе девушку, поглаживая ее по спине, стараясь унять ее дрожь.

Прикосновения ее мягкого тела было достаточно, чтобы выбить его из колен. Он чувствовал, как нежная и теплая волна разливается у него в груди. Ему показалось, что внутри у него что-то сломалось. Он хотел эту женщину, он боялся ее,

действительно, очень боялся. Боялся и безумно желал ее. Она была стоящей женщиной, если такие вообще бывают.

Прекрасно, может быть, стоит исследовать еще какие-нибудь пещеры. У него дрожали колени. Сегодняшняя ночь предназначена для этого. Я должен опуститься в этот таинственный подземный мир. Прекрасный образ.

Он сжимал ее в объятиях все сильнее и сильнее, покрывая ее поцелуями.

Так вот о чем эта древняя легенда, не так ли? Финн добывает волшебную чашу и загадочную принцессу. Оба священных сосуда.

— Давай выбираться отсюда, пока мы не решили остаться, — бормотал он в ее волосы. Ну что же, поиски Священного Грааля успешно завершились.

Конечно он не решился отнести Маржи к себе. Она пришла сама. Она была так счастлива и благодарна, что готова была исполнить самое безумное его желание. Симус так не хотел.

— Может быть, искупаемся, Джимми? Сейчас, после этого холода подземелья, вода покажется очень теплой.

— Купаться ночью? — в ужасе воскликнул он.

— Но луны уже взошли, — она опять смеялась над ним.

— Я, пожалуй, воздержусь, — вздохнул он. — У нас впереди трудное путешествие.

Она поцеловала Симуса на пороге его комнаты.

— Бригида, Брендан и Мария будут с тобой, мой любимый.

Она в первый раз сказала так.

— Ты перебрала не все имена, — притворно возмущился он.

— Наверное, я не совсем понимаю, чем отличаются Мария и Бригида.

— У моих предков было больше времени, чтобы разобраться в этом вопросе. Ну, все, все. Тебе необходимо выспаться, ступай.

Симус Финбар О'Нейл, последний великий плейбой, уроженец Запада, провалился в сон. Его преследовали злые драконы и демоны, притаившиеся в глубоких холодных пещерах.

Он проснулся от страха. Было еще темно. Почему он испытывал страх и чувство вины?

Потом он вспомнил. *Господи, ведь я нарушил Закон. Я не имел права участвовать в политических прерворотах. А ведь я сделал это почти не задумываясь! И все из-за нее. Теперь я буду проклят.*

Сцена прощания с Ретой и другими ребятами была тяжелой.

Хрупкая Лейтенант была подавлена предстоящим, тем, что ей нужно повторять этот страшный переход назад, в Город.

— Рета, девочка моя,— старался утешить ее Симус.— Через неделю я буду встречать тебя и твоего парня. Мы закатим такую встречу! Только, пожалуйста, побереги свои ноги, ведь я уже не смогу быть рядом и нести тебя на руках. Будь умницей.

Она улыбнулась. О'Нейл наклонился и нежно поцеловал ее в лоб.

— Я уверен, что у тебя все получится, глупышка! — прошептал он.

Ему тоже было тяжело. *Хорошие, все-таки, они ребята.*

— Ваши таранцы целуют всех женщин, которых встречают? — холодно поинтересовалась Маржи, когда они следовали в колонне со «штабом».

— Только хороших, моя дорогая,— ответил он.

— Ты считаешь Лейтенанта Рету красивой? — она едва справлялась с собой.

— Честно говоря, нет. Мы всех целуем,— примирительно объяснил Симус.— Однажды мне довелось поцеловать в щеку даже Леди Дейдру.

— Кого? — в ее голосе было раздражение.

О'Нейл буквально примерз к седлу. *Да как же у меня сорвалось? Как теперь все это объяснить?*

— Да так, ничего важного,— выкручивался он.— То есть, она — особа с высоким положением, что-то вроде религиозного лидера,— признался Симус.

— Она красивая? — сейчас у Мариетты было строгое каменное лицо. Ей это шло.

— Да что ты, нет. Она — старая женщина. Думаю, что и хорошенькой-то никогда не была.

13

Обед, данный Кцаром в честь их отправления, был таким же трогательным, как и прощальный обед с Эрни и Сэмми.

Колонисты не надеялись увидеть их снова. Глаза Реты то и дело увлажнились, она едва притрагивалась к еде. Мариетта была очаровательна, но несколько натянута. Отвратительный черноволосый Четвертый Секретарь излучал обаятельную гениальность, как разбуженный предприниматель.

— Это будет быстрое и приятное путешествие,— настаивал он.— Совсем непохожее на то, что вы испытали.

Болтая о музыке и поэзии на Зилонге, О'Нейл постоянно шелкал по его самолюбию, подкалывая его. Это была отличная словесная перебранка, которую так любил Симус О'Нейл, особенно если учесть разницу в возрасте. Симус знал, что этот поединок между ними будет продолжаться и дальше, в пустыне, и он был уверен, что последнее слово будет за ним. Это была просто игра, однако, опасная и захватывающая.

К сожалению, призом победителю в этом поединке была женщина; ведь Четвертый Секретарь не скрывал своих похотливых намерений относительно Мариетты. Он ее желал, совершенно откровенно, и был абсолютно уверен, что добьется этого до следующего восхода солнца.

Ну что же, посмотрим, мой дорогой. Она моя, и ты это знаешь. И хотя я еще не решил ничего, но тебе-то ее не видеть.

Итак, они сражались за эту женщину, но она была лишь поводом. Ее сумасбродное настроение заметили все. Ее кидало то в безудержное веселье, то в бешеную ярость. Симус решил не принимать это во внимание. Когда дело дойдет до действий в пустыне, она выполнит любой приказ.

Ведь она — отличный солдат. *Ну как не стыдно, Симус. Ведь ты же знаешь, что это не так.*

Да не отвлекайся подобными рассуждениями. Тебе нужно думать о поединке с этим уродом.

Наконец Четвертый Секретарь объявил о том, что все должны разойтись по комнатам и поспать перед отправлением на закате.

Мариетта остановила Симуса на пути к его комнате.

— Как же мы исчезнем? Ты уже придумал? — спросила она, и ее голос дрожал от волнения.

— Не надо быть такой нетерпеливой, дорогая. У нас еще семь или восемь часов впереди. Я сообщу тебе о своем решении. Вполне вероятно, что до того, как мы доберемся до транспорта, нам ничто не угрожает. Вряд ли они что-то предпримут, пока мы вооружены. Кроме того, они не решатся до тех пор, пока мы в радиусе системы контроля Кцара. Так что, мы предпримем то, что задумали, где-то среди ночи. Я прихватил отличную карту у колонистов, она нам поможет.

Этот клоун держит нас за дураков. Кцар это тоже заметил. Тем лучше, если мы не проявим беспокойства, они снимут охрану. Когда я свистну вот так, — он просвистел несколько куплетов, — сворачивай направо и беги что есть мочи. Я кое-что подкину им на прощание (они будут нас помнить) и последую за тобой.

Она кивнула. Он не собирался говорить, что уже стащил несколько мощных гранат из арсенала Кцара.

О'Нейл направился к своей комнате, но потом оглянулся.

— Ты уверена, что они не причинят вреда Рете и остальным моим... нашим ребятам?

— Конечно, нет. Она теперь героиня. Если мы все погибнем, Комитет не сможет оправдаться. Если я исчезну, предположим, в гареме Ната, или когда Секретарь покончит со мной, то ни Рету, ни кого-нибудь другого им уже не надо будет бояться.

— Думаю, я внесу изменения в этот сценарий. Они что, действительно боятся тебя?

— Я вижу, ты не веришь, майор О'Нейл, но это так. Комитет считает меня блестящей и очень опасной женщиной.

Она скопировала его интонацию:

— Женщины должны знать свое место.— Затем продолжила,— Не беспокойся о своей маленькой подружке Рете. Через несколько дней она уже будет в заботливых руках своего парня.

— Ты хочешь сказать, что они любовники? Ведь она совсем ребенок.

— Ты его не видел,— она робко улыбнулась.— По-вашему, ему около четырнадцати лет. Думаю, что инициатива была за ней. Они без ума друг от друга.

— Нарушают правила?

— Правила нарушаются многими. А здесь вообще не дают себе труда скрывать это.

— Но почему такие молодые стремятся нарушать?

— Все очень просто,— она тряхнула плечами и недовольно взглянула на него.— Они молоды. Они любят друг друга. Они каждый день могут умереть. Разве этого недостаточно, чтобы оказаться в одной постели?

— Пожалуй. Правда, я не предполагал, что такое здесь возможно.

— Таранцы — фанатики,— выпалила она и развернулась, чтобы уйти.

Достаточно, моя дорогая. Не стоит поспешно судить. Хотя я преступил закон своего Ордена, но среди нас есть и другие. Ты горячишься, любимая, но я обожаю тебя. Я никогда не позволю грязным лапам коснуться тебя.

— Мариетта!..

— Да? — она вздрогнула, словно от выстрела.

— Не забудь таблетки,— он хлопнул ее по задку.

Она повернулась и взглянула ему в глаза.

— Я должна полюбить ее?

— Кого?

— Дейдру?

— Да нет, совсем нет,— он разволновался. Ведь он еще ничего ей не говорил, а она решила пойти за ним сама...

— А она меня полюбит?

— Вот это другое дело.

Сумерки в этой части континента уже сгущались. Конвою скоро предстояло отправляться.

— Я думаю, она будет в восторге от тебя, моя девочка. Женщины твоего типа пользуются бешеным успехом и у мужчин, и у женщин. Все мужчины влюбляются в тебя, как и я, молодые женщины начнут подражать тебе, а пожилые (он мысленно перекрестился) и даже такие, как Дейдра, захотят стать твоей матерью.

— Благодарю тебя, Симус О'Нейл, поэт и солдат.

Он искоса взглянул на нее и увидел удивительно нежную улыбку, предназначенную ему.

— Это было так приятно услышать. Иногда ты бываешь очень милым.

— Мужчина старается,— он отвернулся, ошеломленный нежностью и любовью, сквозившей в ее улыбке.

Поздно ночью, когда Гиперион исчез в темноте, и сканеры, установленные в форте, уже не улавливали их присутствия, О'Нейл туго натянул поводья своей лошади. В десятый раз за сегодняшнюю ночь он проклинал зилонгские луны.

Они взошли слишком рано. Он не очень хорошо изучил их цикличность. А сейчас любое углубление на песчаном берегу отчетливо и ясно проступало. Хорошо были видны и подножия гор. Шансов незаметно улизнуть было мало.

Ведь теперь он обладал таким сокровищем. Он не мог подвергать ее жизнь опасности.

У него перехватило горло. Он еще никогда не играл в такую опасную игру. Цена потери слишком велика. И это решало все.

Его чувство опасности сейчас невероятно усилилось. Может быть парни секретаря решили не дожидаться транспорта. Этот урод оказался умнее, чем предполагал Симус. «Никогда, я повторяю — никогда не позволяй себе недооценивать врага»,— это первое правило Гармоди. А он нарушил его. Впрочем, не только это правило...

Итак, будь готов к сражению,— предупредил он себя.— Ну-ка, соберись.

Сейчас нужна была не столько храбрость, сколько хитрость. К схватке он был готов и физически, и ментально. Он вдохнул свежий прохладный воздух пустыни. Сейчас он был солдатом, а не шпионом. Но он был не в состоянии активизировать свою

изобретательность и внешнюю часть сознания, так долго он был оторван от остальных таранцев.

Послушайте, если вы хотите, чтобы я вернулся к вам,— поставил он в известность Дейдру, если она случайно слушала его,— поскорее придумайте что-нибудь. Дано вам десять минут.

Симус попытался втиснуть в разговор Четвертого Секретаря.

— Расскажите мне поподробнее об этом парне, Нате, все в форте только о нем и говорили. Где этот «император»?

Секретарь закудаhtал:

— Боюсь, поэт О'Нейл, что мое изложение будет не столь поэтично, как ваше. Много лет назад самый блестящий человек среди нас почувствовал, что его рассудок начал разрушаться от переутомления. Он попросил разрешение покинуть город и поселиться за городом, до тех пор, пока не поправит себе здоровье. Бедный человек, что мог сделать Комитет? Ведь он не смог бы выжить в диких условиях планеты. Но он ничего не хотел слушать, и мы отпустили его. С тех пор его никто не видел. Кроме того, он давно погиб. Большинство зилонгцев боится окрестностей Города, ведь даже такие отряды, как ваш, не могут защитить от нападения дикарей.

Это походило на официальную партийную линию. О'Нейл продолжал допытываться:

— Я еще слышал о капюшонниках и Молодежном Союзе. Кто это? Еще одна легенда?

Секретарь отверг это взмахом толстенькой волосатой руки.

— Совершенный бред. Я удивляюсь, что гарнизон Гипериона забил вам голову такой чепухой. Конечно, в нашем совершенном обществе бывают случайные инциденты между людьми, особенно, если кто-нибудь злоупотребляет ликером...

— А происшествие на монорельсовой дороге? — Симус уголком глаза следил за реакцией толстяка.

Толстые губы Четвертого поджалились. Он слишком долго медлил с ответом.

— Да, такое случается, правда, очень редко. Компьютерные программы... В любом случае, это удовлетворяет низменные инстинкты некоторой части необразованных людей. Они воображают себя террористами. И лучшие представители нашей молодежи, такие, как храбрая Мариетта, отдают свои жизни в борьбе с ними.

— Благодарю вас, Благородный Секретарь,— вежливо поблагодарила Маржи и поскакала вперед.

— Моя дорогая,— поклонился тот ей вслед и продолжил: — Правительство изгоняет сверхъестественные силы из нашей культуры со времен Реорганизации. У этого процесса есть и

побочные явления. Пока мы запуганы существованием злых духов и самонадеянно думаем, что нам удастся с ними покончить, факт остается фактом — они существуют. В социальном смысле это незначительное явление.

— Я полагаю, что и истории о Фестивалях изрядно преувеличены? — Симус явно перегибал. Секретарь мог заподозрить подвох. Однако, на этот раз ответ последовал без промедления.

— Дорогой мой, я уверен, что такому свободному путешественнику, как вы, знаком карнавалый синдром. Это присуще любому обществу. Вы же знаете, что людям свойственно преувеличивать собственную распущенность, когда рушатся социальные нормы. Если бы вы могли остаться с нами, то поняли бы, что время карнавала — это безобидная возможность расслабиться от напряжения и не имеет ничего общего с дикими историями, которые придумывают. Это очень короткий период отдыха и восстановления сил после длительной и напряженной работы. Наша провинциальная планета слишком мала. И страшные истории распространяются на ней с невероятной быстротой. Я надеюсь, вы не станете этому верить.

Свежо предание. Если бы я не видел всего собственными глазами...

Нападение Ната и его войска на первый лагерь, эти убийства в подземке — все это было реальностью. Покалывание в затылке, так хорошо знакомое Симусу, и ощущение тревоги и страха тоже не были вымышленными. Опасность исходила со стороны марширующей колонны. Что-то тревожное приближалось с каждым мгновением.

Что творится в хорошенькой головке Маржи? С момента начала похода она даже не взглянула на меня. Я чувствую, что она верит мне. Доверяет полностью. Бедняжка, я постоянно ощущаю ее страх и смятение.

Раньше он считал ее неприступной твердой скалой. Теперь он знал, что внутри этой скалы полыхал огонь, приводивший его в замешательство, животный огонь страсти и лихорадочный патриотизм. А под этим огнем он начал распознавать нежность и уязвимость. И отличное чувство юмора, даже когда она посмеивалась над ним.

Когда он держал ее в объятиях, страстное влечение к этой девушке лишало его рассудка. В других случаях он боялся ее, но не мог точно осознать, почему. Будет ли она надежным товарищем в борьбе, теперь, когда все вокруг полыхает огнем? Затылок предостерегал Симуса от полной уверенности.

Как бы там ни было, он не позволит сальным лапам прикоснуться к ней.

Они проскакали еще несколько часов. Чувство страха и опасности не покидало О'Нейла. Теперь было такое ощущение, что источник опасности находился где-то далеко, и исходил совсем не от Секретаря и его команды, а от кого-то где-то в другом месте. Теперь они приближались к горам. Он пытался угадать, где же располагается транспорт, ведь они уже миновали низкий перевал, который должен был привести в пустыню. К счастью, две луны скрылись, стало темно. Их отряд стал сворачивать налево.

О'Нейл почувствовал сильнейший всплеск ощущения тревоги. *Именно сейчас они что-то замышляют. Не знаю, что, но момент настал. Пора немедленно удирать.*

Как только они вышли на плато, он начал условленно насвистывать, и спихнул Четвертого с лошади. Когда он помчался по склону, у него за спиной засвистели пули и раздался взрыв. Он не видел и не слышал Мариетты. Это была ловушка, но не для О'Нейла и Мариетты, а для отряда зилонгцев. Когда он оказался вне пределов досягаемости выстрела из карабина, О'Нейл притормозил и начал искать Маржи. Она была здесь, умница, прямо за его спиной.

— Что произошло? — возбужденно выкрикнула девушка. — Как только ты ускакал, нашу колонну обстреляли. Плато было занято отрядами Ната. О'Нейл, как ты догадался об этом?

— Я не догадался. Я просто знал, что что-то неладно с этим плато. Это маленький таранский трюк. Как-нибудь я тебе расскажу.

Они наблюдали за происходящим внизу.

Их внезапное бегство спасло отряд от полного уничтожения. Солдаты Ната начали стрелять по ним, дав отряду время спрятаться в скалах. Теперь схватка должна была затянуться.

— Теперь наши друзья с обеих сторон будут очень заняты. Давай-ка как можно дальше удалимся от них, пока они не выяснили, что у них общая цель, и эта цель — мы с тобой.

Он пришпорил лошадь и направил ее через дюны к высокой, в виде башни, скале, очертания которой едва проступали в свете оставшихся лун.

Через полтора часа они добрались до склона отвесной скалы.

— Проход там? — Мариетта махнула на север.

— Да, там, но я пытаюсь сообразить, что делать дальше. Ведь Нат тоже в той стороне. Можно попытаться вернуться в форт. Но Комитет после сегодняшней ночи наверняка еще больше заинтересуется нами.

— Бедная Рета. Ведь она ведет свой отряд прямо в лапы к Нату,— вздохнула девушка.

— Мы ей ничем не можем помочь, пойми. Кцар — отличный солдат. Он догадается, что произошло, и что-нибудь предпримет. Он вышлет подкрепление.

Они медленно ехали вдоль стены. Лошади устали. Преследования можно было не опасаться, а вот к неожиданным встречам надо было быть готовым.

Неожиданно ночной воздух вспыхнул от мощнейшего взрыва. Огненный шар повис над пустыней, и колоссальный гриб зловеще поднялся в черном небе.

Так, у них есть ядерное оружие, и они не боятся его применять.

О'Нейл и Мариетта старались успокоить взбесившихся лошадей.

— Что это было? — выкрикнула Маржи, ее трясло от испуга.

— Возможно, Нат взорвал транспорт. Да, это была не самая удачная ночь для Секретаря и его штаба. Думаю, что тебе теперь не нужно его опасаться.

Справляясь с дрожью, она храбро отозвалась:

— Когда ты рядом, я не боюсь.

— Возможно, я не заслужил такой высокой оценки, но мне очень приятно слышать это от тебя.

— Это всего лишь правда.

Славно, она уже не смеется. Лучше сменить тему.

— Ты уверена, что он реально управляет Комитетом?

— Да, он пользуется большими полномочиями, Джимми,— Она уверенно направляла свою лошадь.— Он способен доводить начатое до конца, и еще не так стар. Хотя его власть не безгранична.

— Иными словами, сейчас образовался вакуум, и ты со своими друзьями можешь сделать рывок.

— Знаешь, путь слишком далек. Это почти невозможно, не так ли?

— Не знаю, не знаю. Ведь я только путешествующий поэт. Подумай о том, что я сказал. Ведь и для Ната эта ночь не слишком удачная. Он наверняка при взрыве потерял много своих людей. Ну, поехали, попробуем отыскать тропу.

Вскоре они ее нашли. Перевал был достаточно высоким. Извилистый проход терялся в вышине, в снегу.

— Ты что задумала? — Симус взглянул на девушку. Она выглядела слишком уставшей для кадрового офицера.

— Знаешь, я всегда мечтала увидеть горы. Я никогда не чувствовала снега.— ее глаза светились в темноте, как звезды.

От сияния этих прекрасных глаз у Симуса почти остановилось сердце.

Потом они стали карабкаться вверх. Подъем был достаточно сложным, руки то и дело срывались. Симус был напряжен до предела, он все время страховал девушку; его психические способности истощились.

Когда они добрались до перевала, в двенадцати ярдах от них стоял Нат. Он возник внезапно, словно из-под земли. Его окружали охранники. Они попали в западню.

— Итак,— прогудел чернобородый, одетый в темно-красный плащ, «император» Зилонга.— Восхитительный лидер глупых радикалов и неоценимый майор О'Нейл с «Ионы». Вы оба доставили мне много хлопот. Надеюсь, скоро вы узнаете, что такое настоящая революционная борьба. Отпустите лошадей. Оружие не трогать. О'Нейл, ты мертвец, а вот из нее получится неплохая наложница, конечно, после некоторой дрессировки. Мне придется потрудиться с ней. Возможно, ей даже понравится. Так что не подвергай ее жизни риску тупым героизмом.

— А почему ты решил, что я начну делать глупости? — Симус тянул время, пока они с Маржи очень медленно спешили. Он не знал, что предпринять, когда его ноги окажутся на земле.— Раз уж вам известно об «Ионе», может быть, нам удастся найти общий язык, а? Женщина меня не волнует. Можешь забрать ее себе. Она ни на что не годится в постели. Тебе хорошо известно, что вояки-красотки фригидны.

— Слышала, что приказал мужчина? — О'Нейл толкнул Маржи к «императору» и его плохо вооруженной толпе. *Это все, что осталось у них после взрыва. Не густо. Ладно, жизнь покажет.* Он отступил на несколько дюймов к стене каньона, увлекая за собой лошадь.

Бедняжка Мариетта помуро шагнула к Нату. Она едва передвигала ноги.

Женщина, ты могла бы быть попроворнее, если хочешь, чтобы я справился со всем этим сбродом.

Она встала перед Натом, покорная и униженная. Несколько минут он грубо ласкал девушку. Она не сопротивлялась. Ею овладело полное безразличие ко всему. Симус приблизился к стене еще на шаг. Один из телохранителей приподнял винтовку, остальные ничего не заметили.

— Я же говорю тебе, ваши женщины-вояки ни на что не годятся.

— Я буду наслаждаться процессом обучения,— Нат распустил слюни над своей пленницей.— В этом деле конечный результат

не так важен, а вот сам процесс доставляет бесконечное удовлетворение. Ты согласен со мной, О'Нейл?

— Предупреждаю. Этот самый процесс с этой штучкой не покажется тебе пикником,— он почти занял позицию, где склон уходил под углом за спиной Ната и его охранников.— Теперь об «Ионе»...

Им бы следовало кинуться на него и связать в первый же момент. Но все они были одинаково ошеломлены взрывом. А кроме того, как и все зилонгцы, Нат немного опасался рыжебородого пришельца из космоса. Кто знает, чего от него можно ожидать, если подойти слишком близко? Лучше держать его на расстоянии выстрела.

— Да, действительно,— Нат хитро улыбнулся.— Я сомневаюсь в том, что ты сможешь передать на «Иону» мое распоряжение, но поискать пути взаимодействия не помешает. Больше того, я хотел бы услышать подробный рассказ о ней, даже если красавица Капитан так не считает.

— Спрашивай,— Симус выиграл еще несколько секунд.

— Ну, прежде всего, каков штатный состав судна? Я снова напоминаю, майор О'Нейл,— должно быть, он заметил яростный огонек в глазах О'Нейла,— не делай глупостей. Существует очень много простых, очень болезненных и ужасно мучительных способов умерщвления.

— Я не понимаю тебя. Каких глупостей мне не стоит делать?

И он действительно предпринял отчаянную выходку. Выхватив гранату, он подкинул ее вверх, вдоль стены каньона, как мячик. Она прокатилась вдоль стены, замерла и начала медленно скатываться вниз.

Нат и его парни не могли оторвать взглядов от этого предмета. Они, не отрываясь, смотрели за приближающимся шариком. Симус схватил карабин. Мариетта вырвалась от Ната и бросилась к нему. Симус поднял оружие, готовый выстрелить после того, как она подбежит к нему. Она прыгнула за скалу.

Когда Симус открыл огонь, стража императора совершила действительно глупый поступок. Было очевидно, что они не были знакомы с гранатами — они начали стрелять по катившемуся предмету. О'Нейл успел только выкрикнуть:

— Ложитесь на землю! — и взрывная волна сбила его с ног.

Прошло очень много времени, прежде чем к нему вернулось сознание. Солнце было высоко над горизонтом и ярко освещало местность. В каньоне царил мертвая тишина. Он действительно был наполнен смертью.

Неужели только он уцелел? Впереди виднелись останки бывшей императорской гвардии. Плащ императора был пропитан кровью. Очевидно, он был изготовлен из материала, который не воспламеняется. Как здравомыслящий человек, он взглянул на свою одежду. *Гляди-ка, моя тоже не сгорела.*

О чем мне стоит подумать теперь?

Ах да, плащ Ната свободен, значит ли это, что император улизнул? Его могла протащить испуганная лошадь.

Если это так, я не попадусь на этот трюк.

И все-таки, вполне вероятно, что он убит.

Так что же еще? Еще что-то... Что-то очень важное.

А как со мной?

О'Нейл ощупал себя, все было в порядке, цело. А это значит, что он и Мариетта могут продолжить путешествие.

Мариетта! Где она? Он вскочил. Лошади исчезли. Безусловно, их прогнал страх, и они пустились вниз, в долину.

Наконец, он увидел Мариетту. Она распласталась рядом с изуродованными телами стражников Ната. Она лежала лицом вниз, совершенно безжизненно.

У него стучало в висках, он едва держался на ногах, но добрался до нее и перевернул. Казалось, что она просто спит. Только тонкая струйка крови, запекшаяся около раны у корней волос. Он кинулся к походному мешку, который чудом уцелел. Дрожащими руками отыскал сыворотку жизни и ввел ей в руку.

Сначала не было никакой реакции. Он проверил пульс. Пульс был очень, очень слабый. Если сыворотка хорошо действует, можно еще ввести — ведь будет лучше? Жаль, что Сэмми ничего не рассказывала ему об этом. Пульс стал угасать. Он ввел девушке последние две ампулы.

Очень медленно бледное, как полотно, лицо Маржи посвежело. Еще через несколько мгновений, когда она открыла глаза, он держал ее на руках, бережно закрепляя повязку у нее на голове. Она прильнула к нему, преодолевая собственный самоконтроль, и улыбнулась лукаво.

— У тебя отличная реакция, майор, — и, подмигнув, добавила: — Но как ты узнал о том, какая я в постели?

Маржи быстро оправилась. Она была вполне готова двигаться вперед, причем, быстрее, чем Симус, и начала перебирать их мешки, выбирая, что взять с собой, а что оставить.

— Я моложе и лучше, — объяснила она. — Разве я не замечательная? Ведь мне удалось убедить Ната в том, что я покинула тебя и стала его униженной рабыней.

— Да, ты была великолепна, — неохотно согласился он, — Правда, я бы сказал — вопреки самой себе. Но ты могла бы отвлекать его чуть-чуть активнее.

— Тогда бы он не поверил твоей безобразной клевете, — блестяще парировала девушка, — о том, что я холодная девственница, требующая изнурительной сексуальной прелюдии, разве не так?

— По-твоему, я ошибся?

— Уверена, что я не холодная женщина, — Она взвесила на руке ранец и, решив, что он недостаточно тяжел, запихнула туда еще немного еды. — Давай задержимся и проверим. Ну как?

Что ж, предельно откровенно.

— Эй, действительно, почему бы и нет? — Он начал пробираться между разбросанными припасами, от всей души желая не реагировать на ее предложение, хотя готов был держать пари, что, возможно, малоискушенной она и была, а вот девственницей — вряд ли.

— Давай-ка сменим тему, — его руки все еще дрожали, — Ты была очень смелой и проворной. Как я и предполагал. Если бы не ты, мы были бы сейчас также мертвы, как и они.

Она распрямилась и повернулась к нему — высокая гибкая женщина в длинной коричневой накидке, которая так удивительно оттеняла цвет ее волос и огромных глаз, с ранцем за спиной и винтовкой в руках.

— Спасибо, Джимми. Я рада, что ты думал обо мне, и не ошибся.

Симус Финбар О'Нейл, кажется, ты совсем пропал.

Каждый из них хотел покинуть этот ужасный каньон. Нат, возможно, мертв, но его всадники по-прежнему могли быть рядом; оставшиеся в живых могли относиться к ним обоим только как к убийцам Императора.

В полном молчании они поднимались по склону, каждый был поглощен своими мыслями. Когда они подошли к снежной кромке, Маржи заговорила:

— Что такое «Иона»? — Она сверлила его взглядом, расположение снова сменилось подозрительностью и неприязнью. — Нат сказал, что ты — майор О'Нейл с «Ионы». Ведь ты называл другой корабль.

— Разве он так сказал? — снова приходилось лгать. — Так звали мою команду с Тары. Каждое формирование имеет собственное имя. А вот как он узнал о том, что ты собираешься возглавить молодежь, когда мы вернемся?

— Я не знаю. Я никому не говорила... Никому... только тебе.

— Наверное, я бы не стал кидать в Ната гранату, если бы был с ним заодно, — резонно заметил Симус.

— Я и не думаю, что ты на его стороне, — вздохнула она. — Не знаю, что и думать.

— Может быть, Нат обладает... ну, как бы это сказать... особыми способностями, отличающимися от обыкновенных людей. Как ты думаешь?

— Да. О нем поговаривали, что, якобы, он умеет читать чужие мысли. Но как ты узнал об этом? На Зилонге боялись говорить об этом вслух. Слишком это страшно и невероятно, — она вздрогнула. — Джимми, ты обладаешь такими способностями? Ты можешь читать мои мысли? — Ее глаза расширились от ужаса.

— Если бы я и мог, то побоялся бы, — достаточно искренне проговорил он. Потом поскреб голову и решил быть более искренним, чтобы завоевать ее расположение. — Большинство таранцев обладают чертами подобного свойства — что-то вроде отголосков эволюционного развития. Лично мне хорошо удается чувствовать опасность. Правда, это требует большой сосредоточенности, как сегодня на равнине. Потом я устал, и внимание рассеялось. Я не ожидал последнего сюрприза.

— Как я рада, что ты можешь воспринимать надвигающуюся опасность и не можешь читать мои мысли. Это было бы слишком обременительно, — в ее голосе появились хриплые нотки, губы были крепко сжаты.

Что она хотела этим сказать? Как будто ты не знаешь, сосунок. Она хочет тебя еще больше, чем ты ее. И при этом меньше, чем ты, боится.

Заканчивай, заканчивай. Нам предстоит сложное восхождение на гору.

Его представление о сложности этого «низкого перевала» было ошибочно. Он предполагал, что слой снега будет тонким. Оказалось же, что снежный покров доходил до колена, а местами был по пояс. Верхний слой таял в дневные часы, ночью замерзал.

Образовался тонкий колючий наст, который не выдерживал тяжести тела.

Днем температура была плюсовой, но с пустыней не сравнить. Их одежда, рассчитанная на равнинный переход, слабо защищала от холода. Правда, обувь была добротной и высокой, и предохраняла ноги довольно сносно.

Мариетта никогда не попадала в такое холодное место. Ей приходилось туго. О'Нейл понял, что за один день этот перевал не преодолеть. А это означало, что ночевать придется на снегу, на вершине перевала, без тепла.

Его беспокоило то, что Нат знал об «Ионе». Как много он знал? Кто ему рассказал? Возможно, зилонгцы немного разбирались в механизме психической энергии. А если Нату известно о монастыре, то вполне вероятно, что кто-нибудь еще знает о нем.

Вскоре стало не до вопросов. Началась борьба за выживание. Когда солнце село за горизонт, они достигли вершины перевала. Перед их взором раскинулись зеленые джунгли и пурпурный в лучах заходящего солнца океан. Они прошли половину пути. Бедная Маржи была совершенно без сил. Она была измождена, испугана и тряслась от холода. Она стискивала зубы, чтобы не кричать от боли.

— Симус, это невозможно,— простонала она.— Я не могу идти. Ты должен оставить меня. Я решила умереть. Это произойдет очень быстро.

— Такое решение — дикость. Давай поищем пещеру и изобретем способ согреться,— он грубо схватил ее за руку и потащил за собой.

Он и сам сомневался, что сможет спуститься с перевала. Но неужели лучше замерзнуть вдвоем? Обнимая спотыкающуюся Мариетту, он продирался по глубокому колючему снегу к склону перевала. Симус шарил взглядом по склону в поисках пещеры, расщелины или просто укрытия от ветра, который все усиливался.

Они все-таки отыскивали крошечную пещерку, завалили вход тюками для защиты от воющего ветра. Теперь ветер почти не проникал внутрь, снега тоже не было, но было ужасно холодно. Нет, им не пережить эту ночь.

Она это знала. Слезы отчаяния и боли текли по ее щекам.

— В следующий раз, когда мне придется взбираться в горы, я выберу женщину, которая не боится холода,— он пытался шутить, стуча зубами и прижимая ее к себе.

Стало совершенно темно, и он вспомнил о ручных фонариках. Казалось, что со светом легче умереть, чем в жуткой темноте.

Свет! Симуса осенило.

— Маржи, эти осветительные гранаты... может быть, есть способ заставить их сгорать медленнее? Можно устроить такую штуку, чтобы они сгорали в течение часа? Ведь они достаточно мощные, чтобы хоть ненадолго прогреть пещеру.

— В них установлено замедляющее реле времени,— безнадежно вздохнула она.— Если установить стрелку на циферблате на максимум, это составит около пятнадцати минут. Но даже при такой интенсивности сгорания находиться вблизи опасно, это грозит смертельным ожогом.

Он внимательно изучил крышку гранаты и отыскал механизм. Реле представляло собой прочное устройство, сдерживающее истечение кислоты в искровой запал.

— Что, если я оторву маленький клочок материала от моей робы и намотаю вокруг клапана подачи? Материал ведь не воспламенится. Тогда подача кислоты заметно снизится.

— Я не знаю,— она уже раскачивалась от холода с такой силой, что могла разбиться об острые стены пещеры. Еще чуть-чуть, и спазмы стали бы неуправляемыми.

Прекрасно, эта штукавина может взорваться в любую минуту, и тогда мы получим больше тепла, чем нам хотелось бы. Мы можем сгореть заживо. С другой стороны, я не собираюсь сидеть здесь и ждать, когда моя женщина окоченеет.

Он соорудил самодельный «снаряд», положил его на карниз пещеры и выдернул чеку. Началось слабое свечение, в пещеру стало поступать тепло — слабое, но вполне достаточное для спасения их жизни. Когда волна слабого тепла коснулась ее лица, Маржи слабо вздохнула.

— Вот так-то, малышка, держись старого дяди Симуса, с ним не пропадешь,— он крепко обнял бедняжку...

Они ели концентрированный суп из тюбиков и запивали витаминизированной водой из фляги. В пещере было очень неудобно, блеск от гранаты слепил глаза. Потом они вспомнили о защитных очках, которыми пользовались в пустыне. Теперь свод пещеры окрасился в причудливые зеленые тона. Это развеселило Мариетту.

Граната излучала тепло около часа. Таких гранат у них было шесть; можно было обогреться всю ночь.

— Молодая женщина,— игриво объявил Симус.— В других обстоятельствах мое предложение могло бы показаться неприличным, но я предлагаю тебе предаться грезам сна в моих объятиях.

— Вряд ли можно представить себе другое место, где моя непорочность старой девы сохранилась бы с большей гарантией, — она удовлетворенно вздохнула, но вдруг снова встреленулась. — Но тебе придется менять гранаты. Ты не сможешь спать.

— Кто командует этой экспедицией, женщина? — потребовал ответа О'Нейл.

— Конечно же ты, — И снова ехидная улыбочка, блеск изумительных глаз, тотчас же лукаво прикрытых.

— Так что я сказал? — он взял ее за подбородок и заставил поднять на него глаза.

— Ты сказал, что я нуждаюсь во сне, — теперь она улыбалась робко и смущенно.

— Тогда немедленно исполнять! — страшным голосом приказал он и подтащил ее еще ближе.

— Да, сэр! — она расположилась на его груди.

Через десять минут она уже сладко спала, уютно устроившись на нем, получая тепло от него и отдавая ему свое.

Симуса одолевали смущение и нежность, сложный букет переживаний. Он должен был думать о предстоящем прорыве. Но эта девушка выводила из равновесия; она притягивала его и лишала самообладания.

Почему она так смотрит на меня? Я могу взять ее, когда захочу. Она отдает мне все — невинность, себя, свою жизнь. Но ведь это смертельный грех — воспользоваться этим сейчас.

Если ты начнешь, Симус О'Нейл, ты уже никогда не сможешь остановиться.

Она — единственная во всем мире. Ты это знаешь.

Я спрашиваю тебя, где ты найдешь лучшую избранницу?

Нигде.

Разве Гармоди не объяснил тебе, что секс сближает и связывает людей вопреки их опасениям?

Да.

Ведь ты же не собираешься позабавиться с ней и бросить?

Я уничтожу любого, кто осмелится это предположить.

Разве она не любит тебя?

Ну, я не стою ее; правда, бедняжка всегда будет думать иначе.

Тогда чего же ты ждешь?

Но ведь это страшный грех. Кардина никогда не простит меня. Заниматься любовью с беззащитной обитательницей чужой планеты.

Она вовсе не беззащитное существо.

Что да, то да.

Симус напряженно раздумывал. Леди-Настоятельница. Его трясло не от холода. Потом он вспомнил, как Кардина объяснила ему каноническое правило. Если двое хотят вступить в брак, но долгое время не могут найти священнослужителя, они могут обменяться обязательствами, и тогда это будет законное и подлинное супружество.

Разве мы не в таком положении? Сама Кардина говорила об этом?

Да, сама.

Тогда прочь сомнения. Она — твоя избранница. Обвенчать вас некому, следовательно, она твоя жена, и все.

Хорошо, хорошо, я подумаю над этим. Не стоит терять время.

Трус!

На следующее утро его занимали другие думы. Предстоящая борьба не будет легкой. Не мешкая, они выбрались из-под снега и начали спуск по склону. Маржи еще была слаба, она постоянно скользила и спотыкалась. Симус несколько раз удерживал ее от падения вниз.

— В следующий раз непременно предупреди меня, когда выберешь «низкий перевал», — смеялась она.

Это ужасно развеселило их обоих. Ее ирония стала напоминать его манеру шутить. Зилонгцы вообще склонны к восприимчивости, ведь их цивилизация выставила жесткие требования к однородности общества. И если они будут общаться достаточно долго, она может позаимствовать у него много хорошего, даже темперамент.

Ну, вот это уже совершенно лишнее! Позже!

Уже днем они добрались до холмов, где начинались джунгли. Здесь было тепло и приятно, а они были страшно измучены. Маржи хотела передышки. О'Нейл настаивал на том, что необходимо до темноты переправиться через Реку.

И они снова пошли вперед. Симус мог думать только о мягкой траве и теплой воде. А женщина может и подождать. Наконец, когда спустились сумерки, они добрались до Реки. Там был небольшой водопад и тихая заводь.

Дальше они идти не могли. Оба, не сговариваясь, скинули одежду и бросились в воду с чувством облегчения.

Поразительно, — подумал он. — Мы это преодолели.

Ведь это было почти невероятно. После купания Симус и Мариетта легли на травянистом берегу около заводи. В лунном свете Мариетта превратилась в гипсовое изваяние.

Ее нагота была безупречна, совершенна во всех роскошных и изящных изгибах. Но он продолжал испытывать безотчетный страх. Разве может красота настораживать? Почему ему кажется, что это ловушка? Разве прекрасный сад наполнен цветами, несущими смерть?

Как часто ты уносился в своих мечтах в пустынный лес с обнаженной красавицей?

Полюбуйся на себя теперь. Ты восхищен Евой, но ты не хочешь обладать ею.

— Джимми, — ее удивительные карие глаза смотрели на Симуса с мольбой. — Ты уверен, что не можешь прочесть мои мысли?

— Женщина, твоя подозрительность не имеет границ.

— Мне очень хочется, чтобы ты их прочел, — очень тихо и нежно призналась она.

— Ты ничем не отличаешься от таранских женщин, — засмеялся Симус, — постоянно меняешь свои вкусы, — он снова бросился в воду.

Эта женщина искушала его настойчиво и бесстыдно, после тяжелого путешествия...

Куда она торопится?

— Я вполне серьезно, Симус О'Нейл. Мне осталось жить немного, и я хочу принадлежать тебе. Я хочу этого с того самого дня, когда вытаскивала тебя из канавы. Я нарушила все правила моей культуры, и теперь настало время нарушить последнее — с тобой. Я просто горсть пыли с едва теплящейся жизнью внутри. Все, что я могу отдать, я хочу отдать именно тебе. Я твоя.

— Я боюсь, что причиню тебе боль, Мариетта, — это звучало нелепо, но было чистой правдой. В лунном свете она выглядела такой хрупкой, незащищенной, уязвимой.

Проклятье, она умеет уступать.

— Мне безразлична боль, Джимми. Я хочу быть твоей. Я больше ни о чем не прошу тебя. Подари мне счастье ненадолго и забудь обо мне. Ты — это единственное хорошее в моей жизни. Я не могу лишиться радости быть с тобой, пусть даже всего несколько дней.

Он обнял ее и порывисто прижал к себе.

— Поверь мне, Маржи, я полюбил тебя с первого взгляда, — он не мог повернуть назад. Голод стал сильнее страха.

Невозможно было оторваться от божественной шелковистой кожи.— Я никогда не смогу забыть тебя и буду с тобой всегда.

— Не надо говорить о любви, Симус. Для меня эти слова слишком много значат. Просто я не могу больше жить без тебя,— ее губы раскрылись, взгляд блуждал, сердце бешено вырывалось из груди от его прикосновений.

Голоса продолжали звучать в его измученной голове, предупреждая об опасности, но он отмел их.

Его руки блуждали по ее телу, он хотел чувствовать ее всю, каждый изгиб. Она безотчетно отзывалась на каждое прикосновение, но лицо вздрагивало от испуга и напряжения.

— Я говорю о своей любви, когда хочу, женщина. Я знаю, что это такое.

Меня соблазнила испуганная девственница, которая ждет, что я немедленно овладею ею.

Его губы исследовали каждую клеточку упоительного тела.

Теперь она мягко и нежно уступала его ласкам.

— Что бы там ни было, я приму от тебя все.

— Когда эта ночь кончится, я буду считать тебя своей женой до конца дней. И если ты, глупая, задумаешь свести счеты с жизнью, я остановлю тебя в дюйме от пропасти, ты слышишь меня? — Он шутливо шлепнул ее по восхитительной выпуклости.

Она заплакала.

— Навсегда, Джимми. И даже после смерти.

Симус покрывал поцелуями ее лицо. Страстное безумное желание овладело им.

Полетче, мой милый. Малышка сломается, если ты не будешь осторожен.

Он сдержал себя и начал медленно и любовно готовить ее к упоительному слиянию...

15

Перед Симусом О'Нейлом раскинулось огромное, ослепительно сверкавшее зловещее озеро. Колыхавшиеся на воде водоросли, словно огромные кости вцепились в его душу. Им овладела Черная Меланхолия — худшее, что могло приключиться с таранцем.

Как объяснила бы Капитан-Настоятельница, «жалость к себе и неверие порождают Черную Тоску, Ваше Преподобие».

Однако, ни образ Кардины, ни песни менестреля, ни молитва — ничто не помогло. Конечно, это должно было пройти само собой. И если верить Леди Дейдре, справиться с этим можно «начав снова действовать, как и подобает истинному, зрелому и целеустремленному пилигриму».

Редко Черная Меланхолия становилась фатальной для человека. Никогда это состояние духа не длилось слишком долго.

Но ведь все люди одинаковы, и каждый считает себя исключением, подтверждающим правило.

Только один раз до этого за всю свою жизнь Симус стал жертвой этой напасти. Сейчас он даже не мог вспомнить причину, правда, был убежден в том, что лучшие свои песни он написал именно тогда.

В этот раз он не писал стихов и не пел песен. Он сломал свою арфу без тени сожаления. Она была нужна, чтобы петь еще не написанные прекрасные песни своей невесте. Песни любви, которые он так и не написал. Он проклинал себя за это.

Тяжелое состояние длилось уже четыре дня. Он даже начал привыкать к нему и почти полюбил. Симус швырнул камень в тяжелую воду Великого Озера.

Будь оно проклято. Будь проклят Зилонг, «Иона» и Мариетта вместе с ними.

Будь проклят он сам. Суетливость была его ошибкой, промахом. Неужели он растерял последние мозги от любви? С того момента, как они спустились с перевала, он только и делал, что ошибался. Это он был виновен в отчаянии Мариетты. «Иона» списала его окончательно, если вообще не ушла с орбиты. Теперь он обречен скитаться по джунглям всю свою оставшуюся жизнь, а она будет очень долгой.

Может быть, причина его жестокого и грубого обращения с Маржи была в том, что он приписывал ей свои собственные переживания и ощущения. Он наорал на нее, что если она будет вести себя так, то пусть убегает в джунгли и умирает там. Не проронив ни единого слова она собралась и ушла. «И не вздумай следить и красться за мной», — добавил он вслед.

Она не пыталась крадучись следовать за ним, как он злобно предполагал.

Милостивый Господи, не оставь ее.

Он вовсе не хотел этого. Ну неужели она не может понять, что он просто дал волю своей злости? Ладно, когда она, наконец, вернется, он скажет ей пару ласковых.

— Ты еще не пробовала тяжесть моей руки,— крикнул он. *И это ведь тоже только слова. Хорошая жена таранца должна понимать, когда ее мужчина только говорит.*

Тупица, она же не с Тары.

Заткнись. Когда я захочу узнать твое мнение, я спрошу о нем!

Она ушла рано утром; сейчас была уже ночь. Раскаиваясь и проклиная себя за все сделанное и сказанное, он продирался сквозь заросли и кричал, звал ее по имени. Ее поведение было непредсказуемо. Ведь знал же он ее темперамент, должен был предвидеть... У всех зилонгцев тупая манера «постоянно стремиться уйти из жизни». Сейчас бедная девочка снова в таком состоянии, может, она уже наложила на себя руки.

Ведь это наш медовый месяц,— сказал он себе:— Мы не должны ссориться.

Ты не имел права так обращаться с ней, кретин. Надо управлять своими страстями. Настоятельница всегда предостерегала тебя. А ведь у нее большой опыт и житейская мудрость.

Она же еще девочка, чуть старше Реты. Ты не имел права навязывать свои желания ребенку. Она ведь в первый раз в жизни полюбила. А ты — искушенный мужик, великий путешественник. Ты был отвратительным партнером, отвратительным спутником. Бесчувственное бревно, ты не имел права прикасаться к ней!

Он швырнул еще один булыжник. Тот отскочил от камней и больно ударил его. Даже озеро объявило ему войну.

О каком насилии ты говоришь? Она этого хотела.

Ты должен был сказать ей.

Хорошо тебе рассуждать...

Их первая попытка была не очень удачной. Они устали, нервничали, боялись. Оба были неумелыми, особенно он.

Им хватило юмора не огорчаться. Они весело подшучивали над своей неловкостью, и превратили все это в веселую комедию. Играя друг с другом и смеясь, заснули.

Опыт пришел со временем. Видит бог, женщина была способной ученицей. Ни на Зилонге, ни на Таре сексуальным воспитанием никто не занимался. Но Мариетта достигала совершенства во всем, за что бы ни бралась.

Особенно в любовных утехах, подумай над этим.

— Практика — залог совершенства,— поучал ее Симус на следующее утро. При этом он аппетитно чавкал вкусными фруктами, которые собрал в джунглях по ее совету.

— Хорошо, давай попрактикуемся еще. Я хочу овладеть этим в совершенстве,— Она картинно накинута на него.

В эти дни полной идиллии они много практиковались. Женщина была неутюжима. Это уже было не забавой и игрой. Его предчувствие полностью подтвердилось — она была великолепной любовницей, стоящей женщиной. Что бы не происходило между ними, он предчувствовал, что она никогда не будет холодной в постели. Да, прав был Гармоди, есть женщины, от которых невозможно оторваться. Мариетта являлась одной из них.

А ведь она только начала постигать искусство любви. Что же будет, когда она в совершенстве овладеет мастерством?

— Ты меня вполне устраиваешь и сейчас, — глупо хихикнул Симус, отрывая на мгновение губы от ее божественных податливых грудей.

— Ты заслуживаешь совершенства, мой возлюбленный, — со слезами обожания и восторга проговорила Маржи.

Сначала обожание, потом бешенство. Отаратительнейшая черта таранцев. Это было печально.

Конечно, их совместная жизнь началась в трудных условиях. Продирание сквозь зилонгские джунгли было не совсем похоже на безмятежное свадебное путешествие.

Наверное, — убеждал себя Симус, восставая против Черной Меланхолии, — все сложилось бы по-другому, если бы не эта западня.

Что толку говорить теперь об этом. Ведь мы в западне.

Но не будет же так вечно продолжаться.

Когда они покинули тихую заводь и отправились в долгий поход назад к Городу, джунгли встретили их неприветливо. Растительность напоминала изображения докембрийских лесов на Земле. Рептилии с шорохом стремительно разбегались у них из-под ног. Вокруг было изобилие воды и фруктов. И хотя из-за его тупого упрямства они перевернулись на плоту в темноте и потеряли большую часть своего снаряжения, выжить не составляло труда.

Отчаянная женщина, она нырнула в реку, чтобы спасти мою арфу.

Разве плохая жена решила бы на такое, идиот?

И, тем не менее, джунгли взяли свое. Мелкий густой кустарник, болота, дождь, туман, жара — удушливая влажная жара, невыносимая после захода солнца, — истощили их силы. С единственным дротиком и карабином они продирались сквозь непроходимые заросли.

Оба очень устали. Прививки, которые сделала Самарита в Институте Тела, уберегали их от инфекции, но они оба были апатичны, бессильны, подавлены.

В «брачной заводи» они провели четыре дня, забыв обо всем, окруженные великолепными горами, в восторге от близости. Он был слишком поглощен страстью, чтобы заметить, когда с Маржи началось неладное. Практика, как говорила девушка, отшибла его разум. Да, это были упоительные дни. Его нежность начала сковывать ее страсть. И дело не в том, что ее любознательность и неистовые желания не совпадали с его восприятием. Просто она была более страстная.

Именно его щадящая нежность разрушила все. Супружеский союз для зилонгской культуры был чем-то радостным, приносящим удовольствие. По-другому и быть не могло. Ведь всякие проявления индивидуальности грубо подавлялись десятилетиями. Он должен был догадаться, что для зилонгцев сексуальная близость стала очень коротким и жестоким актом. Люди, такие, как Сэмми и Эрни, познавшие, что может быть иначе, составляли крохотную горстку на этой планете. Для большинства обитателей это было удовлетворение животных инстинктов, простой и легкий способ уйти от одиночества и разобщенности. Нежность и участие к другому были неизвестны им.

И когда молодая женщина, пройдя через множество разочарований, стерших ее связь с родной культурой, открывает в себе инстинкты, о которых даже не подозревала, ее ждет растерянность. Это вполне объяснимо и понятно. Даже если новые переживания доставляют ей наслаждение и она стремится «попрактиковаться» при каждом удобном случае.

А когда других занятий нет, кроме поедания изумительных фруктов, и когда твой партнер — сексуально озабоченная недогадливая свинья, удобных случаев более чем достаточно.

Это приговор ему. Не ей. Столкнувшись с новой культурой, Маржи утратила связь со своей. Какая гримаса судьбы в том, что она сломалась на идеале таранцев — нежности к партнеру.

Если бы О'Нейл грубо и властно обладал ею, это было бы естественно для нее. И тогда ничего не было бы потеряно.

После своей неуклюжей и робкой попытки он стал еще нежнее, играя роль великодушного любовника, и потерял все. Сейчас бы Дейдра сказала ему: «Это твой промах, идиот. Разве ты мог бы когда-нибудь контролировать свои влечения?»

Стычки начались сразу же, как только они покинули уютную заводь. За один день ее словно подменили. Она упрямылась, не соглашалась, спорила и придиралась. Он не узнавал свою нежную

кроткую возлюбленную. Она знала, как задеть его самолюбие и выбирала самые уязвимые места. Это необходимо было пресечь в самом начале. А он прошал, стараясь ничего не замечать, терпел — типичная реакция таранца, которая превращает жен в фурий.

Чем больше он уступал, тем ожесточеннее становилась она. Когда он, наконец, вышел из себя, то перешел всякие границы. Отношения были испорчены.

Следующей ночью она оттолкнула его, холодно заявив: «Я не желаю делить постель с мужчиной, которого не уважаю». Его ошибкой было то, что он отпустил ее с этим. Он был так сильно задет и унижен, что не дал себе труда разобраться, что это просто каприз неуверенного в себе ребенка. Он должен был отвлечь ее, развеселить, разбудить в ней желание и завоевать снова.

Нет, пусть она живет своими страхами, а мой удел — черная меланхолия. Бог нас создал, а дьявол распоряжается нами.

Их борьба с зарослями проходила в полном молчании, и только во время отдыха оно нарушалось взрывом обвинений и жалоб Мариетты.

Если верить карте, после Большого Озера путешествие должно было стать менее изматывающим. Течение реки, ровное, но достаточное для плота; берега до самого Города были пологие, удобные для причаливания. Он снова промахнулся.

Когда они вышли на берег озера, оно показалось еще более удручающим, чем джунгли. Оно было стоячее и спокойное, покрытое густым туманом, наполненное растительностью и торчащими из воды острыми скалами.

— Мы будем пересекать вот это?— недовольно спросила она.

— Конечно, обязательно,— с холодным ехидством ответил он, хотя давно решил этого не делать. Но когда она цеплялась, он упрямо делал все наперекор. Итак, вопреки здравому смыслу, он заставил ее отправиться дальше на плоту. Это была самая грубая его ошибка.

Озеро кишело нечистью, выскакивающей из воды, нахально хватавшей за шест, за сам плот. С таким же успехом это могла быть чья-нибудь рука или нога. Плот бесконечно запутывался в водорослях, туман становился все гуще и гуще.

— Я же говорила тебе,— самодовольно крикнула Маржи.— Озеро опасно!

Они причалили и пошли вдоль берега. Возможно, это был остров.

Черная Меланхолия поднялась из мутной воды и овладела всем его существом. Он потерял ориентиры в непроглядном тумане. В какой стороне водопад? Он предлагал идти в одном направлении, Мариетта — в другом. Пошли в его направлении — уткнулись в непроходимое болото. Они затерялись на берегу огромного мрачного озера в самом центре джунглей.

Она припомнила ему все:

— Ты негодный поэт, безобразный солдат, худший из тиранов! Сколько раз тебе еще необходимо ошибаться, чтобы прикончить нас обоих? В гареме Ната мне было бы лучше.

Конечно, она так не думала. Это был крик о помощи отчаявшегося ребенка. Ему бы обнять ее, успокоить, приласкать... Любой менее бесчувственный мужик сделал бы именно это.

Но у Симуса не хватило мудрости для понимания. Черная Меланхолия сделала свое дело.

— Заткнись сейчас же! — заорал он. — Как и все твои соплеменники, ты просто тупая дура, телка, плаксивый ребенок.

— Трудно стать хорошей любовницей в неуклюжих лапах насильника.

Он не мог больше этого вынести и выгнал ее. Видит Бог, у него были причины для этого. Это был конец всему.

Конец Миссии, конец Мариетты, и, скорее всего, конец Симуса О'Нейла. «Бедный малый, — скажут о нем на «Ионе». — Какая жалость, что он умер таким молодым. Отличный был парень. Прекрасный поэт. Хоть мы и не ценили его при жизни. Первоклассный воин. Просто у него не оказалось того, что необходимо в такой ситуации. Не получилось из него ни шпиона, ни любовника. Это позор, действительно, но мы бы не пожелали никому такой участи». Потом бы они вздохнули и еще раз вздохнули.

Неудачливый шпион и плохой любовник — вот эпитафия Симусу Финбару Дармуду Брендону Томасу О'Нейлу.

Спустя некоторое время они совсем забудут его.

Он обхватил голову руками. Нужно бороться за свою жизнь, за свою любовь. Но отчаяние было таким черным, что он не мог даже заплакать.

— Джимми! — тихо раздалось где-то вдали.

Мне показалось.

— Джимми, любимый мой, — нет, нет, это ее голос.

Он поднял голову. Это была Маржи; она тихо стояла в нескольких ярдах от него, по ее щекам текли слезы.

Его сердце было готово выпрыгнуть из грудной клетки. *Господи, она красива даже после недели скитаний по джунглям. Он был восхищен ею.*

— Итак, ты решила вернуться. Долго же ты раздумывала,— зло проворчал он.

Она справилась с собой, спокойно и тихо спросила:

— Могу я присесть на этой коряге?

— Планета свободна,— он уронил голову, стараясь не глядеть на нее.— Ты можешь сесть, где тебе заблагорассудится,— он не хотел уступать.

— Я могу поговорить с тобой? — она была очень серьезна.

— Господи, прекрати это, умоляю тебя! — Он еще ниже опустил голову.

Мариетта была в отчаянии от его молчания. Она бросилась к его стопам и, обняв за ноги, зарыдала:

— Мой повелитель, прости меня. Я так несчастна без тебя. Я не стою твоего мизинца. Я мерзкая... сука. Дура. Идиотка. Я уже никогда не буду стоящей женщиной для тебя. Позволь мне стать твоей рабыней. Я буду выполнять любые твои желания. Умоляю, умоляю тебя, прости... Я обещаю, я... никогда не позволю себе...

Он встал и резко поднял ее на ноги.

— Ты никогда не будешь рабой. Единственное, кем ты можешь быть — это хорошей женой. Единственное, чего я не выношу — это пресмыкающуюся женщину.

Она перестала плакать.

— Джимми, ты, наверное, шутишь.

— Нет, и не думаю. Но я скажу тебе одну вещь, женщина. Между нами никогда не будет ни повелителя, ни раба. Ты моя жена, это делает нас равными. В этом случае я только выигрываю. Ведь если бы ты не была моей женой, ты, конечно, была бы выше меня.

— Джимми!.. — ее глаза сияли.

— Фактически,— когда он входил в роль, то не мог уже остановиться,— жена или не жена — это лишь отговорка, ты все-таки немного выше меня, совсем немного. Тебе ясно?

Она только кивнула. Слов уже не было.

— Мы, таранцы, иногда теряем самообладание, но потом жалеем об этом. Жена же, вроде тебя, заслуживает хорошей порки...

— Так высеки меня, если хочешь. Я заслужила. Я...

— Ты никогда не дождешься этого от меня, слышишь. Даже если очень провинишься. Тем более, что с тобой можно

проделывать гораздо более интересные штучки, что я и собираюсь предпринять немедленно.

Неплохо сказано, а?

Он поцеловал ее в щеку в знак примирения. Видит Бог, Гармоди был прав.

— Значит, я прощена? — она была растеряна, едва верила своим ушам.

Чего же ты еще ждешь от меня, женщина?

— Я тоже прощен?

Она бросилась к нему на шею.

— Я так люблю тебя. Ты такой замечательный. Я самая счастливая женщина во всей вселенной.

— Ну наконец-то.

Она глубоко вздохнула. Слова полились, как бурлящая вода.

— Симус, что со мной происходит? Меня разрывают противоречия. Я не похожа на себя. Ведь я солдат. Я верю в смелость, а веду себя, как трусиха. Я бесконечно доверяю тебе, но стараюсь все время помешать. Я верю в то, что должна поддерживать тебя, но делаю все, чтобы потерять. Я люблю тебя и причиняю тебе боль. Я хотела умереть из-за того, что унизила тебя, и уже была на краю. Но голос внутри меня сказал: «Вернись к этому человеку, ты необходима ему». И вот я вернулась. Но ведь я не нужна тебе, ведь так? Нет, конечно, нужна. Я знаю, ты любишь меня. Что происходит? — она упала к его ногам. — Джимми, прошу тебя... помоги мне...

Ну как ей объяснить, ведь она в таком стрессовом состоянии сейчас.

— Маржи, я не могу помочь тебе, — тяжело и спокойно ответил он, но сердце в его груди бешено колотилось, и все его существо страстно желало ее.

Она едва слышно продолжала, заливаясь слезами у него на груди:

— Я не хотела причинять тебе боль, Джимми. Когда я решила свести счеты с жизнью, голос сказал, что я причиню тебе еще большую боль. Я вернулась, чтобы попробовать еще раз.

— Я страшно рад этому, — он бережно осушал губами ее прекрасные глаза, потом губы, шею, грудь.

Любовь после размолвки лучше всего, говорил Гармоди. Скоро я это выясню.

— Скажи мне, что случилось. Я схожу с ума? — умоляла она.

— Я скажу тебе, только, пожалуйста, дай мне слово, что не рассердишься. Что будешь внимательно слушать.

— Обещаю,— она вытерла слезы.— Но как же я могу внимательно слушать, когда ты вытворяешь такое с моей грудью?

— Это входит в программу.

Конечно, это немного затрудняло взаимную беседу. Тогда он откинул ее короткие волнистые волосы и очень нежно погладил ее. Потом скрестил пальцы, чтобы не отвлекаться, и начал очень осторожно:

— Видишь ли, дело в том... Понимаешь, ты потянулась ко мне во-первых потому, что я неотразим, а во-вторых, я против тех зилонгцев, которым не доверяешь, сомневаешься и разочаровалась ты сама. Вспомни, в тот день, когда ты спасла меня, ведь ты сказала, что не хочешь больше жить?

— А после встречи с тобой я стала заговорицей.

Она быстро схватывает.

— Ты обнаружила, что наше правительство постоянно лжет вам и даже пытается убивать непокорных. И ты замкнулась в себе, как и большинство других.

Она смотрела на него очень серьезно. Откинувшись назад, освободилась от его объятий и ждала продолжения.

— Я пришел, как искуситель. Я вывел тебя из равновесия тонкой лестью, которую ты никогда не слышала бы от зилонгского холостяка, мы прошли через потери и пустыню, через горы. Потом я пустил в ход нежность. Я заставил тебя испытывать чувства, о существовании которых ты не подозревала — уступчивость, доверие, страсть, сексуальное наслаждение.

Я уподобился монаху, дающему ежегодную проповедь.

— Я испугал тебя, и ты решила защититься, снова став ребенком. Это так естественно.

Последние слова он сказал зря. Она вырвалась от него, страшно рассерженная.

— Как ты смеешь сравнивать меня с ребенком. Я такой же зрелый человек, как и ты. Даже более зрелый.

Он сжал зубы и крепко схватил ее за кисти.

— Женщина, ты хуже ребенка. Я же сказал, постарайся проявить свою зрелость, выслушай меня.

Она сжала кулаки и упорно старалась освободиться. Потом начала хохотать.

— Симус, ты удивительный милый идиот. Это ужасно смешно,— она уткнулась лицом ему в грудь.— Ты пытаешься проучить меня, как расшалившегося ребенка,— веселье девушки было искренним.

Вдруг в нем зародилось отвратительное подозрение.

— Ты говорила, что слышала голос, который сказал тебе вернуться? Какой это был голос?

Она дотронулась до его лица.

— О, я не помню. Разве это имеет значение? — она почувствовала, как он стиснул челюсти. — Хорошо, хорошо, дорогой, это важно. Дай вспомнить... голос сказал: «Отправляйся назад, идиотка, бедняга нуждается в тебе». Да, именно так это и было.

«Бедняга». Это не похоже на Зилонг. Это был голос с Тары. Дейдра, я твой должник. Так ты все еще слушаешь и следишь. Последнее, что ты можешь сделать для меня — предоставь нас самим себе.

Она вывела его из задумчивости, взяв его руки в свои и положив себе на грудь.

Убирайтесь, Ваше Преосвященство. Вы меня слышите?

— Я хочу быть с тобой, а ты? — робко спрашивала его женщина.

— Да, очень хочу, любимая, — вздохнул он. Ну что же, если Настоятельница хочет поиграть с ним в эту игру, он покажет, на что способен. — Ты забудешь обо всем, я тебе обещаю.

— Как замечательно, — она счастливо вздохнула. — Какой ты славный.

— А потом?

— А потом... — не только у нее меняются настроение и намерения, — потом мы отправимся в Город Зилонга и наведем там порядок, чтобы достойные люди вроде нас с тобой могли жить свободно и мирно.

16

Саблезубый тигр бросился на Симуса, как демон из преисподней.

Пока он нащупывал свое копьё, то успел заметить, что это был очень крупный экземпляр. Создатель совершил ошибку, превратив очаровательного котенка в такое страшное и свирепое существо.

Почти такой же в длину, как и его судно «Дев», поразился Симус, когда чудовище распласталось в прыжке, нацелившись на его шею.

Симус понял, что не успеет воспользоваться копьем. Жизнь была такой интересной.

— Мариетта! — завопил он, зная, что это его последние слова.

Каким-то образом она успела протиснуться между ним и рычащим хищником и воткнуть в грудную клетку того копье, изменив тем самым направление его броска.

Зверь рухнул рядом с Симусом, корчась и скалясь от ярости, разрывая воздух страшными клыками и когтями.

Мариетта бережно оттащила Симуса подальше от умирающего животного.

— Ты ждешь, когда он прикончит тебя? Смотри, он еще жив.

Дрожащий и молчаливый, он позволил девушке поместить его на краю маленькой поляны, на которой они расположились.

— Что с тобой происходит? Почему ты стоял и ждал, когда это чудовище растерзает тебя? Почему ты не схватил копье и не убил его? Проклятый искустель!

— Почему искустель? — дыхание вернулось к нему.

— Потому что ты самый глупый идиот. Почему ты не убил его?

— Ну, потому что я оцепенел от ужаса...

— Глупости, я никогда не поверю, — ворчала она.

— Кроме того, я не знал как.

— Да, да, конечно. Можно подумать, что на других планетах ты с ними не сталкивался и не тренировался убивать, как это делают военные у нас.

— Вы что, тренируетесь вот на таких, на живых?

— Конечно же нет, — она понемногу отходила от испуга. — На механических.

— А у тебя великолепная реакция.

— Да уж, твои святые наверняка оценили, — она обвила его руками. — Ох, Джимми, я почти потеряла тебя!

— Теперь я твой должник вдвойне, — он сгреб ее в объятия. — Этот тип целился прямо мне в глотку. Иди ко мне, давай присядем, пока мы оба не погибли.

Они растянулись прямо на траве, избегая смотреть на труп хищника и стараясь успокоить свои нервы.

— Я должна признаться тебе, — смущенно заговорила она, — я давно хотела сказать об этом. Скажу сейчас... пока не случилось еще что-нибудь.

Симус не на шутку разволновался. В этой женщине уживалось так много — комичность, ребячливая благодарность, страстная любвеобильность, стремительность военного.

Не обманывай себя, Симус Финбар О'Нейл. Все равно она — твое наказание.

— Никаких признаний, моя девочка.

— Ни одна зилонгская девушка не ведет себя так с незнакомым мужчиной, как я в первую ночь. Мне было стыдно.

— Если ты хочешь знать, я так толком и не успел тебя разглядеть,— он прижался к ней совсем близко.— Неплохая грудка. Правда, я видел и лучше. Не очень большая, ты знаешь. Вот на планете Корк...

— Успокойся,— настояла она примирительно.— Ты не смутишь меня своими глупостями. Просто я хотела тебя соблазнить. Меня ужасно тянуло к тебе с самого начала... Вот поэтому я и была такой грубой, ты понимаешь?

— Думаю, что да.

— Я знала, что скоро умру, и хотела испытать это чувство перед смертью, а рыжебородый бог был бы лучшим любовником из всех, вот... ну, ты знаешь, что было потом.

— Да, я...

— Только потом я поняла, что значит любить...

— Ну и что же?

— Это то, как ты относишься ко мне, нежно, ласково, какое счастье ты мне даришь, какое редкое наслаждение. Все, что ты делаешь, доставляет мне удовольствие. Я без ума от тебя. Именно с той ночи я хотела быть с тобой.

— Вот ты и заполучила меня?

Она прижалась лицом к его груди.

— Теперь ты жалеешь об этой печальной истории соблазнения доверчивого космического бродяги?

Она очень серьезно задумалась.

— Думаю, что нет.

— Ее Преосвященство говорит, что когда люди познают, что значит любить и быть любимым, они понимают, что такое Бог.

— Как это прекрасно. Твой Бог Иисус, да? Он думает обо мне так же, как и я о тебе? Он так же любит меня, как и ты?

— Ну, наверное, в данную минуту Иисус совершенно запутался в этом, так я думаю. Но, ответ на твой вопрос скорее утвердительный.

— Действительно Дейдра так говорила?

— А... — опять всплыло имя этой женщины. Он задумался на несколько секунд.— В ту ночь, в Городе, ты следовала за мной?

— Конечно, мой любимый,— казалось, что она несколько удивлена его вопросом.— Ведь я знала, что Четвертый Секретарь боится тебя, и ты нуждаешься в защите.

— Избавь нас, Повелитель, от саблезубых тигров и Четвертых Секретарей,— Симусу очень понравилось построение фразы.

— Что это значит?

— Это молитва, обращенная к моему ангелу-хранителю... Господь доверяет духам и заботится о нас.

— Твой Бог такой удивительный. Совсем как ты,— она уютно пристроилась поближе к нему.— Думаю, что я уже вполне готова заняться любовью, Симус.

— А я уже начал бояться, что этого не произойдет.

После этого, когда она блаженно спала в его объятиях, Симус недоумевал — и что за нужда признаваться в том, что совершенно очевидно любому здравомыслящему мужчине — признаваться в том, что он не преследователь, а всего лишь преследуемый.

— Другими словами, такому здравомыслящему, как я,— бормотал он печально.

На следующий день они столкнулись с бандой хорошо вооруженных туземцев. И снова Мариетта первая почувствовала приближение опасности.

Она втянула воздух.

— Кто-то приближается, Симус. Быстро в укрытие.

Это был приказ. И он, испытывая чувство вины перед Кардиной, последовал за девушкой в густые заросли красноватого кустарника.

Совершенно уверенные в себе туземцы — их было около сорока — мужчины и женщины, молодежь следовала сзади — растянулись вдоль берега озера. Все были вооружены до зубов — ножами, копьями и огромными дубинками. По озеру вдоль берега, параллельно отряду, двигалось несколько больших каноэ. Лодки были нагружены оружием и припасами.

О'Нейл с Мариеттой неподвижно ждали, когда скроется эта процессия.

— Нам не следует разжигать их аппетит, как ты считаешь?

— Это военный отряд, а не охотники,— задумчиво проговорила она.— И направляются они в Город.

— Они собираются штурмовать его при помощи копий и дубин?

— Скорее всего, это разведчики Ната. Он послал их пересечь Реку и выяснить, действует ли лазерное оружие. Если они погибнут, Нат атаковать не станет.

— Он мертв.

— Мертв? — скептически переспросила она.— Будем надеяться, что так.

— Ты хочешь сказать, что Изгнанные тоже не считают аборигенов людьми?

— Конечно нет. Они их используют и убивают. Да и почему они должны отличаться от нас?

— Но ведь ты же считаешь туземцев людьми?

— Иногда мне кажется, что они более человечны, чем мы. И как бы они ни попали на нашу Планету, они были первыми.

— Тогда даже если... я имею в виду, после нашей победы в Городе, нам придется что-то сделать и для них?

Она наклонилась за своим рюкзаком.

— Что ты можешь сделать, Симус О'Нейл, чтобы исправить ошибки тысячелетней давности?

Прекрасно, на этот раз поистине деликатный вопрос.

— Я шепну Кцару, чтобы он вступил с ними в переговоры. У него правильно устроена голова.

Она гордо улыбнулась.

— Узнаю моего Симуса. Никто не придумал бы ничего лучше.

Симус не подал виду, что согласен с ее оценкой. *Что я смыслю в политике?*

— Свободу всем, свободу каждому,— она сжала его руку,— включая и этих несчастных.

— Каждому,— согласился он нехотя, без всякого воодушевления.

— Поспешим в Город, пока не поздно. Свободу всем!

17

Много дней спустя, после бессонной ночи, проведенной в раздумьях о всеобщей свободе, Симус О'Нейл открыл один глаз, когда солнечный луч, заглянувший в кабину «Имона де Валери», разбудил его.

У входного люка стояла нагая женщина, ее молодая стройная фигурка казалась позолоченной в лучах солнца. Она внимательно и восхищенно смотрела на него. Он быстро прикрыл глаз.

О, эта женщина доведет меня до могилы. Все время на пути от Большого Озера она потешается надо мной, разве это не ужасно? Она хочет заняться любовью в такую дикую рань, а я никак не могу решить — отправляться в этот проклятый Город сегодня, или нет.

Он старался не дышать, опасаясь, что ее дикая страсть станет еще сильнее, как только она поймет, что он уже проснулся. Вот уж чего он совсем не ожидал, так это того, что она превратится в комедиантку. Когда они добирались до Гипериона, она почти не улыбалась. Теперь же она постоянно смеялась и танцевала целыми днями, даже после того, как они оба уже были истощены любовными играми.

Она всегда была такой, просто скрывала это. Кажется, я влип.

Он снова почувствовал приступ страха, правда, это скоро прошло. Ее удивительное чувство юмора часто придавало ему силы. Даже когда он готов был сдаться, как на пути от Большого Водопада, кишащего диким и хищным зверьем.

Немыслимая женщина. Она и теперь говорит те же самые вещи, что и до нашей ссоры, но теперь это похоже на веселую шутку. Что мне с ней делать? Он знает, чего она хочет от него... она хочет, чтобы мужчина выдохся... Все это началось после встречи с дикарями на Озере.

В то утро, когда он проснулся, Мариетты нигде не было. Карабин тоже исчез. Погода улучшилась. Туман над озером рассеялся, ветер утих, ярко светило солнце. Он надеялся, что она ушла на разведку.

Вернулась она с горящими глазами.

— Мы нашли наш водопад, Симус О'Нейл! Если бы у тебя был такой же слух, как у зилонгцев, то сегодня утром ты проснулся бы от его рева. Скорее вставай, дорогой, это такое великолепное зрелище.

Симус много повидал в своей жизни, но Большой Водопад Зилонга потряс его. Без всякого предупреждения почти все озеро падало вниз с высоты в полумиллю. Другого конца не было видно, он терялся в клубящемся внизу водяном тумане. Стена воды блестела в лучах солнца, брызги разлетались во все стороны. Они промокли до нитки. О'Нейл и Мариетта от восторга обнялись и начали кружиться.

— Джими... — она погрузилась, зарываясь пальцами в его ладони, — Если мы пройдем через все это, они отпустят тебя на Тару?

Почему она спрашивает об этом сейчас?

— Ну, я думаю, что у моих друзей хватит политического влияния, чтобы устроить это.

Куда ее занесет еще?

— А Дейдра поможет? — И когда она заметила его удивление, быстро добавила: — Помнишь, ты рассказывал о безобразной пожилой священнице, твоём друге. Сколько ей лет?

— О, около шестидесяти или семидесяти, и страшна, как смертный грех,— он обнял Мариетту и притянул к себе.

— Среди бела дня, в таком великолепном месте Зилонга нужно наслаждаться созерцанием, а не... — упрекнула она его.— Джимми, у тебя нет самоконтроля.

— Поверь, прекрасный бюст молодой женщины — гораздо более привлекательное зрелище.

— Зилонгских мужчин совсем не интересует эта часть женского тела. Это твоя слабость? У всех таранцев так? — притворно злилась она.

— Вот что я тебе скажу, женщина. Если тебе не нравится моя слабость, можешь пойти поискать себе какого-нибудь зилонгца с холодной кровью. И не забывай, что ты замужем за таранцем с явно выраженной индивидуальностью, и все!

При этом он был готов отскочить от Мариетты, чтобы избежать холодной ванны. Но женщина была настроена игриво. Она повалила его на землю, преодолевая его притворное сопротивление, уложила на спину и стащила с него одежду.

— Таранец ты или нет, мой дорогой Джимми, у тебя потрясающее тело, и я хочу его прямо сейчас. Можешь забавляться моей грудью, если хочешь, но веди себя смирно. Я хочу поиграть с тобой.

— Достаточно ясно сказано,— он вздохнул, с готовностью отдаваясь ее ласкам.

Я всегда говорил, она — потрясающая женщина.

— Только умоляю тебя, перестань меня щекотать, слышишь, женщина? Это уже слишком!

— Ну уж нет. Я никогда не перестану. Как тебе это нравится? Ну что же, практика делает свое дело.

Они провели в играх все утро, купаясь в заводи на конце водопада, любясь разлетающимися брызгами, отдыхая и снова наслаждаясь близостью, снова, и снова. Это было начало настоящего медового месяца, оргия любви, которую ничто не могло омрачить, никакие тяжелые испытания в будущем.

И она никогда не насытится мной. Это несколько больше того, о чем я мечтал.

Ах, и никогда больше он не впустит в свое сердце Черную Тоску. Эй, где ты, ты все еще здесь?

Итак, в то утро, в «Деве», пока она заливалась смехом, танцевала и напевала языческие песни, тревожные думы занимали его голову и сердце.

Мариетта никогда не свернет с выбранного пути. Он имел в виду освобождение Зилонга. А он, как истинный таранец, не признавал спонтанных порывов. Да, они принесут свободу Зилонгу, если это возможно сделать. А вот в этом он не был уверен.

Нельзя выполнить невозможное, как говорила Леди-Настоятельница.

Недопустимое нарушение догм.

Правильно. Завтра «Ионе» решать вопрос: «идти или не идти». Если они решат окончить миссию, то завтра пусть определятся. Он очень ясно дал им это понять. Теперь он точно знал, что его слушают.

Если мы это совершим, они будут слагать о нас песни сотни лет.

И вообще, кто такой этот Финн Маккул?

Но им придется сделать выбор. Я выдвигаю вам ультиматум. Или заберите меня и мою женщину из этого проклятого места сейчас, или я отправлюсь в Город и приглашу вас вниз в случае успеха.

Не думаю, что у нас много шансов на победу, но другого выхода нет. Я буду ждать вашей помощи, вы слышите меня?

И никаких сентенций, вроде «бедняга Симус», пока я разыгрываю перед вами утренне-ночные представления. Я не нарушил ни одного Закона. Разве они не сами просили меня об этом?

Или ты забираешь меня сейчас — слышишь меня, Леди графиня Настоятельница, Капитан, Кардинал? — или даешь мне полную свободу действий. На этот раз я не позволю тебе улизнуть от ответа.

Все предельно просто, не так ли? Хорошо, вы думаете, Симус совсем потерял голову из-за любви?

Тогда я вот что скажу. Да, я люблю эту женщину. Ради нее я пойду на все. И я не хочу выбирать между тобой и ей, но если ты будешь принуждать меня, ты знаешь, кого я выберу.

Обрати внимание,— добавил он немного угоднически,— все это я делаю по Библии, храня верность моей жене, потому что мы теперь одно целое. Ты вынудила меня.

И если хороший секс сделал меня еще более упрямым и несговорчивым, чем прежде, тебе просто придется считаться с этим. Понятно?

Радиоприем «Дева» был включен, они должны были знать об этом. Он готов к принятию сигнала. Если сигнал не поступит, он может расценивать это, как одобрение его решения отправиться с Мариеттой в Город. И довести задуманное до конца. Он старался не думать о возможном трагическом финале. Информация «Ионе» больше не нужна. Зилонг был в кризисе. Оценки Потраджа о возможном взрыве, как пятьдесят на пятьдесят, явно консервативны, особенно если учесть план революционного переворота Мариетты.

Он переходит от сбора информации к действию, что противоречит приказу Дейдры. Что она и Большой Совет думают об этом? Знают ли они о двух принципиально важных чертах, которые открыл Симус в зилонгцах? Зилонгцы сознают, что их общество распадается, и на этой планете существует скрытое сопротивление, наиболее развитые и остро чувствующие представители общества стараются избегать давления официальной политики. Подтверждение этому — жестокая ирония Эрни, ощущение нелепости своего существования у Мариетты.

Маржи подошла к нему и положила холодную нежную ладонь на его лоб.

Я ничего не могу с собой сделать, я влюблен в эту женщину.

— Ты хочешь вернуться к себе? — она спросила нежно, как прошлой ночью, — если ты хочешь отправиться в космос, я пойду за тобой.

— А ты этого хочешь?

— Нет, у меня долг перед своим народом. Но теперь я отвечаю и перед тобой. Я хочу того же, чего и ты.

Вы слышите? Мы — единое целое. Она говорит так же, как и я.

Вчера он сказал ей: «Мы подумаем над этим вечером, а утром решим». Сейчас было утро, и она снова хотела принадлежать ему. И несмотря на его истощение, сейчас он хотел того же. Она была такой восхитительной, удивительно привлекательной, непреодолимо соблазнительной, особенно нагая.

— Сейчас я хочу тебя, любимая, — он решительно потащил ее к кушетке. Она притворно сопротивлялась, шутливо боролась с ним, и в конце концов он оказался сверху. Она не могла пошевелиться, а он таял от нежности к ней.

— Ты такая красивая, моя любовь.

— Спасибо тебе.

— Твоя красота только подчеркивает твоё совершенство. Ты красивее, чем твоё тело.

— Ты хочешь заставить меня плакать или любить тебя?

— А если и то, и другое?

— Как прекрасно это звучит... Мне понравилось. Сделай так снова.

— Ненасытная.

— Это твои губы, а не мои.

Хорошо, если это не приносит радость и наслаждение моей возлюбленной, я не буду таким неистовым.

— Я так счастлив сейчас,— шептал он ей,— первый раз с тех пор, как убили моих родителей.

— Твоих тоже?

— Моих тоже.

— Ты хочешь иметь детей, Джимми?

— Ведь их матерью будешь ты.

— Ну а кто же еще?.. О, Джимми, это потрясающе, не останавливайся.

— Ты не хочешь мне ничего сказать... Если ты беременна, это ужасно осложнит все.

— Спрашивай... О... пожалуйста, еще, еще!

Потом он был слишком занят, чтобы думать о чем-нибудь.

Позже, когда она отправилась в джунгли за фруктами для завтрака, им овладели его тяжелые сомнения. Если сигнал с «Ионы» поступит, они уйдут. Ну а если до сих пор его не было, то вряд ли уже это произойдет. Дать им еще полдня? Возможно, у них, наверху, тоже сомнения. Решение о завершении своей миссии он может принять самостоятельно. Как расценивать их молчание? Как признание его права решать самому? Или это молчаливое решение свидетельствует о том, что его списали, как агента, выполнившего задание?

Может быть, они ждут дальнейшего развития событий. И сообщение еще придет?

Он подружился с зилонгцами — с Эрни, Сэмми, Хорером, Кариной, бедной малышкой Ретой, которая, быть может, уже погибла в пустыне. С этими ребятами из отряда. А Мариетта — она так изменила всю его жизнь, как никто до нее. Любовь к своему народу заставляет ее рисковать жизнью. Как же он может оставить ее? И как он может стать инструментом, отрывая ее от народа, который находится под угрозой уничтожения.

Она потрянула его за плечи... те же сильные руки, вытащившие его из сточной канавы.

— Доброе утро, моя прекрасная,— нежно обнимая ее за талию, сказал Симус.

Она поцеловала его.

— Доброе утро, Благородный Майор. Опять дремлешь? Я разбудила тебя? Вот и завтрак. Ты хорошо спал?

Снова смеется надо мной.

— Я видел плохой сон,— с притворной неохотой он позволил ей оказаться сверху.— Вижу по глазам, что твои желания снова проснулись. Так скоро?

Ее руки любовно ласкали его лицо. О, эта ее нежность... потрясающая нежность, заставляющая сладко замирать сердце.

— Как же твое обещание, которое ты мне дал, Джимми... — *Бог мой, теперь она плачет.*

После этого она села на кушетку рядом с ним.

— Мы идем в город?

— Ты сомневаешься в этом?

— Нет.

— Тогда надо известить их о нашем сверхъестественном спасении. Спрячь свои пилюли в мою аптечку. Мы оставим их здесь до подходящего момента. Не стоит рисковать, ведь их могут конфисковать в Городе.

Несколько часов спустя они уже были на планетолете с четырьмя солдатами и их командиром, капитаном Яном, который действительно выглядел десятилетним по таранским меркам, и приближались к Городу. Все его ребята из отряда были членами Молодежного Союза. Предстояло обсудить прошедшие несколько недель, чтобы придумать официальную версию.

— Соратник-Капитан,— Формально обратился Ян к Мариетте,— мы счастливы, что вы и Герой-Поэт живы.

Мариетта ответила:

— Соратник-Капитан, мы рады, что вы здесь и встречаете нас. Поэт О'Нейл, позвольте представить вам благородного Капитана Яна.

О'Нейл очень хотел узнать, что у них обоих на уме.

— Надеюсь, ваша будущая жена в порядке, Капитан? — спросил он с полным достоинством, отгоняя мысль, что это могло быть и не так.

Ян расплылся в широкой ухмылке.

— Она никогда раньше не чувствовала себя так хорошо, Благородный Поэт, Героический Гость. Я не преувеличиваю. Удивительные перемены произошли с ней во время приключений в пустыне.

— Скажите мне, капитан, вы одобряете эти перемены?

— Да, вполне. Она стала сильнее и решительнее. Другого трудно желать,— его глаза светились счастьем.

— Рад слышать, Ян. Теперь я вижу, что вы — достойнейший человек,— О'Нейл улыбнулся.

— Благодарю вас, сэр. Не могли бы вы ответить на один тривиальный вопрос? Что такое «идиот»?

— Ах это! Так, высокоблагородный искуситель,— расплывчато ответил Симус.

— Понятно, сэр. Очаровательно,— он выглядел слегка озадаченным.

Во время их отсутствия произошло много событий. Смерть Четвертого Секретаря была представлена просто как «трагический инцидент». Шестой Секретарь, по слухам, стал преемником.

— Старый дурак,— вспыхнула Мариетта.— Во время Фестиваля он преследует девушек.

Комитет, уже неуместный и ненужный, был не в состоянии решать проблемы. Кампания по осуждению Мариетты закончилась, Рете с отрядом беспрепятственно позволили вернуться. Смерть Ната сняла опасения об его «императорстве». В самом Городе капюшонники стали вести себя наглее. Шансы у молодых были неплохие. Комитет не решится выступить против до сбора урожая.

— Ты с нами, Мариетта? — пылко спросил Ян.

— До самой смерти, Ян.

— До полной свободы,— поправил он.

Лица всех выражали решимость.

— Вы раздобыли пилюли? — забеспокоился Ян.

— Да. Они в надежном месте,— ее глаза светились энтузиазмом. Римская дева, нет, Римская матрона, готовая к схватке со львом.

— Майор О'Нейл с нами?

— Конечно,— решительно заявила она.

Эй, минуточку, ребята, я ничего не обещал.

Они дружно повернулись к нему.

— Свобода, Симус О'Нейл!

— Действительно, свобода,— ответил он без всякого энтузиазма.

Они ничего не заметили.

Хотя его лицо горело от смущения, Симус смеялся так же громко, как и все остальные. Прекрасно, эта негодница изумительно передразнивает меня, мой голос, жесты, мимику. И зачем только ей понадобилось пересказывать, как я навернулся с плота или обалдел от саблезубого тигра. Меня совсем перестанут уважать. Ладно, ладно, я проучу ее попозже, ночью.

— И тогда героический майор сказал: «Нет, мы пойдем другим путем», и со всего маху упал в воду. Он падал так грациозно... Вы когда-нибудь видели его падающим? И вот мне снова пришлось его вытаскивать. Похоже, что это мой рок... конечно, это не самое неприятное занятие... Но он слишком огромный, и это уже начинает надоедать... кто-нибудь из присутствующих хочет испытать это на себе?

Она из всех старалась быть серьезной. Но озорство в ее лучистых карих глазах так и плясало.

Самарита, Орнигон, Хорер и Карина просто корчились от смеха. Ее фантазия и избирательность в описании эпизодов их «путешествия» по джунглям была небывалым развлечением для дома Музыкального Директора, а ведь она еще не дошла и до половины рассказа. О'Нейлу отводилась роль неловкого героя, спасенного мужественной и неутомимой женщиной... роль, которая смущала его, но была близка к правде.

Ручаюсь, что вам, Ваше Преосвященство, все это страшно нравится. Эта особа все-таки удивительно похожа на вас.

В своем воображении он сочинил балладу непристойного содержания, в которой он в такой же фантастической манере описал неумность и страстность Маржи. Но спеть не решался. Во-первых, это заставит зилонгцев хранить мертвую тишину. Во-вторых, ему еще не было ясно, догадались ли присутствующие об их отношениях с Маржи. Эту тему как-то деликатно обходили молчанием.

— О, Джимми, вы так замечательно провели время в джунглях, — завидовала его хозяйка, ее смуглая кожа порозовела от румянца и от тщетных попыток сдержать смех. *Интересно, что она имеет в виду? Неужели не всем очевидно, что возбужденная веселость Мариетты — результат того, что она нашла мужика, с которым можно спать? Наверное, в этом обществе дураков не принято замечать отступление от правил.*

— Я страшно рад, что мне удалось развлечь моих дорогих хозяев. Это все, что я могу сделать для вас,— его голос прозвучал слишком печально.

— О, Благородный Гость,— запротестовал Орнигон,— вы должны позволить нам немного развлечься... впереди тяжелые времена... — легкая тень пробежала по его лицу. Он пожалел, что сказал об этом. Возникла неловкая пауза, неожиданно все стало серьезными; Маржи наскоро коснулась их блужданий в тумане, но прежнего блеска и остроумия в ее рассказе уже не было.

Его друзья смеялись и шутили с большей готовностью, чем во время его первого появления здесь. Но над всеми уже нависла тень неотвратимо надвигающегося Фестиваля. Все они ощущали, что их общество стоит на краю пропасти. Молодые знали, что впереди ждет борьба. И даже когда они нежно шептались наедине, необходимо было соблюдать осторожность. Как Мариетта может веселиться? Может быть, в ее крови есть кельтские гены... это было бы великолепно.

В тот же вечер они были приглашены на собрание революционеров. Крепко взяв его за руку, Мариетта повела его в подземное помещение. Они спустились на три уровня ниже Города — под уровнем основных строений, ниже транспортной подземки и коммуникационной сети,— на уровень старого зернохранилища, теперь заброшенного и затхлого. На полу этого каменного помещения находился заржавленный люк, крышка которого удивительно легко открылась. Каменные ступени вели вниз, в еще более тесное помещение. Из него расходилась целая сеть тоннелей, ведущих в маленькие пещеры. Подземный город напоминал Древний Рим с его катакомбами.

Маржи объяснила, что эти подземные пещеры раскинулись гораздо шире, чем можно было себе представить, потому что официальное мнение отрицало их существование. Реорганизаторы очень боялись подземелий, ведь они сами использовали их для заговора. Ночное собрание должно было проходить в штаб-квартире реорганизаторов.

— Здесь,— говорила она с каким-то необыкновенным подъемом и возбуждением,— начался долгий путь угнетения и подавления, и здесь же мы начнем путь к свободе.

Ничего, что давало бы надежду на успех, не было в этой группе из сорока юнцов, сгрудившихся в маленькой комнатке. Идея свержения старой социальной структуры и установления новой была бы похожа на шутку, если бы не их серьезные личики. Лидером был молодой мужчина Хронос, Второй Инструк-

тор философии в университете. Седина придавала ему вид сорокалетнего, но рассуждениями, смехом и энтузиазмом он не отличался от молодежи.

Хронос не был ни военным, ни политиком. Он был мечтателем-мистиком, с отсутствующим взглядом и блуждающей улыбкой. О свободе он говорил так, что, казалось, достаточно ее провозгласить, и все проблемы зилонгского общества будут решены. Они проникнут в Военный Центр, ворвутся в арсенал за карабинами и взрывчаткой (сейчас у них десять винтовок, несколько сот фунтов взрывчатки и немного взрывных устройств в подземном убежище), и затем быстро займут Центральное здание и Энергетический Центр. Таким образом, они возьмут под контроль Центральную Площадь, что обеспечит успешное свержение правительства. Это будет «очистительный огонь свободы», закончил свое воззвание Хронос. Кого он очистит, этот огонь, кто его будет разжигать и что будет дальше — все было туманно.

Молодежь была обрадована. Их воодушевила простота и скорость успеха. Что после Комитета? Кажется, это никого не волнует. Эти юнцы мало чем отличаются от капюшонников; и те, и другие не видят дальше собственного носа. Им важно разрушить существующие институты власти, и все.

Мариетта шепнула ему на ухо:

— Теперь ты понимаешь, почему я так долго не решалась присоединиться к ним; Хронос — ужасный мужчина. Он намного опаснее соблазнителя.

По крайней мере, женщина не поддалась общему безумию.

— Это что, самые лучшие? Других революционных групп нет?

— Другие еще хуже. У этих хоть есть стратегический план. Все остальные — мистики, мечтатели и сумасшедшие анархисты.

Симус ничего не имел против мистиков, мечтателей и анархистов. Большинство таранцев были и теми, и другими, и третьими. Однако, такого, как Хронос, никогда не потерпели бы на «Ионе». «Эмоционально неустойчив» — именно такую характеристику выдал бы Потрадж, добавив пару непристойностей. — «Шесть против десяти за провал». Да, это похоже на правду.

После речи и пения гимна Свободе, Хронос собрался уходить, одарив двух новых членов группы — Мариетту и О'Нейла — вежливым безразличием. Ян, Хорер, Маржи и О'Нейл, которого все сочли неформальным лидером, задержались. О'Нейл стал настойчиво интересоваться тем, что планировалось предпринять после захвата власти. Казалось, что молодежь совершенно не задумывалась над этим.

Конечно, они были бы лицемерами, стремящимися захватить власть и именем народа провозгласить себя новым Комитетом. Но хаос, который воцарится с их приходом, будет хуже любой тирании. Силы, разрывающие Зилонг на части, сделали свое разрушительное дело в умах молодых. Вопрос в том, кому эти части придется собирать.

Когда все разошлись, Маржи, встав на цыпочки, поцеловала его в затылок.

— Пошли со мной, Джимми, — И она провела его в маленькую комнатку, отделенную узким коридором от комнаты для собраний. Она была обставлена мягкими зилонгскими кушетками.

Он был слишком разбит и подавлен, чтобы обрадоваться этим приготовлениям.

— Джимми, дорогой, тебе не нравится? — с сожалением спрашивала она.

— А ты, женщина, хотела, чтобы я прыгал и скакал от восторга? Шайка искusstелей и потаскух под предводительством психопата хотят освободить общество. Вот уж, поистине, Свобода! Ты и я будем мишенями. Уверен, что все они нуждаются в успокоительных пилюлях.

— Что значит «потаскухи»?

— Искустель женского пола, — огрызнулся он.

— Какое счастье. Я каждый день узнаю что-то новое о твоём языке, — она нежно перебирала его волосы. — Симус, а у меня есть новости. Первая: армия туземцев не распалась после смерти Ната. Теперь у них новый вождь — человек по имени Попила, наш бывший Генерал, которого изгнали в прошлом году.

— Ты хочешь сказать, что теперь ими управляет профессиональный военный? И он — полная противоположность этому старику, который сейчас в кресле?

Конечно, она идиотка, но мне так нравятся ее прикосновения.

Он дружески поцеловал ее в лоб, его мысли были заняты революцией.

— Он грубый, тощий и очень высокого мнения о своих способностях. Именно поэтому правительство и избавилось от него. Про него говорили, что он заражен бонапартизмом, — она стянула с Симуса робу, ее пальцы скользнули вдоль его спины.

— Что он за человек? — Он помог ей разоблачиться. *Не собирается же он один торчать нагишом!*

— Жестокий, Джимми, очень жестокий. Я думаю, что он душевнобольной. Хуже Ната. Я училась у него в школе кадетов. Он... он очень плохой человек.

— А следующая плохая новость какая? Давай покончим с этим, женщина,— он начал покрывать ее поцелуями; губы сами отправились в знакомое путешествие к прекрасной упитанной молодой груди.

Все-таки, ты счастливчик.

— Если ты будешь так продолжать, я не смогу тебе ничего рассказать... Нет, нет, останавливаться не надо, Джимми, просто чуть-чуть помедленнее. Ох... чудесно. Так, слушай, вторая новость касается тебя. Они решили, что ты ничего не станешь предпринимать первым. Теперь они думают свести с тобой счеты после Фестиваля.

Он сжал ее талию. *По-моему, надо перебираться на кровать. Нет, последний вопрос...*

— Кто планируется на смену Хроносу?.. Кто-нибудь из вас ведь задумывался о том, что будет потом?

В тусклом свете переносного фонаря ее глаза выражали страстное желание, упругие соски вздрагивали около его груди. Она колебалась перед тем как ответить.

— Это не так важно,— и отвела глаза.

Так вот как далеко зашла эта история. Он бесцеремонно толкнул ее на импровизированное ложе, схватил одежду и начал одеваться.

— Ты сука, Маржи,— взорвался он,— Я не хочу заниматься любовью с тобой ни за какие сокровища этой проклятой планеты.

Правду сказать, весь его страстный порыв как ветром унесло. Сейчас им овладела холодная ярость.

Она села на разбросанную по полу одежду, испуганная и униженная.

— Что я сделала, Симус? — чуть слышно спросила она.— Пожалуйста, прости меня. Не знаю, чем я обидела тебя, но, поверь, я этого не хотела.

— Не успели мы вернуться в Город, как ты навязала мне участие в этом глупом заговоре. Теперь, оказывается, я должен его возглавить. Нет, моя дорогая, вы забыли посоветоваться со мной! Этот номер у вас не...

— Мой дорогой супруг, я очень сожалею,— прервала его она.— Я не думала... Я не могла предположить... но... ох, я очень виновата. Прости мою глупость. Я тупица. Я никогда не научусь, наверное... Не уходи... Я должна была сказать тебе раньше. Не знаю, с чего начать,— рыдала Она,— Все думали, все были уверены, что ты станешь во главе. Ведь ты вел себя как лидер... Мы и подумать не могли, что ты будешь просто участником...

Она грациозно поднялась.

Проклятая баба, не старайся меня очаровать.

Мариетта по-матерински дотронулась до его руки.

— Не злись на меня так долго, ведь у нас так мало времени, чтобы быть вместе.

Его сердце захлестнула волна раскаяния. Он примирительно и нежно похлопал ее по спине и прижал к себе.

— Да, любимая, конечно, ты как всегда права. Теперь я буду прежним, даже лучше. Но я не король и не рыцарь, ты слышишь меня? Я просто хороший вояка, ты понимаешь меня? — он сжал кулаки.

Теперь я не смогу выставить ее.

— Да, дорогой,— покорно кивнула она.

— Тогда порядок,— И все-таки, он ей не поверил.

Когда они уже засыпали, она шепнула:

— Ты рассердился, потому что я шутила над тобой на сегодняшней вечеринке?

Он увесисто шлепнул ее по ягодицам, но так, чтобы не причинить вреда.

— Это было очень неуважительно.

— А вот и неправда. Ты наслаждался каждой минутой. Ведь таранцам все равно, что о них говорят, главное, чтобы ты был центром внимания.

— Я тебя выпорю, если ты не прекратишь,— он робко поцеловал ее, ожидая нового прилива сил.

— Но ведь это правда,— вздохнула она,— Ты же не станешь этого отрицать?

— Что ты воображаешь себе? Стоящая жена выставляет мужа на посмеище, чтобы все узнали, как она любит его.

— Напрасно ты стараешься,— она прижалась к его груди.— Я ничего не боюсь.

А потом он спел ей несколько стансов из непристойной баллады о ее падении и потере невинности. Причем рефреном к каждому куплету была строчка: «Тут Симус снова повалил негодницу на пол».

Она начала гнусно хихикать после первого же куплета, а потом закатывалась от хохота все сильнее.

— Да, это было бы ужасно,— пыталась вставить она между приступами смеха.— Они все просто остолбенели бы. Вот я бы порадовалась... но все-таки хорошо, что ты ее не спел. Бедный Директор Исследовательского Центра, она бы этого не пережила.

Образ шокированной Сэмми показался ей особенно уморительным, и О'Нейл вынужден был продолжить свою балладу дальше.

— О, сумасшедший,— корчилась она от смеха,— когда же это кончится, когда же женщина дождется любви?

— Настоящая таранская баллада бесконечна, но женщина получит свое. Сейчас я тебе покажу.

И он исполнил обещанное.

Уже позже, когда они выскользнули из своего тайного убежища для любовных свиданий в неприветливое мрачное зилонгское подземелье, О'Нейл вдруг понял, что если она захочет, он сделает для нее все. Именно после этой, истощившей их обоих ночи, полной страсти и нежности, безумных желаний и веселья, он вдруг понял, что не может жить без нее.

*Полнуйте, Ваше Преосвященство, во что вы меня
втянули.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ФЕСТИВАЛЬ

19

Он нашупал свой нож. Кто-то приближается со стороны Реки. Симус приготовился к нападению. Он достаточно хорошо знал, что творится на планете в это время, и был готов ко всему. Он отошел от входа в палатку и стоял неподвижно.

Это оказалась Сэмми. Она откинула край палатки, ее тело блесло и лоснилось от воды.

— Джимми,— позвала она, задыхаясь,— мы подумали, что тебе очень одиноко, и решили навестить,— ее глаза были широко распахнуты и глядели с тревогой.

С нею были Энергетический Наблюдатель Ниора и Штатный Художник Рина, его старые знакомые. Все три с трудом дышали и были только в нижнем белье. Потом было много веселья, встряхиваний мокрыми волосами, отжимания мокрого белья и стирания капель воды с соблазнительных женских тел. Прямо как на «Ионе» в женской спортивной раздевалке, когда он в своих фантазиях заглядывал в это святилище. Правда, в это время на Зилонге стыдливость не была в ходу.

Они его успокоили. Не стоило волноваться, их никто не потревожит. Женщины прихватили с собой пирожные. Они просто хотели повеселиться, выпить ликера и попеть песни. Праздник сбора урожая продолжался уже третий день. Веселые беззаботные горожане шатались по площадям, танцевали, пили ликер, пели песни. Сэмми и Эрни увезли Симуса из Города и поселили в палатке на острове, снабдив запасом воды, ликера и книгами. Из Комитета поступило указание о том, что он не может присутствовать на священном ритуале.

Он очень тревожился за Мариетту, хотя и были приняты меры для ее защиты, и защиты ее молодых друзей от злых ветров Фестиваля. Их снабдили пилюлями, чтобы они могли контролировать свои эмоции и применение оружия в целях самообороны.

Все, что творилось вокруг, было безрассудным бесстыдством, которое трудно было даже вообразить, но Симус не мог ни о чем другом думать.

В первый день праздника зилонгцы собирались в небольшие группы в своих излюбленных местах и покидали границы Города, весело распевая песни. Многие отправлялись прямо к Реке, откуда О'Нейл мог наблюдать за ними со своего острова. Любое действие превращалось в ритуал и сопровождалось песнопениями — жатва, вязание снопов, погрузка их на повозки, отдых и даже купание в Реке перед ужином.

Все движения, пение и ритуалы завораживали и гипнотизировали; рабочие во время работы были в глубоком трансе. Очевидно, вечернее купание отрезвляло их от дурмана, и они немного высыпались перед следующим днем.

Звук горна, прозвучавший на третий день праздника сбора урожая, был для О'Нейла сигналом. Ему следовало на плането-лете добраться до «Дева», взять пилюли и доставить молодым заговорщикам до захода солнца. Потом должен был начаться их безумный бунт.

Ему было о чем подумать. Он страшно тосковал по Мариетте, беспокоился за этих сдвинутых революционеров.

И он не очень нуждался в обществе сверженных дам.

Но, чтобы не говорили, что таранцы негостеприимны и дичатся, их нужно развлекать.

Обстановка располагала к нежным, печальным и эротическим песням. И он стал обучать своих очаровательных приятельниц нео-кельтским любовным песням.

Потом он попросил их поучить его зилонгским песням. Сначала они смущенно хихикали, но ликер сделал свое дело, и они стали смелее. Их песни были гораздо более откровенными. Трудно было поверить, что это те самые дамы, которые были бы шокированы его балладой про Мариетту.

Какой бы смысл ни вкладывала система в карнавалы оргии, сменяющие долгие месяцы репрессий — это была необходимость — переход от существования без интимной близости к разнузданности инстинктов во время Фестиваля.

Определенная логика у системы была, если согласиться с базовой предпосылкой о том, что секс — неотъемлемая часть

человеческого существования. Таким образом, концентрация этих естественных человеческих проявлений в течение двух коротких периодов в году, вполне достаточна для воспроизводства населения и для сексуальной разрядки; и духовное, и физическое подавление этих инстинктов во все другие периоды — обосновано. Логика есть, но все остальное — нелепое сумасшествие, совершенно незнакомое галактике и всей истории христианства.

Температура в палатке повышалась; его гости толпились около него, их лица и тела были совсем близко. Сэмми положила руку ему на грудь. Ее подружки запели что-то очень забавное. Она прикрыла ладонью его губы и мягко засмеялась. Две другие завистливо наблюдали. Сэмми нежно дотрагивалась кончиками пальцев до его лица. Ее глаза стали круглыми, огромными, тело расслабилось, стало доступным, манило.

Он снова почувствовал, как завораживает его материнская ласка. Все началось снова. Он снова страстно желал эту женщину. И ее влекло к нему. Он сейчас чувствовал это так ясно. Ее подруги следили за представлением, затаив дыхание. Потом женщины побежали купаться, чтобы подготовиться к завтрашнему дню.

Они приходили к нему еще дважды. Каждый раз О'Нейл развлекал их балладами. Сэмми выглядела немного обиженной, но по-прежнему дружелюбной.

Он вздохнул с облегчением, когда на третий день праздника женщины не пришли.

Благодарю тебя, Создатель, за эту передышку.

Его благодарность была преждевременной. Он уже почти заснул, когда его разбудил взволнованный голос. Сэмми, совершенно нагая, стояла над ним. Она была сильно возбуждена. На смену кокетству пришла явная страсть и вожделение: люби меня, пока мы еще живы.

Она украсила палатку цветами. И на ее талии был венок из цветов, и изголовье его кровати было усыпано прекрасными цветами.

— Я твоя, Джимми, ты можешь делать со мной все, что захочешь. Ты всегда хотел меня, и я тоже. С самого первого дня. Давай обменяемся подарками, пока у нас есть время.

Симус нервно сглотнул. Перед ним была не краснеющая девственница, отдающая себя в жертву. Перед ним была соблазнительная роскошная искушенная женщина в расцвете своего совершенства. У него никогда не было романа с такой женщиной, только в самых безумных фантазиях.

Бог мой, кто же устоит?

Стоп, стоп! Есть по крайней мере две уважительные причины — Эрни и Мариетта.

Дай Бог, чтобы ни тот, ни другая никогда не узнали об этом.

— Ты раздумываешь? — она была готова разрыдаться. — В этом нет ничего порочного. Через каких-нибудь два дня я все равно стану объектом для развлечения. Любые грязные лапы будут бессовестно обладать мной. Почему же мне не отдать себя человеку, который любит меня? Мой прекрасный супруг не осудит меня за это. Ему будет легче, если меня возьмет человек, который уважает меня.

— Но ведь он не думает, что я сделаю это прямо здесь? — он застонал и сжал кулаки.

— Он сказал, что не станет осуждать меня. Особенно сейчас... мы скоро умрем, все мы, ты же знаешь это; больше уже ничего не будет, Джимми!

— О, я в этом совсем не уверен, но даже если... — он отвернулся от ее взгляда, не выдержав сквозившего в нем отчаяния.

— Ведь Мариетта больше не девушка. Мы все это поняли. Ее тоже будут брать все подряд. Это наш путь. Она не будет тебя осуждать.

Может быть она и не будет осуждать. Но я не допущу этого ужаса, я не отдам ее никому.

— Я сам тебя не прошу, — он решительно встал, отошел к другой стене и оделся. — Я знаю, что ваша культура допускает это. Но, может быть, не всегда. Мне трудно разобраться. Но, Сэмми, я знаю, что моя не допускает...

Проклятье, почему все, что я говорю, звучит так самоуверенно?

— И еще. Дело в том, что если мы с тобой поступим так, то после Фестиваля, если мы уцелеем, мы не сможем больше оставаться друзьями. Ты знаешь это, и я знаю. Я хочу остаться твоим другом на долгие годы, а не любовником на несколько мгновений.

— Ты просто не любишь меня, Джимми, — слезы катились по ее щекам, — ты никогда не любил меня, вот и все.

— Я очень люблю тебя, Сэмми.

— Со мной это началось с того дня, когда ты поцеловал меня в Институте Тела. Я кинулась домой к мужу сказать ему, что теперь готова нарушить правила. Он был так счастлив, — она закрылась руками, смутившись своей наготы. Он бережно укрыл

ее одеялом.— И ты научил меня любить мужа, но отказываешься любить меня...

— Я говорю «нет», потому что люблю тебя.

И потому что я полный кретин и чертов моралист. Мне больше уже никогда не выпадет такой удивительный случай.

Она сжалась клубочком в его крепких руках, истерзанная страданиями — бедный ребенок. Он тихо мурлыкал колыбельную, чтобы она немного забылась.

Он пел о том, что она, как нежный цветок ежевики, ароматное малиновое соцветие.

Он пел ей о том, что она — его любимая, дорогая, как свежий яблоневый цвет. Он пел о том, что она для него, как весна в холодный дождливый день.

Теперь пора было ее будить и отправлять назад в Город, до полицейского патруля.

20

— Симус Финбар О'Нейл, ты самый поразительный идиот во всей истории человечества!

Это она. Сама Настоятельница. О Создатель, ну почему меня всегда будят женщины? Где я? Как здесь холодно и сыро, очень неудобно.

Он перевернулся на другой бок, чтобы заснуть.

— В добавление к сказанному,— голос был безжалостный,— ты болтун, губошлеп, краса космоса, трус, урод, недостойный «Ионы».

— Это Вы? — Симус слегка приоткрыл один глаз и сел на кровать. И тут же его прикрыл.— Это ваш фантом. Сгинь, пропади, женщина, все это можно было передать в записи,— потом он огляделся по сторонам в поисках источника звука.

— Ты будешь молчать, пока я не закончу,— приказала она.— Ты провалил все, что тебе было поручено. Когда монастырская дисциплинарная комиссия будет рассматривать твоё поведение, я не дам и картофельной шелухи за тебя.

Кажется, я попал в переplet. И все же, это лучше, чем иметь дело с самой Настоятельницей, когда она так гневается. Потом она стала более рассудительной.

— Послушайте, что я сделал не так? — обратился он к чему-то, что едва проступало в воздухе на другом конце комнаты.

— Что ты сделал не так? — ее голос перешел в истошный визг. — Ты что, совсем дурак, действительно не понимаешь? Тебе бы следовало спросить, что ты сделал так, как надо. И на этот вопрос мне легко будет ответить: Симус О'Нейл, ты все сделал неправильно, абсолютно все.

В свечении в углу проступило подобие астрального тела, мерцающего в мрачной темноте. Сильный эмоциональный выброс энергии интерферировал с астральной проекцией. Ее Преосвященству следовало бы владеть собой, иначе она снова рискует оказаться на «Ионе».

Это было бы замечательно.

Симус снова прикрыл глаза и вздохнул:

— Послушайте, не могу я быть таким плохим.

Она стала перечислять:

— Ты позволил втянуть себя в их политическую борьбу, ты участвовал в их внутренних войнах, ты убил Четвертого Секретаря, который, несмотря на все его недостатки, был единственным человеком в правительстве, способным управлять. Ты помог избавиться от лживого Ната и заменить его Попилой, а ведь он — выдающийся военачальник, и его армия готова выступить через три дня. Ты поддерживаешь трескучее революционное движение, организованное горсткой детей; ты совершил кражу в одном из фортов; ты соблазнил их женщин, многие из них не старше школьниц. Ты хочешь услышать еще? Зилонг в беде. Сейчас в гораздо более страшной беде, чем до тебя. Благодаря тебе.

Симус храбрился и пытался найти себе оправдания.

— Они позвали меня. И я верю, что мои поступки будут расценены справедливо.

Ее губы стали угрожающе тонкими, глаза засветились ледяным холодом.

— Симус, ты не просто неисправимый бабник, ты маньяк, а это намного хуже. Ты начал флиртовать с этой молоденькой бедняжкой, как только она попала тебе на глаза. Чего ты ожидал? К чему могло привести появление рыжебородого и богоподобного идиота? Ты настолько неизлечимый соблазнитель, что даже не понимаешь, что делаешь, — она закончила свое расследование перед присяжными, сложив руки, словно от ужаса перед содеянными преступлениями.

— И все-таки я не могу понять, что происходит. — *Почему я расхныкался, как ребенок?*

— Эта женщина не должна была переступать порога твоей палатки. Ведь ты же знаешь, с каким риском для нее это связано.

Но ты не только выпускаешь их, ты заманиваешь их песнями и выпивкой.

— Просто мне было очень плохо, я был так одинок. Но уж, во всяком случае, у меня с ней ничего не было.

— Нет. Сначала ты просто не давал ей прохода, а потом разбил ее сердце.

— Знаешь, лучше нравственное поведение, чем позднее раскаяние,— он рассердился. Надо использовать ее же собственные слова для защиты.

— Скажи это комиссии, которая будет рассматривать дело о развращении несовершеннолетней. Или этой бедной женщине, которая томится на дне отвратительной тюрьмы и бьется в истерику от отвращения к самой себе. Бедное существо! Это не ее вина, кретин, это твоя вина. Они собираются ее казнить послезавтра. Почему твое чувство не подсказывает, что ей необходима срочная помощь? У них существуют свои отвратительные понятия о том, как убивать нарушителей супружеской верности. Она будет жестоко растерзана за преступление, в котором не виновата. Ведь ты же должен был знать, что они наблюдают за твоей палаткой. Ты можешь еще успеть сказать ей, перед тем, как ее разорвут на куски, что тебе было плохо и одиноко.

О'Нейл дико озирался вокруг. Он понял, что оказался в небольшой металлической клетке. Он метнулся и завопил:

— Дейдра, ты должна выпустить меня!

— Потрудишься узнать, что Мариетта и твои молодые бунтовщики тоже в тюрьме. Полиция поставила на тебе психологический опыт.

— Маржи?

— Конечно, и на ней тоже. Думаю, что насчет нее у них особые планы.

— Дейдра, я хочу умереть,— стонал он.

— Этот номер тебе не удастся,— она торжествовала, прожигая воздух указующим перстом.— Мудрый человек из Комитета собирается вышвырнуть тебя с планеты завтра утром, до начала Фестиваля. Они не желают твоего присутствия. Поэтому, хотим мы этого, или нет, но забрать тебя придется.

— Милостивый Бог, Дейдра! Неужели ничего нельзя сделать?

— Ты недостоин искупления, Симус О'Нейл. Ты разрушил, погубил человеческие жизни. Ты вмешался в умирающее общество и усложнил ситуацию. Теперь тебе только и остается, что спрашивать, можно ли что-нибудь сделать,— И снова поза обвинителя.

— Что мы можем сделать? — умолял он. *Раз она так старается довести меня до отчаяния, значит, шанс все-таки есть.*

— Что делать? Да что же еще, как не попытаться освободить этих людей и осуществить твой сумасшедший замысел и завоевать планету. Если это сработает, тогда они смогут пригласить нас высадиться. Если нет, тогда у нас исполнят великолепную траурную мессу по тебе, кретин!

Может быть, все не так отчаянно плохо.

— Что ты думаешь о ней?

— Что? А-а, ты имеешь в виду твою... э... стоящую женщину. Ну, я думаю, она совершенно прелестная крошка. Честно говоря, она слишком хороша для такого типа, как ты. Пожалуй, мы ее заберем с собой, а тебя оставим здесь.

— Ведь ты же знаешь, она сама соблазнила меня, — посмотрим, как это сработает. — Уверен, что ты сама допустила это.

— Все мужчины говорят одно и то же, — *Славно, славно, ты признаешь, что женщина достойна внимания. Благодарю тебя.*

Он рискнул:

— Ты должна оценить мой вкус.

— Да, но вот ее выбор — едва ли.

— Мы законно поженились. Ведь ты сама говорила, что если...

— Правила Святого Писания, — она отвергла его доводы элегантным взмахом руки, выразившим отвращение, — и порочный человек Симус О'Нейл несовместимы по священным канонам.

Когда Капитан-Настоятельница успокоилась, ее образ проступил более отчетливо. У Симуса возникло ощущение, что она более реальна.

— Потрадж пересмотрел свои оценки. Теперь он настаивает на одном шансе из десяти тысяч, что зилонгское общество во время Фестиваля сохранит прежнюю структуру. Он совершенно уверен, что оно не переживет и первого дня. Тебе и раньше говорили — мы еще не совсем ясно представляем себе механизм биологических, физических и социальных сил, который движет этим бешенством. Если интенсивность будет достаточно высока, этих сил будет довольно, чтобы уже в первые дни разнести общество на части. Капюшонников становится все больше и больше. Дух психопатии, который движет ими, все шире распространяется в обществе...

Даже в бестелесном варианте я чувствую себя здесь неуютно; это отвратительное гиблое место. Население вырвется на улицы завтра утром, когда начнется ветер. Через день армия, занявшая горы, переправится через Реку и уничтожит все на левом берегу. Потрадж советует захватить Город до их выступления, — она

пожала плечами.— Если ты установишь хотя бы временный контроль, то приобретешь союзников.

— У вас есть идеи, предложения?

— Нет, Симус. Я бы пошла напрямик и приняла бы ту или иную сторону, но мы не имеем права вторгаться непосредственно в развал их цивилизации. Мы не можем взять на себя смелость стать для этих людей Господом Богом.

Если у нас будет возможность помочь им потом, конечно, мы это сделаем. Я попытаюсь забрать тебя и твою Мариетту с этой планеты. Но я не могу заставить пилигримов на корабле думать так же.

— Тебе понравилась моя избранница? — Он был, как маленький ребенок, которому нужна похвала.

— Ты идиот! Не зли меня. Все святые видят, как я изо всех сил стараюсь владеть собой. Да, я очень полюбила эту прокаженную малышку. Любой на «Ионе», кто контактировал с ней, восхищен девушкой. Теперь ты должен вызволить ее из тюрьмы! Охрана здесь слабая. Твоя возлюбленная этажом ниже, на две камеры ближе к лестнице, чем твоя темница. Да будут с тобой Иисус и Мария. Теперь действуй, идиот!

Ее Пресвященство растаяла, потом снова возникла.

— Ты обязан жениться на бедняжке, ты слышишь меня, подлец?

— Женщина, я обязательно это сделаю! Правда. Я клянусь тебе. Других намерений у меня нет.

Она дала ему подзатыльник.

— Ничего другого я от тебя и не ожидала.

— Ну я же сказал — давно решено. И вообще, я не нуждаюсь в советах,— он начал злиться, к нему возвращалась уверенность в себе.

— Только попробуй передумать,— она уходила, последнее слово осталось за ней.

Затем снова вернулась.

— Она ждет ребенка.

— Так скоро!

— Ты не имеешь права бросить бедняжку,— на этот раз она растаяла окончательно, оставив самую важную новость на конец.

О'Нейл сжал зубы. *Маленькая моя, ты теперь не одна. Теперь нужно бороться за двоих.*

В квадратной камере Симуса, похожей на куб, была встроенная в стену железная дверь. В маленькое окошечко он увидел двух охранников, сидевших на столе прямо напротив его камеры и мирно беседующих друг с другом. Захватчики позволили ему

одеться перед пленением. Он снял одежду и сложил ее в дальнем углу камеры, придав ей форму человеческой фигуры, потом встал около двери и начал издавать крайне низкие хриплые стоны, постепенно усиливая их, пока они не стали трудно переносимыми, почти нечеловеческими. Панель двери откинулась, и один из охранников кинулся в помещение. О'Нейл сшиб его сильным ударом и почти одновременно накинуд одежду на второго. Пока тот распутывался, Симус схватил обоих и сильно толкнул лбами, бросив в угол камеры.

Потом он замер наверху лестницы и прислушался. Всеобщее безумие уже началось, а он еще не достал пилюли. Возможно, ему и не удастся освободить их сейчас, как и забрать пилюли. Правда, в тюрьме они в большей безопасности. Он как молния метнулся вниз по ступенькам, мгновенно расправившись еще с одной парой солдат, карауливших на нижней площадке.

На прилежащей к тюрьме улице было пустынно. Он выбежал на площадь. Там, как и обещала Маржи, стоял планетолет. Когда он летел над Городом, направляясь к городской стене, внизу были толпы людей, возбужденных, агрессивно настроенных. На окраинах города начались кровавые столкновения между группами. Над Зилонгом уже нависло безумное неистовство, хотя официально Фестиваль должен был начаться только утром.

Он на большой скорости преодолел городскую стену (она не представляла собой препятствия для машины, которая просто спланировала над преградой), и направился к Реке, к полям. Потом на предельной скорости — к «Деву», за этими проклятыми таблетками. Предки этой толпы должны были быть настоящими безответственными варварами с их омерзительной привычкой применять наркотики. Симус был страшно обеспокоен. Он с трудом отыскал проход в джунглях. Его закрывали огромные тенистые деревья. Ни разу на протяжении всего пути по джунглям он не столкнулся с огромными рептилиями.

21

— Итак, — Нат, как и положено негодяю, злобно оскалился, — Мы опять встретились, комендант О'Нейл.

Связанный, как мешок с соломой, с дюжиной туземных копий, направленных ему прямо в кишки, Симус О'Нейл не был склонен к здравому смыслу.

— В следующий раз мне надо будет убедиться в твоей смерти. Необъятное брюхо Ната омерзительно заколебалось от смеха.

— Ты меня развеселил, таранец. Пожалуй, я не стану убивать тебя сразу, и ты увидишь уничтожение Города. Забавно будет понаблюдать за тобой, когда мои молодцы лишат жизни, очень медленно и с любовью, конечно, твоих друзей, а особенно — ту очаровательную женщину, которую ты присвоил себе.

Стандартные садистские угрозы насильника. А что должен сделать положительный герой? Избежать их?

Испуганный столкновением с планетолетом динозавр метнулся в джунгли.

Как назло, во время приземления Симус очень картинно вывалился из кабины и сильно ударился головой о дерево.

Когда к нему вернулось сознание, он стал выпрямлять металлические полозья, на которых машина могла перемещаться по земле. Занятие было не из легких. Работая без инструментов, он ободрал руки до крови. Когда машина была готова к новому запуску, дикари накинулись на него; их когтистые лапки вонзились в его тело, как сотня жалящих насекомых. Они опрокинули его на землю, уселись на него и, прищелкивая языками и хрюкая, связали. Потом, окровавленного и в кровоподтеках, лишившегося всякого достоинства, его поволокли к лугу в расположение Ната, в опасной близости от «Дева».

Его волновало только одно: обнаружили ли они корабль, или нет, и уничтожили ли они медикаменты?

Одного беглого взгляда на лагерь было достаточно, чтобы понять, что это уже не так важно. Он увидел тысячные отряды вымуштрованных всадников в темно-красной форме с огромными кровавыми знаменами. Эту армию нельзя остановить сомнительными устаревшими лазерными пушками. И уж, без сомнения, в Городе не было сил, способных противостоять этой мощи.

— Ты поражен, О'Нейл?

— Ну, у вас нет опыта ведения войны, — проговорил он. — Они сломаются и побегут при первом же достойном сопротивлении.

— Которое нам не грозит. Я точно знаю. Именно я разрабатывал систему защиты. Эти дряхлые дураки ничего не смогут сделать. Ведь это оружие может нанести удар как по моей армии, так и по Городу. Слишком велик риск.

— Ты лучше рассчитывай на то, что лазерное оружие будет использовано. И тогда твоя толпа пустится наутек, только пятки засверкают.

— Хочешь держать пари? — издевался толстяк.

Ну что же, он не единственное доверенное лицо, да и я тоже. Конечно же, он гений — собрать такие силы вместе! Если его не удалось согнуть до сих пор, возможно, он непобедим.

Но ведь это не поможет герою выбраться из лап негодяя, верно?

Гораздо более опаснее Ната был его второй заместитель, Попила, по слухам, его преемник. Высокий, худой, с мистическим взглядом, постным лицом фанатика. Попила напоминал аскета Мерлина при Нате — пустослове Короле Артуре. Он не был гением-организатором этого пестрого сборища мутантов, рабов и изгнанников; но никто не сомневался, что он сможет со всей жестокостью и беспощадностью использовать их для разрушения и уничтожения кого угодно.

— Убей его сейчас,— бесстрастно посоветовал он.— Его слова опасны.

И если бы была воля Попилы, Симуса О'Нейла скормили бы голодным туземцам во время похода.

— Сначала нужно взглянуть на «Иону». Мы могли только слышать ее, но беседовать не могли. Более того, я плохо разбираю этот космогальский, на котором они говорят — смесь со староанглийским. Мы могли бы договориться с твоими руководителями, майор О'Нейл?

— Может быть, прямо сейчас?

— Отнеси его в мой шатер,— приказал Нат одноглазому трехрукому гиганту, отгонявшему стаю голодных туземцев от Симуса.

О'Нейла отволокли в палатку. Здесь была очень древняя приемо-передающая система, приводимая в действие генератором на жидком топливе. Бак с топливом стоял рядом с генератором. Коммуникационное оборудование двадцать второго века, в мире, где не изобретены еще солнечные батареи.

— Старая рухлядь,— О'Нейл едва различал в темноте палатки выход.

— Ты можешь заставить его передавать так же хорошо, как он принимает? Или майор Диких Гусей не обладает таким умением?

— Естественно, могу,— солгал Симус.— Но это действительно очень древняя машина. Я должен поломать голову над ней.

— Небось, думаешь, что мы отпустим тебя, и ты сможешь продолжать свою борьбу? — утроба Ната начала мелко подрагивать.

— А разве у меня есть шанс? Ты хочешь, чтобы эта штука заработала, или нет?

Нат выхватил из-под одежды механический револьвер старого образца.

— Одно неверное движение, и я разряжу его тебе в кишки. Славное предупреждение?

— Славное, славное.

Прежде, чем ты успеешь воспользоваться им, подумай о своей безопасности.

Они немного подзаправили генератор и завели его рукояткой. Симус вращал ручку, пытаясь уловить речь сквозь потрескивание и шум. Послышалась едва различимая пара слов на космогальском.

Почему эти идиоты не засекли передатчик? Слишком маленькая мощность источника?

— Очень мощная древняя техника,— бормотал он.

— Надеюсь, ты справишься с этим,— Нат угрожающе поднял револьвер.

— Дай мне время,— попросил Симус, ощупывая онемевшими пальцами механизм.— Все слишком ветхое.

Так, посмотрим. Если замкнуть красный и черный провода и поддержать так, ток выбьет искру, возможно, сильную. Теперь, если искрящие провода бросить в открытый бак с топливом, произойдет взрыв. Запомнится им этот взрыв! Туземцы смогут отведают поджаренной человечинки.

— Вот здесь, кажется, сейчас взгляну... так, если соединить эти провода... — его сильно дернуло током. *Жареный Дикий Гусь.*

Он соединил провода.

Ничего не произошло.

— В чем дело, кретины? — требовательным тоном поинтересовался он,— Почему нет тока в проводах?

— Какого тока? — Попила настаивал: — Убей его, лорд Нат, он провокатор.

Глаза его при этом засветились, лицо вытянулось и зарделось, словно он наслаждался сексом.

У него башка еще больше не в порядке, чем у его босса. Славная парочка. Бог их создал, а Дьявол ведет.

Очень осторожно Симус положил искрящиеся провода в дюйме от открытого бака.

Повезло, что выключатель не был опущен. Теперь необходимо его найти и потом прижать...

— Так, так, а вот и переключатель, Лорд Нат, тебе следовало бы немного разбираться в таких вещах.

Он сделал глубокий вдох, щелкнул выключателем и прыгнул прочь, нырнув под стволом револьвера Ната, головой вперед, прямо ему в брюхо.

Палатка расцвела, как от фейерверка в Рождественскую ночь. Туземцы дико завопили, зилонгцы пронзительно завизжали, мутанты выли. Симус О'Нейл заревел, как целый отряд Диких Гусей, освободил голову из необъятного мягкого живота Ната, подобрал револьвер и нырнул в горящее отверстие шатра.

Он уложил охранника императора выстрелом в голову, сорвал с него красный плащ, накинул его на плечи, вскочил на коня и галопом помчался через лагерь.

Остатки охраны попытались остановить его. Симус поднял револьвер и спустил курок. Тот не выстрелил.

Но, как и Нат, он забыл об осторожности. Его лошадь влетела в толпу солдат. Они забросали его копьями, промахнувшись на волосок. Наконец, ему удалось вырваться невредимым. Охрана рассыпалась по джунглям, и Симус, как вихрь, рванул из лагеря, извергая проклятия и крики, как разъяренный громовержец.

На этот раз я их побил. Но что мы будем делать, когда они покажутся в Главных воротах Города, и мы попытаемся справиться с ними при помощи палок?

22

Грохот сильного взрыва заставил городские стены содрогнуться и временно лишил Симуса О'Нейла слуха. Они взрывают арсенал! Проклиная подвернувшегося динозавра, он припарковал потрепанный планетолет с подветренной стороны Города, в наименее заселенном Северном Квартале. Около часа он потратил на то, чтобы приладить на место поврежденную носовую часть машины. Теперь руки и спина ныли, ладони были содраны, и он уже на несколько часов не укладывался в намеченный график. Фестиваль на Зилонге уже начался.

Весь Город был залит светом. Выкрики, смех, плач и дикая музыка эхом разносились по Северному Кварталу, который он выбрал для рекогносцировки. До него доносились звуки небольших взрывов и вопли женщин, насилуемых и насилующих — если теперь это чем-то отличалось. Толпы людей, в большинстве своем совершенно голые, носились с бутылками ликера, дрались, толкались, валялись на земле. Да, это была самая настоящая

оргия в сумасшедшем доме. Как сказала Настоятельница, это было гиблое место.

Он страшно опасался за молодежь из Союза. Если бы не этот чертов динозавр, он доставил бы таблетки еще утром. Теперь он не представлял, как добраться до них. Яростно дул ветер. Может быть, стены камер защитят его друзей.

Симус спрятался за стенами склада. Незаметно проскользнуть по улицам Города на планетолете было невозможно, машина была слишком повреждена, чтобы перескочить через городскую стену.

Пешком? Это безумие. Его единственной надеждой оставалась подземка. Он надеялся, что людей там не будет — похоже, все высыпали на улицы и наслаждались фестивальным бризом.

Тюрьма, как и Энергетический Центр, Центральное Здание, Военный Центр и Площадь Поклонения, располагались в Старом Городе, или центральном квартале. Большинство зданий в этой части города было кирпичной кладки с деревянной обшивкой, четырех-пятиэтажные. Улочки были извилистыми и узкими.

Здание тюрьмы и полиции располагалось отдельным блоком в конце короткой улицы, выходившей на Площадь Поклонения.

Именно на этой улице, когда он в первый раз ночью встречался со всей группой заговорщиков, Хорер провел его через дверь заброшенного магазина. В полу магазина находился люк, ведущий в амбар, который никогда не использовался, — это была конспиративная штаб-квартира. По подземному лабиринту он мог добраться до зернохранилища; проблема была в том, как попасть в помещение тюрьмы.

Думать о том, как прорваться сквозь охрану, было некогда.

Он снова услышал громкий взрыв. Кто-то использовал взрывные устройства, подобные тем, что спрятаны в штаб-квартире Союза. Значит, восставших на улице было больше. Или это была другая группа, добравшаяся до складов Военного Центра.

Транспортная система подземки доведет до склада, в котором он сейчас укрывался. Он обнаружил что-то вроде смотрового окна. Узкая железная лестница вела вниз, в туннель, заполненный кабелями и трубами. Другой люк, который он искал, оказался на хорошо освещенной мостовой. Внутри было пустынно. В нишах туннеля, вдоль стены, парковались планетолеты. Он выбрал поновее, со вставленным ключом зажигания. Как и все подобные машины, заводился он неохотно. Симус уговорил его несколькими отборными словами из космогальского, которые, как он успел заметить, отлично воспринимала любая техника в этом Богом забытом месте. (Слова были заимствованы, как любила сообщать

Настоятельница в своих обзорных лекциях, из англо-саксонского, с тех давних пор гальский стал чистым языком, свободным от подобных вульгаризмов.) Сжимая в руках аптечку с «Дева», в которой были драгоценные пилюли — его беззащитно выглядывавший Священный Грааль,— он повернул на светящиеся огни. В туннеле было абсолютно темно, и он покатиł по проезду монорельсовой системы. Теперь необходимо было найти направление к эскалатору, ведущему в Старый Город.

На перекрестке Симус притормозил, задумавшись над тем, какое направление выбрать.

Трое в капюшонах отделились от темной стены и кинули в него толстый пакет. Выжав из машины максимальную мощность, ему удалось избежать взрыва.

Значит, у капюшонников есть взрывные устройства. Это являлось осложнением, в котором ни Симус, ни его друзья не нуждались. Он старался отогнать навязчивые мысли о том, что штаб-квартира ограблена.

Наконец, после того, как он трижды сбивался с пути, заброшенный эскалатор был найден. Куда направиться? Вниз, в амбар, или вверх, на улицу? Сначала он решил исследовать зернохранилище. Послышались женские вопли. Выпрыгнув из машины с портативным фонариком в одной руке, с пилюлями на поясе и карабином в другой, Симус побежал на голос. Обогнув угол, он увидел двух мужчин, зверски мучавших молоденькую девушку. Симус отпугнул их выстрелом в воздух.

Менее одурманенная фестивальным безумием, чем ее мучители, она рыдала от страха и боли. Она бросилась к Симусу, стуча зубами. Как только страх прошел, безумие начало возвращаться к бедняжке. Она похотливо прижалась к нему. Он зачихнул одну из таблеток ей в рот.

Реакция была почти мгновенной. Она на мгновение отпрянула, потом снова приблизилась со словами восторга и благодарности:

— Ты действительно великодушный Бог, поэт с Тары.

Что же теперь делать с ней? Ведь у него были важные неотложные дела. Она была маленькой и хрупкой, с хорошенькими грудками и прелестным задком.

На этой планете слишком много раздетых женщин.

— Я не бог,— настоял он. Я не могу ее здесь оставить, и не могу взять с собой.

— Не будете ли вы так щедры дать мне еще одну пилюлю? — попросила девушка.— Я дала бы ее моему мужу, может быть, ему тогда удастся пережить Фестиваль. Я его очень люблю,— она стояла с протянутой рукой. Ее умоляющие глаза разрывали

сердце таранца. Он готов был отдать всю свою жизнь за этого милого ребенка и ее супруга. Он дал ей вторую таблетку.

— Кто ты? — ласково спросил он.

— Я Мина, лорд О'Нейл,— она склонила голову в поклоне.— Я содержу небольшой магазинчик. Он прямо у нас над головой. Я пришла проверить, закрыт ли он. Мой муж еще не вернулся с полей.

— Мина! — воскликнул О'Нейл,— Тебя прислал Бог! Ты хорошо знаешь подземку в этом районе? Есть ли неохраняемый проход к тюрьме?

Она смутилась от такого настойчивого вопроса.

— Я прожила здесь всю свою жизнь. Когда мы были детьми, то любили играть в амбаре под магазином,— она несколько секунд колебалась, потом с обожанием посмотрела ему в глаза и предложила: — Я знаю дорогу. Пойдем со мной. Мы любили забираться в тюремный подвал, когда чувствовали в себе смелость и искали приключений.

В его мозг попала свежая информация. Оказывается, зилонгские дети охотно искали приключений. Прекрасная черта характера для тех уцелевших, которым придется восстанавливать культуру общества.

Мина подвела его к небольшому отверстию в проеме стены — выпускное отверстие старой вентиляционной системы. Светя под ноги фонариком, он последовал за ней по узкому сырому коридору, который не был рассчитан на высоких таранцев. Кроме тусклого фонаря они определяли направление по запаху.

— Вот та лестница,— шепнула ему на ухо Мина, когда дошли до конца прохода,— ведет в тюрьму. Нужно приложить усилие, чтобы сдвинуть крышку люка. Ты сильный, легко справишься.

О'Нейл наклонился.

— Спасибо тебе, Мина,— он поцеловал ее в лоб.— Теперь отправляйся домой и жди мужа. Никуда с ним не выходите, пока это не кончится. Надеюсь, что он отличный парень, заслуживающий такую отважную малышку, как ты.

Она схватила его руку и поцеловала.

— Спасибо тебе за то, что ты подарил нам жизнь, лорд О'Нейл. Он — хороший человек. Спаси наш народ,— она бросилась назад по проходу. Симус смотрел вслед, пока запыленная смуглая фигурка не исчезла в тени коридора. Он снова испытал прилив шемящей нежности к этому существу.

Она назвала его «лорд О'Нейл». *Никогда я ее уже не увижу.*

Пыльный старый коридор загудел от невероятно сильного взрыва. Кто-то взорвал заряд. Симуса отбросило к каменной

стене, голова ударилась о металлические перила. Несколько мучительных долгих минут он не понимал, кто он и что произошло.

Потом, невероятно медленно ощущение реальности вернулось. Он поднялся по лестнице и нажал на крышку. Она не сдвинулась.

Он вдохнул побольше воздуха и снова попытался ее отжать. Безуспешно.

Потом последовал еще один взрыв. Совсем близко. Лестница загудела и зашаталась. Симус изо всех сил пытался устоять. Когда вибрация стала нарастать, он снова толкнул крышку. Она открылась. Послышалась какофония криков, воплей и выстрелов. Он очутился в задымленном узком проходе, по которому бежали туземцы. Попила атакует? Нет, это были одомашненные аборигены. Симус скользнул в боковую нишу и подождал, пока волна уморительно кричащих дикарей не прокатилась мимо. Все существа были в красных одеждах, и, как ему объяснила Сэмми, это означало, что они приготовлены для жертвоприношения в конце Фестиваля. Намеренно или нет, но благодаря взрывам капюшонников они вырвались на свободу, чтобы слиться с остальной бешеной толпой на улицах.

Охраны нигде не было видно. Очевидно, их или смело волной пленников, или, потеряв рассудок, они сами устремились в Город, чтобы крушить все на своем пути.

Блуждая наугад по камерам он опасался не найти своих друзей.

Дорогой Господь небесный, помоги мне найти мою женщину и моего ребенка.

Наконец, когда он уже был готов покинуть тюрьму и начать искать ее в каком-то другом месте (он еще не знал, где), до него донеслись сдавленные хрипы на другом конце коридора. Звуки доносились из-за массивной железной двери.

Вдруг это они?!

Он откинул засов и увидел удручающую картину...

Молодежь уже была в отчаянном состоянии. Они были похожи на стаю бездомных собак, на лицах была ярость, они огрызались, зубы оскалены, изо ртов текла слюна, конечности дергались, как в фантастической дикой пляске, руки готовы к драке. Некоторые дрались между собой, некоторые бились головами о стену. Часть юношей корчилась на полу, издавая тяжелые стоны.

Мертвое тело Хроноса распласталось около двери, его череп был расколот, как яичная скорлупа. Когда они увидели О'Нейла, то стали подкрадываться к нему, скалясь и рыча, как дикие звери. Он наставил на них карабин, и они отбежали назад.

Мариетта из последних сил подползла к его ногам с судорогой отчаяния на бледном лице.

— Быстрее, О'Нейл, быстрее! — умоляла она.

Он просунул пилюлю в ее сжатые губы и грубо оттолкнул в сторону, снова направив оружие на молодежь, которая с безумной злобой в глазах обступила его.

— Прелестное обращение с молодой женщиной после долгой разлуки,— заворчала она, тень прежней иронии осветила ее измученное лицо.— И мне дай немного своего священного Грааля.

Ты спас ей жизнь, а она начинает снова командовать. И так будет еще очень долго, всю вашу долгую жизнь, Симус Финбар О'Нейл.

Вместе они стали оказывать помощь остальным. О'Нейл вытаскивал их по одному, ружьем загонял в угол, а Мариетта засовывала таблетки. Эффект был мгновенным и в этом случае. Это должно было что-то означать, только он не знал что.

— Почему ты была не в таком тяжелом состоянии, как другие? — спросил он, когда они прижали в углу хохочущую Рету.

— Большой запас сексуальной активности,— шепнула она в ответ. Громко засмеявшись, сказала: — Поднимайся, Рета, поднимайся, все уже хорошо. Никто тебя не обесчестил. Помогли мне справиться с другими.

Худенькая офицер тряхнула головой, стараясь окончательно освободиться от дурмана.

— Хронос убил себя сам, лорд О'Нейл,— прошептала она.— Он бился головой о стену.

Ему захотелось поцеловать ее, но вместо этого он поступил лучше.

— Ты опять называешь меня лордом, женщина. Я отправлю тебя назад, в пустыню, если ты не прекратишь.

Транквилизация молодых происходила медленно, но скоро вся команда была «нормализована».

Они были смущены, ведь они уронили себя в глазах таранца.

— С нами еще никогда не было такого. Ветер гораздо сильнее, чем прежде, даже в этих тюремных стенах.

В самой тюрьме было тихо. Снаружи продолжались взрывы, которые совершенно безнадежно не вписывались в задуманный график. Отряду предстояло вернуться в подземку, забрать оружие из штаб-квартиры и атаковать Военный Центр. Где-то внизу была Сэмми, наверное, она жива, и никто ее сейчас не тронет. Если ему не удастся найти ее сейчас, ей придется подождать, пока они займут Военный Центр. Увидев среди спасенных ребят ее

сына и будущую законную дочь, он остро почувствовал свою вину перед ней. Знают ли они о том, что произошло? Спрашивать не было времени. Все помыслы сейчас были устремлены к одному — Военному Центру.

Много времени ушло на то, чтобы добраться до поста повстанцев. О'Нейл послал Мариетту и Яна вперед с инструкцией на случай провала. Сам он отправился в дальний конец на поиски Сэмми. Все попытки найти бедную женщину оказались тщетными.

Когда он снова присоединился к молодым, их рядыполнились двумя зилонгцами — Миной и невероятно длинным молодым человеком, ее мужем.

— Эти двое сказали, что хотят присоединиться к нам,— доложил Ян.

О'Нейл пожал руку молодому человеку.

— Мы благодарны всем, кто хочет стать нашими союзниками. Муж Мины такой же храбрец, как и она.

— Мы пойдем за вами на смерть, лорд О'Нейл,— просто ответил юноша.

О'Нейл поморщился. *Проклятье, опять этот «лорд», бывший оскотину.*

— Выбрось эти мысли из головы. Ты должен жить, чтобы заботиться о молодой жене и о будущих детях, которых она тебе нарожает. Ты слышишь меня? Мне не нужны мученики.

— Да, лорд О'Нейл.

— Я хочу подарить ему много-много детишек.

— Рад за него. Теперь обещайте оба, что будете осторожны.

Они важно поклонились. Бог их знает, какой смысл вложила парочка в этот жест.

Вооруженные карабинами, копьями и взрывными устройствами, молодежь из Союза и их таранский лидер выбрались на поверхность. Город превратился в бойню.

Оставив большую часть отряда в подземке, он отправился на разведку на поверхность, чтобы оценить обстановку перед началом запоздалой атаки. Оставив Мариетту за командира, он с Ретой отправился вперед по узкой извилистой улочке. С первых же шагов они попали в преисподнюю. Повсюду плясали языки пламени. Огонь вырывался из дверей домов, горели крыши. По улице, которая на видимом участке была пуста, доносились душераздирающие крики с площади.

— Неужели вы доверяете трусам, лорд О'Нейл? — спросила с сарказмом Рета, когда они бросились вдоль по улице.

— Замолчи, женщина, ты выбрала удачное время, чтобы напомнить о моих ошибках! И зови меня Джимми, слышишь?

Они добрались до конца улицы. Здесь происходило сражение за площадь между группой капюшонников и остатками полицейского формирования. У полиции были карабины, а у противников — небольшие взрывные устройства. Полицейские были защищены иммунитетом. Они стреляли очень точно, без промахов, и уложили многих. Одурманенные капюшонники презирали смерть. Они постепенно отеснили полицейских к дальнему концу платформы для поклонения. В то время, как бушевало сражение, Рета и О'Нейл слышали рев толпы, доносившийся от Центрального здания на Площади. Оргия продолжалась. Толпа не обращала никакого внимания на смертельную схватку. Все это напоминало изображение сумасшедшим художником сцен ада.

Звуки выстрелов карабинов и взрывы, крики сражения, происходившего на улицах Старого Города, глухой шум безумных криков наслаждения и боли — таким был конец Зилонга.

Неужели возможно его Возрождение?

Ответ на этот вопрос зависел от Симуса О'Нейла и этих симпатичных, но неопытных детей.

Если бы я был человеком, делающим ставку, я бы не поставил на нас.

23

Последнему сражению суждено было развернуться там, где начинал застраиваться Город, где первые колонисты-пилигримы, подобные таранцам (исповедовавшие совсем другую религию) заложили маленькую деревеньку и занялись построением свободного и справедливого общества.

Цель, заслуживающая человеческих усилий и надежд.

Пока О'Нейл и Рета с ужасом и отвращением наблюдали за происходящим на платформе Поклонения, новый поток капюшонников устремился на площадь из соседней улицы. О'Нейл затащил худенького лейтенанта в укрытие. Капюшонники устремились мимо платформ, где был установлен Великий Глобус Зилонга, мерцавший в отблесках зарева, и направились к Военному Центру.

Эх-х,— подумал О'Нейл,— *они украли наш план.* Сияющий шар рассыпался от мощного взрыва и рухнул в яму. Потом последовала еще более мощная вспышка, озарившая ночное небо. Вся центральная часть платформы провалилась под землю.

Рета охнула:

— Когда разрушится Глобус, Зилонг погибнет!

— Что? — наклонившись к девушке, он пытался перекричать рев второго взрыва.

— Древнее высказывание. Глобус — это символ Города и народа! Если его разрушить, Город перестанет существовать. Мы погибли, — она задыхалась от ужаса.

— Пока еще не совсем, — Симус рвался в бой и надеялся его выиграть.

Полиция отступила внутрь Центрального Здания. Начались взрывы в самом Военном Центре. Ясно и отчетливо в его мозгу возникло ощущение большой опасности.

— Бежим, Рета, бежим! Не отставай! Назад, к нашим, как можно скорее!

Пламя начало лизать облицованную деревом дверь Военного Центра. Первая взрывная волна сбила их с ног. О'Нейл вскочил первым и толкнул девушку в дверь ближайшей лавочки. Это было сделано вовремя. Огромный огненный шар взмыл вверх, и через несколько мгновений последовал рев взрыва. Это взорвался Арсенал Зилонга. По воздуху летели осколки кладки, металлические листы с грохотом падали на то место, где они только что стояли.

— Ты в порядке, малыш? — спросил Симус, нежно погладив ее по волосам.

— Да, Джимми, — у нее были квадратные от испуга и отчаяния глаза.

— Возвращайся к Яну и Мариетте. Скажи им, чтобы возвращались в подземку, в защищенное место. Я немного осмотрюсь.

О'Нейл проводил взглядом ее худенькую согорбленную фигурку, у него сжалось сердце.

Не бойтесь, ребятаки. Дядя Симус вас вытащит.

По заваленной булыжником мостовой он направился к Центральной Площади и выглянул из-за стены. И пришел в шок от увиденного.

Военный Центр и Центральная Площадь превратились в дымящийся огромный кратер. От людей, только что праздновавших, ничего не осталось. Центральное Здание было полностью разрушено. Пыль стояла столбом над горящими руинами.

Уцелел только Энергетический Центр. Центр Зилонга больше не существовал.

Он поспешил к своим спутникам. Они выглядели испуганными, его молодые солдаты, студенты, артисты, техники, писатели,

администраторы. С такими не следует отправляться на войну. Он коротко обрисовал им ситуацию, добавив:

— Капюшонники сделали за нас работу. Комитет больше не существует. Жаль, что у нас нет необходимого оружия для наведения порядка в самом Городе,— он замолчал.

Они вопросительно смотрели на своего вожака, но он не знал, что им сказать. Ему нужно было время для раздумий.

Ну, дядя Симус, давай, давай!

Он усердно придумывал план действий. Уже давно пора бы придумать. Он очень устал, все его тело кровоточило от ссадин, голова раскалывалась от звуков взрывов. Нет, он не мог ничего придумать.

Его жена и ребенок зависят от него. Огни в туннеле замерцали. Хорер, стоявший рядом с О'Нейлом, спросил:

— Что с Энергетическим Центром, лорд О'Нейл?

— Частично уцелел. Но вряд ли долго продержится, если взрывы будут продолжаться. Может быть, и капюшонников почти не осталось. Думаю, что Центр — следующий на очереди.

— Теперь это уже не имеет значения... там ядерный реактор. О все святые, вы все идиоты, все!

Компьютер располагался в помещении под мостовой Центрального Здания, а ядерный реактор — под Энергетическим Центром.

— Если Городу суждено исчезнуть, то атомный взрыв — лучший вариант,— обреченно продолжал Хорер.— Однако, если еще хоть что-нибудь уцелело, мы можем лишиться единственного источника энергии. Рядом с реакторным залом находится контрольное помещение с механизмом регулирования стержней. Я... я думаю, что справлюсь, а Ранон, муж Минь — механик. Он может пойти со мной, если возникнут трудности с регулировкой.

— Как мы туда доберемся? Ведь по улицам нельзя.

— Одна из подземных рек снабжает систему охлаждения реактора. По ней можно добраться до контрольного помещения.

Парень говорил таким спокойным и бесстрастным голосом. Его цивилизация трещала по швам, а он вел себя, как на семинаре.

Молодежь осталась под присмотром Мариетты; Хорер, Ранон и О'Нейл готовились к отправлению по подземной реке. Огни вспыхивали и гасли теперь часто. Энергетический Центр агонизировал. Мариетта опасалась, что освещение может погаснуть в любой момент.

— Береги себя и потомство,— дотронулся до ее лица Симус.

— Ты знаешь?

— Леди Дейдра сказала.

И это была святая правда.

Высокий крепкий Ранон и узкоплечий книжник Хорер уселись в планетолет вместе с Симусом. Очень медленно они перемещались вдоль улицы, объезжая руины. Очень долго он чувствовал присутствие Маржи.

Хорер дотронулся до его руки.

— Думаю, что остановиться нужно здесь, лорд О'Нейл. Следует экономить освещение — наши фонари, потому что в случае успеха возвращаться придется в полной темноте.

Они спустились через люк на углу улицы, по нескольким трапам, последний из которых упирался в каменную плиту. О'Нейл услышал шум воды.

— Какая глубина, Хорер? — скептически поинтересовался он.

— Не очень глубоко, но в это время года будет очень скользко. Вода была ледяная.

Они спустились в воду и пошли по руслу, держась за стену туннеля. Хорер шел впереди, время от времени включая фонарик, чтобы сориентироваться. Наконец, он остановился и объявил:

— Мы под контрольным помещением, я думаю. Да, здесь лестница. Осторожнее, лорд О'Нейл, будет очень скользко. Забираться придется высоко.

— Не бойся, буду осторожен! — бодро отозвался Симус.

Осторожности ему не хватило. К счастью, Ранон подхватил его, когда он только начал падать.

Пожалуй, это единственный человек среди зилонгцев, способный удержать таранца, падающего с высоты двадцати метров, радостно подумал Симус.

— Долг платежом красен, — пробурчал он.

Большой парень дружелюбно засмеялся.

— Нет, лорд О'Нейл, я потребую очень много. По-моему, неплохое начало.

Когда они добрались до верха, Хорер не смог сдвинуть крышку люка. О'Нейл протиснулся к нему, и, лавируя на склизкой узкой лестнице, прижавшись друг к другу, они одолели ее вдвоем.

Взрыв потряс Энергетический Центр весьма основательно. Защитный отсек был завален хламом, везде валялись обломки стульев, столов, техники.

Хорер затряс головой от ужаса — контрольная панель была разворочена.

— Лорд О'Нейл, я не знаю, что делать. Придется восстанавливать механизм. Как ты думаешь, Ранон?

— Нет такой машины, которую нельзя починить, если есть время, конечно.

— Времени-то как раз нет,— сказал Симус.— Сделай, что сможешь. А я гляну вокруг. Где стержни регулировки? Там? — он показал на зловещую черную стенку.

— Да, за свинцовой панелью. Сейчас мы в безопасности, радиации нет. Разумеется, если сдетонирует, она вряд ли спасет.

Симус О'Нейл, пробираясь по коридорам Энергетического Центра, усиленно молился, особенно о своей дочурке (он решил, что это будет непременно девочка).

Надо будет назвать ее Дейдрой.

Помещения здания кое-где горели, и, пробираясь по коридорам, он вдыхал густой прогорклый дым. Еще немного, и одежда на нем воспламенилась бы, но от регулирующих стержней зависело будущее.

Будущее дяди Симуса.

И если капюшонники или пожары приведут к сдвигу критической массы, ни у кого из них не будет никакого будущего.

Он открыл дверь в следующий коридор и чуть не наткнулся на пляшущий и искрящийся электрический кабель. Персонал Центра, должно быть, покинул здание, если только хоть кто-нибудь, обладающий иммунитетом, выжил.

Завернув за угол, он столкнулся с небольшим отрядом капюшонников. Повстанцы знали, что делали. Они оттеснили полицейский отряд с Площади Поклонения и теперь рвались к энергетическому сердцу Города. Он уложил их из карабина одного за другим, до того, как они попытались метнуть в его сторону взрывчатку. Затем снова нырнул за угол вниз по лестничной клетке. На последней ступени он остановился и поднял вверх карабин, как раз в то время, когда еще три фигуры в капюшонах перегнулись сверху. Он быстро открыл огонь, но один из них успел вставить запал в гранату.

Симус отпрянул. Его голова разламывалась, он был оглушен, и одна из рук действовала не так, как ей положено. Лестницу над ним снесло, террористов не было видно. Пламя пожирало железные стены. Невероятным усилием воли он заставил себя подняться на ноги и отправился в обратный путь к контрольному помещению. Его бедная контуженная голова гудела и звенела, он не мог думать, не мог найти обратный путь, плохо видел и слышал. Спотыкаясь, он ввалился в контрольную комнату.

— Лорд О'Нейл, что с вами? Мы боялись, что вас убили. Вы тяжело ранены? Да вы истекаете кровью!

— Ничего, выживу. Тебе удалось что-нибудь сделать с этой чертовой штукой? Там, наверху, свирепствует огонь, у нас около пяти минут в запасе, от силы — десять!

Хорер повернулся к Ранону.

— Что ты думаешь?

Ранон тряс головой.

— Мы должны ввести вас в курс дела, лорд О'Нейл,— спокойно сообщил Хорер.— Мы нашли способ, как снизить мощность и заглушить реактор, но, вполне возможно, что произойдет взрыв, который... э... в результате которого реактор выйдет из-под контроля. Если бы было пятнадцать минут, остановку можно было бы произвести с достаточной гарантией безопасности. Как нам поступить?

Когда агонизируешь, нет смысла терять время.

— Ребятки, отключайте к черту!..

24

Хорер щелкнул тремя переключателями. Бросив короткий взгляд на Ранона, он толкнул рубильник на контрольной панели. Первые несколько секунд ничего не происходило. Индикаторная стрелка на круглой шкале металась из стороны в сторону. Потом освещение медленно погасло.

— Сработало?

Хорер ответил:

— Я думаю, мой лорд, можно ответить утвердительно. Давайте включать фонари и возвращаться к коллегам.

На обратном пути О'Нейла пришлось поддерживать. Его ранения не были серьезными — порезы, синяки, и очень болезненная ноющая тяжесть в руке. Но, по каким-то совершенно непонятным причинам, он едва передвигал ноги.

Сотрясение мозга, предположил он. Слишком часто кое-кого щелкали по голове. словно негодный игрок, слишком часто получающий клюшкой по ненужной части тела.

Студеная вода канавы несколько не помогала стряхнуть опьянение от взрыва. Когда они добрались до планетолета, он был в глубоком шоке. Город погрузился в непроглядную тьму, носовой прожектор судна выхватывал из темноты развалины улицы. Когда они приблизились к угловому периметру обороны, занятому ребятами, Хорер посветил несколько раз фонариком вверх-вниз, чтобы подать сигнал о приближении.

Ян подбежал к дверям машины встретить их.

— Нас атаковали! Несколько отрядов капюшонников,— возбужденно докладывал юноша,— Они спустились в туннель со стороны тюрьмы.

— Что произошло? — потребовал доклада О'Нейл, когда его выгружали из судна.

— Мы разбили их, но туннель к тюрьме блокирован завалом от их взрывчатки,— парнишка был очень воодушевлен первой в своей жизни боевой победой.

О'Нейл подумал о несчастной Сэмми. Теперь до нее не добраться. Вслух он спросил:

— Потери?

— Только трое, лорд О'Нейл, два ранения легких.

— Кто ранен тяжело?

Голос молодого офицера дрогнул:

— Боюсь, что Капитан Мариетта сломала ногу... Все наши медикаменты уничтожены взрывом. Ее нельзя транспортировать.

Сквозь темноту Симус рванулся к своей жене. Она лежала на холодном каменном полу туннеля, с неестественно вывернутой ногой. Ее милое лицо было искажено болью.

— Родная моя, как ты себя чувствуешь? — заботливо спросил Симус, всеми силами души желая взять её боль на себя.

— Жутко болит, ты, соблазнитель,— огрызнулась она,— что еще можно чувствовать, как ты думаешь? Слишком долго ты добирался назад,— она попыталась приподняться, чтобы дотронуться до израненного лица Симуса.— О, дорогой, что с тобой? Ты в порядке, все хорошо?

Он готов был заорать во все горло, чтобы позвать к ней на помощь, но вовремя вспомнил, что прихватил с собой таранскую аптечку. Как только обезболивание начало действовать, в луче прожектора он вправил Маржи ногу, наложил крепкие шины и повязку. Потом ввел сыворотку для быстрого заживления. По крайней мере, теперь она сможет опираться на ногу. Конечно, еще несколько дней это будет очень болезненно.

— Ангел-хранитель бережет меня... если бы не аптечка... Как чувствует себя младенец?

— Идиот, он же не в ноге у меня,— проговорила она сквозь стиснутые зубы.

— Она.

— Да что ты говоришь?

— Она будет походить на тебя внешне, походить на тебя, а характером пойдет в отца.

— Бедный ребенок,— вздохнула насмешница, блестяще симулировав его собственный вздох.

— Пусть благодарит бога, что ее мать окружают такие великолепные люди,— он стал укладывать медикаменты в аптечку.

— Вот я себя спрашиваю, Симус, где бы я сейчас была, если бы не ты? Я знаю ответ — в таком положении, как сейчас, я бы не оказалась,— она кивнула на свою негнувшуюся бесчувственную ногу.

Затем она ухватилась за аптечку, которую собирал Симус.

— Дай-ка сюда. Я собираюсь дать тебе порцию твоих медикаментов.

Симус наслаждался трогательной заботой. Когда он всем своим существом откликнулся на ее нежные прикосновения, появилась Рета.

— Я закончила осмотр Города, лорд... э-э... Джимми. В центре Города ничего не уцелело, только пожары кругом.

— Ты слышала взрывы в остальных частях Города?

— Нет. Я думаю, что капюшонники ушли.

— Отлично. Скажи капитану Яну, чтобы он обеспечил охрану присутствующих. Мы немедленно переходим к следующей фазе нашего предприятия.

— Есть, лорд О'Нейл,— она убежала.

Безусловно, необходимо двигаться дальше и переходить к следующей фазе, как только я соображу, что это должно быть...

Его жена, словно прочитав его мысли, поинтересовалась:

— Тебе, наверное, следует сообщить нам, что же ты собираешься предпринимать дальше.

— Я обязательно сообщу, женщина. Как только ты перестанешь молоть вздор. Я сделаю это очень просто.

25

Думать было трудно. Фактически, на всем протяжении его миссии этот процесс не был очень напряженным для Симуса, как заметила бы Кардина.

Зилонга больше не было. Его жизненная энергия и политическая структура были стерты. Население пребывало в хаосе. Тысячи людей погибли. Не все капюшонники были уничтожены, кое-кто остался жив и забился в подземные норы. Некоторые из них, возможно, ушли из Города. Можно было ожидать нападения

туземцев под предводительством генерала Попилы. Как скоро? А ветер так же силен за пределами Города? Подвержены ли аборигены наркотическому действию?

Может быть, они не в состоянии атаковать до конца Фестиваля? И даже если они не смогут войти в Город, то ведь запасы пищи на следующий год свалены на краю Города. Эти запасы могут быть уничтожены, имея в виду население, которое переживает это безумие.

Продовольственные запасы... может быть, именно на это следует бросить все силы повстанческого отряда? Кроме того, они будут ближе к открытому пространству для посадки «Ионы», если придется эвакуировать этих ребят. Дейдра, правда, говорила только о Мариетте и о нем, но... При всей ее суровости, судьба молодежи ей безразлична. Если он продержит свой маленький отряд в темном сыром туннеле еще хоть ненадолго, ребята сломаются.

Его мысли были прерваны.

— Симус.

— Ну что еще, женщина?

— Я хочу сказать тебе, что действие успокоительных пилюль ослабевает. Я чувствую, что бешенство возвращается. Ты должен раздать еще по одной.

— Послушай, но ведь еще не прошло положенных двадцати четырех часов. И потом, на следующий раз ничего не останется.

— Ветер утром стихнет. Обычно так бывает. Тогда днем мы продержимся. Ну а потом... не стоит и говорить,— ее зубы начали сильно стучать, слова вырывались с трудом, резко.

— Проблема за проблемой,— растерянно пробормотал Симус. Он начал раздавать драгоценное снадобье своим смущенным спутникам. Они страшно стыдились своего странного безумия на глазах Благородного лидера.

— Хронос никогда не говорил об освобождении от этого безумия,— бормотал Ян, взяв таблетку из рук Симуса.

— Бедный парень,— ответил О'Нейл,— Он совершенно ничего не понимал в этом.

Решение уходить окрепло, когда, гремя в темноте, прибежала Карина и объявила:

— Лорд О'Нейл, по туннелю течет вода! Или забился один из резервуаров, или подземный поток вышел из русла под давлением взрывной волны. Поток пока неглубокий — всего несколько дюймов, но быстро нарастает!

О'Нейл уже слышал плеск воды под ногами.

Он собрал свой отряд.

— Наша команда,— заговорил он более официальным тоном, чем хотел,— это единственная организованная группа в Городе. Поэтому мы обязаны взять на себя ответственность за сохранение запасов, необходимых для поддержания жизни в Городе и для восстановления разрушенного. Хорер и Ранон изобретательно предотвратили энергетическую катастрофу, теперь нам необходимо перебросить наши силы на окраину Города, где у главных ворот сложен урожай. Мы не собираемся умирать с голоду, поэтому я не думаю, что неочищенный джут будет соблазнительным лакомством.

Они дружно рассмеялись в ответ на его тонкую шутку.

Симус приказал им держаться поближе друг к другу при переходе через Город. Защищаться от «простого народа» только в случае нападения. При помощи копий и карабинов они легко разгонят цивильную атаку. Капюшонников осталось мало, поэтому он не стал акцентировать внимание на том, что если они повстречаются, то такая компактно движущаяся горстка будет легкой мишенью для взрывного устройства.

С фонарями они выбрались на поверхность и пересекли руины Центрального Квартала. Ни темнота, ни катастрофа не оставили буйного разгула на улицах. Их путь лежал к Главным воротам Города.

Их продвижение замедлилось повторяющимися встречами с группами «празднующих»; копы и непроницаемые лица молодых отпугивали пристающих. Больше всего пожаров было в Центральном районе, на улицах валялись изуродованные тела, в точной темноте в воздухе повисали дикие вопли. Пение, крики, пьянство и занятия любовью происходили повсеместно. Суровые лица ребят из отряда ни разу не дрогнули в ответ на призывы зилонгских парней присоединиться к ним.

Болезненно прихрамывая, держась за его руку, Мариетта печально сказала:

— Никогда еще не было такого кошмара, Симус. Это действительно конец всему.

— И начало. Хаос и снова космос,— он и сам не знал, что означала эта фраза, но в монастырской школе ее часто повторяли на лекциях, где он большей частью дремал. Но звучала она прекрасно.

Они добрались до ворот с первыми проблесками рассвета и быстро направились в раскинувшиеся луга, за которыми на берегу Реки громоздились кучи джута.

Лишь Симус нашел в себе силы оглянуться на Город — теперь совсем темный, исключая отдельные всполохи пожаров, вырисовывающиеся на светлеющем небе.

Когда они проходили госпиталь, он обратил внимание, что комплекс уцелел. Был ли там запас транквилизаторов?

Возможно, позже днем он сходит туда на разведку. Сейчас было важнее занять удобную позицию около склада джута и немного поспать. Он так устал...

Маржи разбудила его. Солнце ярко светило прямо в лицо.

— Симус, к нам визитеры, — спокойно сказала она.

С горящими факелами в руках к ним устремилась толпа, выливающаяся из ворот Города. Дикие злобные крики оскверняли чистый холодный утренний воздух.

Он тряхнул головой, отгоняя остатки сна.

— Почему факелы, Маржи? Ведь уже светло?

— Не думаю, что им нужны мы, Симус. Они хотят еды.

Приближающаяся толпа была в тысячу раз сильнее. Его молодые ребята хотели спасти и сохранить Зилонг; вполне естественно, что они готовы отдать свои жизни, защищая джут — основу их цивилизации. Он повернулся, чтобы оглядеть свой малочисленный отряд. Ему бросилось в глаза стремительное движение на противоположном берегу реки.

— Нет сомнений, передовой отряд Ната. Ну что же, желаю тебе успеха, парень. Милости просим к тому, что осталось.

Он организовал своих бойцов в оборонительную линию перед главными воротами, отдал приказ не стрелять до его команды. Неожиданный обстрел передних рядов может вызвать панику среди остальных.

Подсознательно он заметил, что начавшееся утро обещало необыкновенно хороший день. Небо было темно-голубое, начался великолепный восход солнца. Большие белые облака мягко плыли по воздуху, с убранных полей доносился запах плодородной земли. Его «передовая линия» нервно переминалась с ноги на ногу, но стойко ждала приближения ревущей толпы. Он понял, что эти дети будут стоять насмерть.

— Посмотрите! — крикнула Карина, стоящая рядом с Хорером, недалеко от Маржи. — Посмотрите, кто их ведет!

— Кто этот человек?

— Фардж, Верховный комиссар полиции.

Фардж выглядел привлекательно — стройный, русоволосый, одетый в форму капюшонников, с обнаженной головой. Он одновременно возглавлял полицию и шайки капюшонников. Коррупция на Зилонге процветала.

Взбешенные зилонгцы были совсем близко.

— Приготовиться к атаке! — скомандовал он. *Приготовиться к смерти.* — Первый залп в воздух.

— Я люблю тебя, Симус.

— Огонь!

Ружья его малочисленной команды прозвучали, как залп дешевого фейерверка. Но, кажется, трюк им удался. Разъяренные зилонгцы поджали хвост и в беспорядке отступили в Город.

— Мы победили! — он сжал в объятиях Мариетту. — Это антикульминация дня. По крайней мере, пока это победа!

— Я так не думаю, — она показала на Реку. — Посмотри.

Там была армия Ната.

26

Восставшая армия растянулась вдоль берега Реки влево и вправо. Им не было видно конца. Палаши и копья сверкали на солнце, багряные знамена развевались на ветру. По воде разносилось верещание туземцев и ржание лошадей.

Пока Симус, храня гробовое молчание, наблюдал за происходящим, масса аборигенов рванулась к Реке с огромными плотами в руках. Они швыряли плоты в реку, как бумажные фантики. Другие туземцы, чудовища и кавалерия изгнанников в пурпурных плащах карабкались на плоты. В воздух поднялось несколько планетолетов с всадниками и лошадьми на борту — императорская охрана.

— Что нам теперь делать? — с холодным спокойствием поинтересовалась Мариетта.

— Мы отвлечем их единоборством, вот что мы сделаем.

Как только у меня появится идея, как это осуществить.

— Исправить линию огня! Стреляйте, пока я не отдам приказ прекратить огонь.

Ну, эта идея не нова.

Потом ему в голову пришла другая мысль, тоже не очень оригинальная, но, несомненно, полезная. Он не подумал о последствиях потому, что для этого не осталось времени, да и нужды в этом уже не было.

Охрана высадилась на берег. Их вел в бой Нат. Он восседал на вороном жеребце.

Они остановились на достаточном расстоянии от Симуса.

Кажется, он усвоил прошлый урок?

Ладно, проживем — увидим.

— Я думал, что уже поджарил тебя для туземцев, жирная свиная задница! — проревел Симус. — Что случилось? Они не любят жирной пищи?

— Я порублю тебя на мелкие кусочки, таранский червяк!

— Ты, крикливый трус, подбери слюни, — продолжал Симус.

— Симус... — начала шептать Мариетта.

— Помолчи, женщина, я занимаюсь разработкой стратегии, — Он продолжал, срываясь на крик: — Может быть, если я сдеру с тебя шкуру, они сочтут тебя более аппетитным?

— Ты и твоя потаскуха умрете в течение дня! — физиономия того стала краснее плаща.

— Глядите-ка, парни, как хорошо он говорит, когда увешан оружием. Пусть сразится один на один.

Попила, подгоняя свою лошадь, соскочил с планетолета и подъехал к жоваку.

— Убей его сейчас! — взвизгнул он истерично.

— Эгей, старина Попила, он не может этого сделать; для начала вам придется взять нас в плен. А за это время многим из вас суждено умереть раньше, чем вы убьете нас. В моей команде первоклассные стрелки, — позорная ложь, — возможно, он подохнет в первых рядах.

— Приготовиться к наступлению! — Нат прогарцевал за передние ряды всадников.

— Говорю тебе — сразимся один на один!

Нат осадил коня.

— Спроси у твоей потаскухи, она скажет — я выдающийся боец на Зилонге!

— Да, это так, — Мариетта была совершенно невозмутима.

— Да плевать я хотел, — прошептал Симус, — Предлагаю тебе сделку, — выкрикнул он срывающимся от злости голосом. — Спускайся с коня со своей секирой и щитом. У меня будет только копьё, — Он вырвал из рук Маржи оружие. — Победитель возьмет все. Если ты меня убьешь, мы не будем вас трогать. Если я убью, твои охранники отпустят остальных на все четыре стороны перед тем, как вы уничтожите Город.

Как и рассчитывал Симус, войско с нетерпением ожидало ответа своего жоака. Он не сомневался, что их бесстрашный вождь ответит пришельцу. Нат попал в ловушку.

— Убей его! — крикнул Попила.

— Именно это я и собираюсь сделать, — Толстяк тяжело слез с жеребца, сбросил плащ, отобрал щит у одного из телохраните-

лей, примерил тяжесть невероятно огромной секиры, и бодро направился к Симусу.

— Быстро расскажи о его слабых сторонах,— попросил О'Нейл у своей жены.

— Он уязвим в тот момент, когда поднимает секиру для смертельного удара. Он толстый, поэтому неповоротливый. Думаю, что несколько лет он не участвовал в поединках. Он очень опасный противник, а ты ранен и истощен.

У этой женщины совсем нет нервов.

— Тогда я превосхожу его численностью.

— Симус...

— Да? — Он подкинул в руке копье и ждал слов любви.

— Что нам делать, если тебя убьют?

— Бежать, как от дьявола.

— Как ты думаешь, они сдержат слово, если ты победишь?

— Возможно, нет.

— Сгруппироваться за мной,— скомандовала она отряду.— Будьте готовы немедленно выполнять мои команды.— Потом шепотом: — Будь осторожен, Симус.

Как она похожа на Кардину.

— Ага, толстый боров,— начал он перебранку,— удивляюсь, как ты удерживаешь такую секиру?

— Сейчас я тебе покажу, как,— он поднял секиру над головой, мощно и умело взмахнул ею.

Симус быстро нырнул вниз. Нат действительно блестяще владел оружием.

— Подбери свое толстое брюхо, а то ты сам себя поранишь, если будешь размахивать этой штукой, как пьяная бабка ночной вазой.

Стратегия Симуса, если можно так назвать его действия, состояла в том, чтобы уворачиваться от ударов противника и измотать этого тяжеловеса. И когда Нат зазевается или потеряет бдительность — нанести молниеносный удар, подобный тому, которым Мариетта ранила саблезубого тигра.

Топчась, как разъяренный слон, Нат замахнулся снова. Его секира просвистела так близко около уха Симуса, что тот уже был уверен, что лишился его.

— Ага, бабкин горшок стал тяжеловат, не так ли?

Кое-кто из охраны императора прыснул от смеха. Обезумев от ярости, Нат замахнулся снова, как дикий зверь. На этот раз таранец был стремительнее, он уклонился и отступил назад.

— Землетрясение, землетрясение! — закричал он, когда Нат грохнулся на землю. Он стремительно замахнулся и метнул копьё в противника.

И промахнулся. Совсем. Его копьё вошло в мягкую землю, и он не мог его вытащить.

Я слишком устал от бессонных ночей и ослаблен. Промахнуться было почти невозможно.

В первый раз за время поединка Симусу стало страшно.

Нат взгромоздился на ноги и замахнулся секирой на ногу О'Нейла. У таранца были две возможности: или все-таки вытащить копьё, или спасти ногу. Он выбрал второе.

Но теперь он был безоружен, и Нат с торжеством в черных диких глазах наступал на него. Измотанный Симус гадал, что будет дальше, он почти задыхался. Краешком глаза он взглянул на жену. Она спокойно и непримиримо ждала.

Святой дух, она уверена, что я бессмертен!

Теперь Симус отступал к реке, увлекая за собой медлительного, ярко разодетого соперника, гадая, что тот станет делать, когда они оба достигнут берега.

В конце концов О'Нейл оказался зажатым между кромкой воды и смертельно опасной секирой. Он попытался рвануться хоть в каком-то направлении, словно собираясь вернуться за своим копьём. Нат же, осознавая свое превосходство и небрежно размахивая чудовищно длинным оружием, отрезал ему все возможные пути.

— Вот ты и попался, жирный окорок, — издевался Симус, — Иди-ка поближе, а то твои люди сочтут тебя трусом.

С омерзительным воплем Нат атаковал его, он занес секиру над головой Симуса. Страшное оружие стремительно опускалось вниз. Блокируя нападение, Симус в прыжке ударил по коленям противника.

Штрафной удар с пятнадцати ярдов за необоснованную грубость, — подумал он, когда Нат перевернулся через него и рухнул в воду.

На этот раз смеялась вся императорская гвардия. Стоя по колено в воде и без ума от ярости, Нат искал свою секиру и не мог ее найти, потому что она осталась лежать на берегу. Толстяк, неуклюже торопясь, попытался схватить ее.

— Я не хочу убивать тебя, — проговорил Симус, стараясь поднять невероятно тяжелую секиру. — Предлагаю тебе мир.

Нат, изловчившись, ухватился за свое оружие. Симус пихнул лезвие ему навстречу, ранив его жирную ногу. Противник упал на колено, все еще сжимая руками секиру. Кровь хлынула у него

из раны на мягкий и мокрый песок. Невероятным усилием злодей вырвал секиру из рук Симуса. Симус же отбежал за своим копьем и снова направился к реке.

— Я не хочу тебя убивать, — повторил он, поднимая копье.

— Зато я хочу убить тебя! — проревел Нат. И, несмотря на бьющую ключом из артерии кровь, он поднялся на обе ноги, сделал выпад и, швырнув секиру в сторону Симуса, рухнул на землю, скорчился, как раненый тигр, и замер. Навсегда.

Секира плашмя ударила Симуса в голову. Он упал на землю, но мгновенно поднялся. Он выиграл поединок. Означало ли это что-нибудь для Попилы? Конечно, нет. Почему Симус подумал об этом?

— Убейте его теперь! — вопил сумасшедший.

Охранники колебались.

— Я приказываю убить его!

Всадники спешили и начали приближаться к победителю. Это был конец. Он почувствовал нестерпимо острое желание обнять Мариетту, но теперь было уже слишком поздно. Он бросил последний взгляд на крест. Как же долгон путь из Иерусалима.

Старший из отряда был всего в нескольких ярдах. Его палаш зловеще нацеливался таранцу в сердце. В это мгновение Симус Финбар О'Нейл услышал мощный гул, приближающийся со стороны Реки. Этот мощный непереносимый рев привел в оторопь всех нападающих. Для Симуса же милее этого звука ничего не могло быть — это был рев реактивных двигателей.

Лошади и чудовища, обезумев, понеслись прочь. В нескольких шагах от Симуса стоял Попила.

Финальный взрывоподобный рев заставил землю содрогнуться, облако газов на мгновение скрыло стоящих мужчин. Когда дым рассеялся, между ними оказалась стройная женщина с длинными черными волосами, развевающимися на ветру, как знамя. Она была одета в блистающую на солнце темно-красную мантию, отделанную горностаем, и держала в руках тонкий золотой жезл с крестом Святой Бригиды на конце.

— Кто ты? — выкрикнул ошеломленный Попила. Он поднял ружье, намереваясь выстрелить в Настоятельницу. Она же направила в его сторону крест, молния сорвалась с него и выбила оружие из рук сумасшедшего.

Это был симитированный ментальными способностями Кардины огонь. Но эффект от него был потрясающий. Туземцы бросились кто куда, многие, ополоумев, кидались в воду. Часть императорской охраны уже ретировалась на планетолетах.

— Я,— провозгласило видение,— Леди Дейдра Фитцджеральд, графиня Кук, архиепископ Чикаго-Нова, Командор Флота с Тары, Капитан-Настоятельница корабля паломников «Иона», Жрица-Кардинал Святой Римской церкви Святого Клементя. Могу я поинтересоваться, благородный сэр, кто вы?

С бедняги Попилы этого было достаточно. Он развернул коня и галопом помчался прочь. Испуганное животное оступилось на самом краю воды и сбросила седока в Реку — прямо на пути взлетающего планетолета. Сумасшедший ушел под воду без единого крика, исчезнув в окрасившейся в красный цвет пене. На поверхности он больше не появился.

Кардина подняла свой жезл еще выше. Крест Святой Бригиды засиял как солнце. Вызванное ее психическими способностями сияние было так же реально,— оно разливалось вокруг — в сторону городских стен, над поверхностью Реки, над бегущей армией Ната, озарило берег острова, простиралось над убранными полями, отражаясь от далеких снежных вершин.

Это было настоящее шоу.

Река кишела барахтающимися телами. К счастью, дикари, похоже, умели держаться на воде.

Чтобы усилить эффект, Леди Дейдра подняла крест еще выше. На долю секунды воцарилась космическая чернота. Небо стало чернильно-черным, и весь мир содрогнулся от грома.

Конечно, этот гром был плодом ее воображения, но сработал он так же хорошо, как реальный. Облака быстро рассеялись, и снова наступило прелестное прозрачное утро.

С армией Ната все было покончено. Должно смениться хотя бы одно поколение, прежде чем кто-нибудь из них рискнет атаковать Город снова.

Он почувствовал, как его женщина и друзья собрались вокруг него. Он стоял торжественно-гордо. Зачем им знать, что это всего лишь эффектный трюк?

Так-то милая, тебе понравилось это зрелище,— подумал он, глядя, как Маржи, не мигая, уставилась на него.

В это время справа от охваченной благоговейным трепетом молодежи высаживалась с «Майкла Коллинза» и «Томаса Патрика Дохетри» эскадра Диких Гусей.

Они несли свои синие звездно-полосатые знамена. На них были белые электрозащитные скафандры с накинутыми и развевающимися на ветру черными плащами. Их фазеры были готовы к атаке. Чуть ниже по Реке мягко приземлился «Неп Тенди».

— Много же вам понадобилось времени, чтобы добраться до нас,— сказал О'Нейл.

— О'Нейл, ты никогда не смиришься с тем, что ты — не ось истории, — она широко улыбалась. — Когда Город совершенно развалился, мы решили, что потребуются более решительные действия, чтобы не позволить Нату взять под контроль пищу и энергоресурсы, и установить санитарный контроль и порядок на этой богом забытой планете.

Я полагаю странным допустить мысль о том, что заботу о санитарии и установлении порядка ты возьмешь на себя, но Святое Правило — работать с тем, чем располагаешь. Мы были уверены, что ты продержишься в Городе достаточно долго.

— Могли бы и намекнуть о вашем прибытии, — огрызнулся Симус.

— Ох, Симус, не думай, что мы бросили тебя на произвол судьбы, — леди Дейдра не только широко улыбалась, она откровенно смеялась. — Мы были уверены, что ты пригласишь нас высадиться. Ведь ты сделаешь это, лорд О'Нейл?

Дикие Гуси все прибывали и прибывали, их корабли садились один за другим. Молодые зилонгцы стояли в безмолвном потрясении, не понимая, что происходит и как реагировать на происходящее.

Дейдра продолжала, на космогальском:

— Теперь, О'Нейл, ты должен сделать кое-что, что вполне соответствует твоим способностям и талантам, а также адекватно предстоящим переменам. — Потом она продолжила на прекрасном зилонгском: — Позвольте дать вам совет, полковник О'Нейл, может быть, для наведения порядка вы захотите подкрепить ваш отличный отряд несколькими подразделениями Диких Гусей. Возможно, вы захотите оставить вашу одаренную и очаровательную... э... «стоящую женщину» с нами для того, чтобы мы помогли ей справиться с травмой. А она смогла бы помочь нам установить коммуникационные связи, — при этом Капитан нежно обняла Мариетту за талию. — Дорогая моя, ты бы смогла помочь?

— Да, Дейдра, — ответил этот маленький чертенок, ужасно довольный собой.

Молодежь, очарованная своими новыми союзниками, в окружении взвода Диких Гусей под командованием Фергуса, отправилась в Город.

Тишина утреннего воздуха Зилонга снова была нарушена, на этот раз печальным, но неумолимым звуком труб. Они почти уже достигли ворот, когда за их спиной снова раздался звук реактивных двигателей.

Когда над островом рассеялся дым, на самом высоком холме медленно осуществлял посадку огромный серый космический корабль. Скитания «Ионы» были окончены.

Над водой мягко звонил монастырский колокол. Настало время утренней молитвы.

27

Капитан-Настоятельница серьезно не занималась наведением порядка в собственном доме, считая, что это плохо сочетается с ее пониманием полного оскудения.

Кроме того, это было бы слишком обременительное неблагодарное занятие.

Тем не менее, иногда она делала исключения. У нее была привычка приглашать к себе после дневной Рождественской мессы очень избранную группу людей. В это Рождество, первое на планете, переименованной в Гарон, она решила разделить фруктовый десерт и бренди в своем скромном кабинете в компании с Дармудом МакДармудом, пожилым почтенным Аббатом, сыном Марфи, молодым и проницательным помощником аббата, бригадиром Диких Гусей Гармоди и его женой Майвой, и генералом Симусом Финбаром О'Нейлом, графом Гарона, и его беременной женой, леди Мариеттой (которую все звали Пэджин).

Мариетта, уже очаровательно пополнившая, поведала собравшемуся обществу о том, что больше всего на острове «Иона» ей понравился фруктовый десерт Леди Дейдры.

Ее супруг хмурился. Он всегда хмурился на Рождество, и чтобы ухудшить свое состояние, еще до мессы устроил перепалку с Настоятельницай. Теперь он сердился на себя за то, что не одержал верх в этой перебранке. Настоятельница же не обращала внимания на его настроение, что означало ее победу. Ему страшно хотелось, чтобы Пэджин перестала болтать.

Неужели всем понравился ее лепет о фруктовом десерте? И как быстро она уловила таранский дух.

Пэджин?! Создатель, как тебе нравится это имя?

Самой-то ей, конечно, это имя нравилось, ей нравилось все на «Ионе» — цветные стекла в часовне, библиотека, которую она поглощала книга за книгой, хоровое пение, обслуживание, монахи, монахини, Дикие Гуси. Словно все странствование было предпринято для ее развлечения. «Бедная крошка» была потрясена

всем увиденным в монастыре. Вынужденный делить свою жену с монахами, монахинями и подразделениями Диких Гусей, он рисковал больше, чем на самой дикой планете.

Настоящая ярмарка, разве не так?

Его невеселые размышления на эту тему сделали полный оборот — он вернулся к своим аргументам в споре с Дейдрой. Он начал с сетований на близкие, слишком близкие, как ему показалось, отношения между Дейдрой и Мариеттой. Ему надоело «материнское» участие Кардины в его личной жизни.

— Послушай, Симус, что же делать бедной стареющей женщине, когда она понимает, что на ее территорию вступила новая королева? Уж лучше ей быть в мире с ней.

Он ответил раздраженно:

— Ты потеряла рассудок, женщина. Что ты подразумеваешь, говоря «королева»? Она всего лишь капитан уже несуществующей армии.

— Ну, Симус, это не так, — спокойно возразила Настоятельница, перебирая пальцами свой нагрудный крест. — Тебе, конечно, до настоящего графа еще далеко. И уж, конечно, ты получил то, чего не заслуживаешь — для себя в лице этой крошки — ты приобрел истинную королеву.

Так всегда бывает, если уж не везет, то во всем. Сначала она уложила его на обе лопатки, рассказав, наконец, все о его миссии. Теперь она словно насмеялась над ним и очень участливо поинтересовалась: «Ты не очень удовлетворен Пэджин, да?»

— Да нет же, нет. Мои чувства к ней не изменились. И я ни о чем не жалею. Она всегда в моем сердце, пока его не займет другая.

Даже сейчас, когда она без умолку болтала и чавкала фруктовым десертом, даже сейчас его горло сжималось, а глаза увлажнялись. Достаточно одного ее мимолетного прикосновения, и он буквально таял. Не было такой минуты в течение дня, когда бы он не думал о своей возлюбленной. Вот она сидит и потягивает бренди Настоятельницы. Он вздохнул. Будущий младенец очень сильно повлиял на ее сексуальные аппетиты, — вопреки беременности они возросли невероятно.

Все это напоминало Симусу другую длинную ночь, во время Святого пира Рождества. Он снова вздохнул, подумав об Эрни и Сэмми.

Давно это было.

Воспоминания о Сэмми вернули его в тот первый день после приземления «Ионы». Все его устремления были направлены на упорядочение зилонгской жизни. Большую часть своих подчинен-

ных он направил в Центральный Квартал для выяснения состояния дел в Энергетическом Центре. О'Нейл с небольшим отрядом направился к тюрьме на поиски Сэмми. В качестве врача-консультанта с ними была Кэти Хоулиан, прекрасный специалист. Она никогда не теряла самообладания ни в сражении, ни в кризисной ситуации. Ветер стихал, настало время позаботиться о раненых и доставить их в больницу.

Он стремительно вел свою команду по спокойным теперь улицам Города, обходя трупы, к развалинам темницы.

— Симус, ты идиот, здесь уже нечего делать,— воскликнула Кэти.

— Где-то здесь, в этой каше мы можем отыскать директора их госпиталя. Уверен, что ее помощь сегодня будет неоценима.

Всего несколько минут ушло на поиски лестничной клетки подземной темницы, где была заточена Сэмми.

— Слава тебе, Господи! — вырвалось у Кэти, когда открылась тяжелая металлическая дверь камеры, и они увидели то, что было внутри.

Сэмми была еще жива, смертельно бледная от тяжелых ран. Очевидно, она бешено боролась со сковывающими ее цепями. Она все еще была под воздействием наркотика — рыдала, выла, огрызалась, на ее губах выступила пена. Он быстро просунул между сжатых губ женщины успокоительную таблетку. Эффект был обычным. Когда Симус освободил ее, Сэмми, вздохнув с облегчением от сброшенной тяжести, прихрамывая, перешагнула цепи. Она не поднимала головы. Симус нежно прикрыл ладонью ее лицо.

— Доктор Хоулиан, позвольте представить вам доктора Самариту, которая является Директором Института Тела, по-вашему, госпиталя. Вы должны извинить ее за то, что она в таком виде. Уверен, что скоро она будет в полном порядке,— О'Нейл говорил формальным безразличным тоном. Сэмми постепенно овладевала собой, но по-прежнему не поднимала на него взгляд.

— Уверен, что уважаемая доктор захочет немедленно отправиться в госпиталь, чтобы начать трудную работу по оказанию помощи раненым и умирающим. Хоулиан, вы, с оставшимися членами отряда будете сопровождать ее, оказывайте любую необходимую ей помощь. Я же попрошу Капитана-Настоятельница проинструктировать экипаж «Дэна Монихана» о посадке перед зданием госпиталя для оказания вам дополнительной помощи. Мы вышлем вам оставшиеся медицинские силы, как только доктор Самарита определится с тем, что необходимо в первую очередь. Действуйте.

Он быстро покинул их и отправился в район, где располагались основные силы Диких Гусей.

Позже Кэтлин рассказала О'Нейлу о том, что произошло после его ухода. Небольшая иммунизированная группа пережила ночь ужаса, спрятавшись за стенами госпитального комплекса, отбивая атаки капюшонников. Когда прибыла Самарита, хорошо всем известная, они рассортировались и начали работать. Около часа таранцы и отряд Сэмми повсеместно оказывали помощь тем зилонгцам, которые могли дойти до госпиталя сами за медицинской помощью. Как раз после этого «Монихан» приземлился и высадил группу врачей с «Ионы». Уже к концу дня интернациональная группа медиков спасла сотни жизней.

И, как потом доложила Кэт: «Сэмми исключительно подвержена язычеству, да, исключительно, и вместе с тем удивительно соответствует современным представлениям о женщине. Я хочу поговорить с ней о многом. Я обязательно это сделаю. Симус, она отличный врач».

Когда О'Нейл покинул развалины тюрьмы, он отправился к командному посту Диких Гусей, организованному в руинах Центральной Площади. Рев сядившихся кораблей, перемещения военизированных отрядов, наконец — громада монастыря и устрашающий внешний вид Диких Гусей — все это заставило большую часть праздновавшей зилонгской публики разойтись по своим жизненным пространствам. К утру ветер стих окончательно, наркотическое действие ослабло. Те же зилонгцы, которые были еще не в себе и продолжали убивать и насиловать, разубеждались «ошеломляющими» атаками фазеров. К полудню то, что оставалось от Города, было усмирено и успокоено.

О'Нейл полностью овладел ситуацией, когда вспомнил о транквилизирующих пилюлях. Он соединился по линии связи с Дейдрой.

— Что ты думаешь о пилюлях против бешенства, женщина? Очевидно, моим людям они пригодятся уже к ночи, не говоря уже обо всем населении Зилонга.

— Кое-кто так же мудр, как и я, О'Нейл. Мы уже подумали об этом. Твоя... э... возлюбленная была настолько добра, что позволила взять у нее пробы крови с тем, чтобы мы могли подобрать медикаменты. Повторное исследование природы ветра привело к возникновению следующей теории: безумие частично вызвано аллергической реакцией на то, что он поднимает и приносит с убранных полей. Это совпадает с тем, о чем говорил тебе тот человек с Гипериона. Стоит остановить ветер, и безумие прекратится...

— Ваша проницательность лишний раз доказывает, что вы заслуживаете права носить эту очаровательную красную мантию. Теперь, как я понимаю, дело за малым — нужно просто остановить ветер.

— Если мы можем менять траектории метеоритов при помощи нашей психической энергии, то сможем и ветер остановить.

Ну что же, достаточно убедительно — ветер будет остановлен так же внезапно, как и начнется.

На Зилонге воцарится настоящий мир, настолько прочный и непоколебимый, что Симус увидел Рету и Яна спокойными, мягкими, уверенными в себе, как если бы с их детских плеч свалился невероятно тяжелый груз. Они смотрели друг на друга со слезами на глазах.

— Пройдут годы, и мы будем праздновать этот день по-другому. Этот день Мира станет нашим новым Фестивалем, во время которого наши потомки будут вспоминать последний на нашей планете ветер безумия,— сказал Ян, взяв свою жену за руку.

— День Джимми О'Нейла,— Счастливо улыбалась очаровательная проказница Рета.

— Ничего подобного, я решительно возражаю против этого,— настаивал Симус, сказать по-правде, без особого энтузиазма.

Итак, начался процесс реконструкции. Хорер и монастырские инженеры занялись восстановлением Энергетического Центра; техники по обслуживанию компьютера осуществили коммуникационные связи с Потраджем. Надо сказать, что язык старого болтуна был изрядно подчищен в соответствии с восприятием зилонгцев. Ян, как председатель Комиссии по Национальному Спокойствию совместно с Фергусом Хеннеси установил ежедневное патрулирование отрядов Диких Гусей. Порядок в стране медленно начал восстанавливаться.

Он очень беспокоился о Сэмми. Однажды, когда он переходил площадь перед госпиталем, его остановила Кэт и с восхищением рассказала ему о докторе Самарите. Эта женщина проделала невероятно большую работу по восстановлению медицинской службы. «Бедняжка, она вся отдает себя работе, тяжелой, изнурительной»,— восхищалась белокурая Кэтлин, кивнув в сторону «Монихана», все еще парковавшегося перед Центром.

— Да, узнаю ее,— он старался уйти от этой темы. Он даже не мог думать о восстановлении прежних отношений между ними.

— На следующий день после открытия Госпиталя произошел странный случай. По-правде говоря, эта история поразила меня в самое сердце,— продолжала Кэт.— К нам поступила группа

тяжелораненых зилонгцев из Центрального Квартала Города, только что умиротворенного. Один из них был мужчина с очень тяжелой черепной травмой. Доктор Самарита несколько мгновений колебалась, а потом решительно направилась в операционную и провела там несколько часов. Она спасла этого человека, почти безнадежного. Потом... — Кэт справилась со своим волнением и продолжала: — ...она повернулась ко мне и сказала: «Благородный Консультант, вы не будете возражать, если я немного отдохну?»

«О святые небеса,— сказала я,— да вы заслужили гораздо большего. Это была великолепная работа. Я восхищена вами. А у этого парня удивительная внешность. Наверное, он был незаурядным человеком в этом обществе».

«Он руководил оркестром, Благородный Консультант, — сказала она в ответ.— Мне очень приятно, что вы находите его привлекательным. Он... это мой муж».

Нам ничего другого не оставалось, как броситься друг другу на грудь. Говорю тебе, Симус, это удивительная женщина,— язычница она или нет, все это неважно.

Он сказал себе, что должен обязательно увидеть Сэмми и Эрни, должен вымолить прощение у них, должен восстановить былую дружбу. Имел ли он на это право? Он посоветовался с Кардиной, что она думает обо всем этом, старая ведьма.

— Почему ты так долго раздумываешь? Женщина ждет ребенка, как и большинство женского населения этой варварской планеты. Бедняжка по-прежнему любит тебя, идиот. Даже больше, чем прежде. Хотя ты этого совершенно не заслужил, совершенно.

Восстановление Города постепенно переходило от реконструкции материальной сферы к реформам политической структуры. Первой политической инициативой Совета, именно так молодые называли свое правление, было единодушное решение о выборе Симуса королем. На собрании Совета Симус бушевал, говоря, что он будет проклят, если согласится стать королем чего-либо; после этого они пересмотрели повестку дня в разделе «Выборы короля» и уважительно, но настойчиво потребовали от него согласия оказывать им всяческое содействие и принимать участие в обсуждениях и впредь. После этого они взяли на себя ответственность за управление страной в течение предстоящего года (причем, благодаря настоятельным советам О'Нейла, был предусмотрен порядок всенародных выборов следующих членов Совета из числа горожан — этот момент они сами как-то упустили).

Общее собрание отложили до следующего дня, когда планировалась публичная церемония представления таранцев городской общественности и торжественная церемония обмена заверениями в оказании помощи, поддержки и взаимного сотрудничества, ради мира и процветания планеты.

Эта встреча стала поистине величественной церемонией. На одной из небольших, уцелевших от разрушения площадей, рядом с городской стеной, собрались члены Совета и их таранские «консультанты». Собрались на свою первую общую встречу под пурпурным зилонгским небом. Молодежь из Союза была в своих повседневных рабочих робах. («Ужасное отвратительное тряпье», — ворчал старый Дармуд). Дикие Гуси, высокие и статные, были в своих серебристо-черных комбинезонах, монахи и монахини составляли кельтский блок в своих длинных синих монашеских рясах. Зилонгская публика с благоговейным трепетом наблюдала спектакль. Потом оркестр исполнил «Торжественный марш в честь Лейдры», и появилась сама Настоятельница, одетая в роскошную праздничную мантию с золотым крестом Святой Бригиды поверх.

Она медленно и торжественно заняла почетный трон. Церемония началась официальным обменом речами, заверениями в дружбе, миролюбивых намерениях.

Потом вышел помощник Аббата Марфи и заявил, что он полностью поддерживает решение Генерала О'Нейла об отказе от королевской власти. Он говорил, что еще ни одной планете королевское правление не принесло процветания. Единственное, чем короли любят заниматься — это развязывать войны. В качестве альтернативы он рекомендовал осуществить управление Городом человеку, титул которого мог бы быть «Граф». Этот человек должен председательствовать над Советом, консультантами с Тары и осуществлять административное руководство сроком не более одного года. Безусловно, это не исключает переизбрания на следующий срок. Он выразил уверенность в том, что генерал О'Нейл вряд ли откажется от оказанной ему чести на таких условиях.

Фергус дополнил помощника Аббата тем, что считает О'Нейла единственным человеком, хорошо знающим традиции обеих культур. Что этим он обязан своей очаровательной супруге. И именно он смог бы объединить общие усилия во имя благородной цели мира и счастья для всех живущих на этой планете.

После этого поднялся Хорер и говорил от имени Совета Гарона. Он заверил таранцев в искреннем радушии горожан к новым друзьям и союзникам. Он высказал уверенность Совета в том, что их первый друг благородный Генерал Лорд О'Нейл согласится

править, как Граф, по крайней мере, год. Хорер был единственным, кто сохранил строгое выражение лица.

После этого Дейдра поинтересовалась мнением присутствующих о выдвижении других кандидатов. Других предложений не было. О'Нейл был избран единогласно.

Что он мог сделать? Когда Кардина торжественно спросила его: «Вы принимаете предложение, генерал О'Нейл?», он произнес самую короткую в своей жизни речь: «Да, женщина, принимаю».

Над площадью пронесся гул одобрения, сменившийся радостным и веселым смехом, когда его жена порывисто и крепко обняла его на глазах у публики и привела его в страшное смущение.

О'Нейл пришел к выводу, что занятие политикой оказалось гораздо более трудным делом, чем война или реконструкция. В сражении ты или побеждаешь, или проигрываешь, иногда бывает и ничья, эффективность реконструкции зависит от твоего умения организовать дело — учесть рельеф местности, людские ресурсы и тому подобное.

Когда тыходишь в правительство, никогда не знаешь, правильное решение ты принял, или нет, вечно приходится идти на компромиссы, которые устроили бы большинство людей. Ты никогда не можешь быть абсолютно уверен, достаточно ли мудрое решение ты принял, не запоздало ли оно. Порой ответы на эти вопросы ты так и не находишь.

Спустя неделю после избрания, он встретился с Кцаром на полпути к Гипериону, чтобы установить постоянную связь между Городом и фортом и назначить Кцара Регентом в этом регионе планеты. В его обязанности теперь входила забота и управление туземцами, мутантами и изгнанниками.

— Это займет много времени, — согласился мудрый офицер, — но сделать это необходимо. Это нужно было сделать еще вчера. Я обязан сказать вам об этом. Весь этот спектакль, который вы с друзьями устроили на Реке, надолго вывел их из равновесия. Они действительно считают вас Рыжебородым Богом. И это нам на руку, это поможет установить с этими бедными недоумками мирное соглашение. Мы дадим им шанс.

— Вы возьмете это на себя?

— У меня есть и другие дела, Симус. Но моя жена сказала, что бросит меня, если я этого не сделаю. А ведь вы знаете, что я завожусь, когда меня беспокоят. Да, кстати, я вижу, вы завоевали ту славную девочку.

— Да если бы так. Думаю, что это она меня завоевала окончательно. Если ее послушать, я всего лишь жертва.

Потом поступило робкое приглашение на «небольшую вечеринку» в честь Кцара, который потребовал Самариту к себе в команду, как главного специалиста по аборигенам.

Своей жене Симус сказал:

— У меня совершенно нет времени пойти с вами. Тебе придется представлять меня.

— Мы пойдем вдвоем, Симус,— его лицо стало холодным и отчужденным, он боялся таких перемен в ней больше, чем нахмуренных бровей Кардины.

— Так и надо было говорить сразу.

Итак, Симус призвал все свое обаяние в сердечное рукопожатие и дружеское приветствие Сэмми и Эрни на пороге их дома, сгреб в объятия Карину, потрепал по волосам туземку, по-прежнему живущую в доме его друзей, под аккомпанимент счастливого пощелкивания.

Жена Кцара была единственной женщиной в их компании, которая не ждала ребенка. Зилонгцы, похоже, решили заводить детей, о которых так долго мечтали, немедленно.

Симус пел песни, снова рассказывал замечательные истории о своих фантастических приключениях и космических скитаниях. Прощение и восстановление прежних дружеских нежных отношений, безотчетных и пылких взаимных симпатий, оказалось таким простым и легким.

— Мы не осмеливаемся пригласить вас снова, Благородный Лорд,— сказала Сэмми, провожая его жену. — Ведь теперь вы очень заняты важными делами.

— Если я не буду иметь возможность видеть вас обоих хотя бы раз в месяц, то вынужден буду заточить обоих в монастыре, понятно?

— Ты был таким милым сегодня,— шепнула Мариетта ему на обратном пути к монастырю,— совсем как в ту ночь, когда я поняла, что люблю тебя.

— Думаю, что сегодня я был гораздо лучше, чем тогда.

— Надеюсь, ведь теперь ты женатый человек.

Все было очень хорошо, но всего было очень много! Приближалось Рождество, и Симус все чаще подумывал о том, чтобы забрать жену и ребенка и отправиться на Тару, как только появится такая возможность. Его утомленные мозги были истощены бесконечными, никогда не кончающимися кризисами.

Ведь я же поэт, разве не так? А не бесстрастный политикан.

В ночь перед Рождеством, как раз перед вечерней молитвой, он встретился с Кардиной. Он был в отвратительном настроении.

Усталый, взвинченный, он накинута на нее с обвинениями в том, что его втянули в занятия, к которым он не предрасположен, у него ничего не получается.

Он требовал освободить его не через год, а сейчас, немедленно.

— Ты слышишь меня, женщина? Я устал от твоих вечных планов, дурацких программ, призрачных трюков. Дай мне и моей жене старенький «Дев» и отпусти нас с этой проклятой планеты.

Она дала ему выговориться. А когда он замолчал, спокойно сказала:

— Как ты думаешь, почему мы послали тебя первым?

— Лапушка, вы послали меня сюда в качестве психической губки.

— Ох, Симус О'Нейл, неужели ты все такой же идиот?

Кажется, до него стало доходить.

— Ты хочешь сказать, что вы с самого начала решили сделать из меня политика? — земля уходила у него из-под ног.

— А разве ты думаешь, что были другие причины? И уж, конечно, не из-за твоего самоконтроля, — она улыбнулась примирительно.

— Ты хочешь сказать, что с самого начала вы задумали сделать меня королем этих мест? — злость гудела в нем, как вода в реке, вышедшей из берегов.

— Королем на один год!

— Это уже неважно.

— Ты думаешь, я могу взять на себя ответственность, и, не посоветовавшись с Советом Гарона, принять решение?

Она вертела на пальце рубиновое кольцо, которое носила в честь празднования Рождества.

— Я никуда не похужу, как политик, женщина, — теперь он почти жаловался. — Ты теряешь время. Я — посредственный поэт, и еще более посредственный мыслитель. Ты же сама говорила — невыносимый, неисправимый бабник.

— И несносный болтун, ведь это я тоже говорила? — ее брови насмешливо поползли вверх.

— Хорошо, хорошо, добавим и это! — он пнул ногой стену, такого он не позволял себе с детства.

— Все, что ты говоришь, прекрасно характеризует тебя именно как политика, Симус, — она пропустила мимо ушей его вспышку гнева. — Ну, будь же ты разумным, наконец. Ты великолепный профессиональный военный специалист, ты решителен, умеешь быстро соображать в трудной ситуации, правда, я надеюсь, что нам не придется часто воевать. Ты пишешь замечательную, если не сказать выдающуюся, поэзию. Ты

можешь завоевать их симпатию одной улыбкой. Вот что нужно этой планете.

— Все, что ты перечислила, я делаю плохо. Я не буду этим заниматься. И я не верю, что эти парни в большинстве своем видят меня в роли принца крови,— его гнев утих. Теперь он стыдился своей детской выходки.

— Ты заметил, что они часто жалуются на совершенные тобой ошибки, с тех пор, как они признали тебя Графом? — она благодушно улыбнулась и довольно скрестила руки на груди.

— Да, пока они не жалуются, Дейдра Фитцджеральд! Что верно, то верно. Даже намек на недовольство, ты знаешь об этом. Да, у меня это получилось... — Его голос задрожал, когда он осознал то, что только что произнес.

— Что и требовалось доказать,— это был ее триумф.

Теперь ему нужно было думать о вечерней службе и Рождественской Мессе. Сейчас уже было поздно. Пора было покидать ассамблею у Настоятельницы. Пэджин прижалась к нему и склонила голову на его плечо. Он пожелал Леди спокойной ночи и счастливого Рождества.

— Так ты согласен, Симус? — в ее голосе было больше тревоги, чем обычно.

— Дорогая! Ваше Высочество, благородная Месса — это первое, с чего начнется мой путь к концу,— он вздохнул, как истинный таранец.

— Да, Симус О'Нейл,— согласилась она.

— Будем надеяться, что удача не покинет нас.

— Бог его знает,— ее вздох был очень похож на его. И, как всегда, последнее слово осталось за ней.

Он вышел вместе с Пэджин в холодную, усыпанную звездами ночь.

— У тебя все хорошо, Джимми? — тревожно поинтересовалась она, прижимаясь к его руке.

— А почему у меня должно быть что-то плохо? — удивленно спросил он.

— Когда ты целый вечер так задумчив, значит, что-то тревожит тебя.

— Неужели мужчина не может спокойно поразмыслить над чем-нибудь, чтобы кто-нибудь из таранцев не поднял шума вокруг этого?

— О чем с тобой говорила Леди-Настоятельница?

— Ах, это длинная история,— он снова вздохнул.

— История, которую можно рассказать в ночь рождения нашего Спасителя,— она тоже вздохнула.

Черт возьми, она даже вздыхает, как Дейдра.

— О, Святые, помогите и спасите. Женщина становится религиозным фанатиком! — воскликнул он весело и обнял ее. — Да, думаю, эту историю можно рассказать, если женщина не разочаровалась в своем муже, который оказался самым глупым простаком во всей галактике.

— А что, если она уже давно догадалась об этом, но на все согласна?

Граф Гарона шутливо шлепнул свою спутницу по мягким местам.

Что же, скорее всего, Рождество окажется не таким уж и плохим.

Монастырский колокол вызванивал старинную кельтскую Рождественскую песню. И перед тем, как начать свою длинную историю, он спел эту, прославляющую рождение Христа, песню своей настоящей женщине.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЖЕЙМС БЛИШ. ЗАСЕЯННЫЕ ЗВЕЗДЫ	. . .	3
Книга первая. Программа «Семя»		4
Книга вторая. Люди «Чердака»		47
Книга третья. Поверхностное натяжение		76
Книга четвертая. Водораздел		136
АНДРЕ ГРИЛЕЙ. ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАНЕТА	. . .	145
Часть первая. Город		147
Часть вторая. Страна		246
Часть третья. Фестиваль		333

ЗАСЕЯННЫЕ ЗВЕЗДЫ

Сборник фантастических романов

**Редактор А. Лютиков
Технический редактор Ю. Жихарев
Литературный редактор Т. Филатова**

Сдано в набор 25.08.92. Подписано в печать 23.09.92. Формат 60×88 1/16.
Гарнитура «Тип таймс». Печать офсетная. Усл.печ.л. 24,00. Уч.-изд.л. 24,15.
Тираж 50500 экз. Заказ № 1943.

Объединение «Всесоюзный молодежный книжный центр». 101463, Москва, ГСП-4,
К-6, ул. Петровка, 26.

Набор произведен в Агентстве «СФИНКС СПб», 197022 Санкт-Петербург, Невский
пр., 176, а/я 875.

Отпечатано в типографии № 4 Министерства печати и информации Российской
Федерации. 129041, Москва, Б. Переяславская ул., 46.

